

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2025

№ 83

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сигэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviev A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Власова О.А. Антиномизм в междисциплинарном диалоге философии и психиатрии: от феноменологии к нейронаукам.....	5
Журавлева Е.Ю. Эпистемологические перспективы развития софтверизации современной научно-исследовательской деятельности.....	15

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Коротышева Н.Н. Эмпириокритический «реализм» и «жизненный мир» Э. Гуссерля	23
Курабцев В.Л. Очевидные нюансы «Большой страны» (на основе исследований Ф.М. Достоевского и А.С. Панарина)	32

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности.....	39
Лященко М.Н. Пессимистическая антропология протестантизма и фатальность одиночества как крушение человеческого бытия	49
Мальцев Я.В. Круги перманентной современности: краткая концептуализация понятия	59
Овчинников А.В., Аникин Д.А. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии.....	76
Петренко В.В. «Модная вещь» как персонаж объектно-ориентированной социальной онтологии: на пути к «другому» обществу потребления.....	88
Черникова И.В., Якунина И.В. Идентичность человека в условиях цифровой трансформации.....	103
Чеснокова Л.В. Публичное и приватное как «великая дихотомия» западного мира	114
Холоднова К.Н. «Смерть человека» во имя «Дома, который построил Джек»	121

СОЦИОЛОГИЯ

Дмитриева Е.В., Сопетина Д.Н. Мобильные технологии в повышении комплаентности в клинических исследованиях: социологический анализ.....	130
Кранзеева Е.А., Бурмакина А.Л., Брандт Я.А. Сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири: характеристика и взаимосвязи.....	140
Новиков И.А. Как сотрудники крупных российских компаний распределяют «бремя вовлечения» инвалидов: к постановке вопроса о связи управленческих практик и форм вовлечения.....	155
Соловьева С.В. Семья в трудной жизненной ситуации как объект государственной социальной политики.....	165
Lawal M.O., Iarskaia-Smirnova E.R. Spotighting the Trends in the Inclusive Education Research in Nigeria	181

ПОЛИТОЛОГИЯ

Вукович Н.А., Бирюкова О. В., Кривохижин О.Ю., Ольшанская И.Б. Лидеры ответственного ведения бизнеса современной России	193
Гостев К.В. Европейское измерение каталонского кризиса: суверенитет и право наций на самоопределение.....	208
Романова Т.А. Исчезновение Евросоюза с российской политической карты: опыт анализа официального Telegram-канала Представительства Российской Федерации в Брюсселе	221
Торопчин Г.В. Анализ ядерной пороговости: переменные и константы	233
Устинкин С.В., Гайкович Е.К. Трансформация гендерной стратегии ЕС	245

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Vlasova O.A. Antinomianism in the interdisciplinary dialogue of philosophy and psychiatry: From phenomenology to neurosciences.....	5
Zhuravleva E.Yu. Epistemological prospects in the development of softwarization of contemporary scientific research activities.....	15

HISTORY OF PHILOSOPHY

Korotysheva N.N. Empiriocritical “realism” and Edmund Husserl’s “lifeworld”.....	23
Kurabtsev V.L. The obvious nuances of the “Big Country” (based on the research by Fyodor Dostoevsky and Aleksandr Panarin).....	32

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Zakirova A.Zh. Ethnic stereotypes: Towards understanding the essence	39
Lyaschenko M.N. Pessimistic anthropology of Protestantism and the fatalism of solitude as the collapse of human existence	49
Maltsev Ya.V. Circles of permanent modernity: A brief conceptualization of the concept.....	59
Ovchinnikov A.V., Anikin D.A. “Cancel culture” and “corporate cancellation” in the discourse of social philosophy.....	76
Petrenko V.V. “Fashionable thing” as a character of object-oriented social ontology: On the way to a “different” consumer society.....	88
Chernikova I.V., Yakunina I.V. Human identity in the context of digital transformation.....	103
Chesnokova L.V. Public and private as the “great dichotomy” of the Western world	114
Holodnova K.N. “The Death of a Man” in the name of <i>The House That Jack Built</i>	121

SOCIOLOGY

Dmitrieva E.V., Sopotina D.N. Mobile technologies in increasing compliance in clinical trials: A sociological analysis	130
Kranzeeva E.A., Burmakina A.L., Brandt Ya.A. Network communities of resource-type regions of Siberia: Characteristics and relationships.....	140
Novikov I.A. How employees of large Russian companies distribute the “burden of involvement” of people with disabilities: Towards raising the question of the relationship between management practices and forms of involvement.....	155
Solovyeva S.V. A family in a difficult life situation as an object of state social policy	165
Lawal M.O., Iarskaia-Smirnova E.R. Spotlighting the trends in the inclusive education research in Nigeria.....	181

POLITICAL SCIENCE

Vukovich N.A., Biryukova O.V., Krivokhizhin O.Yu., Olshanskaya I.B. Which companies are the leaders of responsible business in Russia?	193
Gostev K.V. The Catalan crisis’ European dimension: Sovereignty and the right to self-determination.....	208
Romanova T.A. Disappearance of the European Union from Russia’s foreign policy map: An analysis of the official Telegram channel of the Russian Federation representation in Brussels.....	221
Toropchin G.V. Analysing nuclear latency: Variables and constants	233
Ustinkin S.V., Gaikovich E.K. Transformation of the EU gender strategy.....	245

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 159.9.01
doi: 10.17223/1998863X/83/1

АНТИНОМИЗМ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ДИАЛОГЕ ФИЛОСОФИИ И ПСИХИАТРИИ: ОТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ К НЕЙРОНАУКАМ

Ольга Александровна Власова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
o.a.vlasova@gmail.com*

Аннотация. Исследуется генезис антиномизма философии психиатрии в концептуализации установок, понятий, практик. Анализируются истоки антиномизма в философской интерпретации психического заболевания в XX в. Прослеживаются трансформации антиномизма от экзистенциально-феноменологической традиции в психиатрии до философии психиатрии. Вскрываются основания современных дискуссий о патологическом сознании на границе философии, психиатрии и нейронаук.

Ключевые слова: антиномизм, философия психиатрии, феноменология, экзистенциально-феноменологическая психиатрия, опыт

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01172 «Антиномизм и методологические основания философии психиатрии».

Для цитирования: Власова О.А. Антиномизм в междисциплинарном диалоге философии и психиатрии: от феноменологии к нейронаукам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 5–14. doi: 10.17223/1998863X/83/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

ANTINOMIANISM IN THE INTERDISCIPLINARY DIALOGUE OF PHILOSOPHY AND PSYCHIATRY: FROM PHENOMENOLOGY TO NEUROSCIENCES

Olga A. Vlasova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, o.a.vlasova@gmail.com

Abstract. The article discusses the genesis of antinomianism in the philosophy of psychiatry, analyzes its origins in the philosophical interpretation of mental illness in the 20th century. Antinomianism is the interpretation of methods, concepts, and practices through contradictory but equal categories that set different perspectives for interpretation. The study of antinomianism has a critical orientation, i.e. (implementing Kant's critical method) is

aimed at characterizing the foundations and specifics of the philosophy of psychiatry, the nature of its problematization, its boundaries. The article reveals not only the positive achievements of the philosophy of psychiatry, but also its problem points, its modern situation. The author traces the transformation of antinomianism from the existential-phenomenological tradition in psychiatry to the philosophy of psychiatry. It is emphasized that the history of the field is based on the opposition between traditional psychiatry and a person-centered philosophical approach, within which the research perspective changes from external (objective) to internal (subjective). Based on philosophical problematization and bringing concepts rather than functions to the center of its field, philosophical psychiatry designates the main problem points of the theory with antinomic concepts that capture the non-objectifiable field of experience of a mentally ill person. Existential-phenomenological psychiatry replaces biological (anatomical) theory with phenomenological ontology, and anti-psychiatry develops a social theory (social ontology), on the basis of which it develops deinstitutional practice. The author analyses the antinomianism of the first studies of the philosophy of psychiatry as a problem field and scientific branch, the attempts to overcome it, coupled with the removal of antinomianism in neurophenomenology. The new model of consciousness develops a dialectical philosophical interpretation of mental illness, where the experience of consciousness is consistently explored simultaneously in the causal analysis of neuroscience and the structural analysis of phenomenology. This leads to the construction of a complex (philosophical and neurophysiological) theory of pathological experience. In the study of antinomianism as a platform for the philosophy of psychiatry, the article lays the basis for fundamental and applied studies of its problem field.

Keywords: antinomianism, philosophy of psychiatry, phenomenology, existential-phenomenological psychiatry, experience

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01172.

For citation: Vlasova, O.A. (2025) Antinomianism in the interdisciplinary dialogue of philosophy and psychiatry: from phenomenology to neurosciences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/1

Философия психиатрии – молодая отрасль философии науки, стремительно развивающаяся начиная с 1990-х гг. Она сформировалась в результате диалога философии и психиатрии на основании обобщения опыта развития философских теорий психиатрии и практик деинституционализации (экзистенциально-феноменологической психиатрии, антипсихиатрии и проч.), в основе которых – противопоставление традиционной психиатрии и человекоцентрированного философского подхода. Философия психиатрии делает это противопоставление основой проблематизации.

Антиномизм одновременно определяет методологические истоки философии психиатрии и выражается в современных проблемных дискуссиях, стратегия его преодоления определяют облик философии психиатрии и этики психиатрии будущего. Он проступает в свойственной философии психиатрии интерпретации методов, понятий, практик через противоречащие друг другу, но равноправные категории, которые задают разные исследовательские перспективы. Поэтому путь изучения антиномизма здесь есть (следуя методу Канта) путь критики, т.е. путь прояснения оснований и специфики, характера проблематизации и границ.

Настоящая статья – попытка посмотреть на генезис антиномизма в философско-клинических направлениях, в их концептуализации основных установок, понятий, практик, а также попытка вскрыть основания современных дискуссий о патологическом сознании, которые помещают философию пси-

хиатрии (в лице нейрофеноменологии) в пул наиболее востребованных междисциплинарных отраслей. Работа поэтому связывает доотраслевое прошлое философии психиатрии с ее самым актуальным настоящим.

Основания и следствия антиномизма

Основание коллизий истории философии психиатрии – двойственный статус психиатрии как науки, а также кризис ее методов и практик в XX в., во времена между двумя «биологическими волнами». Более века назад Карл Ясперс, движимый поиском единых методологических оснований психиатрии, указывает важность осознания того, что она, прежде всего, есть наука о человеке: «Наша тема – человек в целом как больной, если этот больной страдает психической болезнью или болезнью, обусловленной причинами психического свойства» [1. С. 30]. Будучи медицинской специальностью и медицинской практикой, психиатрия должна основываться на синдромальной сетке, оперировать языком диагноза, классифицировать, чтобы лечить. Однако то больное сознание, которое она стремится исцелить, вносит раздробленность в ее теории, делает неуспешными методы и ставит вопрос об эффективности медикаментозной терапии. Эта антиномичность в самом исходном выборе психиатрии порождает развитие психотерапии, где человек, а не болезнь с ее симптомами и синдромами выходит на первый план.

В основание нового подхода философская психиатрия ставит философскую концептуализацию болезни. В чем ее специфика? Ж. Делез и Ф. Гваттари определяют философию как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [2. С. 10] и называют в качестве признаков концептуализации имманентность, множественность, автореферентность, событийность, обладание становлением, противостояние функтивам. Все эти черты отмечают понятийный ряд философских направлений психиатрии.

Антиномизм понятий является следствием противопоставления философских концептов функтивам и выбора иной перспективы описания. Если синдромальная сетка построена по внешним по отношению к болезни и человеку принципам классификации и в своей основе содержит наименование разрушенных психических функций (функтивные определения), то концепты философии схватывают реальность болезни изнутри, в имманентной (внутренней) перспективе. «В психиатрии за симптомом, и даже больше, за синдромом, нам предстает совершенно целостная живая личность...» [3. Р. 208], – подчеркивает Эжен Минковский. Концепты выводят не сеть разрушенных функций, а историю (в становлении) страдающего человека, в своей автореферентности описывают непосредственное поле опыта больного. Эти концепты являются узлами философской проблематизации, где в центре нерешаемая, фундаментальная проблема опыта, бытия человека, в ее многооставности, а не диагноз и нарушение.

Каждая из попыток разработки философской концептуализации и «срединной» методологической стратегии в психиатрии включает констатацию необходимости выработки иной установки, иного взгляда на человека и развития описательного, понимающего, а не объективирующего и оценивающего подхода. Иной подход влечет разработку новой концептуальной сетки,

предстоящей в антиномичных понятиях и проблемах: нормы и патологии, тела и телесности, реального мира и субъективного опыта сознания, Я и других, человека и общества, смысла и симптома, модуса опыта и синдрома, автономии и власти, системы и динамизма. Более того, это поле психических проблем требует практики, которая оказывается столь же антиномичной в своих основаниях: она постулирует человекоцентрированность взамен унификации, необходимость динамики личностного роста взамен достижению исцеления, она развивается как терапия проблем взамен терапии решений.

Обозначенный антиномизм установок и подходов, проблем и понятий, практики делает поле философии психиатрии живым междисциплинарным полем дискуссий, одним из самых интересных меж-, транс-, поли-дисциплинарных пространств современности. Эта новейшая отрасль становится той, где каждый найдет себе место и голос каждого будет услышан, получит реакцию.

Философия и психиатрия: антиномичность отношений

Философские направления психиатрии в XX в. начинаются с антиномичного выбора идентичности (быть или не быть ориентированными на человека), внутренняя исходная установка на человека (психологическая, антропологическая, экзистенциальная) и его опыт – основание антиномизма поля философии психиатрии. И первым действительно философским направлением становится экзистенциально-феноменологическая психиатрия в своих феноменологической и экзистенциальной (Dasein-аналитической) версиях. Проект феноменологической психиатрии обращает внимание на опыт сознания страдающего человека и его основные измерения, экзистенциальный анализ говорит о существовании (Dasein), и в единой экзистенциально-феноменологической традиции психиатрии значимым становится опыт, миропроjekt, связь человека с миром во всем многообразии его составляющих.

Новый предмет вызревает в новых установках на индивидуальное, нетипичное, субъективное, динамическое, и эта переориентация, что закономерно, не может развиваться в рамках строгой медицинской, естественнонаучной методологии. Понимание, описание, диалог становятся антиномиями диагностики, объяснения и лечения в экзистенциально-феноменологической традиции. Именно они позволяют не «оценивать» по внешним критериям, а дать человеку явить себя как такового: «Мы должны быть в состоянии воздержаться от толкования человека в рамках каких бы то ни было предвзятых и пагубных априорных категорий... Мы должны выбрать такой подход, который позволяет нам остаться открытыми настолько, насколько это возможно, и слушать, как человек является в своей непосредственной данности» [4. Р. 32], – описывает эту методологическую задачу Медард Босс.

Изменение предмета и разработка новых методов позволяют экзистенциально-феноменологической психиатрии сформулировать новую теорию, проблемное поле которой определяется понятиями внутреннего опыта, телесности, темпоральности и пространственности, диалога с другими и интенциональной связи с миром. Многие из используемых понятий становятся двойниками используемых ранее: тела, времени и пространства, системности и проч.

Намеренный уход от объективности объяснения к описанию способствовал конкретной ориентации и для прояснения симптомов требовал еще одного уровня интерпретации. Так в экзистенциально-феноменологической психиатрии появилась методологическая пара «антропология (онтика) – онтология»: положения философской онтологии конкретизировались применительно к анализу конкретных конфигураций человеческого опыта в норме и патологии. Где-то «между», в метаонтическом пространстве стала разворачиваться философская интерпретация и концептуализация [5. С. 560–567], основанная у многих экзистенциально-феноменологических психиатров на идее внутренней структуры (Э. Минковский), априори (Л. Бинсвангер) психической жизни [6].

Антиномичную направленность представила и практика экзистенциально-феноменологической психиатрии. Если для психиатрии основной целью было исцеление или хотя бы купирование симптомов, философская традиция предлагает ей взамен цель роста и развития. Это теперь не унифицированная «сомато» терапия, но индивидуально ориентированная психотерапия [7, 8]. Это не терапия решений, а терапия постоянного культивирования проблемного поля, философски ориентированная работа над собой.

Антипсихиатрия, которая продолжает экзистенциально-феноменологическую традицию, добавляет к пласту методологического и антропологического антиномизма социальный антиномизм. «Индивид» и «группа», «автономия» и «власть» – эти антиномии становятся не только понятиями для фиксации социальной ситуации психического заболевания, но и понятиями, описывающими его предпосылки [9]. Для антипсихиатрии в этом плане характерен крайний радикализм и отсутствие переходных точек. Намеренная цель радикализации не способствует снятию антиномичной направленности теории, а только усиливает ее, что приводит к структурированию антиномичной социальной практики. Проекты деинституционализации антипсихиатрии как раз и есть попытка продемонстрировать принципиально иные психиатрические институты, разрушить их основания, показать, что может быть совершенно иначе [10]. Поэтому неудивительно, что крайняя радикализация проекта приводит к усилению антиномизма, к излишнему противостоянию и маргинализации течения.

После почти двадцатилетнего затишья, накопив опыт позитивного синкретизма (как в экзистенциально-феноменологической психиатрии) и крайней радикализации (как в антипсихиатрии), поле философии и психиатрии делает попытку снятия антиномичных противоречий. Появляется философия психиатрии как междисциплинарная отрасль. Что примечательно, в первые годы своего развития, в первых работах породивший ее антиномизм заметно акцентируется. В начале сближения философия и психиатрия не сливаются воедино, оставляя место союзу «и». Мы видим это в названиях первых сборников по проблемам отрасли («Философия, психология и психиатрия» [11], «Философия и психиатрия» [12] и проч.), серий книг («Международные перспективы в философии и психиатрии»), в названиях ассоциаций и сообществ (например, *The Association for the Advancement of Philosophy and Psychiatry, AAPP*). Это заметно также в основных дискуссиях о подходе (описательный/объяснительный), классификации (реализм/номинализм), этике (универсальность/вариативность) в психиатрии [13].

До сих пор осознание невозможности единого и непротиворечивого поля, какого-то единого основания или традиции всячески акцентируется лидерами этой отрасли. Так, Билл Фулфорд в одном из редакторских введений, обозревая историю философии психиатрии как новой отрасли, признает, что «одна из очень значимых функций философии в психиатрии, принимая во внимание уязвимость фундаментализма, состоит в том, чтобы противостоять спешному и необоснованно быстрому разрешению сложных проблем, которые лежат в основании нашей столь противоречивой области» [14. Р. xxxiii]. Выходит, что философия психиатрии постепенно расширяет поле, однако, часто намеренно, не уходит от антиномичной проблематики и установок.

Настоящее: нейрофеноменология и попытки снятия противоречия

Первые годы существования философия психиатрии идет по пути своего развития как философии науки: она говорит о некоей единой области рефлексии философских проблем психиатрии, об эпистемологии, методологии. Однако в 1995–2000 гг., на волне развития нейронаук, она обретает новый импульс. Появляются нейрофизиологические теории патологического сознания (нейропсихиатрия), а затем юбилей «Общей психопатологии» Ясперса [15, 16] заставляет психиатров обратиться к прошлому. Так формируется «нейрофеноменология», в которой психиатрия и философия, кажется, обретают общее непротиворечивое поле.

Исходный конфликт идентификации, заставляющий философскую психопатологию делать выбор в пользу человека (субъективного), а не в пользу болезни (объективного), в нейрофеноменологии снимается благодаря новой парадигме интерпретации и тому, что мы теперь акцентированно говорим о сознании. В 1997 г. редакторы специального выпуска известнейшего журнала «Biological Psychiatry» подчеркивают: «Нейронаука совершенно очевидно показала, что „сознание“ есть продукт „мозга“...» [17]. Сознание – теперь предмет физиологической психиатрии и феноменологии, и между ними теперь не противоречие, а нерушимая связь.

Основным полем исследования при этом, как и ранее в философской психиатрии, становится опыт, в его пре-рациональных формах. Психиатрия соглашается говорить о дорефлексивном опыте сознания [18], т.е. о том, что ранее было фундаментальным достижением экзистенциально-феноменологической психиатрии. Феноменологические описания оказываются чрезвычайно востребованы современной наукой о сознании.

Дорефлексивный опыт концептуализируется как базовые структуры сознания в терминах, которые ранее были исключительно философскими категориями: «самосознание, воплощение, пространственность, темпоральность, интенциональность и интересубъективность». Описание опыта как рассказ от первого лица выступает мостом к исследованию стоящих за опытом конститутивных процессов, механизмов синтеза целостного опыта и целостной жизни субъекта, оно связывает «уровень молекулярных дисфункций» (и отсылает к нейрофизиологии) и уровень нозологических синдромов (специфических для психиатрии). В локусе общего интереса нейрофизиологов, психиатров и философов при этом оказываются операции синтеза «я» и конституирования целостной психической жизни; как подчеркивает Томас

Фукс, «...феноменологический подход конституирует промежуточный уровень...» [19. Р. 547–548].

Подобный синтез феноменологии и нейронаук выводит новую концепцию сознания и человека, которую в ряде своих работ Франциско Варела называет «воплощенной когнитивной наукой» [20], которая акцентирует непрерывное взаимодействие мозга и мира [21]. Т. Фукс описывает подобную перспективу как «„системный“ и „процессуальный“ взгляд на психическую жизнь» [22. Р. 320], в перспективе которого психическое заболевание – больше не синдром и не нарушение функций, но постоянно изменяющееся состояние, трансформированное взаимодействие организма и среды, «я» и других. Центральными для дискуссий, как и ожидаемо, становятся темы интенциональности, воплощенной телесности, темпоральности как динамичной связности опыта, метаперспективы в межличностных отношениях. Это именно те динамические понятия, которые экзистенциально-феноменологические психиатры и антипсихиатры противопоставляли понятиям объективистской психиатрии. И во всех привлекающих их работах подчеркивается, что болезнь, как показывают новые данные нейронаук, есть следствие сложной организации человеческого функционирования, его системности, непродуктивных структурных трансформаций.

В рамках новой модели сознания становится возможной диалектическая по своей направленности философская интерпретация психического заболевания, где сознание связано двунаправленными связями со средой, «я» и «другие» есть необходимые полюса сознания, объединенного единым горизонтом интенциональности в динамичном темпоральном горизонте. Здесь становится возможной не полярная, антиномичная интерпретация с опорой на противостояние и исходный выбор противоположности, а диалектическая, двунаправленная интерпретация с возможностью объединения противоположных перспектив в едином горизонте опыта сознания. Когда-то представители экзистенциально-феноменологической традиции мыслили такую цель предельной целью подлинной философской (онтологически, фундаментально укорененной) психиатрии.

Проведенный анализ отчетливо показывает траекторию развития философии психиатрии, начиная от акцентированного антиномичного выбора к снятию антиномизма. Зародившись как антитеза классической психиатрии, философская психиатрия (в ее основных направлениях) постулирует в качестве своего предмета субъективный опыт человека и разрабатывает методологию его исследования (феноменологию и понимающую психологию). Основываясь на философской проблематизации и выводя в центр своего поля концепты, а не функтивы, она размечает основные проблемные точки собственной теории антиномичными понятиями, фиксирующими необъективируемое пространство опыта психически больного человека. Экзистенциально-феноменологическая психиатрия ставит на место биологической (анатомической) теории феноменологическую онтологию, а антипсихиатрия разрабатывает социальную теорию (социальную онтологию), на основании которой развивает деинституциональную практику. Антиномичная направленность этих философских движений способствует их маргинальному статусу, который сохраняется вплоть до оформления философии психиатрии как отдельной отрасли философии и философии науки. Попытки его преодо-

ния, сопряженные с попытками снятия антиномизма, предпринимаются только в последние двадцать пять лет в рамках развития нейрофеноменологии, междисциплинарного направления в котором опыт сознания непротиворечиво исследуется одновременно в причинно-следственном анализе нейронаук и структурном анализе феноменологии. Именно это ведет к построению сложной (одновременно философской и нейрофизиологической) многоаспектной теории патологического опыта.

Список источников

1. Ясперс К. Общая психопатология / пер. с нем. Л.О. Акопяна. М. : Практика, 1997. 1056 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. С.Н. Зенкина. СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.
3. Minkowski E. Le temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques. Paris : d'Artrey, 1933. 402 p.
4. Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis. New York ; London : Basic Books, 1963. 295 p.
5. Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М. : Территория будущего, 2010. 640 с.
6. Бассо Э. От проблемы природы психоза к феноменологической реформе психиатрии. Исторические и эпистемологические замечания о психиатрическом проекте Людвига Бинсвангера / пер. О.А. Цветковой // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. Vol. 47, № 4. P. 647–669.
7. Спинелли Э. Экзистенциальная терапия. Создание мира отношений / пер. И. Глуховой. Вильнюс : Ин-т гуманистической и экзистенциальной психотерапии, 2022. 364 с.
8. Дорцен Э. ван. Повседневные тайны. Экзистенциальные измерения психотерапии / пер. И. Глуховой. М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2019. 446 с.
9. Власова О. Рональд Лэйнг: между философией и психиатрией. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 464 с.
10. Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014. 432 с.
11. *Philosophy, psychology and psychiatry* / ed. A.P. Griffiths. Cambridge : Cambridge University Press., 1996. 243 p.
12. Schramme Th., Thome J. (Eds.) *Philosophy and psychiatry*. Berlin ; New York : De Gruyter, 2004. 391 p.
13. Власова О.А. Философия психиатрии: четверть века дискуссий // Неврологический вестник. 2020. Т. LII, № 2. С. 12–19.
14. Fulford K.W.M. Introduction: Particular psychopathologies – lessons from Karl Jaspers' General Psychopathology for the new philosophy of psychiatry // *Philosophy, psychology and psychiatry* / ed. A.P. Griffiths. Cambridge : Cambridge University Press. 1996. P. xxix–xxxix.
15. One century of Karl Jaspers' general psychopathology / eds. G. Stanghellini, Th. Fuchs. Oxford : Oxford University Press, 2013. 304 p.
16. Karl Jaspers' philosophy and psychopathology / eds. Th. Fuchs, Th. Breyer, Ch. Mundt. New York : Springer, 2014. 150 p.
17. Marazziti D., Cassano G.B. Neuroscience: Where is it heading? Some reflections on the future of brain research at the end of the second millenium // *Biological Psychiatry*. 1997. Vol. 41, № 2. P. 127–129.
18. Mishara A., Schwartz M.A. Psychopathology in the light of emergent trends in the philosophy of consciousness, neuropsychiatry and phenomenology // *Current Opinion in Psychiatry*. 1997. Vol. 10, № 5. P. 383–389.
19. Fuchs Th. Phenomenology and Psychopathology // *Handbook of Phenomenology and Cognitive Science* / eds. D. Schmicking, S. Gallagher. Dordrecht ; Ney York ; Heidelberg ; London : Springer, 2010. P. 547–573.
20. Varela F.J. Neurophenomenology. A methodological remedy for the hard problem // *Journal of Consciousness Studies*. 1996. Vol. 3, № 4. P. 330–349.
21. Zahavi D., Parnas J. Phenomenal consciousness and self-awareness: A phenomenological critique of representational theory // *Journal of Consciousness Studies*. 1998. Vol. 5, № 5–6. P. 687–705.

22. Fuchs Th. The Challenge of Neuroscience: Psychiatry and Phenomenology Today // *Psychopathology*. 2002. Vol. 35, № 6. P. 319–326.

References

1. Jaspers, K. (1997) *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L.O. Akopyan. Moscow: Practice.
2. Deleuze, J., & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French by S.N. Zenkin. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Minkowski, E. (1933) *Le temps vécu. Études phénoménologiques et psychopathologiques*. Paris: d'Artrey.
4. Boss, M. (1963) *Psychoanalysis and Daseinsanalysis*. New York; London: Basic Books.
5. Vlasova, O. (2010) *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ekzistentsial'nyy analiz: istoriya, mysliteli, problemy* [Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problems]. Moscow: Territoriya budushchego.
6. Basso, E. (2022) Ot problemy prirody psikhoza k fenomenologicheskoy reforme psikiatrii. Istoricheskie i epistemologicheskie zamechaniya o psikiatricheskom proekte Lyudviga Binsvanger [From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project]. Translated from Italian by O.A. Tzvetkova. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 47(4). pp. 647–669.
7. Spinelli, E. (2022) *Ekzistentsial'naya terapiya. Sozdanie mira otnosheniy* [Existential Therapy. The Relational World]. Translated from English by I. Glukhova. Vilnius: Institute of Humanistic and Existential Psychotherapy.
8. Doerzen, E. van. (2019) *Povsednevnye tayny. Ekzistentsial'nye izmereniya psikhoterapii* [Everyday Mysteries. Existential Dimensions of Psychotherapy]. Translated by I. Glukhova. Moscow: Institute of General Humanitarian Research.
9. Vlasova, O. (2012) *Ronal'd Leyng: mezhdru filosofiy i psikiatriey* [Ronald Laing: Between Philosophy and Psychiatry]. Moscow: Gaidar Institute.
10. Vlasova, O.A. (2014) *Antipsikiatriya: sotsial'naya teoriya i sotsial'naya praktika* [Antipsychiatry: Social Theory and Social Practice]. Moscow: HSE.
11. Griffiths, A.P. (ed.) (1996) *Philosophy, Psychology and Psychiatry*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Schramme, Th. & Thome, J. (eds) (2004) *Philosophy and Psychiatry*. Berlin, New York: De Gruyter.
13. Vlasova, O.A. (2020) Philosophy of psychiatry: quarter of a century in discussions. *Neurology Bulletin*. LII(2). pp. 12–19.
14. Fulford, K.W.M. (1996) Introduction: Particular psychopathologies – lessons from Karl Jaspers' General Psychopathology for the new philosophy of psychiatry. In: Griffiths, A.P. (ed.) *Philosophy, Psychology and Psychiatry*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. xxix–xxxix.
15. Stanghellini, G. & Fuchs, Th. (eds) (2013) *One century of Karl Jaspers' general psychopathology*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.
16. Fuchs, Th., Breyer, Th. & Mundt, Ch. (eds) (2014) *Karl Jaspers' Philosophy and Psychopathology*. New York: Springer.
17. Marazziti, D. & Cassano, G.B. (1997) Neuroscience: Where is it heading? Some reflections on the future of brain research at the end of the second millenium. *Biological Psychiatry*. 41(2). pp. 127–129.
18. Mishara, A. & Schwartz, M.A. (1997) Psychopathology in the light of emergent trends in the philosophy of consciousness, neuropsychiatry and phenomenology. *Current Opinion in Psychiatry*. 10(5). pp. 383–389.
19. Fuchs, Th. (2010) Phenomenology and Psychopathology. In: Schmicking, D. & Gallagher, S. (eds) *Handbook of Phenomenology and Cognitive Science*. Dordrecht, New York; Heidelberg; London: Springer. pp. 547–573.
20. Varela, F.J. (1996) Neurophenomenology. A methodological remedy for the hard problem. *Journal of Consciousness Studies*. 3(4). pp. 330–349.
21. Zahavi, D. & Parnas, J. (1998) Phenomenal consciousness and self-awareness: A phenomenological critique of representational theory. *Journal of Consciousness Studies*. 5(5–6). pp. 687–705.
22. Fuchs, Th. (2002) The Challenge of Neuroscience: Psychiatry and Phenomenology Today. *Psychopathology*. 35(6). pp. 319–326.

Сведения об авторе:

Власова О.А. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vlasova O.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.05.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 30.05.2024;
approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 001.11

doi: 10.17223/1998863X/83/2

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОФТВЕРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Юрьевна Журавлева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Вологда, Россия, zhuravleva-ey@ranepa.ru*

Аннотация. В развитии исследований, движимых научно-исследовательским программным обеспечением за последние десятилетия было многое достигнуто и есть убедительные примеры доказывающие, что компьютерные программы создают явные вклады в научное знание, которые весьма сложно оценить. Целью статьи является определение эпистемологических перспектив для изучения эпистемического статуса программного обеспечения в научном процессе с точки зрения стадий его развития в качестве когнитивной сущности, интеллектуального и эпистемического агента.

Ключевые слова: софтверизация научно-исследовательской деятельности, когнитивная сущность, интеллектуальный агент, программное обеспечение на основе технологий «искусственного интеллекта», эпистемический агент, «другой интеллект»

Для цитирования: Журавлева Е.Ю. Эпистемологические перспективы развития софтверизации современной научно-исследовательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 15–22. doi: 10.17223/1998863X/83/2

Original article

EPISTEMOLOGICAL PROSPECTS IN THE DEVELOPMENT OF SOFTWAREZATION OF CONTEMPORARY SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES

Elena Yu. Zhuravleva

*Russian Academy of National Economy and Public Administration, Vologda,
Russian Federation, zhuravleva-ey@ranepa.ru*

Abstract. Currently, software is becoming an important tool (agent) for obtaining and systematizing knowledge in many disciplines (physics, astronomy, bioinformatics, chemoinformatics, ecoinformatics, mathematics, epidemiology, social and human sciences) and industries (pharmacological, biotechnical, chemical and agricultural); it also often serves as a representation of knowledge. The active use of software is becoming an important component of modern research practices leading to their significant socio-technological transformation, which is called the softwarezation of scientific research activities. Over time, it becomes the ethos of science and, in this status, strives to expand its further influence on various disciplines and industries. The essence of the softwarezation of scientific research activities lies in the assumption that scientific knowledge can be generated not only through the work of human thinking, but also during the functioning of software, which gives rise to many thoughts about its role in the scientific process. To identify epistemological prospects for studying the role of software in the scientific process, the article examines the

development stages of the softwarization of scientific research activities as a cognitive entity, an intellectual and epistemic agent. So, the epistemological prospects for software development in contemporary scientific research activities lie in several trajectories for research: (1) in studying the increase in the epistemic status of scientific software from a “tool” to a “cognitive entity”, from an “intelligent agent” to an “epistemic agent”; (2) in clarifying the definitions of the concept “alien intelligence” in the context of contemporary research activities softwarization, new types of knowledge and criteria of truth for research results using software; (3) in studying the emergence of hybrid and new, non-human (non-anthropocentric or, in particular, machine-oriented) modes of research and the emergence of the contours of the fifth paradigm for the development of scientific methods.

Keywords: softwarization of scientific research activities, cognitive essence, intelligent agent, software based on artificial intelligence technology, epistemic agent, alien intelligence

For citation: Zhuravleva, E.Yu. (2025) Epistemological prospects in the development of softwarization of contemporary scientific research activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 15–22. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/2

В настоящее время программное обеспечение (ПО) становится не только важным инструментом (агентом) для получения и систематизации знания во многих дисциплинах, а также в индустриях¹, но и часто само служит представлением знания. Активное применение ПО является важной составляющей современных научно-исследовательских практик, что вызывает их значительную социотехнологическую трансформацию, которая называется софтверизацией научно-исследовательской деятельности. С течением времени она становится этосом науки и в этом статусе стремится расширить свое дальнейшее влияние на различные дисциплины и индустрии. Сущность софтверизации научно-исследовательской деятельности заключается в предположении о том, что научное знание может быть сгенерировано не только посредством работы мышления (сознания) человека, но и при функционировании ПО, что порождает множество размышлений по поводу его роли в научном процессе. Для выявления эпистемологических перспектив изучения эпистемического статуса программного обеспечения в научном процессе в статье рассматриваются стадии развития софтверизации научно-исследовательской деятельности в качестве когнитивной сущности, интеллектуального и эпистемического агента.

Первая стадия развития научного ПО в качестве когнитивной сущности (когнитивной добавки, когнитивного артефакта, основы для функционирования распределенных когнитивных процессов и умного инструмента) началась в 1941 г.² и продолжается до настоящего времени. Применение ПО в качестве когнитивной сущности помогает его пользователю преодолеть свои когнитивные искажения и ограничения (к примеру, проблему информационного горизонта, информационные пробелы, фенотипичные неточности [1. Р. 41]).

ПО изначально разрабатывалось как своеобразная добавка к когнитивным процессам его пользователя, содержащая в себе предписанные экспертизой возможные действия в особом «контексте потребления». В результате

¹ В современности ПО широко применяется учеными не только в физике, астрономии, биоинформатике, хемоинформатике, экоинформатике, математике, эпидемиологии, социальных и гуманитарных науках, но и в фармакологической, биотехнической, химической и агрокультурной индустриях.

² Первая программа, хранящаяся в памяти компьютера, была запущена 21 июня 1941 г. Подробнее: Time-Life Books. Язык компьютера = Computer Languages. М. : Мир, 1989. Т. 2. 240 с.

подобного потребления пользователь ПО мгновенно приобретает дополнительное «когнитивное» – память и экспертизу¹. Перечисление когнитивных задач, которые могут быть решены пользователем совместно с ПО, включает: калькуляцию, решение математических задач, увеличение памяти, визуализацию научных данных и информации, навигацию в пространстве, принятие решений с рассуждением, планирование и напоминание о событиях.

П. Брей отмечает, что среди множества когнитивных артефактов компьютерные системы являются уникальными, так как они часто выходят за пределы роли инструмента, используемого человеком: компьютерные системы способствуют автономному выполнению когнитивных задач, и в этом смысле они являются особенными, потому что осуществляют активные манипуляции представлениями. Эта потенциальная возможность является причиной, благодаря которой компьютерные системы можно представить как многосторонние и мощные когнитивные артефакты, которые могут поддерживать или исполнить почти любую когнитивную задачу. В этом смысле компьютерная система функционирует как усилитель человеческого сознания или как гибридная когнитивная система (человек и продукт, созданный человеком), в которой две информационные системы объединяются для исполнения когнитивных задач [2. Р. 392].

По мнению Н.К. Хейлис, ПО может быть основой для функционирования когнитивных процессов, которые осуществляются невероятно быстро для порога человеческого осознания в экосистемах сетевой структуры (например, автоматический трейдинг или умная лаборатория). В них технические устройства постоянно «осознают», а также «интерпретируют», и эти полученные «интерпретации» пересекаются с весьма важными осознанными/неосознанными интерпретациями людей².

В настоящее время ПО на основе технологий «искусственного интеллекта» (ИИ) предоставляет возможность развития умных инструментов, которые осуществляют когнитивные функции (например, такие как решение проблем или сентиментальный анализ текста). Но при применении ПО в качестве инструмента важно осознавать, что в любом инструменте – умном, когнитивном, вычислительном или статистическом – есть встроенные скрытые ограничения того, что возможно выполнить при его помощи, а что нет.

Вторая стадия развития научного ПО в качестве интеллектуального агента начинается с 1956 г.³ и длится по настоящее время. Отличие этой стадии от остальных в том, что в ней ПО совместно с исследователем (-ями) является производителем научного знания. Перечисление интеллектуальных задач, которые могут быть решены совместно с ПО на основе технологий ИИ, включает: супервычисления, моделирование процессов и явлений, обработку больших данных, распознавание образов, рекомендации, интеллектуальную поддержку системы принятия решений, обработку естественного языка, рас-

¹ Подробнее: *Berry D.M. Exhaustive Media*. URL: <http://stunlaw.blogspot.ru/2013/02/exhaustive-media.html> (accessed: 19.09.2022).

² Подробнее: *Hayles N.K. Cognition everywhere: the rise of the cognitive nonconscious and the costs of consciousness* // *New Literary History*. 2014. Vol. 45, № 2. P. 199–220; *Hayles N.K. The cognitive non-conscious: enlarging the mind of the humanities* // *Critical Inquiry*. 2016. Vol. 42, № 4. P. 783–808.

³ Дартмутский семинар – двухмесячный научный семинар по вопросам ИИ, проведенный летом 1956 г. в Дартмутском колледже, который определил программу исследований ИИ на десятилетия вперед.

познавание и синтез речи. М. Бун в свою очередь предлагает временную категоризацию эпистемических задач, решаемых с помощью совместной работы людей и ПО на основе технологий ИИ, которые состоят из математических задач, интерпретации, диагностирования, структурирования, обнаружения, вычисления и интеграции [3. Р. 48–49].

Эпистемический режим, проявляющийся при совместной работе ученого с ПО на основе технологий ИИ, Х. Китано называет гибридным, а его особенностью является то, что в нем основное внимание уделено рассмотрению менее ценностных доменов с точки зрения ученого, что может привести к получению значительных научных результатов. ПО на основе технологий ИИ в разведывательном стиле может обнаружить потенциально многообещающие директории во всех областях без исключения, пока попытки человека, напротив, являются подтверждающими и нацелены на избавление от тех областей исследования, которые, по его мнению, бесперспективны. В контексте поиска важно то, что ученый, применяющий ПО на основе технологий ИИ, совмещают две роли: «специалиста по решению проблем» и «изыскателя», который дерзко изыскивает гипотезы в областях, где никаких научных поисков до этого не осуществлялось. В этом случае происходит исчерпывающая все возможное множество генерация и верификация гипотез, выгодно отличающая гибридный режим от традиционных подходов [4. Р. 29].

К. Хинсен замечает, что еще не всеми учеными осознано то, что современное научное ПО содержит научное знание, которое сложно проверить [5]. Так как значительная часть цифрового научного знания существует только в форме ПО, то осознание и понимание этого факта возможно приведут к глубоким изменениям в эпистемологии. Это положение истинно в отношении сложных научных моделей, для которых кроме ПО нет подходящей формы представления¹, а их эпистемический статус до настоящего времени не определен [6].

Ф. Ли и его коллеги определяют интеллектуального агента как систему знаний со своей структурой и функциями, содержащуюся в ПО на основе технологий ИИ, также известную как машинное знание². По их мнению, в настоящее время интеллектуальные агенты встраиваются в объективное существование мира, так как могут предсказывать, выражать мнения и эмоции, а также активно регулировать свое поведение, адаптируясь к переменам в среде [7. Р. 218].

Следующей генерацией ПО на основе технологий ИИ является ПО на основе технологий «искусственного интеллекта 2.0», которое Д. Пэн определяет как открытое сложнообъяснимое ПО на основе технологий ИИ, интегрирующее два подхода: первый – движимыми данными различных модальностей (например, визуальными, звуковыми, текстовыми) (снизу вверх), а второй – движимыми знаниями (сверху вниз). В ПО на основе технологий «искусственного интеллекта 2.0» реализуется модель гибридно-расширенного интеллекта, созданного для сотрудничества человека с маши-

¹ Ученые представляют результаты исследований в виде научных статей, но эти статьи содержат только описания ПО или очертания этих моделей. Например, ПО «Совместная модель Земной системы» (CESM1) для климатических исследований или ПО для моделирования белков в биоинформатике (AMBER или CHARMM)

² Машинное знание иногда называют темным, но это обозначение не точное, так как под темным знанием понимают и эзотерическое знание, знание серой зоны Интернета и т.п.

ной высокого уровня, которая в идеале стремится к созданию коллективного интеллекта и автономных интеллектуальных систем [8. С. 411].

Третья стадия эволюции научного ПО начинается с его применения в качестве эпистемического агента с 2020 г. (первые продуктивные исследования с применением эмуляторов глубокого обучения). П. Брей предполагает, что первичные отношения между людьми и компьютерными системами посредством ПО были эпистемическими, так как компьютеры использовались как инструменты для работы не только с информационными процессами, но и для решения проблем, которые расширяют познавательные возможности человека [2. С. 388].

Эпистемическим называется агент, способный занимать эпистемическую позицию по отношению к эпистемическим элементам. Эта позиция должна быть занята намеренно с целью добычи знания и основана на семантическом понимании эпистемическим агентом вопроса и его доступных альтернативах [9. Р. 65]. ПО в статусе эпистемического агента позволяет изучить феномен в том случае, когда процесс исследования отличается от перспектив антропоцентричного подхода и является сложным по созданию надежных прогнозов, так как описание феномена, включающее сотни миллионов параметров и сложных нелинейностей, создает невозможность его понимания для ученых. Например, при исследовании феномена климата Земли автоматизированные методы производят более точные предсказания в сравнении с традиционными «антропоцентричными» подходами [10. Р. 40].

ПО на основе технологий ИИ может быть полезно не только для построения высококачественных моделей, но и для исследования сфер, непостижимых для человека из-за его когнитивных и социальных ограничений, а также для поиска новых методов и принципов познания, которые людям не представлялись возможными.

Т. Никлес считает, что размышления по поводу возможностей применения сложных и распределенных алгоритмов, используемых для анализа данных, продолжают давние научные попытки преодоления ограничений человеческого сознания (мышления). В целом подобные размышления могут привести к осознанию того, что современная наука вступает в новую фазу, отличающуюся уменьшением доверия к стандартным человеческим режимам рассуждения и понимания, включая эвристики [12. Р. 901]. Современная эпистемологическая ситуация заключается в том, что чем больше человечество узнает, тем меньше оно понимает.

В этом случае, по мнению П. Хамфриса, при распространении науки за границы когнитивных и сензитивных способностей человека антропоцентризм¹ представляется анахроническим. Тем не менее здесь есть основания для размышления, согласно которым антропоцентричные науки навсегда останутся перспективными для человека, даже если при этом устранить из них моральные предубеждения, потому что они соотносятся с культурой, целями и требованиями человечества, если кратко – с человеческими интересами. В противном случае ученый становится инженером и ультимативным наблюдателем знания без его понимания и осознания [13. Р. 9].

¹ В основном антропоцентризм состоит в том, что люди руководят нечеловеческими существами.

С точки зрения эпистемологии интересно отметить, что в результате развития ПО на основе технологий ИИ возникает пятая парадигма¹ эволюции научных методов, определенная еще формально, в которой компьютеры (ПО) – не просто инструменты, но равноправные партнеры в научном исследовании, обмене идеями, интуицией и пониманием с человеком. Использование ПО в пятой парадигме весьма отлично от его применения в четвертой парадигме потому, что данные, которые применяются в тренировке нейронных сетей (основа четвертой парадигмы), являются конкретными решениями фундаментальных уравнений науки, а не данными от эмпирических наблюдений. Можно рассмотреть конкретные решения научных уравнений как симуляторов естественного мира, которые используются для вычисления при помощи ПО с целью предсказания погоды, моделирования столкновения галактик, оптимизации процесса синтеза или калькуляции связующих свойств кандидатов молекул лекарств в заданном белке. В перспективе развития ПО связующие звенья деталей симуляций возможно представить как данные, которые могут быть использованы для тренировки эмуляторов глубокого обучения. Тренируясь на маркированных и ограниченных только бюджетом данных, эмулятор сможет совершать вычисления с высокой эффективностью, достигая ускорения в процессе на несколько порядков [11].

При изучении новых, исключаящих человека (не-антропоцентричных или, в частности, машиноориентированных) режимов исследования, осуществляемых при помощи мощного научно-исследовательского ПО, Т. Никлас предлагает использовать понятие «другой интеллект»² [12. Р. 905], уточняя при этом, что функционирование «другого интеллекта» в эпистемической системе не должно быть медленнее работы интеллекта человека, а с другой стороны, предположение о существовании «другого интеллекта» также подразумевает то, что и когнитивные способности человека должны быть не ниже ультимативного критерия эпистемического успеха.

Использование термина «другой» применительно к интеллекту обозначает то, что функционирование ПО уже начинает отклоняться от привычных для человека способов по выявлению паттернов и заключений. Эта степень отдаления является в настоящее время серьезной проблемой рациональности [12. Р. 901] и обозначается как ее дегуманизация.

Появление «другого интеллекта» проявляет допущения, встроенные в западную научную традицию, согласно которой знание – это нахождение порядка, скрывающегося в хаосе, что, по мнению Д. Вайнбергера, является ошибочным упрощением мира, от которого при дальнейшем познании мира, может, придется отказаться [14]. Если познание всегда происходит вследствие изучения и подтверждения истинных знаний, полученных человеком (по определению Платона), то, возможно, человечество в настоящее время создает при помощи ПО новый тип знания, задача подтверждения (верификации) которого не только сложна или упрощена, но и порой невозможна.

¹ Подробнее о первых четырех парадигмах (экспериментальной, теоретической, вычислительной и движимой данными) см.: Журавлева Е.Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 53–54.

² Понятие «другой интеллект» – идея не новая в науке, до сих пор о нем дискутировали в биологическом мире и рамках компьютерных наук.

Необходимо отметить, что три стадии развития софтверизации научно-исследовательской деятельности выделены условно и взаимопересекаются, при этом обогащая друг друга.

В целом, эпистемологические перспективы развития софтверизации современной научно-исследовательской деятельности имеют несколько траекторий исследования. Во-первых, в изучении повышения эпистемического статуса научного ПО от «инструмента» к «когнитивной сущности», от «интеллектуального агента» к «эпистемическому агенту». Во-вторых, в уточнении определения понятия «другой интеллект» в контексте софтверизации современной научно-исследовательской деятельности, новых типов знания и критериев истинности для результатов исследований с помощью ПО. В-третьих, в исследовании возникновения гибридных и новых, исключающих человека (не-антропоцентричных или, в частности, машиноориентированных), режимов исследования и появления контуров пятой парадигмы развития научных методов.

Список источников

1. Kitano H. Artificial intelligence to win the Nobel Prize and beyond: Creating the engine for scientific discovery // *AI magazine* 2016. № 37. P. 39–49.
2. Brey P.A.E. The epistemology and ontology of human-computer interaction // *Minds and machines*. 2005. № 15 (3–4). P. 383–398.
3. Boon M. How Scientists Are Brought Back into Science – The Error of Empiricism // *A Critical Reflection on Automated Science* / eds. M. Bertolaso, F. Sterpetti (Human Perspectives in Health Sciences and Technology 1). Cham : Springer International Publishing, 2020. P. 43–65.
4. Kitano H. Nobel Turing Challenge: creating the engine for scientific discovery // *Systems Biology and Applications*. 2021. № 7. P. 29.
5. Khinsen K. What can we do to check scientific computation more effectively? URL: <http://blog.khinsen.net/posts/2018/03/07/what-can-we-do-to-check-scientific-computation-more-effectively/> (accessed: 10.07.22).
6. Khinsen K. The lifecycle of digital scientific knowledge. URL: <http://blog.khinsen.net/posts/2015/11/09/the-lifecycle-of-digital-scientific-knowledge/> (accessed: 10.07.22).
7. Li F., Li L., Yin J., Zhang Y., Zhou O., Kuang K. How to Interpret Machine Knowledge // *Engineering*. 2020. № 6 (3). P. 218–220.
8. Pan Y. H. Heading toward artificial intelligence 2.0 // *Engineering*. 2016. № 2 (4). P. 409–413.
9. Patton P. Epistemic Tools and Epistemic Agents in Scientonomy // *Scientonomy: Journal for the Science of Science*. 2019. № 3. P. 63–89.
10. Pietsch W., Wernecke J. Ten Theses on Big Data and Computability // *Berechenbarkeit der Welt? Philosophie und Wissenschaft im Zeitalter von Big Data* / eds. W. Pietsch, J. Wernecke, M. Ott. Wiesbaden : Springer VS. 2017. P. 37–57.
11. Bishop C. AI4Science to empower the fifth paradigm of scientific discovery. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/blog/ai4science-to-empower-the-fifth-paradigm-of-scientific-discovery/> (accessed: 07.07.2023).
12. Nickles T. Alien Reasoning: Is a Major Change in Scientific Research Underway? // *Topoi*, Dordrecht. Sep. 2020. Vol. 39, is. 4. P. 901–914.
13. Humphreys P. *Extending Ourselves: Computational Science, Empiricism and Scientific Method*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 172 p.
14. Weinberger D. Alien knowledge: when machines justify knowledge // *Wired Magazine*. 2017. URL: <https://www.wired.com/story/our-machines-now-have-knowledge-well-never-understand>, (accessed: 07.07.2023).

References

1. Kitano, H. (2016) Artificial intelligence to win the Nobel Prize and beyond: Creating the engine for scientific discovery. *AI magazine*. 37. pp. 39–49.

2. Brey, P.A.E. (2005) The epistemology and ontology of human-computer interaction. *Minds and Machines*. 15(3-4). pp. 383–398.
3. Boon, M. (2020) How Scientists Are Brought Back into Science—The Error of Empiricism. In: Bertolaso, M. & Sterpetti, F. (eds) *A Critical Reflection on Automated Science*. Cham: Springer International Publishing. pp. 43–65.
4. Kitano, H. (2021) Nobel Turing Challenge: creating the engine for scientific discovery. *Systems Biology and Applications*. 7. p. 29.
5. Khinsen, K. (2018) *What can we do to check scientific computation more effectively?* [Online] Available from: <http://blog.khinsen.net/posts/2018/03/07/what-can-we-do-to-check-scientific-computation-moreeffectively/> (Accessed: 10th July 22).
6. Khinsen, K. (2015) *The lifecycle of digital scientific knowledge*. [Online] Available from: <http://blog.khinsen.net/posts/2015/11/09/the-lifecycle-of-digital-scientific-knowledge/> (Accessed: 10th July 22).
7. Li, F., Li, L., Yin, J., Zhang, Y., Zhou, O. & Kuang, K. (2020) How to Interpret Machine Knowledge. *Engineering*. 6(3). pp. 218–220.
8. Pan, Y.H. (2016) Heading toward artificial intelligence 2.0. *Engineering*. 2(4). pp. 409–413.
9. Patton, P. (2019) Epistemic Tools and Epistemic Agents in Scientonomy. *Scientonomy: Journal for the Science of Science*. 3. pp. 63–89.
10. Pietsch, W. & Wernecke, J. (2017) Ten Theses on Big Data and Computability. In: W. Pietsch, Wernecke, J. & Ott, M. (eds) *Berechenbarkeit der Welt? Philosophie und Wissenschaft im Zeitalter von Big Data*. Wiesbaden: Springer VS. pp. 37–57.
11. Bishop, C. (n.d.) *AI4Science to empower the fifth paradigm of scientific discovery*. [Online] Available from: <https://www.microsoft.com/en-us/research/blog/ai4science-to-empower-the-fifth-paradigm-of-scientific-discovery/> (Accessed: 7th July 22).
12. Nickles, T. (2020) Alien Reasoning: Is a Major Change in Scientific Research Underway? *Topoi*. 39(4). pp. 901–914.
13. Humphreys, P. (2004) *Extending Ourselves: Computational Science, Empiricism and Scientific Method*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Weinberger, D. (2017) *Alien knowledge: when machines justify knowledge*. [Online] Available from: <https://www.wired.com/story/our-machines-now-have-knowledge-well-never-understand> (Accessed: 10th July 23).

Сведения об авторе:

Журавлева Е.Ю. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Вологда, Россия). E-mail: zhuravleva-ey@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhuravleva E.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Vologda, Russian Federation). E-mail: zhuravleva-ey@ranepa.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024;
одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 06.02.2024;
approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 24.02.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 101.1
doi: 10.17223/1998863X/83/3

ЭМПИРИОКРИТИЧЕСКИЙ «РЕАЛИЗМ» И «ЖИЗНЕННЫЙ МИР» Э. ГУССЕРЛЯ

Наталья Николаевна Коротышева

*Вятский государственный университет, Киров, Россия
nnpoluyan@inbox.ru*

Аннотация. Посредством сравнительного анализа текстов первоисточников устанавливается «идейное родство» между теоретическими положениями философии эмпириокритицизма о «принципиальной координации», «русского махизма» о наивном и живом реализме единого мира опыта с феноменологической концепцией общечеловеческого «жизненного мира» Э. Гуссерля.

Ключевые слова: принципиальная координация, «русский эмпириокритицизм», наивный реализм, «жизненный мир»

Для цитирования: Коротышева Н.Н. Эмпириокритический «реализм» и «жизненный мир» Э. Гуссерля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 23–31. doi: 10.17223/1998863X/83/3

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

EMPIRIOCITICAL “REALISM” AND EDMUND HUSSERL’S “LIFEWORLD”

Natalia N. Korotysheva

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, nnpoluyan@inbox.ru

Abstract. The article discusses theoretical propositions of “principled empiriocritical coordination” and “naive realism” in connection with the phenomenological concept of the “lifeworld”. At the beginning of the article, the author notes that in connection with socio-political events in Russia, in the early twentieth century, disputes even within the framework of dialectical materialism and Marxism went far beyond philosophical ones. After the publication of Lenin’s work “Materialism and Empiriocriticism” in 1909 for many years, up to the 1990s, the philosophy of empiriocriticism, including Russian one, existed as a kind of “reactionary, bourgeois” subjective idealism. The objectives of the research are, firstly, to fill in the “gap” in the study of empiriocritical philosophy to some extent, especially the philosophy of the “Russian Machists”, by analyzing primary texts, and, secondly, to overcome the stereotype about contradictions purely within the framework of “materialism – idealism” in relation to the philosophy of empiriocriticism, and to determine points of contact between the ideological provisions of Richard Avenarius’s “principled

coordination”, Vladimir Bazarov’s and Anatoly Lunacharsky’s “naive” and “living” realism with the concept of the universal “lifeworld” in the late philosophy of Edmund Husserl. In the body of the article, the author notes the fact that empiriocritics themselves, unlike Lenin, did not consider the classical opposition of materialism and idealism fundamental; therefore, the conclusion is that it is necessary to refer to the texts of empiriocritical philosophers themselves. Further, the development of Avenarius’ thought is shown in relation to the idea of “principled empiriocritical coordination” of “self” and “environment” as two members of an inseparable “lifecycle” as the natural basis or foundation of any further cognitive construction. The following statement shows the points of contact between the concepts of a realistic worldview within the framework of the philosophy of “Russian empiriocriticism” and the phenomenological theory of Husserl’s “lifeworld”, which are considered as a universal basis or “soil” for the entire cognitive “horizon” against the background of criticism of natural science and mapping of life reality. As a result, the author concludes about the development of independent, but similar ways of thinking within the framework of empiriocritical philosophy, including Russian one, and phenomenology.

Keywords: principled coordination, “Russian empiriocriticism”, naive realism, “lifeworld”

For citation: Korotysheva, N.N. (2025) Empiriocritical “realism” and Edmund Husserl’s “lifeworld”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 23–31. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/3

В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), которая определенное время назад считалась своего рода образцом философской аналитики, В.И. Ленин очень уверенно, местами с юмором критикует оппонентов по материалистическому лагерю, упрекая их, конечно же, в отходе от ортодоксального марксизма и диалектического материализма, и «выпадении» в идеализм или даже солипсизм «берклианского толка». Очевидно, книга создавалась в непростой период истории, когда были «обострены до крайности поляризации в развитии противоположных тенденций... представленных разными социальными силами» [1. С. 37]. Именно поэтому, например, С.Л. Франк называл этот период «философскими распрями в марксизме» [2. С. 136–145], а уже А.Ф. Зотов пишет: «...то обстоятельство, что „Материализм и эмпириокритицизм“ был превращен после Октябрьской революции в „классический образец“ философского анализа, обусловило распространение в нашей стране весьма некорректных представлений» [3] о философском течении эмпириокритицизма. На то обстоятельство, что критика эмпириокритицизма носила в основном «партийно-политический», а не «научно-философский» характер, указывает также и В.Н. Садовский [4]. В связи с этим более или менее адекватного и разностороннего анализа мыслительного наследия «философов-естествоиспытателей» в России практически не предпринималось. Поэтому нашей задачей будет, с одной стороны, попытаться хоть сколько-нибудь восполнить этот значительный, на наш взгляд, пробел в истории, в том числе и русской, философской мысли, установив тот факт, что противоречие между материализмом и идеализмом – не единственный контекст для анализа ряда положений эмпириокритиков, а с другой стороны, показать, что в рамках философии эмпириокритицизма развивались идеи, близкие к феноменологии. Дело в том, что многие исследователи феноменологической мысли говорят, как правило, либо о рецепции феноменологии в России, либо о развитии на русской почве собственной философии сознания, но без упоминания представителей эмпириокритицизма вообще и русского в частности (см., например, работы А.Я. Слинина, Д.Н. Разеева, А.Э. Савина,

Е.А. Счастливцевой и др.). Например, В.И. Молчанов в своей статье «Феноменология в России» говорит о собственных феноменологических традициях в нашей стране, «предвосхитивших в определенной мере постановку проблемы сознания в феноменологии» и «обусловивших быструю и довольно широкую рецепцию феноменологии Гуссерля в России» [5. С. 548–552], но не упоминает при этом ни одного представителя «русского эмпириокритицизма». Учитывая вышесказанное, при анализе ряда положений эмпириокритической философии мы решили опереться на установки М.К. Мамардашвили в статье с говорящим названием «Феноменология – сопутствующий момент всякой философии» [6], также некоторый оптимизм нам добавило замечание А.Ф. Зотова о том, что «влияние многих идей эмпириокритицизма на дальнейшее развитие западной философской мысли оказалось немалым. Не говоря уже о влиянии на „прямых наследников“, продолжавших позитивистскую традицию (имеются в виду неопозитивисты), он во многом определил контуры феноменологической философской программы, которая в 20 в. развивалась как серьезная оппозиция позитивистскому течению» [3].

Итак, если по традиции воспользоваться критическими замечаниями В.И. Ленина в отношении «принципиальной координации» Р. Авенариуса и «наивного реализма» «русских махистов» в качестве отправного пункта для решения задач нашего исследования, то они сведутся к следующему: все, о чем говорят эмпириокритики, является продолжением линии философии субъективного идеализма. Поэтому если не обращать внимания на «различные способы выражений» Беркли, Фихте и Авенариуса, то все это будет одним и тем же общим положением о «мире как моем ощущении», а отсылка к «наивному реализму» – не более чем «софизмом», при том «самого дешёвенького свойства». В итоге вывод В.И. Ленина звучит совершенно однозначно: «принципиальная координация» Авенариуса представляет собой субъективный идеализм. Собственное же решением автором проблемы взаимосвязи человека и мира (природы) заключается в признании того, что «отображаемый нашим сознанием внешний мир существует независимо от нашего сознания» и «только это материалистическое решение действительно совместимо с естествознанием» [7. С. 88]. Однако, даже не углубляясь в теоретическое содержание работ эмпириокритиков, можно точно заявить о том, что для них противоречие между материализмом и идеализмом не носило столь категоричной и принципиальной разницы как для «ортодоксальных марксистов», т.е. обвинение их в идеализме и субъективизме не воспринималось ими как нечто существенное и тем более «ругательное». В частности, Р. Авенариус, анализируя результаты, достигнутые в «Критике чистого опыта» (1890) пишет: «...знал же я очень хорошо, что идеализм является совершенно неизбежным следствием... физиологического рассмотрения отношения наших „ощущений“ к раздражению и, следовательно, нашего сознания к окружающей среде. И если я, последовательно рассуждая, вновь пришел к идеализму и к «сознанию как непосредственно данному»... то выходит, что я вращался в настоящем круге...» [8. С. IX]. И далее: «Что же! Если такова судьба философии, то так и должно быть!» [8. С. IX]. Более того, сама категория материи, которая была возведена в абсолют ортодоксальными марксистами в России («святая материя»), у «русских махистов» не вызывает ничего, кроме сомнений в ее реальности, ибо «материя нигде и никогда не может

встретиться нам в опыте» [9. С. 13] в противовес жизни действительной, т.е. «живым образам и краскам конкретных явлений» [9. С. 12]. Что касается прямых контраргументов против обвинений в субъективизме, то их можно свести к положению, которое формулирует В.А. Базаров: «...в концепции субъективного идеализма „я“ мыслится не как одно из явлений, не как совокупность явлений, не как связь между явлениями, а как реальный носитель явлений, как „вещь-в-себе“» [9. С. 10]. В итоге, как мы видим, важным становится не то, что говорит Ленин об эмпириокритиках (хотя это тоже заслуживает внимания), а то, что они сами говорят о себе.

Поэтому обратимся сначала к книге Р. Авенариуса «Человеческое понятие о мире» (1891), где посредством «принципиальной эмпириокритической координации» восстанавливается естественное понятие человека о мире, которое может служить фундаментом системы знаний после устранения так называемой интроспекции. Следует отметить, что принципиальное согласие с основными выводами Р. Авенариуса высказывает и Э. Мах: «Что касается Авенариуса, то наше духовное родство так велико, как оно вообще возможно у двух лиц, развивавшихся совершенно различно, работавших в различных областях и друг от друга вполне независимых» [10. С. 80]. И еще: «Однородность нашей тенденции мне стала вполне ясной... из его сочинений „Критика чистого опыта“, „Человеческое понятие о мире“» [10. С. 81] и др. Исходя из этого, мы далее будем говорить о принципиальной координации как об общей теории эмпириокритицизма.

В самом начале своей работы Р. Авенариус делает ряд общих замечаний о предмете дальнейшего исследования, в целом определяя его как «содержание опыта» – «того, что дано в наличности», т.е. целью анализа будут не единичные факты опыта или не система каких-то опытных данных («этим пусть занимаются эмпирические науки»), а определение «общего содержания наличного опыта». И далее, I раздел сочинения автор посвящает разбору сущности «естественного человеческого понятия о мире»: обычный человек (не-философ) всегда осознает себя со всеми своими эмоциями, чувствами, мыслями в некоторой обстановке – «среде», которая состоит из разнообразных частей, пребывающих в отношениях созависимости. К частям среды принадлежат и другие люди с их высказываниями. Это исходное миропонимание совпадает с «живым созерцанием». В итоге человек как обладатель «естественного понятия о мире» обнаруживает себя, других людей и совокупность всех прочих частей «среды» либо как вещи, либо как мысли, но все они представляют для него «опыт» – изначально целостный мир опыта. Однако, как утверждает Р. Авенариус, этот исходно-единый мир распадается на «внутренний» и «внешний», как только мы начинаем «толковать высказывания» других людей или «вкладывать», «интроспектировать» в них определенное содержание высказываний, т.е. посредством «интроспекции» один человек создает для другого «внутренний» мир, которому противостоит мир «внешний», эмпирический: «...интроспекция неизбежно превращает „двойственность“ (исходного мира опыта) в „дуализм“ со всеми его последствиями» [8. С. 45]. В заключительном разделе исследования автор пытается «восстановить» «естественное понятие о мире» «выключением интроспекции» при помощи «принципиальной эмпириокритической координации». С фактической точки зрения, которая представляется неизбежной, мы обнаруживаем два

«безусловно находимых» момента – «я» и «среду», детальный анализ последней мог бы разложить любую ее составную часть (другого индивида или дерево, например) на множество «элементов» (цвета, вкусы, запахи) и примыкающих к ним «характеров» (приятный, неприятный и т.д.). Если «я» и «среду» можно определить как «комплекс элементов» (ощущений), то по своей «данности» (или заданности) они должны находиться «совершенно наравне друг с другом», «я» всегда испытывается как нечто, окруженное средой, а составная часть среды – всегда как нечто, противостоящее этому «я» [8. С. 76]. Именно это единство опыта по отношению к «я» и к «не-я», т.е. к среде, Р. Авенариус называет «принципиальной координацией», в рамках которой «я» – это «центральный член» (относительно постоянный), а «не-я» (другой человек или дерево, например) – это «противочлен». В итоге он заключает: принципиальная координация «не варьирует естественного понятия о мире, а только выставляет на вид заключающееся в нем общее отношение, поэтому следует надеяться, что с устранением интроспекции восстановлено неизменное естественное понятие о мире» [8. С. 84].

Таким образом, речь идет о естественном, наивном миропонимании, свойственном обычному человеку, которое заключается в неразрывной взаимосвязи Я и среды, объекта и субъекта, и которое находится в основании всех дальнейших рассуждений и знаний о действительности, в том числе философских теорий и научных построений. Говоря по-другому, у классиков эмпириокритицизма мы находим фундамент, или «почву», в виде наивного, но при этом самого «жизненного» общечеловеческого реализма, определяющего весь последующий «горизонт» какой бы то ни было познавательной активности. На это указывает А.Ф. Зотов, утверждая, что «жизнь нельзя рассматривать как то, что происходит „внутри“ организма: она есть „жизненный мир“, т.е. целостность, в которой связаны „внутреннее“ и „внешнее“» [11].

Однако, как мы увидим, именно об этом пишет Э. Гуссерль в книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1954), которая считается последней работой автора. А.Я. Слинин отмечает: «Кризис европейских наук отличается от всех остальных рукописей Гуссерля тем, что эта рукопись готовилась автором к печати, она имеет „беловой вид“ и почти закончена» [12. С. 359]. Итак, раскрывая значение корреляции между миром и «субъективными способами его данности», Э. Гуссерль утверждает очевидность «заранее данного» для человека мира в многообразии проявлений его сознательной жизни в «общности с остальным человечеством» [13. С. 222], или, говоря по-другому, каждый человек имеет свой собственный мир, который «мыслится как мир для всех» [13. С. 336]. Этот общечеловеческий мир Э. Гуссерль называет жизненным миром, который единственно и имеет для нас смысл, потому что «как бы он ни менялся и какой бы ни подвергался коррекции, он сохраняет свою выстраиваемую по сущностным законам типичу, к которой остается привязана всякая жизнь и, тем самым, всякая наука, „почву“ которой он составляет» [13. С. 232], т.е. все научные конструкции и построения, решения и гипотезы существуют исключительно на фундаменте этого «предданного» мира, который есть очевидная предпосылка любого познания. И причину кризиса европейских наук Э. Гуссерль видит как раз в «оторванности» ученых от этой жизненной «почвы», в том, что, начиная с Галлилея, за объективную реальность стало признаваться лишь то,

что удовлетворяет требованиям научной методологии, то, что может быть выражено через уравнения и формулы. Как утверждал Максвелл, «познано то, что выражено в удобной для вычисления формуле». В философии же это выразилось, прежде всего, в учении Дж. Локка о первичных (протяженность, величина, форма, подвижность и т.д.) и вторичных (цвет, вкус, запахи и т.п.) качествах [14]. В итоге возникает то, что Э. Гуссерль называет «физикалистским объективизмом». В связи с этим свою задачу автор видит в создании «онтологии жизненного мира» в противовес онтологизированной научной методологии, утверждая, что у предданного мира жизни есть собственная онтология, которая происходит из «чистой очевидности». Далее, отметим, что хотя Э. Гуссерль и утверждает, что «Я-соотнесенность с миром» никогда не вызывала философского удивления вплоть до «первого прорыва трансцендентальной феноменологии в «Логических исследованиях», однако мы вполне можем утверждать, что именно об этой корреляции (координации) «я» и «мира» или «среды» пишет Р. Авенариус в своем «Человеческом понятии о мире». Таким образом, несмотря на очень существенную разницу в стилях изложения и терминологии, схожесть ряда формулируемых теоретических положений эмпириокритицизма и феноменологической философии невозможно не заметить.

Далее из вышесказанного можно выделить два основных для нас момента в содержании работы Э. Гуссерля: 1) критика науки в качестве «физикалистского объективизма»; 2) концепция «жизненного мира» как возможного основания для осуществления практической познавательной деятельности в качестве метода трансцендентальной феноменологии.

На наш взгляд, еще в большей степени, чем у Авенариуса, «мысленное родство» с идеями феноменологии, проявляется у «русских эмпириокритиков» и в частности в соответствии с этими положениями. В качестве «пролога» здесь вполне подойдет отрывок из диалога, написанного Н. Вернером:

А. ...Ну, вот, положим, я признал, что внешнее бытие существует, что познание возможно, а субъект и объект – его условия... К чему все это? И если это нужно, то где этому место?... И если я сегодня прочитал все это, а завтра иду на митинг, то где связь...

В. ...Я-то вас понял. Теперь у нас разговор будет другой. Для вас философия – вопрос жизни, а не вопрос книги...» [15. С. 9–10].

В действительности можно совершенно однозначно заявить, что для «русских махистов» философия – это жизнь или изначальный реализм жизни в противоположность «непривлекательному», «серому» и «скучному» «миру Локка» [16. С. 132], так как в природе без сознания нет звука, света, вкуса, нет их и в мозгу... А.В. Луначарский пишет: «Звук, свет – эти чудные явления – они ведь главная прелесть природы, а их там нет... И там, и в мозгу есть только атомы, толчки, необходимости, слепые силы... разные степени мертвенной (ибо бессознательной) энергии!» [16. С. 112]. Поэтому мир, познающийся в «универсально-механических формулах», не представляет собой никакого интереса, потому что он, как утверждает А.В. Луначарский «принципиально бездушен». Этот мир не может сделать никого счастливым, потому что он «не знает», что такое счастье. Человек может сколько угодно вопрошать к ученым как создателям научной картины мира о насущных жизненных проблемах, смыслах, мотивах... он не получит ответа. Именно поэтому «русские

махисты» упрекают науку, с одной стороны, за создание в процессе «обоготворения собственных орудий», т.е. уравнений и формул, «священного гермафродита» – гипотез и конструкций, которые никоим образом не связаны с опытом, «реальной» основой мира, которые «объясняют» мир, но из них «решительно ничего нельзя вывести» [17. С. 56]; с другой стороны, за «страшный разрыв» между «безддушными» процессами превращения вещества и «миром страстей и надежд человеческих» [16. С. 145]. «Наука остается связанной с жизнью лишь через посредство ее колоссальной практической полезности, но она торопливо отказывается от связи с миром оценок и идеалов, ибо... это все странные иллюзии, чуждый ей, призрачный эпифеномен», – утверждает А.В. Луначарский [16. С. 146].

Взамен безразличным к человеку научным схемам и гипотезам «русские эмпириокритики» предлагают «вернуться» к самому «естественному» мировоззрению, обозначая его «наивным» или «живым» реализмом. Это еще более закономерно, поскольку, как отмечает В.А. Базаров, «99/1000» процентов людей, в том числе сами философы и ученые вне своей профессиональной деятельности «исповедуют» именно это мировоззрение и категорически игнорируют дуализм мира, раздвоение единого жизненного опыта на «идеальное» и «материальное», на «субъект» и «объект». В итоге мы «получаем» мир живого действительного единства, в общую картину которого входят «все его явления, как равные сограждане», в этом мире «сознание не сидит в стороне, в уголке, неведомо зачем отражая действительность, оно и есть живая действительность» [16. С. 148]. Впоследствии об этом будут говорить В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили: «...все хоть сколько-нибудь интересные в интеллектуальном отношении начинания в XX в. полагают практику *versus* мысль, внося тем самым нередуцируемое явление жизни в сам объект изучения (и, если угодно, живую, а не только лишь логическую основу в познание)» [18]. На это указывает А.Ф. Зотов, утверждая, что «жизнь нельзя рассматривать как то, что происходит „внутри“ организма: она есть „жизненный мир“, т.е. целостность, в которой связаны „внутреннее“ и „внешнее“» [11].

Итак, «русские махисты» говорят о концепции единого живого мира опыта, который выступает ни в коем случае не как индивидуальное, исключительно «мое» представление, а как «наше» общечеловеческое представление. В.А. Базаров пишет: «Предположение, что данные мне предметы совершенно так же даны другим людям, не только не противоречит «условиям или „предпосылкам“ моего познания, но само является такой предпосылкой» [17. С. 41].

В заключении нашего исследования хотелось бы вернуться к начальному пункту с критическими замечаниями В.И. Ленина в отношении философии эмпириокритицизма и в качестве контраргументов процитировать слова Э. Гуссерля о том, что «природу можно мыслить как дефинитное многообразие и гипотетически взять за основу эту идею. Но поскольку мир есть мир познания, мир сознания, мир людей, постольку для него такая идея оказывается невероятно абсурдной» [13. С. 350]. И далее: «...применительно к душе, к субъективности – как индивидуальной, у отдельного человека и в отдельной жизни, так и общественно-исторической, социальной в самом широком смысле – объективность, мыслимая по типу естественнонаучной объективности, оказывается просто-таки абсурдной» [13. С. 353]. Таким образом, в ре-

результате проведенного анализа первоисточников мы можем утверждать, что и в рамках эмпириокритицизма, и в рамках феноменологической философии речь идет о реализме жизненного опыта в качестве «почвы» для получения очевидного, «непосредственно данного» фундамента построения достоверного знания, что происходит на фоне либо абстрагирования от эмпиризма естествознания (как у Авенариуса), либо прямой критики научных конструкций и схем, объясняющих действительность исключительно с позиций формул и уравнений (как у Эдмунда Гуссерля и «русских махистов»). В связи с этим мы можем сделать вывод о том, что эмпириокритицизм «преодолеывает» оппозицию материя – дух, устраняя примитивное различие души и тела, и тем самым определенным образом предвосхищает общую интеллектуальную тенденцию XX в. на расширение границ объективности за счет включения субъективной составляющей в виде «жизненной основы» в познавательный процесс.

Список источников

1. Прохоров М.М. К 100-летию книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // *Философия и общество*. 2009. № 3. С. 37–57
2. Франк С.Л. Философские отклики // *Русская мысль*. 1910. № 4. С. 136–145.
3. Зотов А.Ф. Эмпириокритицизм // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2000–2001.
4. Садовский В.Н. Эмпириомонизм // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2000–2001.
5. Молчанов В.И. Феноменология в России // *Русская философия*. Малый энциклопедический словарь. М., 1996. С. 548–552.
6. Мамардашвили М.К. Феноменология – сопутствующий момент всякой философии. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5477>
7. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М., 1909.
8. Авенариус Р. Человеческое понятие о мире. М., 1909.
9. Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени // *Очерки по философии марксизма* (репринт). М., 2011.
10. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 2005.
11. Зотов А.Ф. Авенариус // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2000–2001.
12. Слинин А.Я. Кризис европейского человечества: в чем он состоит и какие средства предлагает Эдмунд Гуссерль для его преодоления // *Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. СПб., 2004.
13. Гуссерль Э. Кризис европейских наук. СПб., 2004.
14. Локк Д. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 1.
15. Вернер Н. Наука и философия // *Очерки философии коллективизма*. Сборник 1 (репринт). М., 2014.
16. Луначарский А.В. Атеисты // *Очерки по философии марксизма* (репринт). М., 2020.
17. Базаров В.А. Мистицизм и реализм нашего времени (репринт) // *Очерки по философии марксизма*. М., 2020.
18. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // *Вопросы философии*. 1977. № 7. С. 109–125.

References

1. Prokhorov, M.M. (2009) K 100-letiyu knigi V.I. Lenina "Materializm i empiriokrititsizm" [On the 100th Anniversary of Vladimir Lenin's "Materialism and Empiriocriticism"]. *Filosofiya i obshchestvo*. 3. pp. 37–57
2. Frank, S.L. (1910) Filosofskie otkliki [Philosophical Responses]. *Russkaya mysl'*. 4. pp. 136–145.
3. Zotov, A.F. (2000–2001) Empiriokrititsizm [Empiriocriticism]. In: Stepin, V.S. (2000–2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'.

4. Sadovskiy, V.N. (2001) Empiriomonizm [Empiriomonism]. In: Stepin, V.S. (2000–2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'.
5. Molchanov, V.I. (1996) Fenomenologiya v Rossii [Phenomenology in Russia]. In: Abramov, A.I. (ed.) *Russkaya filosofiya. Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Philosophy. Small Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 548–552
6. Mamardashvili, M.K. (n.d.) *Fenomenologiya – soputstvuyushchiy moment vsyakoy filosofii* [Phenomenology – an accompanying moment of any philosophy]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/5477>
7. Lenin, V.I. (1909) *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and empiriocriticism]. Moscow: [s.n.].
8. Avenarius, R. (1909) *Chelovecheskoe ponyatie o mire* [Human Concept of the World]. Moscow: [s.n.].
9. Bazarov, V.A. (2011) Mistitsizm i realizm nashego vremeni [Mysticism and realism of our time]. In: *Ocherki po filosofii marksizma (reprint)* [Essays on the Philosophy of Marxism (Reprint)]. Moscow: [s.n.].
10. Mach, E. (2005) *Analiz oshchushcheniy i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu* [Analysis of sensations and the relationship of the physical to the mental]. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Zotov, A.F. (2000–2001) Avenarius. In: Stepin, V.S. (2000–2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'..
12. Slinin, A.Ya. (2004) *Krizis evropeyskogo chelovechestva: v chem on sostoit i kakie sredstva predlagayet Edmund Gusserl' dlya ego preodoleniya* [The Crisis of European Humanity: What Does It Consist of and What Means Does Edmund Husserl Offer to Overcome It]. In: Husserl, E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk i transsentsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
13. Husserl, E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk* [The Crisis of European Sciences]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
14. Locke, J. (1960) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Sotsekgiz.
15. Werner, N. (2014) *Nauka i filosofiya* [Science and Philosophy]. In: Werner, N. (ed.) *Ocherki filosofii kolektivizma* [Essays on the Philosophy of Collectivism]. Moscow: [s.n.].
16. Lunacharskiy, A.V. (2020) Ateisty [Atheists]. In: Lunacharskiy, A.V. et al. *Ocherki po filosofii marksizma* [Essays on the Philosophy of Marxism]. Moscow: URSS.
17. Bazarov, V.A. (2020) Mistitsizm i realizm nashego vremeni [Mysticism and Realism of Our Time]. In: Lunacharskiy, A.V. et al. *Ocherki po filosofii marksizma* [Essays on the Philosophy of Marxism]. Moscow: URSS.
18. Zinchenko, V.P. & Mamardashvili, M.K. (1977) Problema ob"ektivnogo metoda v psikhologii [The problem of the objective method in psychology]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 109–125.

Сведения об авторе:

Коротышева Н.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Korotysheva N.N. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy of Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: nnpoluyan@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2023;
одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 28.11.2023;
approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 24.02.2025

Научная статья

УДК 130.3

doi: 10.17223/1998863X/83/4

ОЧЕВИДНЫЕ НЮАНСЫ «БОЛЬШОЙ СТРАНЫ» (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.С. ПАНАРИНА)

Василий Леонидович Курабцев

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
kurabtsev@mail.ru*

Аннотация. Анализируется специфика и потенциальность «Большой страны», или русской цивилизации. Заявлено новое понимание России – как Цивилизации-Материка на основе Религии. Основное внимание уделено исследованиям по этой теме Ф.М. Достоевского и А.С. Панарина. Показана неизбежность и глубина («слишком») столкновения русской и западной цивилизаций, а также вероятность реализации именно Россией «полноты Логоса» (на основе Традиции и «не-буржуазности»).

Ключевые слова: Россия «слишком», Запад «слишком», частичность и полнота Логоса, сравнительная аксиология России и Запада, магистральный путь и спасение в понимании русской и западной цивилизаций

Для цитирования: Курабцев В.Л. Очевидные нюансы «Большой страны» (на основе исследований Ф.М. Достоевского и А.С. Панарина) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 32–38. doi: 10.17223/1998863X/83/4

Original article

THE OBVIOUS NUANCES OF THE “BIG COUNTRY” (BASED ON THE RESEARCH BY FYODOR DOSTOEVSKY AND ALEKSANDR PANARIN)

Vasiliy L. Kurabtsev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, kurabtsev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the status and potential dynamic of the “Big Country”, or Russian civilization. This dynamic is significantly determined by the apologia of traditional values, the spirit and patriotic motivation of the Russian people, and Russia’s historical and cultural achievements. The novelty of the study is associated with an attempt to understand its basic specifics and the main path through the nuances of the metaphysics of the “Big Country”. A new understanding of Russia as a Mainland Civilization based on Religion is also announced. The method of hermeneutics and the method of analysis are used. To achieve this aim, a number of works by famous Russian thinkers Fyodor Dostoevsky, Aleksandr Panarin, and others were analyzed. Russian philosophy has always sincerely and strenuously sought answers to the main questions of man and humanity, with little regard for strict rational science. Its searches and conclusions were often reduced to an apology for the spiritual and moral tradition, with a national emphasis. Its value-based “imperialism” was perceived and is perceived as destructive to Western liberal democratic values. The article shows that Russia is not an Island or a blurred Eurasia, but a Civilization – a Continent based on Religion. The article reveals the reasons for the rejection of Russia by the West, fear of it and a centuries-old racist attitude to it. The inevitability and long-term nature of the clash of Russian and Western civilizations is asserted; the causes and disadvantages of Western axiological and philosophical-ideological positions are given. The probability of Russia’s realization of the “completeness of the Logos” is proved, and specific aspects of this modern

completeness are shown. The Russian civilization scares the “civilized world” with its stable Tradition, certain non-bourgeois values, “barbarism” (from the point of view of the West), indiscipline, unwillingness to remake itself under Western standards and insufficient rationality. The aspects of “too much” in both Russia and the West are shown, which expose the deep contradictions of the two defining civilizations. The West is too unchristian, too free, too lost. And this will not allow it to overcome the spiritual Big Country. In general, the clashing Russia and the West are inevitably called upon to peacefully coexist, complementing each other. It is necessary to fight for the continuation of the cultural, economic and political consensus of these civilizations.

Keywords: Russia “too much”, West “too much”, particularity and completeness of Logos, comparative axiology of Russia and West, main path and salvation in understanding of Russian and Western civilizations

For citation: Kurabtsev, V.L. (2025) The obvious nuances of the “Big Country” (based on the research by Fyodor Dostoevsky and Aleksandr Panarin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 32–00. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/4

Религия не одна только форма, она все.
Достоевский Ф.М. ПСС: в 30 т. Т. 24. С. 220

Из нескольких современных мировых цивилизаций все-таки особенно качественно и пассионарно выделяются две – русская и западная, Россия и Запад (ЕС, США). О России выдающийся философ России А.С. Панарин написал так: «Одна из наиболее амбициозных в духовном отношении держав, несущая неистощимый мессианский и пророческий импульс» [6. С. 15]. Панарин точно определил суть пассионарности русского мессианизма и последствия его утраты: «Мессианизм „великих учений“, сначала православия, затем марксизма, создавал очень сильную энергетику, сильный тип мотивации, утрата которой грозит деморализацией народа» [4. С. 28]. Деморализации после Ельцина, к счастью, не произошло, а напротив, начался процесс постепенного восстановления всех утраченных позиций. И оказалось, что сильный лидер страны может исправить главное больше, чем сильный народ.

И скоро выяснилось, что противостояние СССР, а теперь России, коллективному Западу – не столько идеологическое, сколько цивилизационное (о чем размышляли Данилевский, Достоевский, Леонтьев и другие мыслители). Геополитические, аксиологические, духовные и другие противоречия обозначились в такой степени, что Россия для Запада предстала как цивилизация со знаком «слишком», но и Запад для России тоже оказался «слишком».

Китай, согласно А.С. Панарину, который тоже «слишком», – но он слишком самодостаточный, подверженный аваркии и изоляционизму, и поэтому парадоксально во многом в стороне. Россия же, в силу традиционного якобы «тоталитарного» православия (или советской «религии») и мессианизма, ощущается и признается Западом как более опасная и по-настоящему «слишком» держава.

Россия *слишком большая, слишком богатая географически* и, как представляется Западу и многим россиянам, не способна даже в отдаленном будущем освоить свои непомерные, вызывающие зависть территории. Она к тому же *слишком «имперская»* и геополитически *максималистская*. И эта «имперскость» исключает ее «приручение» и возможное вхождение в Евро-союз, в НАТО, в стратегический союз с США ради нового «империалистического» передела мира.

Ее «имперскость» (а отсюда – ощущение ее чуждости и непредсказуемости) вызывает страх у соседей и сильных стран, за исключением тех, кто рассчитывает извлечь свою выгоду из усиления России и возможных побед. Ее ценностная «имперскость» воспринимается как разрушительная для западных либерально-демократических ценностей, поскольку она верна фундаментальным основам духовности и нравственности; можно сказать, верна Богу. И это – не «отставание» и не «атавизм» феодального Средневековья, а именно живое, жизненное сохранение великого духовно-нравственного наследия (при всей его современной фактической ослабленности).

Россия – это не столько Остров (см. Цымбурского) и не столько размытая (о размытости будем говорить не здесь) Евразия, сколько *Цивилизация-Материк на основе Религии*.

Но больше всего Материк исторически нуждается, тем не менее, в ныне ослабевшей, но многовековой материальной и духовной культуре Запада, в его полезной культурной диффузии и коммуникации. Достоевский по-своему выразил эту мысль следующим образом: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* также *всем* дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама» [1. С. 741]. Здесь есть, конечно, смысл почти очевидного европейского расово-этнического единства и собирания, но тут и любовь к одаренной, прекрасной, развитой и постоянно прогрессирующей Европе.

Запад смотрит на свое неизбежное соседство и партнерство с «варварским» Материком как на то, что должно быть ограничено, управляемо или даже уничтожено. «Да Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, т.е. славяне: ненавистно славянское племя Европе, *les esclaves*, дескать, рабы» [2. С. 62–63]. Так мыслил и Н.Я. Данилевский, и многие русские мыслители; и у них, и у нас слишком слаба надежда, что когда-нибудь это изменится к лучшему. Расистская традиция, часто латентная, присуща Европе уже много веков. Порой она сглаживалась (например, во времена ГДР, восточно-европейского соцлагеря), но оставалась достаточно живой, чтобы воскреснуть. Не всех и не всегда можно перевоспитать (об этом писал еще Платон, говоря о некоторых мальчиках, чей характер, как «крутой рог»).

Как полагал Ф.М. Достоевский, «Европа, не совсем понимая наши национальные идеалы, т.е. меряя их на свой аршин и приписывая нам лишь жажду захвата, насилия, покорения земель», отстаивает свои интересы [3. С. 63].

Однако «имперскость» Материка, его огромная территория и вооруженные силы не позволяют надеяться даже в отдаленные времена на его покорение и аннигиляцию.

Одна из причин этого заключается также в том, что «имперскость» Духовной цивилизации подпитана известной всему миру *мощью и духом русского народа с его сильнейшей патриотической мотивацией*. Как полагал Достоевский, «Россия сильна народом своим и духом его, а не то, что лишь образованием, например, своим, богатствами, просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы, ставших за дряхлостью и потерей живой национальной идеи, совсем искусственными и как бы даже ненатуральными» [3. С. 62].

Таким образом, «опасная» цивилизация пугает «цивилизованный мир» своей *устойчивой Традицией, некоей не-буржуазностью ценностей, «варвар-*

ством» (с точки зрения Запада), недисциплинированностью, нежеланием переделать себя под западные стандарты и недостаточной рациональностью. «Нет, народ наш не матерьялист, – пишет Достоевский, – и не развращен еще духом настолько, чтоб думать об одних только насущных выгодах и о положительном интересе. Он рад духовно, если предстанет великая цель, и примет ее как хлеб духовный» [2. С. 69–70]. Хлебом духовным становится в XXI в. оформление многополярности мира, торможение нравственно сомнительной меонической активности «цивилизованного» Запада и поддержка униженных и обиженных сильными мира сего.

Запад же как бы навсегда выбрал этот рациональный и научно-технологический путь и этот земной мир. И можно ли пройти, цenia путь Запада, мимо загадочных и как бы радикальных слов чудотворца, святого и праведного отца Иоанна Кронштадтского? Он сказал: «Прилепление к миру есть заблуждение и дух диавола» [8. С. 48]. Эта как бы демоническая сторона Запада активно действует и на наше население – через массовую культуру, потакание массовому гедонизму, упрощение высоких смыслов человеческой, социальной и культурной жизни.

О нашем возможном «варварстве» Федор Михайлович говорил так: «Все же отрицатель – гунн, варвар и татарин – отрицал не во имя чего-нибудь высшего, а во имя того, что сам был до того низок, что даже и в два века не мог разглядеть европейскую высоту» [2. С. 39]. Конечно, среди русских (россиян) есть подобные отрицатели. Но они в маргинальном меньшинстве. А в основном народ не только на высоте европейской культуры, но бывает и выше. Бывает учителем Европы – как Чайковский или Чехов, как Королёв или Калашников, Рахманинов или Врубель.

Размах Запада столь мощен, что победа над ним (по сути, победа Бога) *очень непроста, трагична и непредсказуема*, причем до скончания времен. Это испытание, противостояние послано Богом, и мы не вправе от него отказываться (т.е. предать Бога и самих себя).

Итак, *Запад слишком нехристианский, слишком свободный, слишком заблудившийся*. И это не позволит ему одолеть «Большую духовную страну», одолеть сильную многими светоносными качествами цивилизацию.

Если же Россия снова существенно повернется в либерально-демократическую сторону, то рухнет, как Иерусалим в 70 г. н.э. от римской армии будущего императора Тита. За возможным видимым благополучием ее граждан будет скрываться духовный меонизм и утрата базисных культурно-исторических скреп. За сытость придется расплатиться *физической, языковой и культурной погibelью*. Св. Иоанн Кронштадтский сказал на этот счет прониновенные, безусловно, *эзотерические* слова: «Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, доколе она будет могущественна и непоколебима, ибо от начала и доселе она выходила из всех бед, укреплялась и расширялась заступлением и помощью Богоматери во всех войнах и ратных, бедственных обстоятельствах, и российские князья, цари, императоры и христолюбивое воинство всегда усердно чтили Приснодеву и Матерь» [8. С. 101].

Россия «как маленькая уютная европейская страна», как послушная часть западного мира – это великий обман со стороны Запада и полная, скорая аннигиляция всего русского и созданного русскими и россиянами.

Но Бог проиграть не может. Пришло время не малоудачной небуржуазной, при этом с элементами демонизма, самоидентификации (СССР), а время *полноты Логоса*. Логос – это изначальное Божье наименование вещей, премудрость Божьего плана мироустройства, Божья благая воля. Частично Он явлен на Западе – это рационально-логическое развитие, научно-технический прогресс, рациональное освоение Земли и космоса, рациональная и улучшающаяся организация жизни общества. А.С. Панарин об этом сказал так: «упорядочивающе-классифицирующий тип» одаренности [5. С. 168]. Он тоже – Божий дар.

Но полнота Логоса немыслима без сильной духовно-нравственной составляющей, без веры в Бога. У Панарина на этот счет сказано: православная цивилизация опирается на фундаментальную идею «генезиса бытия как Божественного искусства» [5. С. 168]. Только настоящая и будущая Россия способна отстоять христианскую, а также исламскую, буддистскую и другую традиции, избежать слишком окончательной самоотдачи в пользу приземленного и духовно ограниченного капитализма, чрезмерного эгоизма и чрезмерной рационализации (самой жизни).

В чем же заключается *полнота Логоса (христианского Логоса, но и исламского, религиозного)*? Эта полнота, конечно, недостижима, но, как мыслил Достоевский, «основная идея и всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения, н<a>пр<имер> христианство» [3. С. 69].

Первое – это *нравственность*. Достоевский говорит: «Напротив, не лучшая ли политика для *великой* нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости...?» [2. С. 65]. Не менее это касается каждого россиянина и социальных слоев.

Второе – это устремленность к *Богу*. Достоевский высказывает великую метафизическую мысль, говоря о «чистой» истине православия: «Чистая истина вне истин<ы> просв<ещения>» [3. С. 183]. То есть основная (религиозная, включая ислам) мысль России *вне и чище* просветительской истины Запада. Из православия, а не из идей Просвещения, говорит Достоевский, «выйдут все разрешения» [3. С. 194]. Во всяком случае, из идей Просвещения, как показывает культурно-исторический опыт народов, идеальный мир, да и просто подходящий мир на Земле построить не получается.

Третье – это строительство «дворцов» не на земле, а на Небе. Человек, общество, ущемленные морально-религиозно, неспособны даже так подумать. Они добиваются благ, свобод, «открытости», радикальной эмансипации и не видят, что это *недоброе обезличивание и «всесмещение»*, пишет А.С. Панарин. Они сдают «старые» устойчивые структуры ради своего природного эгоизма и своеволия. Утрачивают «жизненный духовный тонус в одномерном обществе» [6. С. 88].

Четвертое – чистота души и духа, например, такая, которую проповедовал Будда: «Я вернусь к людям излечить их от знания, не знающего любви» [6. С. 91, цит. Будды].

Пятое – это истинная семья и истинный родовой процесс. Посттрадиционный человек адекватно не ценит эту истину жизни, своеволичает и блуждает. Часто его коренной ответ – только истинная самореализация одинокой личности (и это отчетливо явлено в великом «Бытии и времени» М. Хайдеггера).

Шестое – это очищение народа (народов), общества, культуры; просвещение и облагораживание жизни. А Запад между тем другие «суперэтнические образования» ценностно дискредитирует «в качестве „империй“» [6. С. 7] и при этом навязывает свои негодные антихристианские и антирелигиозные нормы жизни. Его линия, согласно Панарину, – *социал-дарвинистская*, и он не остановится перед гибелью более слабых этносов, культур и экономик (не они цель западного прогресса). А между тем «большие прозрения культуры отнюдь не всегда питаются благополучием» [6. С. 27]. Элемент социал-дарвинизма приоткрыл нам успешный экономический киллер Джон Перкинс: «Работа «киллера от экономики» заключалась в проведении в жизнь политики, защищавшей интересы американской корпоратократии (союза правительства, банков и корпораций) под видом борьбы с экономической отсталостью» [7. С. 6].

Седьмое – это «телесная» мощь цивилизации – мощь современной экономики, политики, социальной жизни, государства, вооруженных сил; защита справедливости во всем мире. Как сказал великий классик, «России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы» [3. С. 302].

Восьмое – это светлая свобода полноценной жизни и любви, творчество и духовность человека, сообщества, общества, культуры, в идеале – всего человечества. Преодоление «катастрофической „порчи человека“» [6. С. 5]. Для Запада это невозможная и ненужная задача: человек и так, по его мнению, великолепен. Как пишет Г. Мелвилл, «мы, американцы... особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени, мы несем ковчег свобод миру» и т.д. [6. С. 243]. Напоминает некоторых европейских вождей XX в.

Девятое – это Спасение по суду Божьему. О нем прекрасно знают и судят верующие, но иные могут совсем ничего не понимать и никак это не оценивать. Однако, согласно Панарину, великие альтернативы истории *рождаются в лоне великой традиции*, которой Россия сполна обладает [6. С. 275].

И наконец, приведем как бы скромный, но весомый аргумент от Достоевского, который находил, что «язык – народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!» [2. С. 80–81].

И тогда можно сделать вывод, что «нашего-то языка дух – бесспорно многогранен, богат, всесторонен и всеобъемлющ». А французский язык француза – «он проживет свою жизнь и на французском языке, шутя, с коротенькими идейками и с парикмахерским развитием, а умрет, совсем не заметив, что всю жизнь был дураком» [2. С. 82–83].

Вероятно, писатель не прав, воспринимая таким образом всесторонность и особое богатство французского языка, в котором свой сильный дух, своя страсть и жизнь, свое предназначение в мире. Но этот аргумент тоже красноречив и соприкасается с истиной.

Очевидно, национальный Логос России, сама Россия (а не Запад) в наибольшей степени соответствуют этому и в наибольшей степени способны приблизиться к недостижимой Божьей Истине и Вершине. Духовно-нравственный крест России должен выстоять перед происками все новых и новых обманщиков. Современному русскому (россиянину) можно и нужно вернуть «воодушевление жизни и воодушевление правды, витальную и нравственно-религиозную пассионарность» [6. С. 254–255].

Быть может, *главное предназначение* русской цивилизации с ее православным (шире – религиозным) архетипом – «заново утвердить приоритеты

культуры и морали», а также религии, защитить слабых в мировом сообществе и успешно противостоять настойчивому и упорному западному социал-дарвинизму [5. С. 63].

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Сочинения и наброски автобиографического и публицистического характера. Дневник писателя. 1877, год 2-й, январь. М. : СЛОВО/SLOVO, 1999.
2. Достоевский Ф.М. ПСС : в 30 т. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л. : Наука, 1981.
3. Достоевский Ф.М. ПСС : в 30 т. Т. 24: Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь – декабрь. Л. : Наука, 1982.
4. Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М. : Ин-т философии РАН, 1996.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация. М. : Институт русской цивилизации, 2014.
6. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М. : МГУ, 1999.
7. Перкинс Джон. Исповедь экономического убийцы / предисл. и ред. Л.Л. Фитуни. М. : Pretext, 2005.
8. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2012.

References

1. Dostoevskiy, F.M. (1999) *Brat'ya Karamazovy. Sochineniya i nabroski avtobiograficheskogo i publitsisticheskogo kharaktera. Dnevnik pisatelya. 1877, god 2-y, yanvar'* [The Brothers Karamazov. Works and Sketches of an Autobiographical and Publicistic Nature. A Writer's Diary. 1877, Year 2, January]. Moscow: SLOVO/SLOVO.
2. Dostoevskiy, F.M. (1981) *Polnoe sobranie sochniniy v 30-ti t.* [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. 23. Leningrad: Nauka.
3. Dostoevskiy, F.M. (1982) *Polnoe sobranie sochniniy v 30-ti t.* [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. 24. Leningrad: Nauka.
4. Panarin, A.S. (1996) *"Vtoraya Evropa" ili "Tretiy Rim"?* ["The Second Europe" or "The Third Rome"?]. Moscow: Institut filosofii RAN, 1996.
5. Panarin, A.S. (2014) *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya* [Orthodox civilization]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
6. Panarin, A.S. (1999) *Rossiya v tsiklakh mirovoy istorii* [Russia in the cycles of world history]. Moscow: MSU.
7. Perkins, J. (2005) *Ispoved' ekonomicheskogo ubiytsy* [Confessions of an Economic Hitman]. Translated from English. Moscow: Pretext.
8. Holy Righteous Father John of Kronstadt. (2012) *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoy Rossii* [I Foresee the Restoration of a Powerful Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.

Сведения об авторе:

Курабцев В.Л. – доцент, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: kurabtsev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kurabtsev V.L. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: kurabtsev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted ;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.77
doi: 10.17223/1998863X/83/5

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ: К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ

Адэлия Жамилевна Закирова

*Дзержинский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного
технического университета им. Р.Е. Алексеева, Дзержинск, Россия,
Zakirova107@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается сущность этнических стереотипов, которые являются непосредственным элементом процесса межкультурной коммуникации. Возникнув в контексте нехватки информации, являясь коммуникативным барьером, этнические стереотипы наполняют взаимодействия эмоциональностью и придают оценочность. Однако обозначенные образы выполняют и положительные функции, помогая дифференцировать собственную группу от других и оперативно ориентироваться в потоке информации.

Ключевые слова: этнический стереотип, повседневность, народ, информационное общество, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетентность

Для цитирования: Закирова А.Ж. Этнические стереотипы: к пониманию сущности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 39–48. doi: 10.17223/1998863X/83/5

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

ETHNIC STEREOTYPES: TOWARDS UNDERSTANDING THE ESSENCE

Adelia Zh. Zakirova

*Dzerzhinsky Polytechnic Institute (branch) of Nizhny Novgorod State Technical University
named after R.E. Alekseev, Dzerzhinsk, Russian Federation,
Zakirova107@mail.ru*

Abstract. The article examines the essence of ethnic stereotypes, which are an integral element of intercultural communication in the modern world. An ethnic stereotype is a stable subjective image of another people, its representatives, belonging to the field of the unconscious and determined by culture. It is necessary to understand that an ethnic

stereotype, on the one hand, gives an idea of a foreign people, but since it develops in the consciousness of a certain ethnic group, it characterizes this group itself, allowing it to differentiate itself. An ethnic stereotype acts as a barrier in intercultural communication, giving it subjectivity, evaluativeness, emotionality, and determining the behavior of the actor: from predisposition to tension and possible aggression, depending on the context. However, it also performs positive functions, since it helps to accelerate and simplify perception in the context of a constantly incoming and updated large amount of information. Ethnic stereotypes are assimilated in the process of socialization; that is why they are characterized by conservatism and static. Moreover, even if stereotypical thinking about a particular ethnic group is abandoned due to interpersonal interaction, a return to the stereotype is possible. In the conditions of the information society, the problem of ethnic stereotyping is most acute, since the media, along with the institutions of socialization of the individual (family, education system), become important sources of their formation and transmission in the context of the spread of "hate speech". The main tool in overcoming this problem can be the formation of skills of communicative competence, implying an adequate understanding of the foundations of one's own and other cultures, and building various behavioral models based on the designated behavior, as well as conducting a purposeful state policy to form mutually respectful relations between different cultures that make up the nation.

Keywords: ethnic stereotype, everyday life, people, information society, intercultural communication, communicative competence

For citation: Zakirova, A.Zh. (2025) Ethnic stereotypes: towards understanding the essence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 39–48. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/5

Введение

Межкультурная коммуникация является непосредственным элементом повседневности жителя нашей страны, учитывая, что в России проживает около 190 народностей с уникальной самобытной культурой. Принимая во внимание тот факт, что подобное сожительство складывалось исторически, поле межкультурного взаимодействия включает в себя различные этнические стереотипы, оказывающие как положительное, так и отрицательное влияние на процесс коммуникации.

Цель нашего исследования – изучение сущности этнических стереотипов, а также анализ их роли в межкультурной коммуникации. В контексте данной статьи автор предлагает понимать межкультурную коммуникацию как взаимодействие между представителями разных народов – носителей самобытных культур.

Черты, структура и виды этнического стереотипа

Первым термин «социальный стереотип» выделил У. Липман. В дальнейшем активный вклад в разработку теории социального стереотипа внесли В.С. Агеев, А.В. Дмитриев, В.В. Ильюшкин, С.И. Королев, С.Л. Макарова, А.П. Садохин, Н.П. Суходольская. Из зарубежных авторов необходимо отметить Д. Бруннера, В. Перлмуттера, Г. Тэджфела.

Итак, согласно У. Липману, социальные стереотипы – это «упорядоченные, детерминированные культурой „картинки мира“ в голове человека, которые, во-первых, оптимизируют его усилия при восприятии сложных социальных объектов и, во-вторых, защищают его ценности, позиции и права» [1. С. 27].

В политическом словаре подчеркивается, что «стереотипное представление обычно эмоционально, обладает устойчивостью, а также выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [2. С. 447]. В кратком психологическом словаре, отмечается, что стереотип – это «упрощенный образ... складывающийся в условиях дефицита информации...» [3]. Механизм стереотипизации включается всякий раз, когда в общем потоке поступающей информации люди встречают явления или ситуации, не требующие подробного и глубокого анализа, если подобный анализ невозможно провести в короткие сроки, если объем информации большой и индивиду необходимо сориентироваться в ней в короткие сроки.

Таким образом, принимая во внимание обозначенные определения, можно выделить следующие черты этнического стереотипа.

- Упорядоченность, простота и однозначность: стереотипы обобщают весь спектр информации о группе в единый образ, выводя на первый план наиболее эмоционально-насыщенные черты и предоставляя индивиду возможность быстро ориентироваться в реальности и в короткие сроки выбирать определенную модель поведения. Данный образ дает односложную, однозначную оценку сообществу и его поведению, закрепляясь за представителями именно этой, а не иной группы.

- Консервативность, устойчивость, стабильность: этнические стереотипы усваиваются с раннего детства в процессе социализации личности, обращение к ним является непосредственным элементом повседневности. Многократное повторение из различных источников (семья, система образования, СМИ) закрепляет этнические стереотипы в сознании индивидов. Более того, несмотря на разумные возражения, учитывая отнесенность к сфере бессознательного, в зависимости от контекста, всегда возможен возврат к стереотипному мышлению.

- Относительность и детерминированность культурой: стереотипное восприятие «чужого» этноса характеризует не только его, но и национальность, в котором оно образовалось и функционирует. Н.А. Ерофеев делает акцент на том, что «этнические представления отражают не одну, а две реальности или, точнее, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение» [4. С. 21].

- Оценочность, предвзятость и эмоциональность: стереотипы проявляются внешним образом в реальных действиях и чувствах людей. Они способны транслировать различные аффективные реакции. Например, стереотип враждебности в отношении индивидов или их групп вызывает напряжение, которое влечет за собой определенную модель поведения: от оскорблений до физического насилия [5. С. 156].

- Знаковый характер: будучи идеальным конструктом социальности человека, этнические стереотипы являются элементами его сознания, но они вовсе не сводятся к «совокупности мифических представлений», а имеют материальное выражение – знаковый характер (являются знаками отношений, в первую очередь социальных) – и всегда отражают некоторую объективную реальность, пусть в искаженном и трансформированном виде, моделируют и организуют ее.



Рис. 1. Структура социального стереотипа

В структуре социального стереотипа (рис. 1) можно выделить несколько составляющих его уровней:

1) когнитивный уровень. Любой стереотип складывается и функционирует вокруг определенных феноменов действительности, в нашем случае вокруг индивидов – носителей определенной культуры и самого народа. Кроме того, в когнитивное ядро входит комплекс представлений о внешнем облике представителей народа, его историческом прошлом, особенностях образа жизни, трудовых навыках, а также ряд изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа;

2) ценностный уровень выражает отношение субъекта к отражаемой действительности и обычно включает в себя эмоции, чувства симпатии или антипатии к реальному или символическому объекту, народу, его представителям, культуре [6. С. 170], причем эмоции и отношение могут иметь как положительный, так и отрицательный вектор;

3) определенная модель поведения. Когнитивный и ценностный этнический стереотип подразумевает специфический характер действий, совершаемых или не совершаемых индивидом относительно представителей этнической группы, вокруг которой и был сформирован стереотип. Определенная модель поведения может воплощаться в отношении (доброжелательное или враждебное), ожидании (представитель народа поступает тем или иным образом), действии (необходимо вести себя именно так с представителями данного народа)

Различают два ключевых вида этнических стереотипов: автостереотипы, являющиеся образами и представлениями о своей этнической общности, и гетеростереотипы – представления о других народах.

Для национального автостереотипа характерны, главным образом, позитивные чувства по отношению к своему народу. При этом они не исключают критического отношения к определенным сторонам общественной жизни, которые могут мешать прогрессу группы.

При формировании автостереотипа большую роль играет история группы, включающая информацию об исторических событиях и национальных героях. Кроме того, на формирование автостереотипов влияет фольклор, мифы, легенды, а также особенности культуры народа: искусство, народное творчество, традиции, обычаи, религия. Большое значение имеет политика государства по воспитанию патриотизма, проводимая политика памяти.

Относительно гетеростереотипов необходимо отметить, что они могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от исторического опыта взаимодействия народов. Отношения между различными народами могут быть также закреплены в фольклоре группы и передаваться из поколения в поколение.

Необходимо отметить, что автостереотипы и гетеростереотипы, присущие определенному народу, нельзя рассматривать изолированно, поскольку они выступают как единое целое, как одна из форм отражения народом своего единства и отличия от других этнических групп. Их сплав представляет собой взаимозависимые элементы в структуре этнического стереотипа. Авто- и гетеростереотипы выстраивают систему «мы–они», отражающую отношение к своей и чужой группе.

Функционирование этнических стереотипов

Можно выделить ряд функций, которые выполняют социальные стереотипы в общем и этнические стереотипы в частности.

1. Коммуникативная функция, поскольку этнический стереотип определяет характер коммуникативного процесса, складывающегося между представителями разных народов. Как уже было отмечено, при актуализации этнического стереотипа как определенного образа народа и его представителей прогнозируется поведение другой стороны и в соответствии с прогнозом выбирается установка, реально регламентирующая процесс межэтнического общения. Этнический стереотип служит средством рационализации собственной модели поведения, своих поступков и реакций при межэтническом взаимодействии, и может быть исследован в качестве когнитивно-эмоционального базиса регуляции межкультурного коммуникативного поведения [7. С. 45].

2. Стереотипы выполняют функцию социальной причинности. В данном случае стереотипы являются показателем сложных социальных событий, результатом повышенной напряженности и наличия социального конфликта. Они могут выступать оправданием действий, совершаемых или планируемых против определенных групп в обществе. Особую остроту этнические стереотипы приобретают в контексте миграции, когда к культурным аспектам добавляются политические и экономические [8. С. 27].

3. Стереотипы выполняют функцию дифференциации, позволяя создавать и поддерживать позитивно-ценностную дифференциацию собственной группы от внешних этнических групп. Стереотипы способствуют закреплению традиций и привычек, определенных моделей поведения. В этом плане они выступают как средство защиты повседневного мира человека, его культуры, ценностей [9. С. 148]. Выражением стереотипов в культуре определенного народа являются вербальное поведение, невербальное поведение (мимика, жесты, телодвижения), менталитет и представления о нем другими

нациями, социальные ситуации и поведение в них; особенности быта и повседневной жизни этноса.

4. Информационная функция. По сути, стереотипы представляют отправителю первичную информацию об адресате, его народе, которая может быть как правдивой, так и ложной. Данная функция может быть также названа адаптивной, поскольку, предлагая первичную информацию в короткие сроки, стереотипы ускоряют процессы адаптации к условиям окружающей среды.

5. Стереотипы позволяют упрощать и интерпретировать информационные потоки, что особо актуально в современных условиях в контексте развития информационного общества, когда информации настолько много, что индивиду крайне сложно в ней ориентироваться. В данной ситуации стереотип выступает как упрощенный образ группы, позволяющий определить в кратчайшие сроки отношение к представителям народа, выбрать определенную модель поведения [10].

Явление стереотипизации – характерная особенность переработки человеком внешнего воздействия. Она тесно связана со стремлением человека «рассортировать» полученную им информацию, систематизировать сведения в сознании [11. С. 110]. Механизм стереотипизации не является прирожденным инвариантом человеческого сознания. Стереотипы редко бывают плодом личного опыта. С того момента, как ребенок начинает идентифицировать себя с группой и осознавать себя ее членом, он в процессе социализации, инкультурации усваивает готовые социальные (этические, эстетические и т.д.) стереотипы поведения той группы, к которой принадлежит, в первую очередь наиболее близких к нему людей. Поэтому можно с определенной долей уверенности говорить о том, что социальные стереотипы, прививаемые обществом индивиду через социализацию, становятся и личностными. Следовательно, персональные стереотипы (автостереотипы) являются «подтипом» социальных, сфера их действия – самые разные ситуации, в которых индивид обладает свободой решать, как относиться к тому или иному явлению [5. С. 158].

Согласно В.В. Ильюшкину, стереотипизация является процессом установления причинно-следственных связей между воспринимаемыми объектами и их характеристиками. Г. Тэджфел, рассматривая в качестве основного механизма возникновения стереотипов процессы категоризации, считает, что в случаях этнических стереотипов категоризация редко бывает нейтральной. Происходит «ассоциация» с предпочтением одной категории другой, с одной категорией – «хороший» и другой – «плохой», с одной – «лучше», с другой – «хуже». Таким образом, данный процесс происходит при определенной эмоциональной нагрузке, а также связан с обыденным мировоззрением и часто при нехватке объективной информации. В результате складывается упрощенный образ объекта – стереотип, устойчиво закрепленный в сознании. Впоследствии при возникновении схожей ситуации сознание актора обращается к данному образу [12].

Многие стереотипы возникают спонтанно из-за неизбежной потребности экономии внимания в процессе усвоения опыта других людей и предшествующих поколений, опыта, закрепленного в виде привычных представлений.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что причиной появления стереотипов являются следующие аспекты:

- Исторический контекст взаимоотношений различных народов: частота контактов, близость контактов, исторические события, например понятия «братские народы», «горцы».

- Социально-культурный, политический, экономический контекст – современные условия и обстановка, события и явления, которые оказывают влияние на межкультурную коммуникацию.

Здесь выжнущую роль играют средства массовой информации, формирующие определенный образ того или иного народа. Отдельно необходимо отметить распространение и использование языка вражды. Как справедливо отмечает В.И. Мукомель, масс-медиа в большинстве случаев делает акцент на негативные стороны миграции, освещая степень преступности в данной среде и анализируя изменения в миграционном законодательстве, при этом упуская из виду, что при закрытии границ государства многие отрасли могут остаться без рабочей силы и попросту прекратить свою деятельность [13. С. 65]. Согласно С.Л. Макаровой, утверждение негативных этнических стереотипов в прессе происходит в следующих формах: сообщение специально отобранных фактов о жизни этносов; создание и распространение этнических образов; конструирование негативных этнических идей; конфликтная мифология о прошлом, настоящем и будущем этноса; конфликтная лексика; изобразительные средства [14. С. 54].

- Личный опыт воспринимающего. В данном случае актуально обратиться к учению У. Джемса, называющему стереотипы мирами опыта, которые складываются благодаря когнитивному стилю, включающему: специфическую напряженность сознания, особенное «эпохе» (воздержание от определенной направленности внимания), преобладающую форму активности, специфическую форму личной вовлеченности, конкретную форму социальности и своеобразное переживание времени [15. С. 4]. Д. Брунер и В. Перлмуттер установили, что хотя стереотипное представление субъекта об особенностях различных народов влияет на характер суждений о человеке и поведении относительно его, однако, чем больше он взаимодействует с этническими группами, к которым принадлежат оцениваемые им люди, тем реже выносит стереотипные суждения и тем адекватнее, осознаннее дает им характеристики. Данное предположение получило название «гипотеза контакта». Под влиянием различных форм совместной деятельности и эмоционально насыщенного общения на равных началах изменяется характер взаимоотношений, что, в свою очередь, приводит к ослаблению или изменению социальных стереотипов и влияет на изменение оценочных суждений. Между тем В.С. Агеев настаивает на том, что в ряде случаев предшествующая напряженность в межгрупповых отношениях, недостаток информации относительно культуры иного народа, отрицательные социальные установки и ожидания по отношению к представителям другого этноса в результате межличностного взаимодействия лишь усугубляют взаимные негативные оценки. Как результат, уровень межэтнического взаимодействия не изменяется и также остается стереотипизированным [16].

Вывод

Стереотипность повседневной жизни – это условие коммуникации и взаимопонимания. Жизнь понятна, потому что она стереотипна. Единообразие

форм делает сложный процесс многомерного общения прозрачным, ясным. Несомненно, стереотипы выступают барьером в межкультурной коммуникации, накладывая эмоциональную нагрузку – позитивную или негативную – на процесс коммуникации и вызывая определенные ожидания и модели поведения. Но также несомненно, что поведенческие матрицы и схемы, стереотипные образы упрощают социокультурное взаимодействие, помогая представителям разных культур ориентироваться в культурном многообразии современного мира.

В данном ключе основной задачей становится минимизация напряженности, воспитание понимания функционирования стереотипов и их возможного влияния на процесс взаимодействия, а также нивелирование функционирования негативных стереотипов. Основным инструментом в преодолении обозначенной проблемы может выступать формирование навыков коммуникативной компетентности, подразумевающих адекватное понимание основ собственной и иных культур и выстраивание на базе обозначенного поведения различных моделей поведения, а также проведение целенаправленной государственной политики по формированию взаимоуважительных отношений между различными культурами, составляющими нацию.

Список источников

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
2. Краткий политический словарь. М. : Политиздат, 1987. 509 с.
3. Краткий психологический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 1998. URL: Стереотип социальный | это... Что такое стереотип социальный? (academic.ru) (дата обращения: 3.07.2024).
4. Ерофеев Н.А. Туманный альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М. : Рипол Классик, 1982. 318 с.
5. Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей // Философия и общество. 2007. № 3 (47). С. 152–161.
6. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М. : Наука, 1985. 175 с.
7. Старченко В.В. Этнические стереотипы в межэтническом взаимодействии в поликультурном регионе // Наука и современность. 2016. № 49. С. 43–50.
8. Дмитриев А.В. Стереотипизация мигрантов как социальная проблема // Власть. 2014. № 11. С. 26–30.
9. Tajfel N. Social categorization, Social identity and Social // Comparison / Differentiation between Social groups. London, 1978. P. 146–156.
10. Чеснокова Л.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2015. № 4. С. 91–95. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm>. (дата обращения: 7.08.2024).
11. Калистратова Е.А. Типизация и стереотипизация как сущностные черты человека повседневности // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21). С. 105–113.
12. Ильюшкин В.В. Исследование социальных стереотипов в рамках теории каузальной атрибуции // Проблемы науки. 2015. № 6 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnyh-steretipov-v-ramkah-teorii-kauzalnoy-atributsii> (дата обращения: 07.08.2024).
13. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 56–66.
14. Макарова С.Л. Язык вражды и конструирование «образа врага» в центральных и нижегородских СМИ // Язык современных СМИ: проблемы языковой культуры : материалы круглого стола «Язык СМИ». Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2004.
15. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. М. : Ника-Центр, 2006. 256 с.

16. Ильюшкин В.В. Специфика проявления автостереотипов, гетеростереотипов в процессах межкультурного общения и обучения // Проблемы педагогики. 2015. № 5 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-proyavleniya-avtostereotipov-geterostereotipov-v-protsessah-mezhkulturnogo-obscheniya-i-obucheniya> (дата обращения: 07.08.2024).

References

1. Lippman, W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Translated from English by T.V. Barchunova. Moscow: Public Opinion Foundation.
2. Abarenkov, V.P. (ed) (1987) *Kratkiy politicheskii slovar'* [Brief Political Dictionary]. Moscow: Politizdat.
3. Karpenko, L.A. (ed.) (1998) *Kratkiy psikhologicheskii slovar'* [Brief Psychological Dictionary]. Rostov on Don: Feniks.
4. Erofeev, N.A. (1982) *Tumannyy al'bion. Angliya i anglichane glazami russkikh. 1825–1853 gg.* [Foggy Albion. England and the English through the Eyes of Russians. 1825–1853]. Moscow: Ripol Klassik.
5. Sukhodolskaya, N.P. (2007) Sotsial'nyy stereotip v zhiznedeyatel'nosti lyudey [Social stereotype in people's lives]. *Filosofiya i obshchestvo*. 3(47). pp. 152–161
6. Shikhirev, P.N. (1985) *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya v Zapadnoy Evrope* [Modern social psychology in Western Europe]. Moscow: Nauka.
7. Starchenko, V.V. (2016) Etnicheskie stereotipy v mezhetnicheskom vzaimodeystvii v polikul'turnom regione [Ethnic stereotypes in interethnic interaction in a multicultural region]. *Nauka i sovremennost'*. 49. pp. 43–50.
8. Dmitriev, A.V. (2014) Stereotipizatsiya migrantov kak sotsial'naya problema [Stereotyping of migrants as a social problem]. *Vlast'*. 11. pp. 26–30.
9. Tajfel, N. (1978) Social Categorization, Social Identity and Social Comparison. In: Tajfel, H. (ed.) *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London: Academic Press. pp. 146–156.
10. Chesnokova, L.V. (2015) Stereotipy v mezhkul'turnoy kommunikatsii [Stereotypes in Intercultural Communication]. *Kontsept*. 4. pp. 91–95. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2015/15107.htm>. (Accessed: 7th August 2024).
11. Kalistratova, E.A. (2018) Tipizatsiya i stereotipizatsiya kak sushchnostnye cherty cheloveka povsednevnosti [Typification and Stereotypeization as Essential Traits of a Person in Everyday Life]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*. 2(21). pp. 105–113.
12. Ilyushkin, V.V. (2015) Issledovanie sotsial'nykh stereotipov v ramkakh teorii kauzal'noy atributsii [Study of Social Stereotypes within the Framework of the Theory of Causal Attribution]. *Problemy Nauki*. 6(36). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnykh-stereotipov-v-ramkah-teorii-kauzalnoy-atributsii> (Accessed: 7th August 2024).
13. Mukomel, V.I. (2005) Grani intolerantnosti (migrantofobii, etnofobii) [Facets of intolerance (migrantophobia, ethnophobia)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 56–66.
14. Makarova, S.L. (2004) Yazyk vrazhdy i konstruirovaniye "obraza vraga" v tsentral'nykh i nizhegorodskikh SMI [Language of hatred and construction of the "image of the enemy" in central and Nizhny Novgorod media]. *Yazyk sovremennykh SMI: problemy yazykovoy kul'tury* [Language of Modern Media: Problems of Language Culture]. Proc. of the Round Table Session. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University.
15. Zolotukhina-Abolina, E.V. (2006) *Povsednevnost': filosofskie zagadkiyu* [Everyday Life: Philosophical Riddles]. Moscow: Nika-Tsentr.
16. Ilyushkin, V.V. (2015) Spetsifika proyavleniya avtostereotipov, geterostereotipov v protsessakh mezhkul'turnogo obshcheniya i obucheniya [Specifics of manifestation of autostereotypes, heterostereotypes in the processes of intercultural communication and learning]. *Problemy pedagogiki*. 5(6). pp. 7–11.

Сведения об авторе:

Закирова А.Ж. – кандидат философских наук, доцент Дзержинского политехнического института (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Дзержинск, Россия). E-mail: zakirova107@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zakirova A.Zh. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Dzerzhinsky Polytechnic Institute (branch) of Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev (Dzerzhinsk, Russian Federation). E-mail: zakirova107@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 07.08.2024;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК: 141.412: 177.8

doi: 10.17223/1998863X/83/6

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА И ФАТАЛЬНОСТЬ ОДИНОЧЕСТВА КАК КРУШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Максим Николаевич Лященко

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, megamax82@rambler.ru

Аннотация. Представлена попытка реконструкции исходной концепции одиночества в рамках пессимистической антропологии «отцов» протестантизма – М. Лютера и Ж. Кальвина. Выдвигаемая реконструированная модель дает основание для сомнения в правильности веберовского понимания одиночества, которое раскрывает суть одиночества на поверхности, улавливая только многомерный спектр его следствий в виде внутренних переживаний.

Ключевые слова: одиночество, протестантизм, М. Вебер, М. Лютер, Ж. Кальвин, фатализм, несвобода

Для цитирования: Лященко М.Н. Пессимистическая антропология протестантизма и фатальность одиночества как крушение человеческого бытия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 49–58. doi: 10.17223/1998863X/83/6

Original article

PESSIMISTIC ANTHROPOLOGY OF PROTESTANTISM AND THE FATALISM OF SOLITUDE AS THE COLLAPSE OF HUMAN EXISTENCE

Maxim N. Lyaschenko

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, megamax82@rambler.ru

Abstract. The article is an attempt to reconstruct the original concept of loneliness within the framework of the pessimistic anthropology of the “fathers” of Protestantism, plunging to the necessary ontological depth in order to explicate its meaning in terms of the fundamentals of human existence, since the dominant undivided Weberian model, revealed in the first part of the article, grew up on the soil of socio-religious knowledge. Therefore, it cannot express the deep (metaphysical) essence of solitude, fixing only the multidimensional spectrum of its consequences in the form of inner experiences (“inner isolation”, “spiritual solitude”, individually closed “communion of the Calvinist with his God”). Therefore, a philosophical reconstruction of the deep meaning of solitude was made, which is necessary and relevant for today. As a result of analyzing Martin Luther’s teachings and John Calvin’s doctrine of the “double decree”, the archetypal meaning of solitude as passive being-not-so-action, which expresses the complete collapse of human existence and the triumph of the present order, which denies the freedom of the individual as a modus of its existence, was explicated. The article pays special attention to the question of the fatalism of solitude, which is a consequence of God’s decision. Therefore, the center of cognitive interest is Calvinism, which strengthened the fatalistic consequences of Lutheranism. It is shown that Calvinism converges on this ground with Stoicism, or rather is united with it in the attitude that solitude is “imposed” on man by a force fundamentally alien to his freedom and directed

against him. In fact, both of these teachings urged man to courageously come to terms with it by renouncing his will, on the one hand. On the other hand, the difference between them is that in Stoicism solitude is conditioned by the rationalistic predetermination of the objective course of things, while in Calvinism it comes from the authority of God, who completely and unconditionally subjects man to solitude as a “law” (necessity, nature). For man rejected by God, solitude becomes unfreedom – a “law” from which he received “liberation” only after death, and only if he was originally predestined by God to salvation. It is noteworthy, however, that even if he received assurance of his chosenness, the “phantoms” of solitude apparently troubled his consciousness for a long time. Such is the pessimistic anthropology of Protestantism. The author also draws attention to the fact that in Calvinism the attempt to escape the fatality of hostile loneliness is declared (following Weber’s exegesis) to be a tireless work for the glory of God, in the process of which man realized himself to be God’s instrument, the chosen one. However, vocation, perceived by the Protestant as a sure sign of chosenness, is in fact the “freedom” to be seen only as an expression of man’s submission to the order established by God’s authority. Thus, in the splendor of such freedom, the value of personal existence is negligible.

Keywords: loneliness, Protestantism, Max Weber, Martin Luther, John Calvin, fatalism, unfreedom

For citation: Lyaschenko, M.N. (2025) Pessimistic anthropology of protestantism and the fatalism of solitude as the collapse of human existence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 49–58. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/6

Не может остаться без внимания тот факт, что теоретические и методологические основания господствующей модели понимания одиночества в эпоху Реформации восходят к самой популярной и известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованной в 1904–1905 гг. Несмотря на главную идею этой работы (протестантская этика как стимулирующий но, как понимал и сам Вебер, не единственный фактор развития капиталистической системы), которая стала предметом ожесточенных споров, веберовский взгляд на одиночество в рамках протестантского вероучения остается одним из сильных и неоспоримых элементов его концепции. Что же тогда представляет собой веберовский взгляд на одиночество? Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев анализ, проведенный Вебером в «Протестантской этике...».

Следует сразу отметить, что актуализацию проблемы одиночества в протестантизме Вебер связывает с доктриной Ж. Кальвина о предопределении¹. По мнению Вебера, в лютеранстве эта идея не только не вышла на передний план, но и не получила должного развития в силу сохранения в нем традиционных «чувственно-эмоциональных элементов культуры» [2. С. 143], которые сделали его невосприимчивым к рациональной аскезе [2. С. 98, 166; 3. Р. 3]. Именно последняя, согласно Веберу, и стала источником зарождения «капиталистического духа».

Как утверждает Вебер, Кальвин в отличие от Лютера «продумал» эту идею, т.е. методично и рационально придал ей строгую, логически завершенную форму, которая стала источником возобладания на последующих этапах эволюции протестантских учений «рационально-аскетических элементов» [2. С. 156]. «Поэтому, – как отмечает Вебер, – значение этой идеи усиливается

¹ Сам Кальвин придает «мало значения доктрине предопределения, уделяя ей в изложении всего четыре главы (главы 21–24 третьей книги, в дальнейшем III.XXI–XXIV)» [1. С. 160].

вместе с усилением логической последовательности его концепции, направившей его помыслы на служение только Богу, а не человеку. Не Бог существует для людей, а люди для Бога; все деяния человека... имеют смысл только как средство самоутверждения божественного величия. Прилагать масштабы земной „справедливости“ к суверенным решениям Всевышнего бессмысленно... Он один, *свободен...*» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – М.Л.) [2. С. 141–142]. Каждый человек, как и «всякая тварь», которая «отделена от Бога непреодолимой пропастью и обречена им на вечную смерть, разве только он решит иначе во славу величия своего» [2. С. 142], подчинен его суверенным решениям. Поэтому «нам известно лишь одно: часть людей предопределена к блаженству, остальные же прокляты навек» [2. С. 142].

Свои «абсолютно свободные, от века существующие» [2. С. 143] решения Всевышний не меняет, а люди настолько ничтожны и бессильны, что их желания и поступки не могут побудить Его пересмотреть свои решения. «Поскольку решения Бога изначальны и не подвержены изменению, – пишет Вебер, – божественное милосердие в такой же степени не может быть утеряно теми, кому оно дано, в какой оно недостижимо для тех, кто его лишен» [2. С. 142]. Тем более Божий промысел, как и собственная судьба человека, – это абсолютная тайна, проникнуть в которую никому из смертных не дозволено [2. С. 142]. Если, конечно, сам Всевышний не сочтет за благо открыть ее людям. Таким образом, верующий, пребывающий в полном неведении относительно собственной судьбы, испытывал мучительный страх («страх смерти и страх перед загробным миром» [2. С. 145]) и «ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества» [2. С. 142]¹, поскольку «никто не может ему помочь. Ни проповедник... Ни таинства... Ни церковь... Ни Бог², наконец, – ибо Христос умер лишь для спасения избранных, и только их грехи Бог от века решил искупить смертью Христа» [2. С. 143]. Обреченный на одиночество и испытывающий постоянное психическое напряжение («невероятное *напряжение*» [2. С. 153]), он должен был идти «навстречу от века предначертанной ему судьбе» [2. С. 142] в полной неопределенности и отчаянии, лишенный возможности когда-либо обрести внутреннее спокойствие. По сути, это был беспокойный и опустошенный поиск своего положения перед Всевышним [5. Р. 146], который увеличивал экзистенциальную напряженность верующего до максимума. Таким образом, Божий приговор, в соответствии с которым человек «от века» был предызбран на смерть, обрекало его на полное одиночество, которое являлось следствием вечного осуждения.

Естественно, что эпигоны Кальвина [2. С. 148] взяли за решение этого насущного вопроса в соответствии с новым духом времени, требовавшим освободить от мук каждого верующего и обойти «искупительный тупик» [5. Р. 147], ведь католическая модель поведения, которая укладывалась в цикл «грех–покаяние–прощение», в кальвинизме отсутствует [6. Р. XII]. Для этого нужно было определить «верные признаки», позволяющие «*установить* факт избранности» [2. С. 148]. Внешние признаки, как оказалось, не подходят, поскольку «в земной жизни избранные внешне не отличаются от отверженных»

¹ К такому же выводу приходит В.В. Ключков, который, правда, забывает сослаться на работу Вебера [4. С. 67].

² Здесь идея ничтожности человека увязывалась с «учением об абсолютной трансцендентности Бога» [2. С. 143].

[2. С. 147]. Самым верным признаком, с большей долей вероятности определяющим «факт избранности человека» [2. С. 148], «была признана *неутомимая деятельность в рамках своей профессии*. Она, и только она прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве» [2. С. 149]. Это, конечно, не означало, что человек был спасен и, соответственно, избежал смерти; это было «средством избавиться от неопределенности» («забыть о проклятии») [7. С. 116]¹, т.е. способом достигнуть психического комфорта. Однако протестанту необходимо было непрестанно и напряженно трудиться, достигая успеха в мирских делах, чтобы добиться уверенности в собственном спасении [2. С. 152]². В противном случае вместе с неудачей в душе протестанта рождались «страх и трепет», которые становились предпосылками психологического дискомфорта.

И все же важным остается один вопрос: как понимать смысл и суть одиночества в контексте веберовской экзегезы? В тексте «Протестантской этики» точного и четкого определения одиночества нет, но, судя по некоторым местам текста, его можно определить как внутреннюю изолированность либо как «духовное одиночество» индивида [2. С. 143–144].

Далее следует отметить, что представления основной массы исследователей об одиночестве в контексте протестантизма укладываются в веберовскую схему. Например, один из признанных авторитетов в области исследования данного феномена Н.Е. Покровский считает, что протестантизм оторвал человека от социального общения и погрузил его в «сугубо индивидуальный... замкнутый „диалог“ с богом» [10. С. 11]³. Данная концепция в той или иной степени была поддержана А.С. Гагариным, С.А. Ишановым с Е.Н. Осиним, Ж.В. Пузановой [11. С. 18; 12. С. 168; 13. С. 48].

Известный философ и психолог Э. Фромм вслед за М. Вебером и К. Марксом, принадлежавшим к одной культурной среде, ставшей колыбелью Реформации, считал, что освобождение «от внешних уз» духовной власти, которое человек получил благодаря лютеранству, «принесло ему одиночество и поселило в его душе полную растерянность... Свободный, но изолированный и одинокий человек сломлен ощущением своей убогости и незначительности, и догмы, высказываемые Лютером, выражают именно это самое чувство бессилия и полного одиночества (изоляции)» [14. С. 98–99]. Обратим внимание на то, что Фромм, в отличие от Вебера, источник возникновения чувства одиночества в душе человека связывает не с учением Кальвина, а с учением Лютера. И в этом он прав. Поэтому перейдем к анализу учения М. Лютера, а после – к доктрине двойного предопределения Ж. Кальвина.

¹ Некоторые авторы именуют это внутренне субъективное переживание, облегчающее душевные страдания верующего, «психологической премией» (см.: [5. Р. 146; 8. С. 37–38].

² Позже эта мощная мотивация получила практическую реализацию, превратившись в «систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии» [2. С. 85]. Однако, как справедливо заметил И.В. Забаев, дух капитализма никак не связан с наживой [9. С. 26].

³ К данному выводу Н.Е. Покровский приходит непосредственно под влиянием взглядов М. Вебера, который писал, что «общение кальвиниста с его Богом происходило в атмосфере полного духовного одиночества» [2. С. 144]. Также немаловажную роль в становлении и утверждении этого взгляда сыграла известная цитата английского ученого Доудена, которую приводит Вебер в примечании во второй части своего труда (см.: [2. С. 212]).

Центральную идею, вокруг которой сформировалось учение Лютера, традиционно формулируют так: «оправдание одной верой», или как грешнику «установить правильные отношения с Богом» [1. С. 118]. Генетически она является следствием мысли Лютера об абсолютной праведности Бога, который по собственной милости дарует (в вере) абсолютно греховному человечеству спасение¹. Даруемая Богом праведность грешнику ставит его в роль пассивного и непосвященного «реципиента», которому остается уповать на Божью милость и верить в свое спасение. «Бог ничего не предвидит по необходимости, — пишет М. Лютер, — знает все, располагает и совершает по неизменной, вечной и непогрешимой Своей воле» [16. С. 199]. И «даже если это и кажется нам изменчивым или случайным, свершается, однако, если принимать во внимание Божью волю, необходимо и неизменно» [16. С. 200], поскольку «он сам это предвидит и этого желает» [16. С. 200]. И люди, по мнению богослова, не смеют «доискиваться до смысла божественного желания» [16. С. 215]. Таким образом, согласно Лютеру, Господь Бог выступает абсолютно надежным гарантом выполнения условий оправдания².

Вполне очевидно, что человек, для которого абсолютно непроницаем промысел Божий, внутренне преисполнен трагизма и отчаяния. Для Лютера именно такой человек, находящийся в ожидании «того, как поступит Господь... ближе к благодати, к тому, чтобы спастись» [16. С. 215], нежели самоуверенный человек, который полностью не отчаялся и не смирился перед Божьей волей. Отчаявшемуся человеку, который единственно в утешенье получает «знание того, что Бог не лжет, но совершает все неизменно» [16. С. 202], остается одно — верить — «напряженно вслушиваться в глубины своего „я“» [18. С. 54], чтобы найти ответ на единственно волнующий его вопрос — «лежит ли на нем милость божия как единственная гарантия личного спасения» [18. С. 54]. Иначе говоря, только в вере приверженец лютеранства мог обрести надежду быть избранным и присоединиться к Христу, который реально начинает в нем присутствовать и действовать, освобождая от всех грехов, смерти и ада [15. С. 32].

Таким образом, вера, освобождая человека от греха, делала его независимым от природно-космической и общественной обусловленности³. Поэто-

¹ М. Лютер пишет: «...прерогатива оправдывать и спасать верой принадлежит только благодати Божьей» [15. С. 42]. В «О рабстве воли» он четко говорит: «Бог творит в нас спасение, то — волей-неволей — без его деяния мы равным счетом ничего не способны сделать для своего спасения» [16. С. 216].

² А. Маграт называет праведность, налагаемую на грешника Богом, «пассивной праведностью» [1. С. 124] или «чуждой праведностью Христа» [1. С. 137]. Этот момент радикально отличает протестантизм от католицизма (и православия), в основе которого лежит принцип динамического бытия человека, ясно выраженный в термине «*κοινωνία*». Этот термин указывает на человека как на того, кто «активно принимает участие вместе со Святой Троицей в процессе обеспечения таких благ как истина, любовь, свет и жизнь» [17. Р. 55]. В то же время понятие «*κοινωνία*» имеет не только вертикальное измерение, но и горизонтальное (историческое) измерение, предполагающее со-деятельность людей внутри церкви как живого «организма» [17. Р. 55].

³ Примечательно, что в позднем Средневековье грех рассматривался как «нечто социальное и видимое, требующее видимого и социального прощения» [1. С. 133]. Природа и общество для Лютера, также как и для Кальвина, были зеркалом, в котором можно было узреть факт подчиненности человека греху, указывающему, что природная и социальная реальность не могут обеспечить надежную заботу личности и защиту ее целостности. Только Бог может это сделать. Таким образом, Лютер и Кальвин разрушили не только сложившуюся веками систему духовных и социально-институциональных связей, которая брала на себя заботу о спасении души человека, обеспечивая его единство с трансцендентным миром, но и целостность картины мира, которая оправдывала этот порядок.

му необходимость в консолидации социальных и институциональных сил в решении вопроса спасения отпадала; он становился личным вопросом, в решение которого вовлечены человек и Бог, а точнее, участвует только Бог. Отсюда следует, что человек оказывался в одиночестве, поскольку был полностью бессилён что-либо изменить в собственной судьбе (= одиночестве), предопределённой ему волей Божьей, т.е. выступающей по отношению к его бытию внешней, отчуждённой силой, которая полностью господствует над ним и распоряжается им. И только по этой причине никто из окружающих, которые сами же являются беспомощными игрушками в руках непостижимой силы (предопределения), не мог помочь человеку в деле его спасения. Все они отторгнуты этой силой от его бытия, как, впрочем, и от своего. Понимание этого приводило человека к осознанию трагизма своей рабской участи и страху перед волей Божьей¹ и будущим (вечным) одиночеством – смертью (видимо, для протестантов это одно и то же, т.е. и одиночество, и смерть являются основными критериями богооставленности человека).

Это открытие натолкнуло Лютера на мысль о том, что если все в мире подчиненно Божественному провидению, то оно и определяет каждому человеку его призвание (профессиональную деятельность) как судьбу, посредством исполнения которого он должен ощущать через веру присутствие «Бога в каждом своем действии» и быть уверенным в том, что дело, которое предстоит ему совершить, «вписывается в Божий план, что оно исполняет Божью волю» [19. С. 214]. Словом, призвание – это «повеление, с которым к нему обращается сам Бог» [19. С. 217], т.е. в каждом трудовом усилии и действии верующий мог ощутить всю полноту присутствия Бога. Поэтому лютеранство открывало «полный простор мирской активности» [18. С. 60], а не только потому, что «религиозные заслуги и добрые дела попросту не имеют отношения к вопросу о праведности и спасении человека» [18. С. 60]. Более того, Лютер, ограничив претензии человеческого разума в постижении божественной сферы, предоставил ему практически безграничные возможности применения в познании и овладении земной сферой [20. С. 115].

Однако, несмотря на признание Лютером изначальной греховности человека, его бессилия в деле собственного спасения и на общий пессимистический настрой его теологических взглядов, нельзя абсолютно быть уверенным в том, что его учение призывало человека полностью смириться с одиночеством. Напротив, каждому лютеранину вменялось «ежедневно надеяться быть избранным» [18. С. 54], и, следовательно, это вселяло в него надежду на то, что одиночество не «рок» и не его «судьба».

Радикализацию этого взгляда следует связать с доктриной Кальвина о «двойном декрете», усилившем фаталистические следствия лютеранства. Согласно Кальвину, «существует предвечный замысел Бога, в котором Он определил, как он желает поступить с каждым человеком. Бог не создает всех людей в одинаковом состоянии, но предназначает одних к вечной жизни, а других к вечному проклятию. В зависимости от цели, для которой создан человек, мы говорим, предназначен ли он к смерти или к жизни» [21. С. 381]. И понятно, что отверженные, для которых «врата жизни закрыты» [21. С. 381], и познание слова Божьего недоступно [21. С. 386], приговорены к

¹ В этом и состоит главный смысл произведения Лютера «О рабстве воли».

одинокости (и смерти) без всякой на то вины. Словом, для проклятых Богом людей одиночество *фатально*, поскольку, напомним, Всевышний своих решений не меняет, а вердикт, вынесенный Им, не подлежит обжалованию. В конечном итоге фатальность одиночества как *несвободы* проклятого Богом человека являет его совершенно бесправным и пассивным существом.

Здесь кальвинизм сближает со стоицизмом установка на то, что одиночество «навязано» человеку силой, принципиально чуждой его свободе и направленной против него. Фактически оба этих учения призывали человека мужественно смириться с ним, отказавшись от своей воли. Различие между ними в том, что в стоицизме одиночество обусловлено рационалистической предопределенностью объективного хода вещей¹, а в кальвинизме оно исходит от силы «куда более жестокой и всеобъемлющей: власти Бога, которая» полностью и безоговорочно подчиняет человека одиночеству как «закону» (необходимости, природе) [14. С. 100], от которого, как выражался Э. Фромм, человек пытается бежать². Однако на самом деле это бегство напоминает бег на месте³, а человеческая свобода – иллюзию, поскольку, вспомним М. Вебера, Бог «один... свободен». В сущности, одиночество оказывается неумолимым и неотвратимым «законом», установленным Божьей властью. Для каждого человека этот «закон» – несвобода, от которого он получал «освобождение» только после смерти, и то если он был изначально предопределен Богом к спасению. Примечательно, однако, и другое: если даже приверженец кальвинизма получал уверенность в своей избранности, то «фантомы» одиночества, видимо, еще долго тревожили его сознание, ведь «только Богу открыта до конца судьба индивида, только ему бытие человека предстает целиком» [18. С. 87]. Такова пессимистическая антропология протестантизма.

Вместе с тем, судя по контексту учения «отцов» протестантизма, несмотря на корреляцию одиночества с несвободой, оно наделяется ими положительными (или, по крайней мере, сдержанно нейтральными) моральными и аксиологическими коннотациями. А как иначе? Ведь оно – следствие Божьего решения. Поэтому единственно, что оставалось человеку, – это оказаться от своей воли и полностью принять одиночество как повеление Божье. Таким образом, одиночество – это *пассивное бытие-не-со-действие*, которое выражает полный крах человеческого бытия и торжество наличного порядка, который отрицает свободу личности как модус ее существования (это глубинный, искомый смысл одиночества, остающийся «за кадром»). К выдвигаемой нами версии был близок Э. Фромм, у которого одиночество стоит в одном

¹ Следует заметить, что идея фатальности одиночества в стоицизме «снимается» христианско-теологической мыслью, согласно которой одиночество хоть и обусловлено греховной природой человека, но устранимо и преодолимо.

² Отсюда корень понимания Ф.Г.В. Гегелем и К. Марксом «свободы как познанной необходимости». Не исключено, что этот корень уходит еще глубже – в культурные слои философско-рефлексивного мышления древних греков.

³ Попыткой избавиться от фатальности враждебного одиночества можно считать неумолимый труд во славу Божью, в процессе которого человек осознавал себя орудием Бога, избранным [2. С. 150–151]. Следовательно, чем большего успеха достигал человек в своей профессии, тем крепче была его уверенность в своей избранности и принадлежности к «невидимой церкви» [2. С. 148]. Однако парадокс состоит в том, что призвание – это «свобода», которую следует рассматривать только как выражение покорности человека порядку, установленному властью Бога.

ряду с бессилием и пассивностью (заметим, также и у К. Маркса с М. Вебером), но сделать шаг к отождествлению их он так и не смог.

В заключение хотелось бы сказать, что веберовский подход, ставший методологическим ключом для современных авторов, раскрывает суть одиночества *на поверхности*, улавливая только многомерный спектр его следствий в виде внутренних переживаний («внутренняя изолированность», «духовное одиночество», индивидуально замкнутое «общение кальвиниста с его Богом»). Таким образом, глубинная (метафизическая) сущность одиночества остается за пределами веберовской экспликации. Но это не ошибка Вебера, поскольку обстоятельное осмысление одиночества не входило в задачу его исследования. Кроме того, нужно учитывать, что социологическое исследование не может погрузиться на необходимую онтологическую глубину, чтобы сфокусироваться на основаниях человеческого бытия. Поэтому и требуется философская реконструкция архетипического смысла одиночества.

Список источников

1. Маграт А. Богословская мысль Реформации. Одесса : ОБШ «Богомыслие», 1994. 316 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / пост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Даводов ; предисл. П.П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Rodertson H.M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and His School. New York : Kelley & Millman, INC, 1959. 223 p.
4. Ключков В.В. Кальвинизм и европейская модернизация XVI–XVIII веков: социально-правовые аспекты // Юрист-Правовед. 2011. № 1 (44). С. 62–66.
5. MacKinnon M.H. Part I: Calvinism and the Infallible Assurance of Grace: The Weber Thesis Reconsidered // The British Journal of Sociology. 1988. Vol. 39, № 2. P. 143–177.
6. Giddens A. Introduction // Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / transl. by T. Parsons. London ; New York : Routledge, 2001. P. VII–XXIV.
7. Забаев И.В. Религия и экономика: можем ли мы все еще опираться на Макса Вебера? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 107–148.
8. Капелюшников Р.И. Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма» // Экономическая социология. 2018. Т. 19, № 3. С. 25–49.
9. Забаев И.В. Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 1. С. 20–71.
10. Покровский Н.Е. Человек. Одиночество. Гуманизм // Лабиринты одиночества: пер. англ. / сост., общ. ред., предисл. Н.Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989. С. 5–20.
11. Гагарин А.С. Одиночества как экзистенциал человеческого бытия в воззрениях Эразма Роттердамского и «Отцов» Реформации // Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 15–19.
12. Ишанов С.А., Осин Е.Н. Наедине с собой: уединение и одиночество // Человек. 2019. Т. 30, № 3. С. 165–183.
13. Пузанова Ж.В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 47–58.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Д.Н. Дудинский. Минск : Попурри, 1998. 672 с.
15. Лютер М. О свободе христианина // Избранные произведения. СПб. : Фонд Лютеранского Наследия, 1994. С. 16–54.
16. Лютер М. О рабстве воли // Избранные произведения. СПб. : Фонд Лютеранского Наследия, 1994. С. 185–382.
17. Turner M. The Churches of the Johannine Letters as Communities of “Trinitarian” Koinōnia // The Spirit and Spirituality. Essays in Honour of Russell P. Spittler / ed. R. Menzies. London : T & T Clark, 2004. P. 41–61.
18. Исаев С.А. Теология смерти: Очерки протестантского модернизма. М. : Политиздат, 1991. 236 с.

19. Holl K. Die Geschichte des Worts Berus // Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. Bd. 3: Der Westen. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1928. S. 189–219.
20. Бандуровский К.В. Место Лютера в дискуссии о свободе/рабстве воли // Verbum. Вып. 15. Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры: Альманах. СПб. : Изд-во СПб. филос. общества, 2013. С. 89–115.
21. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / пер. с фр. и англ. А.Д. Бакулова ; науч. ред. д-р филос. наук, проф. Ю.А. Кимелев. М. : Изд-во Рос. гос. гуман. ун-та, 1998. Т. 2, кн. III. 480 с.

References

1. Magrat, A. (1994) *Bogoslovskaya mysl' Reformatsii* [Theological Thought of the Reformation]. Odessa: OBSh, "Bogomyслие."
2. Weber, M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
3. Rodertson, H.M. (1959) *Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and His School*. New York: Kelley & Millman, INC.
4. Klochov, V.V. (2011) Kal'vinizm i evropeyskaya modernizatsiya XVI–XVIII vekov: sotsial'no-pravovyye aspekty [Calvinism and European modernization of the 16th – 18th centuries: socio-legal aspects]. *Yurist-Pravoved*. 1(44). pp. 62–66.
5. MacKinnon, M.H. (1988) Part I: Calvinism and the Infallible Assurance of Grace: The Weber Thesis Reconsidered. *The British Journal of Sociology*. 39(2). pp. 143–177.
6. Giddens, A. (2001) Introduction. In: Weber, M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London; New York: Routledge. pp. VII–XXIV.
7. Zabaev, I. V. (2018) Religiya i ekonomika: mozhem li my vse eshche opirat'sya na Maksa Vebera? [Religion and economics: Can we still draw on Max Weber?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 17(3). pp. 107–148.
8. Kapelyushnikov, R.I. (2018) Gipnoz Vebera. Zametki o "Protestantskoy etike i dukhe kapitala-lizma" [Weber's Hypnosis. Notes on "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism"]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 19(3). pp. 25–49.
9. Zabaev, I.V. (2019) Nitshsheanskiy vzglyad na stodollarovuyu kupyuru: chtenie veberovskoy "Protestantskoy etiki" v svyazi s zamechaniyami sovremennogo ekonomista [A Nietzschean view of the hundred-dollar bill: Reading of Weber's "Protestant Ethics" in relation to remarks by a contemporary economist]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 20(1). pp. 20–71.
10. Pokrovskiy, N.E. (1989) Chelovek. Odinochestvo. Gumanizm [Human. Loneliness. Humanism]. In: Pokrovskiy, N.E. (ed.) *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of Loneliness]. Moscow: Progress. pp. 5–20.
11. Gagarin, A.S. (2018) Odinochestvo kak ekzistentsial chelovecheskogo bytiya v vozzreniyakh Erazma Rotterdamskogo i "Ottsov" Reformatsii [Solitude as an existential of human existence in the views of Erasmus of Rotterdam and the "Fathers" of the Reformation]. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 1(18). pp. 15–19.
12. Ishanov, S.A. & Osin, E.N. (2019) Naedine s soboy: uedinenie i odinochestvo [Alone with yourself: solitude and loneliness]. *Chelovek*. 30(3). pp. 165–183.
13. Puzanova, Zh. V. (2003) Filosofiya odinochestva i odinochestvo filosofa [Philosophy of solitude and the loneliness of the philosopher]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 4-5. pp. 47–58.
14. Fromm, E. (1998) *Begstvo ot svobody; Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom; Man for himself]. Translated from German by D.N. Dudinskiy. Minsk: OOO Popurri.
15. Luther, M. (1994) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. St. Petersburg: Lutheran Heritage Foundation. pp. 16–54.
16. Luther, M. (1994) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. St. Petersburg: Lutheran Heritage Foundation. pp. 185–382.
17. Turner, M. (2004) The Churches of the Johannine Letters as Communities of "Trinitarian" Koinōnia. In: Menzies, R. (ed.) *The Spirit and Spirituality. Essays in Honour of Russell P. Spittler*. London: T & T Clark. pp. 41–61.
18. Isaev, S.A. (1991) *Teologiya smerti: Ocherki protestantskoy modernizma* [The Theology of Death: Essays on Protestant Modernism]. Moscow: Politizdat.
19. Holl, K. (1928) *Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte*. Bd. 3. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. pp. 189–219.

20. Bandurovskiy, K.V. (2013) Mesto Lyutera v diskussii o svobode/rabstve voli [Luther's place in the discussion of freedom/slavery of the will]. In: *Verbum*. Vol. 15. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. pp. 89–115.

21. Calvin, J. (1998) *Nastavlenie v khristianskoy vere* [Instruction in the Christian faith]. Translated from French and English by A.D. Bakulova. Vol. 2(3). Moscow: Russian State University for the Humanities.

Сведения об авторе:

Лященко М.Н. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: megamax82@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyaschenko M.N. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: megamax82@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 20.08.2024;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 008; 141

doi: 10.17223/1998863X/83/7

КРУГИ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ: КРАТКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Ярослав Владимирович Мальцев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, y.v.malcev@utmn.ru

Аннотация. В сжатом виде представлена суть авторской концепции перманентной современности, основанной на работах А.В. Павлова и Дж. Агамбена, а также ряда других философов. Обозначаются основные пространства-составляющие – бытие, субъект, политическое, культура – перманентной современности, в пределах которых происходит трансформация культурного поля.

Ключевые слова: современность, бытие, субъект, культура, цивилизация, политика

Для цитирования: Мальцев Я.В. Круги перманентной современности: краткая концептуализация понятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 59–75. doi: 10.17223/1998863X/83/7

Original article

CIRCLES OF PERMANENT MODERNITY: A BRIEF CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT

Yaroslav V. Maltsev

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, y.v.malcev@utmn.ru

Abstract. In the article offered to the reader's attention, in the most concise form, the essence of the author's concept of permanent modernity is outlined in the ratio of its main components, which can be likened to circles: contiguous planes built into each other, within the boundaries of which one or another action unfolds, ultimately affecting the overall structure. Like circles on water, modernity is a relation of circles diverging in breadth. At the same time, each circle is in a situation of existential dialogue with another and affects the whole. Ultimately, this contact (dialogue) and the expansion of circles ensure the dynamics of culture, its emergence and transformation. The aim of the article is to show how the cultural matrix (and its appearance) changes and to what extent this change is ontologically and ontically conditioned. However, within culture, under the influence of a person who knows, acts, engages in creativity, the development of culture takes place in the sphere of the political and in the sphere of culture itself as a part of the public sphere. In the political (politics is understood here from the perspective of Alain Badiou, Jacques Rancière, Chantal Mouffe as a struggle for the birth of a new order on the site of everyday life), the subject creates an idea and enters into a dialogue with other subjects, and also (voluntarily or involuntarily) accumulates a set that participates in the struggle to establish the unique utopia proposed by the subject as a universal order. The political field is the clash of multitudes for the project of the future. Culture itself is part of the civilization–culture–modern–postmodern quartet, the relationship of which is revealed in more detail in the text of the work.

Keywords: modernity, being, subject, culture, civilization, politics

For citation: Maltsev, Ya.V. (2025) Circles of permanent modernity: a brief conceptualization of the concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 59–75. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/7

Перманентная современность – новая концепция, претендующая на всеобщность: на попытку охватить социальное, политическое, культурное, ответить на извечные вопросы о том, что есть истина, каковы отношения человека и истины, что есть сам человек. Иными словами, перманентная современность как концепт стремится аккумулировать все лучшее из сказанного гигантами и обозначить перспективы новой интеллектуальной парадигмы, которой так не хватает сегодня, когда нарративы якобы умерли (но нет: когда нарративы не могут умереть в силу перманентности мыслительной и *сказательной (говорящей, говорительной, высказывающейся)* деятельности субъекта). Перманентная современность – возможность говорить о старом и новом иначе; это то, что отзывается на призыв Л. Хатчеон [1. С. 181] найти ответ на коллапс постмодерна. Перманентная современность – не просто ответ на постсовременность, но теория философского фундаментализма, утверждающая одновременно и что постмодерна никогда не было, и что постмодерн существует всегда. Существует как часть перманентной современности.

Рассуждая о перманентной современности, приходится сложно говорить о простом. В самом деле, что может быть проще отношений человека и времени? Но что труднее раскрыть, чем эти отношения: структуру, феноменологию, экзистенцию этих отношений, этих сущностей, этих множественностей и этой ризомности? Просто сказать нечто. Трудно аргументировать и ввести это в широкий оборот философского обсуждения, чтобы идея верифицировалась и развивалась, чтобы обрастала противниками и сторонниками, таким образом разворачиваясь или сворачиваясь, верифицируясь, фальсифицируясь. Но так или иначе теория обретает бытие только в диалоге. Идея перманентной современности имеет полное право попробовать себя в роли *предложения* для выстраивания новой философской парадигмы. Пусть временной, но несущей в себе потенции определенной культурной трансформации, за которой будет что-то другое. Перманентная современность на этих страницах – сумма и проект. И призыв.

Призрак идеи перманентной современности, современности как перманентности, в некотором смысле бродит по Европе уже несколько лет. С одной стороны, Дж. Агамбен в 2007 г. представил вниманию публики статью «Что современно?» [2], где в философско-поэтической манере, как это свойственно европейской школе, размышлял над сущностью современности как таковой, как пристегнутой к субъекту. При этом Агамбен анализировал стихотворение «Век» О. Мандельштама 1923 г. как пример связки субъекта со временем, т.е. в качестве образца сингулярности субъект-современность. И размышления Агамбена, и его пример с Мандельштамом можно (в обратную сторону) довести до Гегеля с его «постичь в мысли свое время».

Независимо от Агамбена, но в направлении развития этой же интуиции в 1998 г. в Тюмени была защищена кандидатская диссертация С.А. Патласова «Современность как принцип философского познания» [3], а чуть позже этой проблеме уделил пристальное внимание тюменский ученый А.В. Павлов [4, 5], которому удалось вызвать дискуссию на страницах журнала «Социум и власть» в 2013 г. (в ней приняли участие С.В. Борисов [6], Г.Л. Тульчинский [7], А.С. Чупров [8], Ю.Г. Ершов [9]). Кроме того, свои попытки осмыслить современность как полноценную и полновесную проблему предприняли П.К. Гречко [10], Ю.М. Резник [11] и ряд других исследователей. Особен-

ность подхода указанных исследователей – в попытке мыслить современность не политически (как, например, Б.Г. Капустин [12] или Дж. Грей [13]), социологически (Э. Гидденс [14], У. Бек [15], З. Бауман [16]) или исторически (У. Мак-Нил [17], Э. Хобсбаум [18], И. Валлерстайн [19]), но философски, более того, экзистенциально и картезиански – как особую ситуацию отношения субъекта и времени. Эти интуиции, эта дискуссия и это начало нуждаются в продолжении и развитии.

Основным методологическим основанием для попытки помыслить, что есть перманентная современность, является то, что Ж. Делез назвал *сложным мышлением*, т.е. предельная акцентированность на множественности и гетерогенности социального, крайнее внимание к текучести и взаимодействию, к постоянному сглаживанию и рифлению, к существованию машины войны в самой структуре современности.

Современность – в полной мере делезианская и фукианская концепция. Так же, как картезианская. К тому же она экзистенциальна. И она отдает должное теориям Ф. де Соссюра. Обращается к истинам Платона, к идеям Анаксимандра и Спинозы. Включает в себя марксистский бэкграунд и лакановский инструментарий. То есть феноменология, экзистенциализм, практики себя и биовласть, лингвистический поворот и гегелевская диалектика – вот то немного, что помогает методологически ухватить суть современности и выразить ее концептуально. Ибо сегодня невозможно рассматривать субъекта без использования идей Фрейда, Лакана, Фуко. И, конечно, Декарта, Канта. Сегодня невозможно говорить о роли субъекта в культуре без учета мнений Соссюра, Витгенштейна и Бенвениста. Нельзя говорить об обществе, игнорируя Маркса. Об intersubjectивности – без Сартра, Бахтина и Хабермаса. Пожалуй, это круг, который помогает нам очертить то, что есть перманентная современность.

В начале было действие

«Существование предшествует сущности», – говорил Ж.-П. Сартр. Глагол предшествует сказуемому. Бытие есть действие. Действие бытия проявляется в желании быть. Желание быть проявляется через становление и расширение – через *разворачивание*. Большой взрыв происходит из сжатой до точки сингулярности будущего. Бытие проявляет себя в перманентном движении и созидании новых форм. Нет изначальных условий, есть движение и трансформации. Есть интерес бытия к самому себе. Но бытие движения есть бытие объектов. Движущихся объектов, находящихся в диалоге. Структура чистого бытия (Гегель) – коммуникация объектов бытия. Бытие разворачивается вширь, создавая мультиверс, бытие разворачивается вглубь, созидая варианты универсумов. Бытие находится в творчестве, поиске, эксперименте, движении, диалоге объектов.

Бытие есть начало. Начальный этап существования сущего. Если представить структуру современности, то бытие – самый широкий круг: такое блюдо, на котором разворачивается действие остальных кругов. Бытие определяет возможность. Гегель обозначает это состояние бытия, это состояние возможности и взаимодействия, как некое *прасостояние*. Именно бытие как прасостояние есть бытие-в-себе и бытие вещей-в-себе, бытие объектов, бытие ноуменов. В этом состоянии бытие состоит из непознанного и неопределимо-

го [20. С. 71–72]. В этом состоянии бытие просто есть. «„Раньше“ всякого присутствия размерного предположения и поведения лежит „априори“ бытийного устройства в бытийном образе заботы» (Хайдеггер) [21. С. 206]. В состоянии «чистоты» бытие делает все, кроме акта рефлексии как мышления, направленного на себя.

В терминах К. Мейясу, чистое бытие – это фактичность [22. С. 52–55], структура мира, сотканная из инвариантов исходной данности, могущих быть только описываемыми, но никак не обоснованными: во-первых, инварианты наличествуют сами по себе, не нуждаясь в обосновании, – они часть структуры; во-вторых, нет обосновывающего: чистое бытие равно *без-человечность*.

Определение чистого бытия как *без-человечности* помогает лучше понять структуру бытия в его сложных инвариантах *начала* и *ничто*. Гегель писал про «небытие, которое есть в то же время бытие, и бытие, которое есть в то же время небытие» [20. С. 76], т.е., по его мнению, начало обязано вынашивать в себе бытие, потому что нечто происходит из ничто. Но как появляется этот *Deus ex machina*? Что есть ничто, содержащее нечто, и как нечто появляется из ничто? Ничто есть чистое бытие в ситуации *без-человечности*, потому что человек суть рефлексизирующая часть бытия, создаваемая в результате разворачивания бытия. Человек – инструмент обратной связи. Человек «стоит в просвете бытия» (М. Хайдеггер), чтобы сказать ему, что оно есть. Бытие вне сознающего его разума (как и Бог, если ввести Бога в качестве сверхсубъекта, создающего бытие и бытийствующего) суть ничто. Вне определения/определяющего разума чистое бытие суть ничто. Без именующего животных и растения Адама универсум лишь скопление движущихся объектов. Бытие разворачивается, увеличиваясь в пространстве и создавая новые формы, но бытие остается закрытым для себя без ответа этих форм. Жизнь – ответ бытию на то, что оно суть и что ему удастся создать. «Жизнь есть свой особый образ бытия» (Хайдеггер) [21. С. 50]. Человек – наиболее сложная форма жизни. Разум – познающий, осмысляющий, привносящий смысл элемент бытия. Поэтому информация не исчезает в черных дырах. Мы не знаем роли, значения и взаимодействия информации, но она – инвариант бытия.

Д. Дойч пишет, что значение жизни «состоит в физическом воплощении знания» [23. С. 302]. Функция жизни в, как обозначил это Ю.М. Федоров, расшифровке «семантического вакуума» (непроявленного «семантического поля») [24. С. 111–112], который представляет собой чистое бытие – универсум объектов, являющих собой чистый знак, символ, вопрос, требующие внимания разума и расшифровки разумом. Чистое бытие – «мир без мышления – мир без данности мира», мир *доисторического* [22. С. 35], как этим понятием оперирует К. Мейясу. Чистое бытие – условие существования жизни и человека, но как таковое Оно еще без Я. Чистое бытие – это Оно = Оно. Какой бы формой не обладало чистое бытие – тьма над бездною (Быт. 1:2) или экосистема объектов, – но вне воспринимающего сознания оно – *ничто*: «простое равенство с самим собой», «отсутствие определений и содержания; неразличенность в самом себе» [20. С. 84]. Мейясу подходит к термину «чистое бытие» через дефиницию *доисторического*: для него это время до момента возникновения корреляционизма (когда у бытия появляется воспринимающее сознание) [22. С. 11].

Это ничто представляет собой чистую фактичность и непроницаемость кантовского «в-себе» [22. С. 54], характеристиками которого оказываются *неданность* и *онтологическое ускользание* от любой попытки теоретизирования: перед нами лишь возможное понимание и приближение, только индивидуальные интерпретации.

При этом, как было сказано, чистое бытие – это динамика. Динамика возникает в результате соотношения частей/частиц, т.е. объектов чистого бытия. Чистое бытие есть некая *пра*-форма, некий Пра-Код, состоящий из инвариантов (кванты, нейтрино, молекулы, волны, струны, единицы информации и др.), а внутри себя составляющая из этих инвариантов множество форм: так кристаллы воды могут находиться в газообразном, жидком и твердом состоянии. Инварианты чистого бытия внутри него самого находятся во взаимодействии, взаимозависимости, подчиняются общим законам. «Сама материальность является творческим агентом» (Дж. Беннетт) [25. С. 93]. Возникает идея мыслящего бытия, идея пантеизма, научные гипотезы о самоорганизации неорганических объектов (синергетика/теория хаоса, молекулярная химия и т.д.). То есть в некотором роде происходит возвращение к идеям Аристотеля: «Существует что-то, что вечно движется безостановочным движением» [26. С. 330] и: «Движение всегда было и во всякое время будет» [27. С. 258].

Бытие суть движущаяся система, развертывающаяся через физические и химические законы, через усложнение простейшего. В результате этого движения и усложнения бытия возникает множественность, происходит расширение точки до сферы, единицы – до десятка (в философских выкладках Пифагора), возникает временность и время. Именно движение чистого бытия, его перманентное развертывание и образует категорию времени, которая, по замечанию Хайдеггера, становится центральной проблематикой онтологии [21. С. 18]. Время возникает как качество чистого бытия, поскольку изначально лишь наличествует, лишь является частью, но не воспринимается и не рефлексивируется человеческим разумом. Время возникает как результат изменчивости бытия, как качество существующего в движении бытия. С движением появляется время. Поэтому любые формы бытия – движущиеся формы и формы, существующие во времени, в пространстве-времени. «Вещи находятся в пространственной, а процессы во временной сети мира» [28. С. 34]. Жизнь – это получение информации. Даже температурной и световой. Культура – обработка этой информации

Временность – качество бытия и ей присуще только движение и разворачивание, но не развитие. Развитие – идея человеческой культуры. Бытию безразлично развитие. Бытие движется в силу собственной глагольности, собственной процессуальности. Как конкретизировал Р. Ингарден, время – всегда *феноменальное время* [29. С. 24–25]. Время – часть человеческих определений, наполнений и смыслов. Время – попытка человека ухватить чистое бытие через его определение и толкование. Время – попытка человека соотнести временность с ограниченностью собственной жизнью и представлением о существовании целого. Эта рефлексия и образует *со-временность*. «Толкующую себя актуализацию, т.е. истолкованное, которое задействовано в „теперь“, мы именуем „время“» (Хайдеггер) [21. С. 408]. Человек и время находятся на одной площадке, но человек пытается истолковать и поименовать

видимые им формы бытия и себя как часть бытия. Он пытается ухватить время, постичь его. Человек находится в просвете бытия и в постоянной борьбе с этим ускользающим от него бытием и передает эту борьбу через говорение от себя к другому. Данная ситуация и стояния человека, и его творческой культуросозидающей деятельности и оказывается ситуацией *перманентной современности* – продолжительного диалога Я и Оно. «Именно в повседневно озабочивающей „текучке“ присутствие никогда не понимает себя бегущим вдоль непрерывно длящейся череды чистых „теперь“» (М. Хайдеггер) [21. С. 409]. Диалог человека и бытия происходит не только и не столько в пределах существования конкретного человека, сколько в существовании человечества. Человеческая культура существует в конкретном *теперь* человека и в абстрактном *теперь* времени человеческой культуры, которые находятся в тесном диалоге. Усваиваемое человеком прошлое человеческой культуры (предания, история, тексты и слова), насколько один в силах объять и насколько ему это диктуют парадигмы, – это *теперь* конкретного человека. То есть *теперь* конкретного Я образуется из его индивидуальных *теперь* и из *теперь* его предшественников. В разворачивающемся Оно Я возникает как необходимый элемент означивания, рефлексии, обратной связи. И, возникая в данности и фактичности чистого бытия, Я меняет и усложняет конфигурацию.

Субъект как первая грамматическая категория

Появление человека внутри чистого бытия меняет конфигурацию чистого бытия в сторону крайнего усложнения системы. Чистое бытие вдруг оказывается наличным, поименованным, бытием; неожиданно оказывается внешним относительно своего внутреннего элемента; удваивается из-за творческой деятельности своего агента: человек, обладая творческим и деятельным потенциалом самого бытия, создает культуру как второе бытие, во многом столь же фундаментально определяющее его жизнь. Человек возникает как обладающий *интенциональностью* субъект, т.е. его сознание изначально сознание о чем-то [30. С. 363]. Оно по умолчанию направлено на бытие, т.е. человек и бытие (бездна ничто) всматриваются друг в друга.

В объектно ориентированной онтологии [31] человек – самый сложный агент бытия. Человек находится в потоке разворачивания бытия, но способен вступать в диалог с бытием и продолжать иное разворачивание бытия, создавая собственные формы второго бытия.

Субъект появляется внутри бытия как *cogito* бытия, как часть рефлексии бытия, часть рифления гладкого, как расшифровывающий агент, как актер нового, как партнер диалога и как взгляд (глагол) бытия на самое себя. Субъект оказывается грамматической основой, под-лежащим бытия. В своем действии *esse est percipi* субъект собирает мозаику разрозненного и беспорядочного мира объектов в некую объяснительную смысловую схему. «Во всяком собирании и сопряжении Я всегда уже лежит основой» (Хайдеггер) [21. С. 319].

Субъект – средний термин, медиатор, между чистым бытием, материальностью и стремлением бытия понять себя. Говоря о субъекте, мы говорим о функции бытия. При этом, разумеется, познавательные возможности субъекта ограничиваются явлением ему объектов. Человек создает из ноуменальных объектов феноменальную ткань культуры, где бытие как бы являет себя. Человек появляется внутри бытия, так как сама «структура материальной ре-

альности порождает структуру мышления» (Р. Брассье) [32. Р. 301]. Человек возникает как наиболее сложная часть жизни – общей структуры мышления бытия. При этом человек, как замечает Н. Хомский [33. С. 11], содержит в себе *предустановленные* лингвистические паттерны, помогающие ему мыслить определенным образом и благодаря этому осуществлять интерпретацию чистого бытия и для себя, и для самого бытия. Человек интерпретирует объекты бытия, размыкает и смыкает их, раскрывает их для бытия и благодаря этому находится в диалоге с бытием, в состоянии *со-бытия*.

В границах чистого бытия человек находится как объект. Все объекты чистого бытия, по мысли Гегеля, образуют *точечность* [34. С. 46]. Точечность объектов, их линий и переплетений образует плоскость-пространство, а точечность и диалоговые линии субъектов культуры – культуру (рифленое пространство). В этом значении субъекта, находящегося, *под-лежащего* в основании культуры.

Если Г. Харман и Л. Брайант говорят об объектной структуре универсума, где человек лишь объект среди объектов [35. С. 132], то здесь необходимо настаивать на признании особого статуса человека в этом ряду объектов. Во-первых, потому что существует особый статус жизни. Любой жизни. Жизнь создана как копошение бытия для обретения большей динамики и разнообразия. Жизнь – эксперимент бытия, бытие в бытии. И в этом эксперименте статус человека – сложномыслящая сущность, способная к наиболее плотному диалогу с бытием: человек получает и преобразует информацию, создает альтернативную оболочку, альтернативное бытие, такой софт на харде. Как отмечал Хайдеггер, «с присутствием как бытием-в-мире внутримирное сущее всегда уже разомкнуто» [21. С. 207]. Человек – тот, кто смыкает и размыкает: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18), он осмысливающий и находящийся в диалоге. *Homo interpres*.

Собственно говоря, чистое бытие – немое бытие. Оно немо и нейтрально. Это просто упорядоченное (или нет) нагромождение объектов: гора, вода, воздух и проч. И в этом горизонте объектов большинство живых существ воспринимают существование этих объектов более-менее пассивно. Только человек активно преобразует доисторическое. Только человек, входя в лес объектов, начинает присваивать им имена и устанавливать соотношения между ними. Он создает сложный повествовательный нарратив бытия-в-мире, раскрывая, что есть что, и для чего, и как это может быть использовано, какие новые грани можно открыть в этом.

В результате этого отношения человека и бытия (и роль, и значение человека в универсуме) и складывается культура: из предъявления объектов бытия человеку и из возможности человека познать эти объекты. И в этом самопознании человек, будучи субъектом, самого себя исследует как объект, сам себе дан как объект, но и бытие исследует в качестве объекта, будучи сам объектом бытия, но и субъектом бытия как форма разума бытия. Но любой объект бытия предъявляет себя миру и включается в мир. Привилегия человека – сделать из мира (и для мира) внятный эстетический нарратив, преодолев абсурдизм (но избежав фашизма).

Значение человека в бытии связано со сложностью его языковой деятельности, которая сказывается и на развитии когнитивных функций, и на

возможности создавать культуру как второе бытие. Культура суть лингвистический продукт, во многом возникающий из поименования объектов бытия и установления соотношений между ними. «Языковая деятельность, посредством которой в бытии возникает значение, есть языковая деятельность умов, воплощенных в телах», – писал Э. Левинас [36. С. 138]), а Ж. Лакан отмечал, что «Вселенная – это цветок риторики» [37. С. 68].

Функция человека в бытии как *со-творца* и *со-беседника* проявляется в присущих человеку процедурах, которые А. Бадью обозначил в качестве *процедур истины* [38], к которым отнес поэзию, науку, политику и любовь. Это очень удачно отображает основные регистры, где развивается коммуникация между бытием и человеком, где человеку дается возможность уловить голос бытия как истину. Поэты (в широком смысле слова, художники, музыканты, писатели) пытаются услышать голос Реального через трещину в Символическом. Недаром сами они часто говорят о поэзии как о способе интуитивного понимания бытия, более полном, более тонком, чем рациональные инструменты. Об этом писали А. Муссато [39. С. 225], П. Элюар [40. С. 15], А. Камю [41. С. 174], И. Бродский [42. С. 14–15], Дж. Апдайк («Я грифель в карандаше»). «Недаром вовсе не трудоемкие научные изыскания, а музеи и театры, как некогда храмы, причащают нас к бытию, а поэзия слывет молитвой», – отмечал Левинас [36. С. 140]. Бытие открывается настроенным на бытие, обладающим тонкостью восприятия. Неслучайно Достоевский советовал юному Мережковскому больше страдать, чтобы стать писателем. Чтобы слышать бытие, нужна душевная тонкость, отсюда поэзия и влюбленность как первичные процедуры, открывающие для нас общность человечества как рода, ведущие нас к *ἀγάπη* как любви политической. Влюбленный может развить свое чувство от эроса к агапэ. Наука и философия – способы рационального познания бытия, его структуры и законов.

В рамках статьи для нас имеет значение политическая любовь, политическое как таковое и роль субъекта в политическом поле.

В круге третьем – политическое

Политическое – ключевое поле современности, так как здесь происходит сопряжение всех силовых акторов и их агентов, борющихся за реализацию своих интересов, взглядов, целей, утопий. В результате этой борьбы и появляется культура – итог экзистенциального диалога между субъектами, находящимися в пространстве-времени, в его горизонтальных (диалог между живущими сейчас) и вертикальных (диалог между живущим сейчас и теми, кто жил и писал раньше) плоскостях. Субъекты живут во времени и со временем разворачивающегося бытия и текущей культуры и способны максимально полно уловить ее, а также влиять на ее трансформации. В этом роль субъектов в культуре. Они есть тот камень, то *под-лежащее* основание, на котором возникает весь храм культуры. Субъект – речевой актор, и передача речи, ее смысловых итогов (мыслей) от субъекта к субъекту во времени позволяет говорить о перманентности современности (*со-временности*): разворачиванию длинной мысли человечества во времени и возникновению культуры как практической производной этой мысли. «Современность – это уникальные отношения со своим временем, соединяющие с ним и, вместе с тем, дистанцирующие» (Дж. Агамбен) [2. С. 47]. В некотором роде речь идет о холистич-

ческом характере субъекта: мир существует, пока конкретный человек находится в мире. Несмотря на то, что, как мы уже говорили, чистое бытие существует как данность и условие, наличное бытие существует только через субъекта. Более того, вся культура существует точно так же – в сознании конкретного воспринимающего субъекта. Стоит исчезнуть уникальному Я, как, собственно, мир этого сознания гаснет. Он продолжается только в других сознаниях. Но тот факт, что некая модель универсума (бытия и культуры) существует в сознании Я и Я действует, исходя из своей модели (своей карты той территории, где находится), делает это Я центральным относительно культуры и самого бытия: они имеют значение только в процессе восприятия Я и меняются под действием практик Я.

Сегодня мы сталкиваемся со множеством попыток похоронить субъекта: психоанализ стремится растворить самостоятельность субъекта в бессознательном, деконструктивисты – в тексте, постмарксисты – в классовом делении, приверженцы Хабермаса – в интерсубъективности дискурса, когнитивисты – в физиологизме, последователи Фуко часто – в микровласти и дисциплинарной власти. Но дело в том, что если мы говорим о субъекте, то он учится понимать воздействующие на него силы и активен по отношению к ним. Он не пассивно воспринимает, но активно взаимодействует, а в некоторых случаях даже преобразует. В конечном счете, как отмечал прошедший через лагеря В. Франкл, «та личность, которой становится заключенный, является результатом внутреннего решения, а не только результатом влияния лагеря. Так что по существу каждый может, даже в таких условиях, как лагерные, решать, каким он станет умственно и духовно. Он может сохранить свое человеческое достоинство даже в концлагере» [43].

Собственно говоря, субъект не слепо следует воле некоего Большого Другого (сетке символических коммуникаций), но сам для себя является этим Большим Другим и своим действия соотносит с собственной самостью. Как это изящно сформулировал Лакан (и это нужно всегда учитывать тем, кто считает Лакана сторонником перечеркнутого субъекта), анализ заканчивается в момент, когда пациент начинает говорить с вами и о себе. Субъект присваивает себе собственные основания через разнообразные практики контроля над собственным Я: искусство, психоанализ, философия, медитации. Множество направлений человеческой мысли учат своих последователей способам выхода из дурной бесконечности социального и обретению независимой самости. Субъект – это Я = Я, получающееся в результате этих практик, в результате рефлекслируемого жизненного опыта и усвоения времени. Субъект – тот, кто, столкнувшись с проблемностью собственного бытия-в-мире и осмыслив эту проблемность, усвоив и по-своему интерпретировав историческое время/культуру, запускает цепочку трансформаций, в результате которых меняется Символическое. В своем максимуме эта запущенная цепочка превращается в вариант и/или основание новой культуры. Так цепочка, запущенная Христом и развиваемая Павлом, превратилась в христианство и европейскую цивилизацию. Из единичности существования субъекта в пространстве и протяженности времени (субъект–современность) и уникальности преломления времени в сознании субъекта, исключительности создаваемого им интеллектуального усилия и возникает поливариантность культуры, множественность ее форм и видов. Связка субъект–современность находится

в основании любой культуры, это некая сингулярность, из которой происходит Большой взрыв культуры. При этом если Лакан говорил, что бессознательное усваивается человеком вместе с языком, то это же мы можем сказать и о современности: история усваивается субъектом как дискурс, но преобразуется субъектом.

Если посмотреть на это через пифагорейскую оптику, то мы видим, как единица (субъект) превращается в двоицу и десятку (множество) – ткань объема. Именно в ткани объема, т.е. из рожденного в точке субъект–современность варианта культуры и поддерживающего этот вариант множества, и появляется политическое как сфера рождения культуры.

В политическом борются утопии субъектов. Политическое – сфера интерсубъективного диалога, сфера коммуникативного действия, лейтмотивом которого является обретение власти для воплощения своего варианта утопии. Эта власть может носить разный характер, необязательно воплощаться в институциональных политических институтах, но ее конечной целью является реализация субъективного проекта, который, безусловно, трансформируется во время борьбы. Собственно говоря, политическое – это сшитое из полей пространство, рифленое узлами и возникающими между ними связями. Именно здесь, через утопию и революционность, через диалог субъектов и множеств, происходит созидание и воплощение новой ситуации. Политическое – это вечное роение и бурление современности. Сама политика в этом пространстве есть субъективная деятельность, способная производить новые истины [44. С. 10].

Возникающие в политическом отношения – борьба за горизонт будущего. Отношения возникают в форме диалога между субъектами, причем специфика ситуации перманентной современности в том, что субъекту необязательно быть живым: субъект существует в перманентности как мысль, отражаясь в сознании других. Эти другие образуют множество (Негри, Хардт) [45]. Собственно говоря, множество и конструирует субъекта современности: оно признает его за такового: как отмечает А. Бадью, не будь Павла, не было бы ни Христа, каким мы его знаем, ни христианства [46]. То есть без христианства не было бы Христа как субъекта культуры, как основателя религии и, в некотором отношении, европейской цивилизации.

Множества – силовые поля политического. Это Мы, образуемое вокруг Я. Это бормотание, собирающееся вокруг мысли. Именно множества интенсивно взаимодействуют друг с другом в пространстве-времени. В том числе именно множества осуществляют террор навязывания. Множества борются, совершают революции, устанавливают символический порядок. Именно поэтому общества не существует (знаменитая цитата М. Тэтчер) – общество являет собой принципиальный раскол субъектов и множеств, и их проектов будущего, и разницу их практик.

Механизм политического в современности выглядит следующим образом: субъект производит мысль-диспозитив, которая поддерживается образуемым вокруг нее (и субъекта) множеством (последователей/сторонников), которому в результате борьбы удастся прорваться к Событию, как его понимает А. Бадью, т.е. уникальному моменту слома и запуску нового Символического регистра, образующего новую культуру модерна (новый модерн) или даже цивилизацию.

Перманентная современность и динамика культуры

Итак, если говорить о кругах перманентной современности, то в основании этого конуса плоскостей находится бытие, человек как субъект и политическое как пространство возникновения культуры через сопряжение силовых полей множеств. Культура учреждается жизнедеятельностью субъекта, его столкновением с проблемностью собственного бытия и вынужденным ответом на это столкновение. Культура – способ осмысления бытия, которое являет себя человеку. Культура возникает как конечный продукт разворачивания бытия, это некая символическая сеть, которую человек набрасывает на поверхность бытия, размечая пространство бытия означающими. Культура – идеалистическое построение, возникающее на основе реальности существования объектов, в этом пространстве сама мысль тоже часть реального порядка вещей. Культура появляется в отношении трех частей бытия: чистого бытия ноуменов, наличного бытия феноменов и свободного бытия человека. Собственно, человек и бытие оказываются трансцендентными друг для друга.

Человек находится в мире объектов бытия как объект бытия, но, в отличие от других так или иначе детерминированных объектов бытия, человек – свободная часть бытия, ответственная за свой собственный проект. Человек «несет весь груз мира» [47. С. 819], но только он ответствен за то, кем будет сам. Следовательно, он ответствен и за то, какой будет воздвигаемая им культура. Сам мультиверс может существовать как некий страховочный вариант бытия, уничтожение человеком одного проекта разумной оболочки не ведет к исчезновению всей ноосферы.

Человеку в границах чистого бытия в контексте разворачивания этого бытия предложено создать зону свободного бытия – зону культуры, где есть возможность создавать собственные объекты: автомобили, смартфоны, космические корабли, а также учреждать какие-то символические роли и отношения (судьи, врача, народа и правительства). Культура учреждается внутри бытия как некое внутреннее бытие, свободное бытие, некий индетерминируемый динамичный вариант. Люди вырабатывают ценности, а шкала этих ценностей приводит к той или иной культурной ситуации: это может быть фашизм как отворачивание от несправедливости, это может быть коммунизм как мечта о равенстве и свободе.

Культура возникает как вымысел на поле данности. Культура возникает потому, что человек – партнер бытия в творческой практике. Именно как результат творческого акта, на который человек оказывается обреченным, и создается культура¹. Человек создает культуру с наскальных изображений. В моменты своего одиночества, в моменты *tet-a-tet* с бытием человек чувствует обострение своих творческих порывов и потенций. Творчество – момент единения и диалога человека и бытия. Как результат этого диалога между человеком и бытием, перекидывающимся в диалог между человеком и человеком, где другой человек приобщается к разговору первого с бытием, где диалог автоматически становится полилогом из троих и более: бытие –

¹ Интересно отметить, что биологи Д.М. Смит и Э. Саттари настаивают на том, что механика эволюции живого (гены, хромосомы, простейшие, многоклеточные, животные, стаи) схожа с механикой цивилизации: этот механизм работает от единичности эгоистичного агента к сотрудничеству на взаимовыгодной основе в составе укрупняющейся сборки [48] – еще один пример разворачивания бытия к знанию о себе и своих возможностях в условиях эвристики морали.

человек А, человек А – человек Б, бытие – человек А – бытие, данное человеку А – человек Б – слушающее людей бытие, именно в такой ситуации происходит рождение культуры. Бытие как актант и человек – его актор.

Таким образом человек не просто находится в диалоге с бытием и культурой как *духом*, воплощенным в текущий момент существования субъекта, но его центральная роль в том, что он, пытаясь услышать истину бытия, формирует новую культурную ситуацию как ситуацию нового модерна.

Тут мы подходим к заключению о том, что представляет собой культура и ее динамика. Современность как стояние человека во времени является либо исходной, либо итоговой точкой, где в результате разворачивающегося экзистенционального диалога бытия, субъектов и множеств складывается объемная форма явлений, обозначаемых нами как цивилизация, культура, модерн и постмодерн. Все эти четыре понятия могут быть отнесены к культуре в самом широком ее понимании – к сфере созданного человеком, сфере второго бытия, но внутри этого широкого определения каждая дефиниция играет определенную роль.

В рамках современности цивилизация представляет собой некий наиболее устойчивый и наиболее инвариантный социальный пласт. Она обеспечивает нормативность, задает некие общие паттерны для ряда культур. Часто цивилизация задается природными условиями, в которых находится то или иное общество. Например, В.В. Емельянов [49. С. 7–19] выделяет ряд свойств разных цивилизаций, развившихся под влиянием ландшафтов, где они сформировались. Этой же логике следует Дж. Даймонд [50], а А. Шайкевич [51] обращает внимание на фундаментальное значение лингвистических структур. Авторы стараются обратить внимание на необходимость начинать разговор о странах, народах и культурах с понимания влияния, оказываемого на них лежащими в основании структурами, с неких элементов реальности, часто не поддающихся изменению. С их точки зрения, география, формирующийся под воздействием географии менталитет, создаваемая религия оказывают фундаментальное влияние на человеческое общество: они очерчивают границы и обеспечивают устойчивость возникающих на цивилизационных основаниях вариантов.

К таким вариантам относится культура. Если цивилизация возникает на почве реальности – условиях, задаваемых чистым бытием, то культура возникает на наличном бытии цивилизации. Культура уже оказывается привязанной к социальным группам. Она переменна. Она изменчива. Она представляет собой проект и постоянно устремлена в горизонт будущего. Культура присвоена (социальной группой), она имеет своего носителя. И культура складывается в диалоге, коммуникации, на основе договора, при этом этот договор подвижен, он носит актуальный – сейчас – характер (в отличие от цивилизации). Внутри цивилизации культура наполняет цивилизацию смыслами и ценностями: так, в пределах христианской цивилизации располагаются и средневековая культура, и культура Нового времени, и русская, и французская культуры. Культура усваивается сознательно: через приобщение к среде (нации, социальной группе), через действия (целенаправленное приобщение к тем или иным ценностям, принудительное или добровольное), тогда как приобщение к цивилизации оказывается невольным.

Смена культуры происходит эволюционно, и это естественный процесс, могущий происходить в течение жизни одного поколения. Смена цивилизации – процесс революционный: это точка разрыва, это проваливание в междоцивилизационную эпоху, после которой начинается другой этап социально-политического и экономического устройства. Цивилизация меняется политически. И цивилизация не привязана к субъекту. Тогда как культура в большей степени субъективный фактор: люди не только являются ее носителями, но могут сознательно формировать тот или иной вариант культуры/субкультуры. Субъект вступает в диалог со временем и предлагает свой вариант культуры: так, М. Лютер предлагает протестантизм в контексте христианства.

Наконец, внутри культуры существует еще два значимых явления: модерн и постмодерн. Модерн представляет собой репрезентацию цивилизации внутри культуры, проявление ее устойчивости и выразительности. Модерн проявляет цивилизационные ценности (разные по форме) внутри культуры через искусство и политические лозунги (цели, ценности, декларации, проекты будущего). Если цивилизация позволяет разграничить группы в пространстве и времени, то культура – внутри цивилизационной рамки, тогда как модерн проводит эту операцию исключительно по шкале времени. Постмодерн же не столько заданное хронологически течение, сколько постоянно существующее внутри культуры и внутри модерна течение, направленное на подрыв этого модерна (так его предлагал понимать Ж.-Ф. Лиотар [52]). Задача постмодерна в адаптации модерна под новое поколение людей, выдвижение вариантов будущего, варианта нового модерна и, возможно, новой культуры, а то и цивилизации. И вся эта динамика происходит в границах бытия человека во времени и со временем – в перманентной современности.

Итак, в рамках предлагаемого в данной статье подхода предлагается анализировать культуру через оптику Хайдеггера и Гегеля, т.е. отталкиваясь от бытия, где культура представляет собой оболочку чистого бытия, тогда как человек выступает говорящим и думающим актором для себя и агентом-партнером бытия в сложной процедуре разворачивания чистого бытия вовне сингулярности. Культура оказывается одной из форм бытия, в онтологическом регистре которой находятся чистое бытие и человек-субъект. Некоторая ригидность чистого бытия (мира физических объектов) компенсируется динамичностью свободного бытия (мира культуры). В этом дуализм бытия как целого, где человек суть средний термин, смыкающий, созидающий, коммуницирующий, участвующий. Динамика культуры обуславливается сочетанием онтологических и онтических (модерн и постмодерн) форм культуры и в процедурах истины (термин А. Бадью: поэма, математика, политика и любовь), благодаря которым субъект приобщается к ценностным смыслам бытия. Перманентная современность в этом контексте представляет собой саму ситуацию пребывания человека (стояния человека) во времени и со временем, находясь в диалоге с текущим и прошлым, передавая нить от одного к другому. В ситуации перманентной современности субъект плетет бесконечную ткань бахтинского диалога осмысленного бытия, который расширяется во времени и пространстве, к которому возможно подключиться каждому, к кому это подключение осуществляется. Перманентная современность – длящаяся языковая ситуация отношений между человеком и бытием, основанная на постижении бытия, связывании объектов бытия, наделении объектов смыс-

лом, на обратной связи, на со-творчестве, со-бытии, со-рефлексии. Круги перманентной современности образуются из субъекта, политического, культурного, бытия, внутри каждого из которых действуют свои силы: множества и историческое, модерн и постмодерн, время и объекты. В перманентной современности человек живет во времени, со временем, он схватывает проблемность времени и пытается преобразовать это время под себя, но единичность человека здесь сталкивается с универсальностью человека. Из единичности возникает современность, из универсальности – перманентность, из перманентной современности – вся культурная изменчивость и многообразие.

Список источников

1. *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. New York ; London : Routledge, 2002. X. 222 p.
2. Агамбен Дж. Что современно? Киев : Дух і Літера, 2012. 78 с.
3. Патласов С.А. Современность как принцип философского познания : дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 1998. 169 с.
4. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.
5. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.
6. Борисов С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123–126.
7. Тульчинский Г.Л. Современность и субъективность // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116–122.
8. Чупров А.С. Современность постмодерниста, или «некуда бежать» // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129–131.
9. Еришов Ю.Г. Современность как проблема // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131–136.
10. Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 166–177.
11. Резник Ю.М. Мир человека (событийный подход). М. : ИФ РАН, 2018. 103 с.
12. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М. : РОССПЭН, 1998. 308 с.
13. Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М. : Практикс, 2003. 368 с.
14. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Практикс, 2011. 352 с.
15. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
16. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
17. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев : Ника-Центр ; Москва : Старклайт, 2004. 1064 с.
18. Хобсбаум Э. «Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России» // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_421.html (дата обращения: 12.08.2023).
19. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1–4. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
20. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : АСТ, 2019. 912 с.
21. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академ. проект, 2015. 460 с.
22. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
23. Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 614 с.
24. Нахимов В.В., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 6. С. 111–122.
25. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 220 с.
26. Аристотель. Метафизика. М. : Эксмо, 2006. 608 с.
27. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1981. Т. 3. С. 59–262.

28. Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995. 464 с.
29. Штыков Д.Р. Феноменологическая онтология Романа Ингардена : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2019. 34 с.
30. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 752 с.
31. Яркова Е.Н. Истоки и смысл спекулятивного реализма: к проблеме генезиса новых онтологий // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 93–100.
32. Brassier R., Grant I.H., Hatman G., Meillassoux Q. Speculative Realism // In Collapse III: Unknown Deleuze [+Speculative realism]. Falmouth : Urbanomic, 2007. P. 306–449.
33. Хомский Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзаяном. М. : Праксис, 2003. 336 с.
34. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М. : АН СССР : Мысль, 1975. Т. 2. 695 с.
35. Брайант Л.Р. Демократия объектов. Пермь : Гиле Пресс, 2019. 320 с.
36. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1999. 266 с.
37. Лакан Ж. Еще (Семинар, Книга XX (1972/73)). М. : Гнозис : Логос, 2011. 176 с.
38. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
39. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М. : АСТ : CORPUS, 2017. 352 с.
40. Дудин М. Души высокая свобода // Ахматова А.А. Сочинения : в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М. : Худож. лит., 1986. 511 с.
41. Камю А. Шведские речи // Сочинения : в 5 т. Харьков : Фолио, 1998. Т. 4. С. 171–208.
42. Бродский И. Сочинения : в 4 т. СПб., 1992. Т. 1. С. 14–15.
43. Франкл В. Человек в поисках смысла. URL: <https://gkaf.nsu.ru/philos/frankl.html> (дата обращения: 17.08.2023).
44. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
45. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. 559 с.
46. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М. : Моск. филос. фонд ; СПб. : Унив. книга, 1999. 96 с.
47. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. 639 с.
48. Smith J.M. The Major Transitions in Evolution. Oxford University Press; Reprint edition, 1998. 360 p.
49. Емельянов В.В. Ценностные системы культур Востока: между нормой и идеалом // Идеалы. Ценности. Нормы : материалы VI Междунар. науч. конф. по востоковедению (Торчиновские чтения). 3–6 февраля 2010 г. С. 7–19.
50. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. 604 с.
51. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику : учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. факульт. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2005. 400 с.
52. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 145 с.

References

1. Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York; London: Routledge.
2. Agamben, J. (2012) *Chto sovremenno?* [What is Modern?]. Translated from English. Kiev: Dukh i Litepa.
3. Patlasov, S.A. (1998) *Sovremennost' kak printsip filosofskogo poznaniya* [Modernity as a Principle of Philosophical Cognition]. History Cand. Diss. Tyumen.
4. Pavlov, A.V. (2012) Zametki o sovremennosti i sub"ektivnosti. Modern i plastichnost' [Notes on Modernity and Subjectivity. Modernity and Plasticity]. *Sotsium i vlast'*. 6. pp. 5–11.
5. Pavlov, A.V. (2013) Zametki o sovremennosti i sub"ektivnosti. Kriterii sovremennosti [Notes on Modernity and Subjectivity. Criteria of Modernity]. *Sotsium i vlast'*. 1(39). pp. 5–14.
6. Borisov, S.V. (2013) Chto znachit byt' sovremennym (v kontekste stat'i A.V. Pavlova "Zametki o sovremennosti i sub"ektivnosti") [What does it mean to be modern (in the context of A.V. Pavlov's article "Notes on modernity and subjectivity")]. *Sotsium i vlast'*. 3. pp. 123–126.

7. Tulchinskiy, G.L. (2013) *Sovremennost' i sub'ektivnost'* [Modernity and subjectivity]. *Sotsium i vlast'*. 3. pp. 116–122.
8. Chuprov, A.S. (2013) *Sovremennost' postmodernista, ili “nekuda bezhat”* [Postmodernist modernity, or “nowhere to run”]. *Sotsium i vlast'*. 2. pp. 129–131.
9. Ershov, Yu.G. (2013) *Sovremennost' kak problema* [Modernity as a problem]. *Sotsium i vlast'*. 5. pp. 131–136.
10. Grechko, P.K. (2000) *Intellektual'nyy import, ili O periferiynom postmodernizme* [Intellectual Import, or On Peripheral Postmodernism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 166–177.
11. Reznik, Yu.M. (2018) *Mir cheloveka (sobytiyny podkhod)* [The World of Man (Event Approach)]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
12. Kapustin, B.G. (1998) *Sovremennost' kak predmet politicheskoy teorii* [Modernity as a Subject of Political Theory]. Moscow: ROSSPEN.
13. Gray, D. (2003) *Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [Wake of the Enlightenment: Politics and Culture at the End of Modernity]. Moscow: Praksis.
14. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of Modernity]. Translated from English. Moscow: Praksis.
15. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. Towards Another Modernity]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
16. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter.
17. McNeil, W. (2004) *Voskhozhdenie Zapada. Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West. History of Human Community]. Kiev: Nika-Tsent; Moscow: Starklayt.
18. Hobsbawm, E. (n.d.) “*Masshtab postkommunisticheskoy katastrofy ne ponyat za predelami Rossii*” [“The Scale of the Post-Communist Catastrophe is not Understood Outside Russia”]. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_421.html (Accessed: 12th August 2023).
19. Wallerstein, I. (2016) *Mir-sistema Moderna* [The World-System of Modernity]. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science.
20. Hegel, G.W.F. (2019) *Nauka logiki* [Science of Logic]. Translated from German. Moscow: AST.
21. Heidegger, M. (2015) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
22. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
23. Deutsch, D. (2021) *Struktura real'nosti: Nauka parallel'nykh vselennykh* [The Structure of Reality: The Science of Parallel Universes]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
24. Nalimov, V.V. & Drogalina, Zh.A. (1984) *Veroyatnostnaya model' bessoznatel'nogo. Bessoznatel'noe kak proyavlenie semanticheskoy vselennoy* [Probabilistic Model of the Unconscious. The Unconscious as a Manifestation of the Semantic Universe]. *Psikhologicheskiiy zhurnal*. 5(6). pp. 111–122.
25. Bennett, J. (2018) *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Pulsating Matter: A Political Ecology of Things]. Translated from English. Perm: Gile Press.
26. Aristotle. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Eksmo.
27. Aristotle. (1981) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 59–262.
28. Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Translated from English. Moscow: Respublika.
29. Shtykov, D.R. (2019) *Fenomenologicheskaya ontologiya Romana Ingardena* [Phenomenological Ontology of Roman Ingarden]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
30. Husserl, E. (2000) *Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk i transsentsional'naya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak stroгая nauka* [Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The Crisis of European Humanity and Philosophy. Philosophy as a Rigorous Science]. Translated from German. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
31. Yarkova, E.N. (2021) *The Origins and Meaning of Speculative Realism: Towards the Problem of the Genesis of New Ontologies*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 93–100. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/471/11
32. Brassier, R., Grant, I.H., Hatman, G. & Meillassoux, Q. *Speculative Realism*. In: Mackay, R. (ed.) *Collapse III: Unknown Deleuze [+Speculative realism]*. Falmouth: Urbanomic. pp. 306–449.
33. Chomsky, N. (2003) *Klassovaya vojna: Interv'yu s Davidom Barzamyanom* [Class War: An Interview with David Barzamyan]. Translated from English. Moscow: Praksis.
34. Hegel, G.W.F. (1975) *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.* [Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 volumes]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: USSR AS: Mysl'.

35. Bryant, L.R. (2019) *Demokratiya ob'ektov* [Democracy of Objects]. Translated from English. Perm: Gile Press.
36. Levinas, E. (1999) *Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. The Humanism of Another Person]. St. Petersburg: Higher Religio-Philosophical School.
37. Lacan, J. (2011) *Eshche (Seminar, Kniga XX (1972/73))* [More (Seminar, Book XX (1972/73))]. Translated from French. Moscow: Gnozis: Logos.
38. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto of Philosophy]. Translated from French. St. Petersburg: Machina.
39. Eco, U. (2017) *Iskusstvo i krasota v srednevekovoy estetike* [Art and Beauty in Medieval Aesthetics]. Translated from Italian. Moscow: AST: CORPUS.
40. Dudin, M. (1986) *Dushi vysokaya svoboda* [High Freedom of the Soul]. In: Akhmatova, A.A. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
41. Camus, A. (1998) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: in 5 volumes]. Vol. 4. Kharkov: Folio. pp. 171–208.
42. Brodsky, I. (1992) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 14–15.
43. Frankl, V. (n.d.) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in Search of Meaning]. [Online] Available from: <https://gkaf.nsu.ru/philos/frankl.html> (Accessed: 17th August 2023).
44. Badiou, A. (2013) *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Badiou* [Philosophy and Event. Conversations with a Brief Introduction to the Philosophy of Alain Badiou]. Institute for General Research in Humanities.
45. Hardt, M. & Negri, A. (2006) *Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
46. Badiou, A. (1999) *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma* [Apostle Paul. Justification of Universalism]. Translated from French. Moscow: Moscow Philosophical Foundation; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
47. Sartre, J.-P. (2000) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Translated from French. Moscow: Respublika.
48. Smith, J.M. (1998) *The Major Transitions in Evolution*. Oxford University Press.
49. Emelyanov, V.V. (2010) *Tsennostnye sistemy kul'tur Vostoka: mezhdru normoy i idealom* [Value Systems of Eastern Cultures: Between Norm and Ideal]. *Idealy. Tsennosti. Normy* [Ideals. Values. Norms]. Proc. of the Conference. February 3–6, 2010. pp. 7–19.
50. Diamond, J. (2010) *Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: A History of Human Communities]. Translated from English. Moscow: AST: AST MOSKVA.
51. Shaykevich, A.Ya. (2005) *Vvedenie v lingvistiku* [Introduction to Linguistics]. Moscow: Akademiya.
52. Lyotard, J.-F. (2008) *Postmodern v izlozhenii dlya detey: Pis'ma: 1982–1985* [Postmodernism in an Exposition for Children: Letters: 1982–1985]. Translated from French. Moscow: Russian State University for the Humanities.

Сведения об авторе:

Мальцев Я.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: y.v.malcev@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maltsev Ya.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of International Relations and Regional Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: y.v.malcev@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 24.08.2023;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 24.02.2025

Научная статья

УДК 101.1::316

doi: 10.17223/1998863X/83/8

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» И «КОРПОРАТИВНАЯ ОТМЕНА» В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Александр Викторович Овчинников¹,
Даниил Александрович Аникин²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия*

² *Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

¹ *ovchinnikov8_831@mail.ru*

² *dandee@list.ru*

Аннотация. Ставится вопрос о необходимости выработки научного определения термина «культура отмены» и преодолении практик его использования в академическом дискурсе в качестве метафоры и «оборота речи». Предполагается, что базисом отмены является исключение индивида, социальной группы или сакрального существа из настоящих или минувших процессов социального обмена. Выявлены разные виды отмены и прослежена их взаимосвязь с социально-политической организацией общества и его символическими (прежде всего, этноисторическими) моделями. Сделан вывод о возможности использования предложенного методологического инструментария для компаративистских исследований отмены в разных сферах жизни общества, в том числе, например, в конструировании образов прошлого.

Ключевые слова: отмена, «культура отмены», «корпоративная отмена», этнонационализм, кризис, солидарность, идентичность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Овчинников А.В., Аникин Д.А. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 76–87. doi: 10.17223/1998863X/83/8

Original article

“CANCEL CULTURE” AND “CORPORATE CANCELLATION” IN THE DISCOURSE OF SOCIAL PHILOSOPHY

Alexander V. Ovchinnikov¹, Daniil A. Anikin²

^{1, 2} *National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *Kazan State Power Engineering University, Russian Federation*

² *Saratov State University, Saratov, Russian Federation*

¹ *ovchinnikov8_831@mail.ru*

² *dandee@list.ru*

Abstract. The question is raised about the need to develop a scientific definition of the term “cancel culture” and to overcome the practices of its use in academic discourse as a metaphor and “turn of speech”. It is assumed that the basis of cancellation is the exclusion of an individual, a social group or a sacred being from the present or past processes of social exchange. The abolition that has existed since ancient times in the conditions of post-industrial civil society, the rule of law, the development of mass media and means of communication has turned into a culture of abolition, not accidentally arising in the “West”. The political, economic, and socio-psychological features of modernizing societies have determined the specifics of corporate cancellation, the mechanism of which is fundamentally different from the implementation of cancel culture, which is characterized by the decisive role of not all parties interested in the abolition, but only one with monopoly powers to redistribute the resources of society, usually on behalf of some sacred being or “imaginary community” (the abolition itself is often justified by the interests of the latter, but even in the case of changes in the constructs of the past, it is closely related to modern socio-political relations). On the example of attempts to cancel the feature film *Mikulai* (2023), the article identifies different types of cancellation and traces their relationship with the socio-political organization of society and its symbolic (primarily ethnohistorical) models. Thus, the Mikulai case reflects the mechanisms of two types of cancellation, the peculiar intertwining of which is apparently due to the modernization of mutual influences in different spheres of society. Corporate cancellation was the leading one, since the very possibility of the film’s emergence was determined by the desire to convey to the mass audience the idea of the dangers associated with the threat to the historical unity of ethnonation, which, in turn, itself personifies the vertical of the corporate structure of society. The gradual cessation of the film’s distribution and mentions of it is outside the framework of cancel culture because the influence of outraged viewers on everything that was happening was minimal, and, given the earlier free screening of performances based on the play *Mikulai*, the regional media simply would not have paid attention to them. The presented material indicates the need for further work on the methodological support of the concept “cancel culture”, taking into account all the features of its use in academic discourse and higher education.

Keywords: cancellation, cancel culture, corporate cancellation, ethnonationalism, Kryashens, *Mikulai*

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

For citation: Ovchinnikov, A.V. & Anikin, D.A. (2025) “Cancel culture” and “corporate cancellation” in the discourse of social philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 76–87. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/8

«Культура отмены» как социально-философская категория

С начала 1990-х гг. отечественная наука знала несколько заимствований новых для нее теоретических подходов и терминов (образ «другого», «гендерный подход», «история повседневности», «национализм» и т.д.). Иногда следование научной «моды» приводило к метафоризации и риторизации изначальных теоретических основ используемых понятий и компаративистским пассажам, на базе которых могли делаться выводы историософского уровня.

В последнее время вниманием российских исследователей пользуется также пришедший извне концепт «культура отмены». Кажется, он становится не только публицистической, но и научной «модой», и с культурой отмены часто связывают кейсы, фиксируемые в разных уголках планеты в разные века и даже тысячелетия. Поэтому в литературе уже ставится правомерный вопрос о статусе понятия «отмена», перспективах превращения канселлинга из оборота речи и идеологической установки именно в научный термин [1, 2].

Таким образом, исходя из выявленной проблемы, в статье предпринята попытка выработки научных определений терминов «отмена», «культура отмены» и авторского «корпоративная отмена» в целях дальнейшего их осмысления с точки зрения социальной философии и рассмотрения в разных социально-политических условиях. На примере этнических медиа-репрезентаций в современном Татарстане появляется возможность раскрыть нелинейную картину взаимодействия различных форм канселлинга, отсылающих как к рудиментарным механизмам традиционного общества, так и к особенностям функционирования современного публичного пространства.

По нашему мнению, на базовом уровне феномен отмены связан с происходящими в обществе процессами социального обмена [3] (не случайно в русском языке слова «отмена», «обмен» и «мена» являются однокоренными). В условиях единства социальной мифологии и социальной реальности участники обмена сами оценивают его выгоды для себя, при этом обмен может протекать параллельно в духовной, социальной, экономической, лично-семейной и иных сферах. Признание положительных сторон обмена и удовлетворенность им (на эмоциональном или рациональном уровнях) порождают «космос» общественной жизни; уклонение же от обмена, акцентирование внимания на его неравноправности или невыгодности, невыполнение возложенных на себя или предписанных обязательств могут грозить возможным «хаосом». Исходя из сказанного, «отменой» можно считать исключение из социального обмена или отдельного (включая мифический) его сегмента человека, общность или воображаемое сакральное существо, не выполнивших (в том числе якобы в прошлом) своих обязательств в рамках принимаемого и признаваемого всеми механизма обмена.

Нетрудно понять, что потенциальная возможность отмены кроется в описанных антропологами и историками реципрокных отношениях [4, 5], круговой поруке, остракизме [6] и иных социальных феноменах, суть которых состоит в поддержании воображаемого («иррационального») или утилитарно-практического («рационального») баланса отношений (обмена) между людьми или людьми и «высшими силами» в минувшем и настоящем.

В принципе, подобное понимание «отмены» не противоречит исходному представлению о социальном остракизме, зафиксированному в условиях античной Греции, поскольку там тоже речь шла о временном «выключении» отдельного гражданина из системы полисного обмена, в котором его действия, считываемые как социально одобряемые, могли конвертироваться в набор социальных благ. В том же случае, если сообщество видело угрозу для сохранения собственной идентичности в действиях конкретного гражданина, то наиболее действенным механизмом становилось его временное исключение. Понятно, что на дискурсивном уровне подобный поступок мог расцениваться как следствие индивидуальной или коллективной вины перед богами (индивидуальной – в большинстве известных нам случаев из афинской практики, но иногда и коллективной, если вспомнить о Килоновой скверне), но на праксиологическом уровне он выступал результатом стремления к сохранению выстроенных социальных границ.

Ситуация определенным образом изменилась при переходе от традиционного общества к современному, когда, по словам Ф. Ницше, «Бог умер». Человек вступил в обменные отношения с новым сакральным существом –

нацией (народом, этносом и т.д.). Нынешнее положение дел стало восприниматься не как результат «божьего промысла», а следствием неких тесно связанных с социальным обменом процессов развития народа (отсюда появление национальных и этнонациональных историй). Одновременно в некоторых странах наряду с гражданским национализмом утвердилось рыночная экономика с обезличенным обменом и четко фиксированными правилами в сфере производства и потребления, что породило соответствующие отношения в социальной сфере (по выражению К. Поланьи, «великую трансформацию») [7]. Параллельно с экономическими законами нормы морали также стали одинаковыми для всех слоев уже неразделенного сословными перегородками общества. Данный факт, наряду с дальнейшим развитием массмедиа и активизацией борьбы разных социальных групп за свои права, стал исходным основанием культуры отмены.

При универсальном обмене и морали поводом для отмены (в том числе определенных аспектов прошлого) является публичное сообщение о некоем действии (расистском высказывании (см. подробнее: [8]), харассменте, отдельной сцене или сюжете фильма и т.д.), которое в массовом сознании и представлении отдельного индивида нарушает права других людей и четко сформулированные законы. Такая отмена превратилась в «культуру отмены» вследствие параллельного развития институтов правового государства, гражданского общества, массмедиа и средств связи. Без взаимодействия этих компонентов отмена превращается в типичную демонстрацию «права сильного» и не отличается от известной с древнейших времен отмены. Таким образом, культура отмены – это появившийся в условиях постиндустриального массмедийного цифрового общества и основанный на институтах гражданского общества и правового государства механизм исключения из социального обмена или какого-либо его сегмента.

Экономика же традиционных и переходных к модерну обществ отличалась и отличается зависимостью от многих внеэкономических факторов, с чем, видимо, взаимосвязан феномен восточного (иррационального) национализма. Наличие внеэкономических факторов обычно обусловлено присутствием одного сильного актора, который играет решающую роль в перераспределении ресурсов. Сюрреалистичным выражением данного актора стал образ народа или нации в этническом смысле этого слова.

Отношения человека и «воображаемого сообщества» в условиях этнического национализма иррациональны, так как сменить свою национальность, просто поменяв паспорт (как при гражданском национализме), здесь невозможно [9]. Образ этноса антииндивидуален и противоречит идее частной собственности (все принадлежит народу, как в традиционном обществе, якобы богу). В свою очередь, этнический национализм, видимо отражает структурное устройство социума как вертикали соподчиненных корпораций, которая затрудняет развитие гражданского общества, а средства связи и массмедиа использует в идеологических целях. При таком положении дел отмена означает выведение индивида, социальной группы или идеологемы из «меновых операций» внутри корпоративной вертикали (см., например, отмену коммунистической идеологии во время распада СССР). Такой вид отмены принципиально отличается от культуры отмены и схож с последней только инструментальным использованием массмедиа для усиления эмоционального эффекта отмены.

В целях конкретизации терминологического аппарата в отношении «не западных» обществ логичнее говорить о корпоративной отмене, для которой характерна решающая роль не всех заинтересованных в отмене сторон, а лишь одной с монопольными полномочиями на перераспределение ресурсов общества обычно от имени некоего сакрального существа или «воображаемого сообщества» (сама отмена часто обосновывается интересами последнего, но даже в случае изменений конструкторов прошлого она тесно связана именно с современными социально-политическими отношениями) [10].

«Культура отмены» и «корпоративная отмена»: специфика проявлений в современных медиа

Для более четкого понимания отличий культуры отмены от корпоративной отмены интересно рассмотреть механизмы последней в отношении таких медийных и нередко идеологических продуктов, как художественные фильмы.

Летом 2023 г. в кинотеатрах Татарстана вышел в прокат, как его позиционировали создатели, «этнотриллер» «Микулай». Проект молодого татарского режиссера был посвящен жизни заброшенной (всего с одним жителем) кряшенской деревни и вызвал неоднозначные отклики у ряда представителей кряшенской общественности, потребовавших изъять прокатное удостоверение фильма, т.е. фактически его отменить. Образ заброшенной деревни, на мой взгляд, символизировал исключенность из социального обмена, что, в первую очередь, и оскорбило людей, ассоциированных с жителями этого населенного пункта.

В данном случае фиксируется типичный первый шаг механизма культуры отмены: отдельные активисты воспринимают фильм как неприемлемый и через массмедиа пытаются начать кампанию по его отмене. Однако режиссер и иные причастные к фильму лица лишь оказались рады «шумихе», полагая, что она вызовет большой интерес и всерьез на судьбе произведения не отразится. Официальной, юридически оформленной отмены фильма не произошло, но его показ постепенно прекратился, а прежде многочисленные упоминания о нем в региональных СМИ сошли на нет. Медиапродукт был выведен из социального обмена. Кажется, чья-то «сильная воля» смогла отменить «Микулая», но это явно не было следствием активности «общественников». Факт отмены фиксируется, но механизм его принципиально иной, нежели в рамках культуры отмены [11].

Интерес к фильму на региональном уровне во многом связан с не совсем определенным этническим статусом кряшен. Некоторые из них считают себя отдельным православным тюркоязычным народом, другие – крещеными татарами. Последняя идентичность в Татарстане является официальной, и кряшен включают в состав «единой татарской нации» [12], что вызывает протест у сторонников самостоятельности данной этнической группы. В свою очередь, тезис о едином этническом образовании служит основой идеологического обоснования государственности Татарстана (регион позиционируется родиной татар всей планеты и центром «татарского мира»). Конструкт единства этноса отражает сплоченность региональной политической элиты, что, в свою очередь, отражается на особенностях государственно-монополистической структуры экономики.

В условиях тесной связи этничности, государственности и экономики раскол представлений о единой нации даже на символическом уровне потенциально угрожает сложившемуся социальному обмену. Поэтому фиксируется отмена (в том числе посредством инструментального использования прошлого; подробнее об этом феномене см.: [13]) самостоятельной кряшенской идентичности, когда, например, академические структуры региона через исторические пассажи причисляют кряшен к татарам, указывая на «ошибочность» их самоидентификации «с научной точки зрения» [14]. Такую отмену, как было сказано выше, предложено назвать корпоративной. Составляющими последней являются фильм «Микулай» и одноименная лежащая в основе его сценария пьеса [15].

В обоих произведениях кряшены явно отождествляются с оказавшимся вне социальных связей единственным жителем отрезанной от остального мира деревни. Такое одиночество, исходя из всего дискурса татарского национализма, можно связать с последствиями христианизации части татар и превращения их в кряшен после присоединения Казанского ханства к Российскому государству в 1552 г. и их нынешним стремлением стать «отдельным народом». Вне «своей религии» и «вне своего народа» люди оказываются в сложном положении, что, видимо, хотел донести до зрителя сюжет «Микулая». Положительно оценившие пьесу филологи указывали на осмысление судьбы нации как на ведущую тему произведения [16. С. 694]. В другом фильме, сценаристом которого является автор пьесы «Микулай», согласно сюжету, в татарской семье появляется больной раком кряшен (зять), и глава семьи, врач по специальности, серьезно рискуя, проводит ему «подпольную» операцию. В соответствующей риторике чужеродные организму раковые клетки служат символом исключенности из социального обмена, символически упорядочивает который образ единого народа [11].

Главный герой фильма и пьесы «Микулай» (по-русски – Николай) наделен противоречивыми физиологическими и психологическими чертами: родился 15-месячным, страдал в детстве энурезом, тогда же подвергся растлению со стороны деревенской учительницы, женился на кровной сестре, в результате чего дети умерли в младенчестве. К концу жизни Микулай страдает психическим расстройством: оставшись один в деревне, мастерит куклы родственников и соседей, общаясь с ними как с живыми людьми (он их такими и считает). «Отмененный» Микулай пребывает в иллюзорном мире, находится вне всех реальных социальных связей, якобы возможных только в пределах «своего этноса».

Отдаление от современного мира, вероятно, показывает тот факт, что Микулай каждую ночь разжигает костер для пролетающих над ним самолетов. Сюжет с самолетами имеет определенное сходство с известным антропологам культом карго. Встречающиеся в фильме лица кукол, которых мастерит главный герой, напоминают ритуальные маски племен Океании и Амазонии. В этом смысле показательны воспоминания Микулая об одном родственнике, который, приехав в город, не смог воспользоваться унитазом [11].

Придание образу Микулая «туземных» и инфантильных черт создает предпосылки для «отмены отмены», т.е. включения кряшен обратно в состав «единой нации» с последующим (нео)колониальным культуртрегерским воз-

действием. И в пьесе, и в фильме устами Микулая татары позиционируются как «сильный и мудрый народ», всегда «защищавший» кряшен, ранее, кстати, веровавших в «пророка Иисуса», что соответствует представлению о кряшен-нах как бывших мусульманах [15].

Ситуация борьбы за целостность объединяющего образа «единой нации» чем-то напоминает борьбу с фракционностью в большевистской партии 1920–1930-х гг. Данная аналогия не случайна, так как первоначальный идеолого-символический раскол правящего политического сообщества грозил потерей власти и дальнейшим разобщением всего общества. Отмена Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и других государственных и общественных деятелей была корпоративной отменой, а названные лица часто обвинялись в неблагоприятном поведении, например инцесте и педофилии.

В 2023 г. в Казани была защищена диссертация, посвященная общественно-политическому движению кряшен и «отменявшая» все их самостоятельные организации, кроме тех, которые были созданы в тесном сотрудничестве с региональными властями и не ставили вопрос о «самостоятельном этносе» [17] (фактически это был краткий курс истории Общественной организации кряшен Республики Татарстан во главе с крупным региональным хозяйственным и политическим деятелем).

Возвращаясь к инфантилизации образа Микулая и наделению его в том числе отрицательными физиологическими чертами отмены, характерными еще для советской литературы (см., например, «кулаки» [18] и «бывшие» [19]), можно предположить, что они связаны и с семейными воспоминаниями автора пьесы. Его отец, известный татарский писатель, был сыном репрессированного муллы и после гибели отца оказался в православном кряшенском селе, где наверняка почувствовал разницу религиозных сред [11]. В дальнейшем он сам подвергся сталинским репрессиям, на время потерял прежнее социальное положение, т.е. был отменен. Психологическая травма от репрессий может проявляться даже через поколения, и участие в корпоративной отмене может обуславливаться опасением такой же отмены в отношении себя самого.

В роли Микулая выступил известный актер федерального уровня Виктор Сухоруков; съемочная группа работала в одном из сельских районов недалеко от Казани при явном благопристворании со стороны властей (жители ближних деревень организованно привлекались к съемкам в качестве массовки). Премьера фильма в июне 2023 г. активно рекламировалась в татарстанских СМИ, голоса протеста (в стиле культуры отмены) кряшенских активистов остались незамеченными. Режиссер предполагал, что премьеру посетят высшие чиновники Татарстана [11].

Ситуация кардинальным образом изменилась, когда недовольным содержанием фильма оказался генеральный директор крупной татарстанской корпорации и руководитель упоминаемой ранее Общественной организации кряшен РТ, депутат Госсовета Республики. Активисты возглавляемой им организации активно критиковали «Микулая» [20] (хотя ранее, судя по данным социальных сетей, положительно отзывались о поставленных по пьесе спектаклях), а подконтрольные финансовые структуры отказали режиссеру в покрытии расходов на создание фильма (в том числе выплате гонораров актерам, о чем ранее имела договоренность) [21]. Постепенно упоминания о

«этнотриллере» в местных СМИ прекратились, что может свидетельствовать о корпоративной отмене, механизм которой, по всей видимости, запустил интегрированный во власть крупный региональный чиновник, знакомый с неписаными правилами подобной отмены.

«Культура отмены»: механизмы остракизма и солидаризации

Сюжет, иллюстрирующий специфику взаимодействия татар и крымских татар в условиях современного Татарстана, демонстрирует две тенденции, важные в контексте исследования культуры отмены.

Во-первых, существенным моментом для теоретического осмысления данного феномена является различие «культуры отмены» как стратегии остракизма в публичном пространстве, фактором реализации которой является общественный консенсус о необходимости устранения того или иного субъекта из системы социального обмена, и «корпоративной отмены», под которой понимается способ поведения, когда конкретный политический актор использует инструменты публичной дискредитации своего оппонента (или сообщества) для обеспечения собственной стратегии доминирования. Понятие «корпоративная отмена» акцентирует внимание на инструментализации отмены в качестве способа осуществления политического воздействия на тех или иных публичных субъектов.

По сути, речь идет о введении в поле социально-философского анализа практик канселлинга двух возможных моделей его функционирования: конкурентной и доминантной. *Конкурентная модель канселлинга* («культуры отмены») предполагает такой способ поведения в публичном пространстве, при котором отменяющее сообщество стремится к моральной дискредитации своего оппонента с целью его исключения из системы символического обмена (распределение благ, ресурсов, публичного одобрения). Как правило, эта модель реализуется в условиях открытого публичного пространства, что приводит к невозможности полного устранения отменяемого сообщества, которое отражает определенный сегмент социального пространства. Доминантная модель канселлинга («культуры отмены») представляет собой способ поведения, при котором отменяющее сообщество использует инструменты отмены для устранения альтернативной идентичности с последующим включением представителей отмененных в состав сообщества отменяющего.

Показательно, что инструментарием канселлинга в случае обеих моделей выступает публичное использование медиа, а дискурсивной стратегией – апелляция к нарушению сообществом не только юридических, но и моральных норм, что зачастую выражается в использовании квази-этических категорий «историческая вина» и «историческая ответственность».

Во-вторых, важным является понимание того, что в условиях конкуренции идентичностей может идти речь о множественности «культур отмены», которые могут преследовать различные интересы. Демонстрация специфики функционирования крымскотатарской идентичности в условиях современного Татарстана позволяет увидеть различные поля канселлинга, подчиняющиеся законам формирования коллективной идентичности и обеспечения солидарности. С одной стороны, на более частном уровне, можно видеть использование элементов «культуры отмены» внутри самого крымскотатарского сообщества, что обозначает символическую конкуренцию за право говорить от имени со-

общества в публичном пространстве. Нарочитый отказ от альтернативных медиарепрезентаций выражает не столько сознательную отмену «неправильных» проявлений крымской культуры и крымской идентичности, сколько стремление к блокированию каналов публичной репрезентации сообщества. Публичные механизмы социального остракизма, связанные с предписыванием «исторической вины», используются лишь как апробированный способ дискредитации заявленной позиции. «Историческая вина» в данном случае выступает важным элементом дискурсивной практики, позволяющим не просто подвергать критике неудобную позицию, но и предписать ей искажение исторического пути формирования и сохранения этноса, что дает возможность перевести формат критики в область моральных оценок.

На более масштабном уровне речь может идти о стремлении татарстанской элиты подвергнуть канселлингу крымскую идентичность с целью солидаризации единой татарской нации и включения крымчан в уже имеющуюся матрицу татарской идентичности.

И в том и в другом случае реализация доминантной модели канселлинга сопровождается своеобразным стремлением отмены идентичности определенного сообщества с целью его включения в отменяющее сообщество. Культура отмены может выступать не только инструментом фрагментации и раскалывания социального пространства, но и способом искусственной консолидации сообщества за счет стимулирования исторического забвения локального прошлого.

Таким образом, в кейсе взаимодействия татарского и крымского сообществ нашли отражение механизмы двух видов отмены, своеобразное переплетение которых, вероятно, обусловлено модернизационными взаимовлияниями в разных сферах общества. Ведущей являлась корпоративная отмена, так как сама возможность появления медиапродуктов, посвященных тематике крымско-татарского взаимодействия, определялась стремлением донести до массового зрителя представления об опасностях, связанных с угрозой историческому единству этнонации, которая, в свою очередь, сама олицетворяет вертикаль корпоративной структуры общества. Постепенное затухание публичного эффекта от подобных медиапродуктов демонстрирует реализацию доминантной модели «культуры отмены», при которой механизмы общественного недовольства выступают лишь инструментом, обеспечивающим достижение политических целей.

Главный теоретический вывод из обобщения проанализированного показательного эмпирического кейса заключается в подтверждении выдвинутой гипотезы о взаимосвязи отмены и социального обмена, когда последний определяет качественные характеристики культуры отмены или корпоративной отмены. Учитывая единство различных сфер жизни общества, корректно говорить о единстве отмены в социальных отношениях и их идеальных типах, например мифологии и идеологии. Таким образом, стирается грань между прошлым и настоящим, что предоставляет «методологический ключ» к исследованиям отмены в дискурсах исторической памяти (в данном случае мало различаются механизмы отмены исторического персонажа и, например, современного голливудского актера).

Изложенный материал свидетельствует о необходимости дальнейшей работы над методологическим сопровождением понятия «культура отмены»,

учете всех особенностей его использования в академическом дискурсе и вне его, что позволит лучше понять многие социальные процессы, в том числе те, которые в массовом сознании являются продолжением повествований о прошлом.

Список источников

1. Сыров В.Н. «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 7–22. doi:10.17506/26867206_2024_24_3_7
2. Сыров В.Н. К вопросу о философских основаниях «культуры отмены» и ее значении для осмысления и отношения к прошлому // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 85–90. doi: 10.17223/15617793/492/10
3. Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 46–61.
4. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М. : Книжный дом – Университет (КДУ), 2011. 413 с.
5. Салинз М. Экономика каменного века. М. : Объединенное гуманитар. изд-во, 1999. 293 с.
6. Суриков И.Е. Институт остракизма в Античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. № 2. С. 113–130.
7. Поланьи К. Великая трансформация. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 406 с.
8. Линченко А.А. Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 1. С. 225–243. doi: 10.46539/gmd.v6i1.447
9. Тишков В.А., Шнирельман В.А. Как и зачем надо изучать национализм // Национализм в мировой истории. М. : Наука, 2007. С. 4–35.
10. Овчинников А.В. «Корпоративная отмена»: приключения «мифа 922 года» между академическим и идеологическим дискурсами // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 1. С. 202–224. doi: 10.46539/gmd.v6i1.448
11. Становление и генезис крымско-татарской идентичности / под ред. Р.Р. Исхакова. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 240 с.
12. Головашина О.В. Репрезентация идентичности: почему не каждую традицию можно изобрести? // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 62–70. doi: 10.17223/15617793/495/6
13. История и культура татар-крымцев (XVI–XX вв.) / отв. ред. Р.Р. Исхаков ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 959 с.
14. Овчинников А.В. «Микулай» открывает глаза: могут ли отменить фильм? URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/293458-mikulaya-smogut-otmenit-mikulay-otkryvaet-glaza> (дата обращения: 1.11.2024).
15. Гилязов М.А. Микулай: монопеса в двух действиях (действие I). URL: <https://tuganaylar.ru/news/literaturnye-proizvedeniya/mikulay-monopesa-v-dvukh-deystviyakh-deystvie-i> (дата обращения: 1.11.2024).
16. Шарипова А.С. Художественное осмысление темы судьбы человека и нации в монодраме Мансура Гилязова «Микулай» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15, вып. 3. С. 693–697.
17. Шарафиев Э.И. Общественное и культурное развитие крымцев Республики Татарстан в 1989–2010 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. 288 с.
18. Филиппова Т. «Крестьяне бывают разные...». Образ кулака в раннесоветской сатире // Официальный сайт Российского исторического общества. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/krestyane-byvayut-raznye-obraz-kulaka-v-rannesovetskoj-satire.html> (дата обращения: 1.11.2024).
19. Мирошниченко М.И., Журавлева В.А. «Бывшие люди»: структура и особенности нормативно-правового статуса // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5, № 3. С. 27–36.
20. «Мы заранее говорили, что будет скандал»: почему крымцы Татарстана хотят запретить «Микулая»? // БИЗНЕС Online: деловая электронная газета. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/609020> (дата обращения: 1.11.2024).
21. Рахимбай И. «Я понимал, что мы либо все передвигаем, либо газуем как рок-н-роллышки // Информационное агентство «Реальное Время». URL: <https://realnoevremya.ru>

ru.turbopages.org/realnoevremya.ru/s/articles/237511-na-etno-triller-s-viktorom-suhorukovym-mikulai-sobirayut-dengi (дата обращения: 1.11.2024).

References

1. Syrov, V.N. (2024) "Kul'tura otmeny": k voprosu o kriteriyah opredeleniya i pravomernosti primeneniya ["Cancel culture": On the criteria for determining and legality of application]. *Antinomii*. 24(3). pp. 7–22. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_3_7.
2. Syrov, V.N. (2023) On the philosophical foundations of the "cancel culture" and its significance for understanding and attitude to the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 85–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/492/10
3. Homans, G. (1994) Vozvrashchenie k cheloveku [Return to Man]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow: Moscow State University. pp. 46–61.
4. Moss, M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noy antropologii* [Societies. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom – Universitet (KDU).
5. Sahlinz, M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [The Economy of the Stone Age]. Translated from English. Moscow: United Humanitarian Publishing House.
6. Surikov, I.E. (2005) Institut ostrakizma v Antichnoy Gretsii: k obshchey otsenke fenomena [The Institute of Ostracism in Ancient Greece: Towards a General Assessment of the Phenomenon]. *Istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 113–130.
7. Polanyi, K. (2006) *Velikaya transformatsiya* [A Great Transformation]. Translated from English. Moscow: HSE.
8. Linchenko, A.A. (2024) Formy istoricheskogo zabveniya i figury umolchaniya v kommémorativnykh praktikakh dvizheniya Black Lives Matter: sravnitel'nyy analiz mediadiskursov v angloyazychnykh stranakh [Forms of historical oblivion and figures of silence in the Commémorative Practices of the Black Lives Matter movement: A comparative analysis of media discourse in English-speaking countries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 6(1). pp. 225–243. DOI: 10.46539/gmd.v6i1.447
9. Tishkov, V.A. & Shnirelman, V.A. (2007) Kak i zachem nado izuchat' natsionalizm [How and why it is necessary to study nationalism]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Natsionalizm v mirovoy istorii* [Nationalism in World History]. Moscow: Nauka. pp. 4–35.
10. Ovchinnikov, A.V. (2024) "Korporativnaya otmena": priklucheniya "mifa 922 goda" mezhdú akademicheskimi i ideologicheskimi diskursami ["Corporate Cancellation": The adventures of the "Myth of 922" between academic and ideological discourses]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 6(1). pp. 202–224. DOI: 10.46539/gmd.v6i1.448
11. Iskhakov, R.R. (ed.) (2022) *Stanovlenie i genezis kryashenskoy identichnosti* [The Formation and Genesis of the Kryashen Identity]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
12. Golovashina, O.V. (2023) Representation of identity: Why cannot every tradition be invented? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 495. pp. 62–70. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/495/6.
13. Iskhakov, R.R. (ed.) (2017) *Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.)* [History and culture of the Kryashen Tatars in the 16th – 20th centuries]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
14. Ovchinnikov, A.V. (2023) "Mikulay" otkryvaet glaza: mogut li otmenit' fil'm? ["Mikulai" opens his eyes: Can the film be canceled?]. [Online] Available from: <https://m.realnoevremya.ru/articles/293458-mikulaya-smogut-otmenit-mikulay-otkryvaet-glaza> (Accessed: 1st November 2024).
15. Gilyazov, M. (2020) *Mikulay: monop'esa v dvukh deystviyakh (deystvie I)* [Mikulai: A solo performance in two acts (Act I)]. [Online] Available from: <https://tuganaylar.ru/news/literaturnye-proizvedeniya/mikulay-monopesa-v-dvukh-deystviyakh-deystvie-i> (Accessed: 1st November 2024).
16. Sharipova, A.S. (2022) Khudozhestvennoe osmyslenie temy sud'by cheloveka i natsii v monodrame Mansura Gilyazova "Mikulay" [Artistic interpretation of the theme of the fate of man and nation in Mansur Gilyazov's monodrama "Mikulai"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 15(3). pp. 693–697.
17. Sharafiev, E.I. (2022) *Obshchestvennoe i kul'turnoe razvitie kryashen Respubliki Tatarstan v 1989–2010 gg.* [Social and cultural development of the Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010]. History Cand. Diss. Kazan.

18. Filippova, T. (2021) "Krest'yane byvayut raznye...". *Obraz kulaka v rannesovetskoj satire* ["Peasants are different...". The image of the Fist in Early Soviet satire]. [Online] Available from: <https://historyrussia.org/sobytiya/krestyane-byvayut-raznye-obraz-kulaka-v-rannesovetskoj-satire.html> (Accessed: 1st November 2024).

19. Miroshnichenko, M. & Zhuravleva, V. (2021) "Byvshie lyudi": struktura i osobennosti normativno pravovogo statusa ["Former people": The structure and features of the regulatory status]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 5(3). pp. 27–36.

20. *Biznes Online*. (2023) "My zaranee govorili, chto budet skandal": pochemu kryasheny Tatarstana khotyat zapretit' "Mikulaya"? ["We said in advance that there would be a scandal": Why do the kryashens of Tatarstan want to ban Mikulai?]. [Online] Available from: <https://www.business-gazeta.ru/article/609020> (Accessed: 1st November 2024).

21. Rahimbaj I. (2023) *Ya ponimal, chto my libo vse peredvigaem, libo gazuem kak rok-n-roll'shchiki* [I understood that we were either moving everything or revving up like rock-'n'-rollers]. [Online] Available from: <https://realnoevremya-ru.turbopages.org/realnoevremya.ru/s/articles/237511-na-etno-triller-s-viktorom-suhorukovym-mikulay-sobirayut-dengi> (Accessed: 1st November 2024).

Сведения об авторах:

Овчинников А.В. – кандидат исторических наук, научный сотрудник Философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры Менеджмент Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Аникин Д.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник Философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: dandee@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ovchinnikov A.V. – Cand. Sci. (History), research fellow, Faculty of Philosophy, National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Department of Management, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation). E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Anikin D.A. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Faculty of Philosophy, National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024;

одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 24.02.2025

The article was submitted 29.11.2024;

approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 24.02.2025

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.17223/1998863X/83/9

«МОДНАЯ ВЕЩЬ» КАК ПЕРСОНАЖ ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ: НА ПУТИ К «ДРУГОМУ» ОБЩЕСТВУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Валерия Владимировна Петренко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
vptomsk@mail.ru*

Аннотация. На примере социально-философской рецепции моды, исходя из методологической оптики объектно-ориентированной философии, предпринята попытка выработать представление о «модных вещах» как о самостоятельной региональной онтологии социального. В парадигме consumption studies обсуждается возможность тематизации социальности посредством описания горизонтальных социальных связей в условиях современного потребления, где модная вещь наделена специфической субъектностью и предстает как универсальный агент сетевого социального пространства.

Ключевые слова: вещь, «модная вещь», потребление, объектно-ориентированная онтология, эстетическое

Для цитирования: Петренко В.В. «Модная вещь» как персонаж объектно-ориентированной социальной онтологии: на пути к «другому» обществу потребления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С.88–102. doi: 10.17223/1998863X/83/9

Original article

“FASHIONABLE THING” AS A CHARACTER OF OBJECT-ORIENTED SOCIAL ONTOLOGY: ON THE WAY TO A “DIFFERENT” CONSUMER SOCIETY

Valeriya V. Petrenko

National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vptomsk@mail.ru

Abstract. The article, based on the optics of object-oriented philosophy, attempts to present a “fashionable thing” as a unit of regional ontology of the social. In the paradigm of consumption studies, sociality is discussed through the description of horizontal social connections characteristic of modern consumer society, where a fashionable thing is endowed with a specific subjectivity and appears as a universal agent of the networked social space. The collapse of traditional ontologies was marked by a new ontological turn. A course was taken to conceptualize “another sociality” as an expression of the counter-traditional dimension of the “social object”, to reject the subject-object epistemological confrontation. As for the instance of “thing”, this concept is used by a variety of discourses. Ontological and epistemological narratives use the concept of “thing” in a variety of meanings. However, the entire post-Kantian metaphysics of objectivity and thinghood tells us about the tyranny of the subject and assigns things a subordinate role. The appeal to the phenomenon of consumption raises the question of its being set in motion by things in all their original materiality, since a fashionable thing has an internal motivating impulse. A fashionable

thing, by its very presence, pushes the subject to certain actions. It serves as a trigger for a clearly focused choice and goal-oriented action. Of course, things appear as “fashionable” only within a special form of sociality and only from a special angle of view on this sociality. The framing of fashionable practice makes it a kind of a universal challenge. The world of fashionable things, the whole meaning of whose existence lies in the fact that they endlessly replace one another, constitutes the subject itself. This circumstance turns us to the motive of *performativity* in reasoning about a fashionable thing as an indispensable agent of modern social space, which is adjacent to the human subject and is organized, like fashion, in a networked manner.

Keywords: thing, “fashion thing”, consumption, object-oriented ontology, aesthetic

For citation: Petrenko, V.V. (2025) Fashionable thing as a character of object-oriented social ontology: on the way to a “different” consumer society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 88–102. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/9

Могут ли быть у вещей, как у животных и растений, свои неотчуждаемые права? Имеет ли велосипед право на то, чтобы ему не совали палки в колеса, а сметана – на то, чтобы ее хранили в холодильнике? С развитием интернета вещей идеология «онтокорректности» (ontocorrectness) становится все более осуществимой.

М. Эпштейн

Социальная онтология и социальная эпистемология, принадлежащие новой – антифундаменталистской, антиэссенциалистской – парадигме, все решительнее выдвигаются на авансцену современного социально-философского интереса, который обслуживает центральное направление актуальной философской мысли, противящейся любой генерализации. Именно последняя спровоцировала кризис предметности в области социальных наук (то, что В.М. Розин называет «распредмечиванием (деконструкцией) социальных понятий и реальности» [1. С. 46], подчеркивая, что «старые оппозиции и типологии наук перестают работать, складываются новые: кардинально меняется понятие социального» [1. С. 46]). Крах традиционных онтологий, возвестивший «смерть социального», должен быть уравновешен новым онтологическим поворотом, чувствительным к метафизике общественного бытия, исходя из «другого начала». К настоящему моменту «мыслить социально-теоретически» в противовес «мыслить социологически» (Э. Гидденс, Ф. Саттон) – это, в большой мере, выбрать привилегированным предметом интереса саму природу социального, избегая соблазна поставить ее в зависимость от сущностей субстанциалистского толка в их классическом истолковании, что, однако, не умаляет ценности собственно онтологического вопрошания по адресу статуса присутствия как «социальности вообще», так и важнейших ее конституентов. Курс на концептуализацию «другой социальности» как выражение контр-традиционного измерения «социального объекта» и порядка устройства социального мира, в принципе на преодоление классической субстанциалистской логики, а также отказ от субъект-объектного эпистемологического противостояния отличают взгляды большинства теоретиков из лагеря вчерашних философов науки, представителей классической эпистемологии, философской антропологии, теории искусственного интеллекта, философской футурологии, эстетики и т.д. Притяже-

ние новых – социально-философских – тематизаций испытали философы языка, философы сознания и культуры, в особенности те из них, кому не чужд общественный и политический темперамент. Бытует мнение, что к настоящему моменту социально-философская проблематика не уступает базовым философским нарративам и, в свою очередь, сама претендует на статус пан- и метафилософского знания (см., например, [2]). Как справедливо отмечает Н.А. Терещенко, «на роль пандисциплины претендует, как правило, наука или область философствования, которая в наибольшей степени столкнулась с кризисными явлениями» [2. С. 14].

Вопрос о «безосновной онтологии» ставится и решается в логике «ирредукционизма» и «реонтологизации объекта» (см., например, [3]). Опираясь на важные в методологическом отношении интуиции авторства М. Деланды, К. Лефора, М. Кастельса, Ш. Муффа, Дж. Паркера, Ж. Рансьера, Дж. Серля, Р. Хойслинга, представители отечественной социально-философской мысли приходят к резюмирующему заключению: «Отказ от основания во всех его формах – абсолюта, причины, сущности, идеи и т.п. – влечет за собой аксиоматический постулат о множественности сущего, т.е. аксиоматизацию множественности... Все объекты рассматриваются в качестве множеств... Чтобы сохранить онтологический статус этих объектов, требуется реонтологизация объектов, которая наделяет каждое сущее одинаковым (думается, все же «одинаково значимым». – В.П.) онтологическим статусом, постулирует безусловное равенство объектов без общей меры или критерия сопоставления или сравнения...» [4. С. 11].

Создатель объектно-ориентированной философии (ООФ), а с некоторых пор и объектно-ориентированной – имматериалистической – социальной теории Г. Харман, вступая в полемику с автором акторно-сетевой теории, открытым сторонником «интеробъективизма» Б. Латуром, чуть позже – с Л. Брайантом и «новым материализмом» в лице Б. Массуми и Д. Харауэй, справедливо пишет: «В конечном счете, хорошая теория должна проводить различия между разными видами того, что существует» [5. С. 11]. Другими словами, онтологический статус социального объекта – первое, о чем следует задуматься социальному теоретику. Он теперь отдает должное тем «про-объектным интуициям», которым мы обязаны общему антиконструктивистскому пафосу внутри современной философии начиная со спекулятивного реализма К. Мейясу. Беря на вооружение идею объект-центричного, в том числе социального мира, Г. Харман указывает на ряд продуктивных для социально-теоретической интроспекции констатаций, идущих вразрез с традиционным пониманием общества. Таким, где общество мыслится как обособленная сущность, обладающая классическими признаками целостности и надындивидуальной значимости, которой было принято приписывать исключительно человеческий деятельностный характер (если речь и шла об «объектной» стороне дела, то последняя понималась как инструментальное подспорье для человеческой – исключительно «субъектной» – активности). Такого рода интуициям все чаще уделяют внимание и специалисты смежных с социальной теорией областей философского знания – культурологи, социальные антропологи, представители философской герменевтики (см., например, [6–8]).

К эвристичным, по мнению Г. Хармана, новейшим идеям в области онтологического вопрошания по адресу социальной реальности следует отнести два обстоятельства: во-первых, тезис о том, что инстанция «практического» (оно же, как правило, «объективное») «опосредует отношения» между людьми (в этом пункте нетрудно разглядеть отсыл к классической – в духе исторического материализма – трактовке праксиса как «объективации» и «опредмечивания» все той же деятельности общественного субъекта, покоящейся на регулярности и повторяемости), и, во-вторых, что по-новому трактуемая субъектность (в терминологии Г. Хармана, «нечеловеческая агентность», что должно подчеркнуть ее эксклюзивный и где-то экзотический характер) может быть отнесена на счет самих этих «объектов», в той мере, в какой они втянуты в сферу нашей активности и часто направляют эту активность [5. С. 13]. Примечательно, что Г. Харман, отчаянно сопротивляющийся причислению его к какой бы то ни было философской традиции, включая 1) новый аристотелизм, 2) новую монадологию, 3) вынесенную за скобки самим автором метафорику «вещи-в-себе», равно как и 4) гуссерлевскую и хайдеггеровскую интуиции интенциональности и присутствия, а также 5) прямые аллюзии на приоритет «новой материальности», тем не менее открыто декларирует сократовский и платоновский тезис об эстетике как первой философии. Обоснованию своей позиции Г. Харман посвящает целую главу в работе «Объектно-ориентированная онтология: новая „теория всего“», назвав ее «Эстетика – корень всякой философии». Особое внимание он уделяет феномену эстетического опыта: «Эстетический опыт принципиален для объектно-ориентированной онтологии как форма небуквального доступа к объекту. Он случается, когда чувственные качества перестают принадлежать своему обычному чувственному объекту. Но вместо этого переходят на реальный объект, неизбежно изымаемый из всякого доступа. По этой причине исчезнувший реальный объект замещается самим эстетическим наблюдателем как новым реальным объектом, поддерживающим чувственные качества. Следовательно, мы можем говорить о неизбежной театральности эстетического опыта...» [9. С. 223]. Таким образом, а) «вещное» («объектное» как принадлежащее онтологии), б) «практическое», в) «активное» (субъектное), г) «эстетическое» и даже д) «театральное» обнаруживают себя в некой общей конфигурации, в одном дискурсивном поле. Однако все эти сущности не изобретены отцами-основателями ООФ. Каждая из них плотно дискурсивно нагружена. Их соединение в едином концептуальном пространстве требует дополнительного усилия для прояснения того методологического режима, который позволит критически описать данную концептуальную схему. Последнее, справедливости ради, не входит в задачу авторов объектно-ориентированной философии. Напротив, это вполне самостоятельная и даже насущная задача для тех, кто намерен использовать объектно-ориентированную теоретическую схему и выстроенную на ее основе методологическую оптику для постановки и достижения собственных региональных философских целей и описания конкретных философских предметностей.

Так, уже в ранних работах конца 60-х – начала 70-х гг. прошлого века («Система вещей» (1968) и «Общество потребления» (1970) диагност собственного времени и леворадикальный критик западной цивилизационной матрицы Ж. Бодрийяр угадал, какое значение на наших глазах приобретает

то, что мы близоруко продолжаем именовать «вещью», упорствуя в констатации привычного зазора между «человеческим» (субъектным) и «нечеловеческим» (объектным), т.е. не желая видеть очевидного – «вещь» перестала быть вещью в удобном для нас диспозитивном природном, пространственно-временном, зависимом расположении. Ее статус – способ бытийствования, ее ноуменальное и акцидентальное, ее «подручно-наличное» – вдруг стал демонстрировать нечто вроде вертиго, сообщая потреблению качества чудотворности и головокружительности, о чем нам поведал сам Ж. Бодрийяр в части I «Общества потребления», названной «Торжество предметных форм»: «Люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления» [10. С. 9]. Этой риторике Ж. Бодрийяр будет придерживаться неукоснительно: «Мы переживаем время вещей: я хочу сказать, что мы живем в их ритме и в соответствии с их непрерывной последовательностью» [9. С. 10].

Разумеется, Ж. Бодрийяр, а до него Р. Барт сосредоточили максимум внимания на семиотической стороне дела. Строго говоря, если здесь и есть какой-то «объект», то в первую очередь интенциональный. Именно поэтому при описании «обществ Роста» Ж. Бодрийяру так естественно даются риторические упражнения подобного рода: «Речь идет... о частной и коллективной потребительской ментальности... Богатство, «изобилие» является в действительности только накоплением знаков счастья» [10. С. 19–20]. И далее: «...теперь в него (общество. – В.П.) включается система потребления, которая является системой манипуляции знаками... Все больше и больше фундаментальных форм деятельности наших современных обществ дают место логике знаков, предстают в рамках анализа кодов и символических систем...» [10. С. 22]. Примечательно, что эти кодирующие системы – пресловутые «империи знаков» (Р. Барт) – более ничего не кодируют, не служат индикаторами чего-то еще, демонстрируя принципиальную нейтральность и недифференцированность в отношении еще какой-то онтологической данности. Косвенным тому подтверждением служит тезис о бесконечности самого процесса потребления, т.е. об отсутствии каких бы то ни было пределов в совокупной работе потребленческого фантазма и неконтролируемой экспансии «символического» вещей, предназначенных в потребление.

В других своих работах, наследующих той же логике, Ж. Бодрийяр выходит к понятию симулякра, ставшему визитной карточкой французского философа. Рассуждая о симуляционном характере чего бы то ни было, постструктурализм наследует гуссерлевской идее интенциональности. Правда, призыв «Назад, к самим вещам» в случае постмодернистской двойной инверсии оборачивается кружением в реальности, демонстрирующей, по всем признакам, не только символический, но и материальный характер, при том, что эта материальность имеет отношение к предметности специфического толка – речь идет исключительно о горизонте дискурсивного и «означающего». Тот объект, с которым имеет дело бодрийяровский нарратив, – это замкнутая на себя вселенная особого языка презентации и репрезентации субъекта, кто бы или что бы ни выступало под маской последнего. В этом субъекте, действительно, осталось немного от его собственного – сознательного и волевого – присутствия. Его, действительно, подхватывают, несут и «образуют» языки и дискурсы, которые он давно не выбирает, в которые он встроен и которым

идеологически подчинен. Однако и «вещи» в исконном, простодушном смысле этого слова здесь отсутствуют. Их также подменили симулякры, притворившиеся вещами, в сущности, это материальные события сложных языковых описаний. «Вещное» как формально-знаковое, окончательно выхолостившее собственное содержание, – вот единственная реальность настоящего, подтолкнувшая Ж. Бодрийяра засвидетельствовать в том числе «смерть социального».

Надо признать, что инстанция «вещи» в европейском понятийно-категориальном инструментарии теоретически сверххвалентна. Этим понятием оперируют онтология, теория познания, натурфилософия, метафизика, логика, этика и эстетика, философия языка, социальная философия. Причем и онтологический, и эпистемологический нарратив – как вездесущие – задействуют понятие «вещь» во множестве значений. Опуская тонкие дистинкции между «вещью» и «предметом», «вещью» и «объектом», можно свести это многообразие значений к следующим наиболее показательным. «Вещь» понимают: а) как нечто, помещенное в природный, пространственно-временной континуум: в декорациях протяженности и временения; б) как нечто абсолютно противостоящее субъекту знания и познания, т.е. выступающее идеальным объектом приложения познавательного усилия; в) как средоточие-носитель свойств, признаков, качеств предмета; г) как «подлежащее» в логическом и лингвистическом смысле, т.е. становящееся субъектом высказывания, которое следует наделить предикатом, и, наконец, д) как нечто «сделанное», «произведенное» либо «пущенное в оборот», т.е. буквально отмеченное присутствием человека (именно в таком контексте фигурирует и от этого значения отталкивается понятие *модной вещи*, выступающее сюжетом данного рассмотрения). В любом случае вещь принадлежит региону сущего (онтического) в не меньшей степени, чем собственно бытию. Ее классические концептуализации легче всего проследить в логике эмпирического и рационалистического трансцендентализма: будь то *res extensa*, или *res cogitas*, рядом с этим «нечто» всегда обнаруживает себя «некто», благодаря которому вещь впервые заявляет о себе как «что-то» вполне определенное, отдельное и до некоторой степени самостоятельное.

Упрочил респектабельность понятия «вещь» новейший онтологический разворот западного метафизического и постметафизического мышления, имевший место на рубеже XIX–XX вв. и продолженный в XXI в. И он же установил новые барьеры на путях доступа к Вещи как таковой. Хотя к настоящему времени индекс цитирования понятия «вещь» взлетел на необыкновенную высоту, мы вынуждены констатировать именно онтологическое истощение этой категории.

В работе 1936 г. «Воображение» Ж.-П. Сартр еще описывает Вещь как «такую инертную форму, которая внеположена всякой сознательной активности и которую следует наблюдать, постепенно узнавая...» [11. С. 100]. Кроме того, он приписывает вещам качество инертности как конститутивное и определяющее: «...лишь в силу своей инертности вещи, ускользая, не признают над собой господства сознания; и именно инертность спасает вещи, сохраняя их автономию» [11. С. 100]. Здесь пока слышен отголосок классического (аристотелевского/гегелевского/марксистского) толкования «вещного» как самоочевидного и аподиктически-первичного, что, безусловно, способ-

ствует налаживанию практических и эпистемологических связей человека-субъекта с миром. Нечто подобное можно найти в позднемарксистской трактовке горизонта «вещности» в работе 1963 г. «Вещи, свойства и отношения» авторства А.И. Уёмова, советского логика и методолога науки, создателя концепции эмпирического реализма [12].

Однако экскурс в дальнейшую историю мысли явственно показывает всю тщетность предпринятого М. Хайдеггером революционного усилия, наследником которого, в нашем случае, выступает Ж.-П. Сартр – переломить тот последовательно субъективистский крен всей европейской метафизики, что раз и навсегда расправился с миром «вещей-для-себя». И вполне ожидаемо в работе «Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии» В.А. Подорога подводит горький итог: «Сегодня вещь в том виде, в каком она могла быть вещью, чем-то особенным и автономным, наделенным „своими“ качествами, больше не существует. Вещь, с которой мы встречаемся и которую хотим присвоить, уже сделана... главное – вещь находится в паутине наших интенциональных переживаний» [13. С. 13–15]. Правда, русский мыслитель, желая спасти хайдеггеровский пафос «вещного» как подлинного, вслед за М. Хайдеггером размещает инстанцию вещи в горизонте эстетики, понимая под последней и философию художественного, и особую перцептивную оптику: «Истинным убежищем Вещи и вещей остается искусство. Там и только там вещи еще наделяются неприкосновенностью, аурой, погружаются в атмосферу, только там они вдруг оживают и становятся самыми близкими и самыми страшными, несущими радость и наслаждение, но и смертельную опасность (под взглядом Другого)» [13. С. 13]. Ожидаемым продолжением предложенной перспективы стала попытка сообщить вещам объем за счет разного рода семиотических и культурологических концептуализаций, в частности за счет снижения доли «инструментализации» в трактовке вещи и придания ей веса путем наделения вещей их собственной философией, как это, например, имеет место в философии дизайна.

Так, автор монографии «Вещь, форма, стиль» Т. Быстрова, задавшись вопросом, каковы философские основания дизайна, пишет: «На эти вопросы позволяет ответить исследование феномена вещи. Она трактуется в работе как освоенный и полисемантический продукт, посредством которого происходит синхронное и диахронное общение людей. Эта трактовка лишает предметный мир хаотичности и обездушенности, превращая дизайн в гуманизирующую эстетическую деятельность» [14. С. 9].

В похожей перспективе рассуждает Э. Росторн, дизайн-критик и колумнист The NY Times, автор книги с говорящим названием «Дизайн как отношение». Сосредоточившись на понятии «отношенческого» (или, в ее же выразительной терминологии, «идейного») дизайна, Э. Росторн описала его как продолжение политик социального неравнодушия: «Во всех его многообразных обликах дизайн всегда играл роль агента преобразований, который интерпретирует изменения (сдвиги) любого рода: социальные, экономические, научные, технологические, культурные, экологические – какие угодно, чтобы в конечном итоге гарантировать, что они будут влиять на нас позитивно, а не негативно» [15. С. 14]. То есть нам предлагают все тот же субъект-объектный взгляд на предметно-вещную реальность, проводником которого привычно выступает человек в своей активной (здесь – творческой) ипостаси. Теперь он

сознательно озабочен видимым подобием легитимности, неслучайности тех сущностей, которые, при созидании нового мира, без его (человека) одухотворяющего присутствия, так и пребывали бы в статусе «хаотичности» и «обездушенности». Разумеется, ничего неожиданного в выборе подобной и схожих с ней методологий нет. Вся посткантовская метафизика предметности и вещиности как втянутых в орбиту человеческого опыта, и онтологически и эпистемологически от него зависящая, подталкивает нас к мысли о первичности деятельного либо смыслополагающего жеста, инициатором которого выступает именно субъект. И именно тирания субъекта отводит вещам важную, но подчиненную роль проводников наших желаний.

Думается, эта общая постановка вопроса не требует радикальной замены. Достаточно эвристичной для очерченного круга тематизаций, а именно представления о «модных вещах» как о самостоятельной региональной онтологии социального, выглядело бы даже незначительное, но четко сфокусированное *смещение* оптики в непривычном для означенных методологий направлении, в нашем случае – в направлении объект-ориентированной теоретической схемы описания мира «модных вещей».

Если обратиться к феномену потребления и связанным с ним дериватам как эффектам потребительской активности, они попали в фокус исследовательского интереса достаточно давно. Кроме строго экономического, горизонт «потребительского» и «потребленческого» расширился до социологических, культурологических и собственно философских репрезентаций благодаря остроумной работе Т. Веблена, столетие которой мы отметили четверть века назад. В своем трактате «Теория праздного класса» (1899) Т. Веблен оказался по-настоящему эвристичен при дискурсивном представлении новейших общественных трендов в области не столько производства и обмена, сколько потребительской активности участников рынка предметов роскоши, потребительная стоимость которых заметно уступала их меновой и символической стоимости. Понятно, что уже у Т. Веблена речь идет о феномене, превосходящем так называемое базовое потребление и даже функциональное потребление (направленных на выживание, удовлетворение потребностей *sine qua non* и на поддержание удовлетворительного жизненного уровня). Заметным образом, демонстративное потребление не коррелирует напрямую с такого рода потребностями и не служит их удовлетворению. Тот способ потребления, который описывает Т. Веблен, носит интерактивный и интересубъективный характер, поскольку его адресатом выступает не сам субъект, а другие люди. Он как будто потребляет для них, тем самым маркируя себя как достойного участника обмена и, как правило, стремясь занять более высокую ступень в общественной иерархии. Выбор в пользу консюмеристского образа жизни оказывается единственно возможным для субъекта, который *de facto* потребляет не отдельные вещи, а соответствующий образ жизни, заслуживший статус респектабельности в глазах данного сообщества. Но чем фундирован этот образ жизни, кроме артикулированного *modus-a-operandi* в области поведенческих паттернов и ценностных предпочтений? Т. Веблен, вполне в духе поздней антикапиталистической риторики Ж. Бодрийяра, видит основание соответствующей формы социальности в иерархиях символического порядка.

Для нас важно, что Т. Веблен известен как один из первых теоретиков, отметившихся выдвижением феномена *моды* на авансцену серьезного социологического исследования. Его теория «просачивания» вскрывает механизмы продвижения и апроприации модного образца. Он фактически концептуализирует понятие моды, трактуя его как сумму не только эстетических и стилистических установок. Он подчеркивает жизнемирный характер в понимании природы моды, что ставит его в один ряд с феноменологическим подходом к моде Г. Зиммеля. Введя же понятие *демонстративного потребления*, Т. Веблен концентрируется на таких общественных институтах как: а) досуговое (по преимуществу праздное) времяпрепровождение; б) денежная культура, денежный уровень жизни и денежный канон вкуса; в) разумеется, *мода* как следование – в рамках той же денежной культуры – вполне предсказуемому паттерну поведения и выбора. (Любопытно, что Т. Веблен вносит в число указанных социальных институтов и г) высшее образование. Таким образом, Т. Веблен делает последнее еще одним инструментом воспроизводства социального порядка, фактически предвосхищая мысль П. Бурдьё о поддержании политической и культурной асимметрии посредством демонстративного потребления знания и, тем самым, упрочивания идеологических нарративов в пользу власть предержащих.) Сам смысл демонстративного потребления – в фигуре *различания*, самой по себе фигуре неклассического способа репрезентации (и для Г. Зиммеля, и для Т. Веблена приобретшей характер социального и даже классового различия). Как верно отмечает Е. Васильева, позиции Т. Веблена и Г. Зиммеля совпадают в том отношении, что «мода построена не столько на подражании, сколько на различии – на преодолении границы и одновременно установлении несоответствия... Смысл этого принципа – в регламентации системы несовпадений и в определении того, где, как и по каким критериям оно может быть установлено, в понимании форм, которые могут стать элементом разделения или соединения... По сути, феномен демонстративного потребления Веблен и называет модой... Вещи в этой системе – идентификатор принадлежности» [16. С. 44–46]. В известном смысле, демонстративное потребление у Т. Веблена задолго до структуралистов носит знаковый характер и артикулирует горизонт символического и горизонт идеологии.

Такой – позднепозитивистский – взгляд на структурное перераспределение значимости экономических составляющих рынка модных товаров стал продолжением марксистской критики капитализма и, в меняющихся обстоятельствах, придал видимый импульс критической составляющей социальной теории вообще. Он позволил взглянуть под новым углом зрения на специфические эффекты капиталистического производства и перепроизводства. Уже здесь латентно был поставлен вопрос об имманентной логике капиталистического «вещного приращения» и седиментации последнего в сознании субъектов-агентов капиталистического способа производства/потребления.

К настоящему времени мы говорим о сложившейся парадигме *consumption studies*, отмеченной именами европейских континентальных и американских авторов. В их числе представители неомарксизма в лице философов Франкфуртской школы: Т. Адорно, В. Беньямин, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер. В том же ряду зарубежные и отечественные исследователи: Р. Барт, З. Бауман, Д. Бенсайд, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё,

Л. Болтански, П. Вирильо, Дж. Грааф, Г. Дебор, Ф. Джеймисон, М. Долар, С. Жижек, Н. Кляйн, Б.В. Марков, Т. Нейлор, А.В. Павлов, С. Томшич. В актуальной критике дискурса потребления – как дискурса капиталистического – причудливо переплелись самые разные исследовательские стратегии и приемы: это и а) традиционный политэкономический подход, идущий от А. Смита, и б) восходящий к Г. Зиммелю, предвосхищающий феноменологическую оптику взгляд на природу и устройство субъекта-носителя сознания культуры урбанистического типа, и в) психоаналитический мотив, имеющий дело с особым рода неврозом признания, и г) новационные постулаты в области социальной теории (М. Деланда, М. Каллон, К. Кнорр-Цетина, Б. Латур, Дж. Ло, А. Мол, Дж. Урри). По касательной на идею критики общества потребления работает новая эстетика в лице В. Вельша, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Рансьера, А.В. Павлова, исследовавших границы постмодернистской чувственности и опыт переживания интенсивностей, эстетически и негативно – в форме аффекта – оформляющих повседневность. Большинство упомянутых авторов не упускают из виду вещную составляющую всякого процесса потребления.

Говоря о «вещах» и опираясь на саму этимологию слова (в русском языке в фонеме «вещь» слышится отсыл к словам «весть», «ведать», «вещать»), авторитетный круг рассуждающих о «вещи» (среди них А.Ф. Лосев, безусловно, М. Хайдеггер, Р.М. Рильке, а также специалисты в области архаики и традиционных культур) наделяет это понятие предикатом «вещий», подчеркивая тем самым изначальную принадлежность некоторых вещей какому-то иному миру, не всегда и не напрямую подвластному человеку, даже если искомые вещи – дело его рук. В такого рода рассуждениях явственно звучит мотив *перформативности*. Так, отнеся понятие вещи к «первопонятиям», ответственным за доступ к общемировому культурному коду, М. Эпштейн пишет: «Среди вещей можно выделить воистину „вещи“, т.е. не просто присутствующие, а как бы действующие или приглашающие к действию...» [17. С. 96]. Он даже предлагает собственную классификацию таких волшебных существностей (называя их «вещами-фантазиями» или «фантомами»). Это, согласно предложенной классификации, вещи: а) самоисчезающие; б) обратимые; в) полусуществующие; г) складные, раздвижные; д) превратные, метаморфозные; е) меняющие облик других вещей; ж) функционально использующие пустоту; з) возникающие на грани разных стихий; и) сокровенные, замкнутые; к) симметричные; л) мимикрирующие; м) мерцающие; н) отражающие или пропускающие свет [17. С. 96]. (Не будем строги к пущенному в ход критерию деления для цитируемой типологии. Этот перечень живо напоминает прелестную классификацию Х. Борхеса, иронически воспроизведенную М. Фуко.) В данной же, к сожалению, отсутствует позиция, которую мы могли бы маркировать именем собственно «модной вещи». В нашем представлении, она ближе всего к п. е) меняющие облик других вещей, хотя это обозначение требует уточнения и корректировки, что фактически ведет к расширению предложенной типологии.

В этой связи любопытно свидетельство человека, имеющего дело с вещами непосредственно и профессионально. Директор лондонского Музея дизайна Д. Суджич начинает свой рассказ о них с горестной констатации: «Мир тонет в вещах» [18. С. 9]. Причем в вещах по большей части ненужных.

Поначалу, обращаясь к анализу Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Дж. Берджера и Э. Форти, он привычно приписывает им совместный политизированный промарксистский взгляд на потребление (идущий от В. Бенямина, структурного психоанализа, С. Жижека) и эксплуатирующий логику «производства желаний», где вещи, в сущности, остаются универсальными «объектами желаний». «Но сегодня, – прозорливо пишет Д. Суджич, – когда мир вещей переживает взрывной, конвульсивный рост, безостановочно выбрасывая самые разные изделия по всем направлениям, необходим анализ, количественно и качественно отличающийся от общепризнанного нарратива о появлении модернизма в качестве *deus ex machina*, объясняющего суть «века машин»... Вещи вовсе не так безобидны... а потому слишком интересны, чтобы оставлять их без внимания» [18. С. 13–14].

«Модная вещь», в нашем представлении, бесспорно обладает внутренним побуждающим импульсом. В сущности, этим она и ценна. Это и есть ее главное, конститутивное и конституирующее качество. Модная вещь своим присутствием, наличием подталкивает субъекта к определенным поступкам. Она служит триггером четко сфокусированного выбора и целеполагающего действия. Разумеется, это будет иметь смысл лишь в случае помещения модной вещи в жизненный горизонт такого субъекта. В свою очередь, что это за субъект? Как минимум он должен быть осведомлен о существовании тех вещей, которые сформируют его потребность в себе, желание ими обладать. Следовательно: а) он должен иметь постоянный, фактически круглосуточный доступ к информации о том, что сейчас в моде; б) не менее важен встречный ресурс для удовлетворения сформированного желания – собственный экономический ресурс вот этого субъекта; в) наконец, *the last but not the least*, это сама *Вселенная модных вещей*. Выражаясь языком экономической теории, мы имеем дело с рынком сбыта особых товаров, претендующих на статус «модные». Такой статус впервые появляется и закрепляется за вещью при условии: 1) избытка вещей одного и того же функционала, или, иначе, множественной объективации какой-то одной потребительной стоимости, 2) снижения доли собственно «функциональности» в вещи, представленной во множестве версий и вариантов, за счет увеличения ее символической значимости. Можно согласиться с А.Б. Гофманом, когда он описывает структурно воспроизведенный выше процесс рождения качества «модность» следующим образом: «Вещь вначале возникает как способ удовлетворения потребностей в функциях, но в последующем своем существовании, когда ее потребление становится социальной ценностью и нормой, вещь, в свою очередь, становится стимулятором и реализатором потребностей в функциях, в первоначальных или новых. Реализация потребности в функциях посредством вещи создает процесс потребления и специфическую категорию потребителей (курсив мой. – В.П.)» [19. С. 206]. Кроме последнего обстоятельства, крайне важно подчеркнуть появление новых потребностей и новых функций, связанных с вещью, но инспирированных «социальной ценностью и нормой» [19. С. 206].

Другими словами, вещи фигурируют как «модные» только внутри особой формы социальности и только под особым углом зрения на эту социальность – там, где мы имеем избыток самих вещей и новый порядок социальной структуры, такое «устройство общества» (Э. Гидденс), которое провоцирует

специфический взгляд на себя: он стал возможен лишь в последней трети XX в. Тогда социальная теория окончательно отказалась от логики натурализма в описании общественного устройства, а вместе с тем и от классического понятийного инструментария для схватывания социальных изменений в опоре на один-единственный их аспект, как то предписывала прежняя метафизика общественного бытия. Социальная теория заговорила сразу на многих языках, допустив существование локальных объяснительных дискурсов и опирающихся на них конкурентных социальных онтологий. Окончательно гиперсубстанциалистские наклонности прежнего теоретизирования по поводу общественной жизни были подорваны с узакониванием любых тем, маркированных предикатом «повседневности». В методологии новейшего образца над всем прочим довлеет социально-философский принцип интерсубъективности и фигура Другого. Этот Другой, безусловно, демонстрирует все признаки *субъектности*: 1) само его присутствие задает особые условия протекания общественных процессов; 2) он во многом отправная точка изменений привычных параметров общественной структуры, а также гарант воспроизводимости сложившейся системы «событийности» социального поля с его повторяющимися поведенческими паттернами. Однако новая возможная трактовка «другости» этого Другого отлична от его ожидаемой приписки к герменевтической традиции. Акцент перенесен на *природу* Другого как дружественную и враждебную человеку-субъекту одновременно. Что может быть человеку чуже и в то же самое время ближе, чем мир вещей? Мир, внутри которого мы по большей части себя и обнаруживаем. Мир, в котором волею обстоятельств нам зачастую предлагают встать с вещами в один ряд («Я – вещь», – провозгласила когда-то открывшуюся ей о себе истину Лариса Дмитриевна Огудалова, героиня пьесы А.Н. Островского, бытописателя нарождающегося нового мира, в котором все отчетливее торжествует фигура капиталистического отчуждения и объективации всего и вся).

Итак, принимая в расчет вышесказанное и рассуждая апофатическим способом, мы вынуждены признать, что «другое» общество потребления – это а) не культивирование так называемого разумного и ответственного потребления (оставим подобные благие пожелания на совести публицистов и морализаторов в публичном поле); б) не сознательное уклонение от многообразия возможностей, предоставляемых культурой и институтами «общества Роста». Исходя из политэкономического содержания понятия *потребление*, которое с необходимостью соотносится с понятиями *производства* и *обмена*, способствовать изменению его содержания можно единственным путем: либо отказавшись от двух других составляющих это экономическое и социально-философское «триединство», либо сущностно пересмотрев саму логику, природу и конфигурацию порядка их взаимодействия в социальном поле.

Второе возможно, если отправной точкой будет выбран не субъект потребительской активности в привычном смысле: а) к примеру, тот идеальный «безразмерный потребитель», на котором до сегодняшнего дня было сосредоточено внимание «критического дискурса общества потребления» как общества неконтролируемого – в первую очередь экономически – товарного перепроизводства; б) не невротик, ведомый собственным фантазмом относительно восполнения экзистенциальных дефицитов посредством превращения «чужого» в «свое». Сместив акценты и рассмотрев *потребление* под знаком

модной теории, рискнем предположить: именно мода и *модная вещь* заставляют нас говорить о «другой» диспозиции применительно к тому, как следует видеть и понимать потребительскую активность вообще.

Фреймирование модной практики делает последнюю не просто жизненным обстоятельством в ряду других, но неким универсальным вызовом. В главе, посвященной моде и модным артефактам, Д. Суджич сразу обращается к главной, сущностной характеристике моды, рассматривая ее как «самую развитую форму „встроенного“ морального устаревания» [18. С. 166]. От лица всей совокупности модных вещей субъекту-потребителю поступает предписание, почти приказ-интерпелляция в духе Л. Альтюссера: «Ты не можешь меня игнорировать, ты не можешь обходиться тем, что уже имеешь». Мир модных вещей, весь смысл существования которых заключен в том, что они до бесконечности сменяют друг друга, конституирует такого субъекта, который никогда не может остановиться на чем-то по-настоящему окончательном и даже лучшем. Потребление, таким образом, не переставая демонстрировать символический и бесконечный характер, приводится в движение именно вещами во всей их изначальной материальности. Вполне в духе объектно-ориентированной философии вещи формируют плотную среду существования и обитания. Интенции, которые они артикулируют самим своим присутствием, различны, однако модная вещь однозначно ассоциирована с требованием изменения, замены, быстрой смены кадра, специфической капризности (показательно, что, по мнению Д. Суджича, идеальной иллюстрацией модной жизни выступает модный показ: он, несмотря на то, что обставлен никак не менее грандиозно, чем полноценный спектакль, длится всего четверть часа. С ним не может соперничать в этой стремительности ни одно другое публичное мероприятие. Не правда ли, лучшей метафоры для идеи эфемерности моды не придумать). Нельзя не заметить, что в своей книге Д. Суджич отчасти демонизирует моду, демонстрируя в ее адрес подозрительное и снобистское отношение: «Вопрос... заключается не в том, можно ли считать моду одним из направлений дизайна, а в том, что мода сделала с дизайном. И, если уж на то пошло, что она сделала с изобразительным искусством, фотографией и архитектурой» [18. С. 143]. Что же она с ними сделала? Видимо, если отталкиваться от собственно материальной стороны дела, приходится признать, что именно с идеей моды связан тренд на мультиплицирование всех сфер жизни до бесконечности. И именно последнее обстоятельство возвращает нас к мотиву *перформативности*, который так явственно звучит в рассуждениях о модной вещи как непременном и рядоположенном человеку-субъекту агенте социального пространства, организованного, подобно моде, сетевым образом, такого пространства, которое состоит равным образом из людей и вещей.

Список источников

1. Розин В.М. Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М. : УРСС, 2016.
2. Терещенко Н.А. Социальная философия в ситуации «смерти социального» (к вопросу о панфилософском статусе социально-философской теории) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2012. 51 с.
3. Керимов Т.Х. Социальная философия. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 304 с.

4. Бурбулис Ю.В. «Онтологический поворот» в современной социальной теории : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2017. 21 с.
5. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 152 с. (Серия: Библиотека журнала «Логос»).
6. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М. : Ad Marginem, 2018.
7. Корнев В.В. Система вещей в антропологической перспективе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 280 с.
8. Куренной В. «Сами вещи» Мартина Хайдеггера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск : Изд-во ЕГУ, 2001. С. 6–44.
9. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. 2-е изд. М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. 256 с.
10. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е.А. Самарской. М. : Изд-во АСТ, 2023. 320 с. (Философия – Neoclassic).
11. Сартр Ж.-П. Воображение // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1992. С. 98–117.
12. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 184 с.
13. Подорога В. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М. : Издательство Грюндриссе, 2016. 348 с.
14. Быстрова Т. Вещь, форма, стиль: Введение в философию дизайна. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. 374 с.
15. Росторн Э. Дизайн как отношение. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2021. 208 с.
16. Васильева Е. Теория моды: Миф, потребление и система ценностей. 2-е изд., испр. М. ; СПб. : Издательские Технологии : Пальмира, 2023. 387 с. (Серия: Пальмира – искусство).
17. Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2022. 720 с.
18. Суджич Д. Язык вещей. 2-е изд. М. : Strelka Press, 2015. 232 с.
19. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 5-е изд. М. : КДУ, 2022. 228 с.

References

1. Rozin, V.M. (2016) *Priroda sotsial'nosti: Problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [The Nature of Sociality: Problems of Methodology and Ontology of Social Sciences]. Moscow: URSS.
2. Tereshchenko, N.A. (2012) *Sotsial'naya filosofiya v situatsii "smerti sotsial'nogo" (k voprosu o panfilosofskom statute sotsial'no-filosofskoy teorii)* [Social Philosophy in the Situation of the "Death of the Social" (Towards the Issue of the Pan-Philosophical Status of Social-Philosophical Theory)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Kazan.
3. Kerimov, T.Kh. (2020) *Sotsial'naya filosofiya* [Social Philosophy]. 2nd ed. Moscow: FLINTA; Ekaterinburg: Ural State University.
4. Burbulis, Yu.V. (2017) "Ontologicheskii povorot" v sovremennoy sotsial'noy teorii ["Ontological Turn" in Modern Social Theory]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ekaterinburg.
5. Harman, G. (2018) *Immaterializm. Ob"ekty i sotsial'naya teoriya* [Immaterialism. Objects and Social Theory]. Translated from English by A. Pisarev. Moscow: The Gaydar Institute.
6. Kon, E. (2018) *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond Man]. Moscow: Ad Marginem.
7. Kornev, V.V. (2005) *Sistema veshchey v antropologicheskoy perspective* [The System of Things in Anthropological Perspective]. Barnaul: Altai State University.
8. Kurennoy, V. (2001) "Sami veshchi" Martina Khaydeggera ["The Things Themselves" by Martin Heidegger]. In: Borisov, E. (ed.) *Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoy germenevtike* [Studies in Phenomenology and Philosophical Hermeneutics]. Minsk: ESU. pp. 6–44.
9. Harman, G. (2024) *Ob"ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"* [Object-Oriented Ontology: A New "Theory of Everything"]. Translated from English by M. Fetisov. 2nd ed. Moscow: Ad Marginem Press.
10. Baudrillard, J. (2023) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: AST. 98–117.
12. Uemov, A.I. (1963) *Veshchi, svoystva i otnosheniya* [Things, Properties and Relations]. Moscow: USSR AS.

13. Podoroga, V. (2016) *Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii* [The question of a thing. Experiments in analytical anthropology]. Moscow: Grundrisse.
14. Bystrova, T. (2018) *Veshch', forma, stil': Vvedenie v filosofiyu dizayna* [Thing, Form, Style: Introduction to the Philosophy of Design]. Moscow; Ekate-rinburg: Kabinetnyy uchenyy.
15. Rawsthorne, A. (2021) *Dizayn kak otnoshenie* [Design as an Attitude]. Moscow: Garage Museum of Contemporary Art.
16. Vasilieva, E. (2023) *Teoriya mody: Mif, potreblenie i sistema tsennostey* [Fashion Theory: Myth, Consumption, and Value System]. 2nd ed. Moscow; St. Petersburg: T8 Izdatel'skie Tekhnologii: Pal'mira.
17. Epstein, M. (2022) *Pervoponyatiya: Klyuchi k kul'turnomu kodu* [Primordial Concepts: Keys to the Cultural Code]. Moscow: KoLibri: Azbuka-Attikus.
18. Sudzhic, D. (2015) *Yazyk veshchey* [The Language of Things]. 2nd ed. Moscow: Strelka Press.
19. Goffman, A.B. (2022) *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and People. New Theory of Fashion and Fashionable Behavior]. 5th ed. Moscow: KDU.

Сведения об авторе:

Петренко В.В. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания, социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vptomsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petrenko V.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Ontology, Theory of knowledge, Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vptomsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.12.2024;
одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 20.12.2024;
approved after reviewing 22.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 316.37

doi: 10.17223/1998863X/83/10

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ирина Васильевна Черникова¹, Ирина Викторовна Якунина²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *iromashka@yandex.ru*

² *iromashka@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема идентичности в контексте реалий современной цифровой трансформации. Предполагается, что идентичность в условиях цифровизации претерпевает вслед за трансформацией социокультурных норм и ценностей глобальные изменения, приводя к одиночеству субъекта. Анализируется проблема персональной идентичности в контексте темы ответственности. Авторы приходят к выводу, что идентичность, при всей многоаспектности этого феномена, следует понимать как специфическую точку опоры, особенно в цифровом мире, где индивид находится в постоянном балансе между реальным и виртуальным.

Ключевые слова: идентичность, цифровая трансформация, коммуникация, одиночество субъекта

Для цитирования: Черникова И.В., Якунина И.В. Идентичность человека в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 103–113. doi: 10.17223/1998863X/83/10

Original article

HUMAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Irina V. Chernikova¹, Irina V. Yakunina²

^{1,2} *National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *iromashka@yandex.ru*

² *iromashka@yandex.ru*

Abstract. A modern person living in the era of high technology not only uses the opportunities provided by the technological revolution to improve everyday routine, getting and exchanging information, but also strives to expand their physiological and cognitive abilities, while facing the problem of preserving the human nature. The article examines the processes of transformation of both social and personal identity of a person under the influence of new technologies and devices that mediate human activities and form new methods of communication. Taking into account the multilevel nature of the phenomenon of identity itself, as well as the fact that human being is a biosocial being, the authors analyze various interpretations of human identity. They note that the biological dimension can be considered as the “invariant core” of human identity, since the rejection of the biological, natural identity of a person leads to the loss of the human nature. Analyzing social identity, the authors address the concept “narrative identity” used by Paul Ricoeur and Alasdair

MacIntyre, believing that the narrative concept “Self” is the most productive compared to others, primarily because it does not deny the role of the subject and also endows the latter with the right of “authorship”. The technological breakthrough and expansion of digital technologies in the era of the Fourth Industrial Revolution and the blurring of boundaries between the physical, biological and digital worlds noted by researchers have become the most important additional factor actualizing the topic of human extension. Digital challenges contributing to globalization processes transform traditional identity mechanisms; new dimensions of identity arise such as “network identity” and “personal identity”. The authors come to the conclusion that identity with all the multifaceted nature of this phenomenon should be understood as a specific point of support especially in the new digitalized world where the individual is in constant search of the balance between the real and the virtual.

Keywords: identity, digital transformation, communication, loneliness of agent

For citation: Chernikova, I.V. & Yakunina I.V. (2025) Human identity in the context of digital transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 103–113. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/10

Цифровизация как современный этап развития информатизации, сопровождающийся внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества, обуславливает глобальные изменения социокультурных норм и ценностей. Бытие современного человека выходит далеко за пределы физического мира, в определенном смысле, протекает в информационном пространстве, где возможности индивида становятся безграничными вплоть до способности абстрагирования от своего физического тела, изменения представлений о себе, роде своих занятий, возрасте, поле и внешнем виде.

В цифровую эпоху меняется опыт социальной коммуникации и взаимодействия с окружающим миром, что приводит не только к изменениям в мироощущении и миропонимании человека, но и обеспечивает возможность модифицировать его телесность. Программы совершенствования человеческой природы (Human enhancement) актуализируют проблему сохранения человеческой природы. Традиционные составляющие человеческого бытия, биологическая идентичность, телесность, теряют свою ценность в проектах трансгуманизма и постгуманизма. Поэтому для философии и гуманитарных наук сегодня особенно важным становится вопрос о природе человека, о собственно человеческом в человеке.

Развитие информационного общества предоставляет современному человеку широкий выбор систем ориентиров, вследствие чего в характеристике идентичности человека отмечается «мозаичность» [1. С. 277], «дисгармоничность ее составляющих» [2. С. 69]. Обеспечение гармонии между социальным и индивидуальным является важнейшей задачей государства, но не менее важно философское осмысление идентичности в условиях технологических вызовов, в том числе с целью достижения консолидации в обществе путем формирования социальной идентичности и, как результат, стабильности и устойчивости современного быстро развивающегося мира.

Понимая идентичность в рамках конструктивистского подхода как динамичный социальный конструкт, заметим, что рассмотрение указанного конструкта невозможно вне контекста проблемы сохранения идентичности в условиях массовых коммуникаций в современном технологизирующемся обществе. Однако вопрос о трансформации как социальной, так и личностной идентичности под воздействием новых инструментов, технологий и гадже-

тов, опосредующих его деятельность и формирующих способы коммуникации, остался где-то на периферии теории идентичности.

В философском дискурсе, как показано в работах одного из авторов этой статьи, проблема идентичности имеет индивидуальное и социально-культурное измерения [3. С. 23–27]. Индивидуальное подробно исследовал Э. Эриксон, отмечавший, что обладать идентичностью – значит иметь «усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным „я“ независимо от изменений „я“ и ситуации» [4. С. 12]. Э. Эриксон, характеризуя индивидуальное измерение, определял идентичность как совокупность производимых индивидом успешных идентификаций, начиная со стадии младенчества, в процессе которых ребенок заимствует черты, присущие близким ему людям, с целью определения, кем он хочет быть [4. С. 96–97]. По сути, это выстраивание своего образа по отношению к окружающему миру, в то же время и критерий зрелости личности. Говоря об индивидуальном уровне идентичности, прежде всего подразумевается совокупность уникальных качеств индивида, выделяющих его из окружения.

По поводу социально-культурного измерения идентичности в совместном труде Арбиба и Хессе отмечается, что вопрос «что такое человек?» – это вопрос к социокультурному измерению, поэтому в разных культурах рабов, женщин, преступников не считали за людей [5. Р. 83].

В философии проблема идентичности тесно связана с вопросами о сущности человека, его природе, смысле и целях существования, а также с вопросами морали и этики. Социально-культурное измерение структуры Я-идентичности определяется процессом идентификации индивида с нормами социальной среды и символами в мире культуры. Здесь человек выступает частью определенной социальной группы, при этом основными механизмами конструирования идентичности являются нарративизация и отрефлексированная интеракция. Как отмечает А.А. Гусейнов, этико-философская мысль в современную эпоху тотального плюрализма и релятивизма отказалась указывать путь к «этически достойному существованию» [6. С. 15]. Благодаря поиску ответа на этот вопрос индивид, по мнению Гусейнова, возвышает себя до уровня самостоятельного субъекта, формируется как личность, способная к ответственным решениям и действиям.

Согласно Парсонсу, термин «идентичность» обозначает центральную систему значений индивидуального человека, благодаря которой субъект способен адекватно ответить на вопрос, кто и что он есть. В этом смысле З. Бауман отождествляет идентичность с результатом отбора ее символов и выстраивание Я на их основе в виде неповторимого сочетания с целью формирования «уникальной комбинации» [7. С. 120]. На современном этапе развития общества, характеризуемом Бауманом термином «текущая современность» [8. С. 136], появилось понятие «множественная идентичность». Значительное влияние на формирование концепции множественной идентичности оказал постмодернизм и социальный конструктивизм. Уточним, что речь в данном случае идет о социально-культурном измерении идентичности. Не противоречит ли такая трактовка идентичности смыслу данного понятия?

Соглашаясь с идеей множественной идентичности, на эти вопросы не ответишь. Решение, казалось бы, парадоксальной ситуации подсказал П. Рикёр, обратив внимание на два смысла в трактовке человеческой идентичности. В первом случае речь идет об *Idem*, что означает «в высшей степени сходное, аналогичное, то же самое» и неизменно во времени. Подразумевается внутренняя самотождественность, собственная самость, нечто данное человеку от рождения. Во втором случае речь идет об *Ipse* – «самости» (*ipseite*), «себя самого»: некто тождествен самому себе и противопоставляется в процессе поиска идентичности «Иному», «Другому» [9. С. 119–120].

На наш взгляд, отмеченная двойственность вполне объяснима и на уровне характеристики любой сложной саморазвивающейся системы, каковой является человек: это открытость системы и в то же время операциональная замкнутость. Множественная идентичность характеризует многообразие социокультурных взаимодействий, присущих человеку, природная идентичность фиксирует самотождественность: «Что касается природного или биологического измерения идентичности, то в рассматриваемом контексте оно составляет основание самотождественности человека, что позволяет сохранять ему свою „сущность“ при всех трансформациях. Биологическая составляющая природы человека была тем неизменным основанием, на котором строилась эволюция человека. Обсуждаемая возможность изменения самого основания создает качественно новую ситуацию. Разве возможен для конкретного человека выбор: как конструировать свое Я, если необратимые биологические программы будут запущены? Очевидно, что культурные ценности и смыслы человеческого бытия напрямую связаны с его телесностью. При всей вариабельности социально-культурных параметров, природная идентичность человека сохранялась и служила фундаментом его эволюции. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно ввести базовое – биологическое или видовое – измерение идентичности человека» [3. С. 24]. Природное (биологическое) измерение рассматривается современными философами как базис идентичности человека, «фундамент эволюции человека», «инвариантное ядро». Отказ от биологической, природной идентичности человека ведет к утрате собственно человеческого в человеке.

Таким образом, непротиворечивое осмысление проблемы сохранения самотождественности индивида возможно, хотя в современной философии наблюдается смещение от понимания идентичности как самотождественности к множественной идентичности как целостности в условиях нелинейности, темпоральности, системности, что привело к трансформации акцентов в исследованиях Я и необходимости обосновать эпистемологическую значимость понимания самости как феномена одновременно и единого, и множественного. В целом, онтологическая размерность в проблематике идентичности заключается в поиске ответов на вопросы о том, с какой реальностью и на основе чего человек соотносит или не соотносит себя.

В связи с этим процесс идентификации, по мнению П. Рикёра, предстает в качестве повествования о жизни. Понятие «повествовательная идентичность» и концепция повествовательной идентичности Рикёра изложена в его работе «Символика интерпретации зла» [10. С. 343–511], теоретической основой которой выступали дискуссии относительно теории повествования в структурализме и литературном анализе. В понятии «повествовательная

идентичность» фиксируется тот факт, что индивид не является абсолютно независимым творцом своего бытия, автором собственной жизни, но является соавтором ее семантической структуры. Нарратив выступает подлинной историей, вносящей коррективы в предшествующую, но при этом также подлинную историю. В таком случае личностная идентичность чаще всего трактуется как «нарративная идентичность» [11. С. 100]. Подразумевается повествовательный смысл, а не первоначальное значение указанного термина, идентичность жизни приравнивается к идентичности рассказа, предложенного А. Макинтайром в работе «После добродетели» [12].

Для решения проблемы идентичности представляется возможным обратиться к предлагаемой в рамках постмодернистских и конструкционистских подходов нарративной концепции Я. На наш взгляд, нарративная концепция Я является наиболее конструктивной по сравнению с другими, прежде всего, потому что она «не только не отрицает роль субъекта, но и наделяет его правом «авторства» самого себя, пусть даже это конструирование Я-истории опирается на диалоги с другими людьми или зависит от конкретных дискурсов» [13. С. 108] и даже от взаимоотношений с «кибер-ным» и «кибер-другим» [14. С. 53].

Технологический прорыв и широкое распространение цифровых технологий в эпоху четвертой промышленной революции и отмечаемое исследователями размывание граней между физическим, биологическим и цифровым мирами стали важнейшим дополнительным фактором, актуализирующим тематику расширения человека. Безусловно, важным становится вопрос, изменится ли природа и идентичность человека с появлением новых возможностей, в том числе в сфере трансформации телесности?

Биотехнологизация и внедрение в организм человека различного рода технопротезов привели в XXI в. к обсуждению возможности смены биочеловека на постчеловека, вступившего в «посттелесную» эпоху. Так, в проектах трансгуманизма, например в проекте «Аватар», целью является создание новых существ, наделенных разумностью, формирование альтернативного личности носителя сознания. Постгуманизм хотя и не делает акцент на модификации биологической телесности человека, но и не стоит на ее защите, позиционируя себя как философскую стратегию поиска нового концепта человека. Можно сказать, что трансгуманизм и постгуманизм вполне сопрягаются в рамках техногуманизма с позицией взаимообусловленности и соразвития человека и техники.

Но к чему могут привести подобные программы «совершенствования» человека? По мнению М.К. Мамардашвили, – к антропологической катастрофе, поскольку речь идет о потере человеком личностной целостности: «Это очевидно в сегодняшней антропологической катастрофе, в появлении среди нас ино-существ, зомби, с которыми у „человека исторического“ нет ничего общего и в которых он не может узнать самого себя, а может лишь – при случае – „вернуть билет“ [15. С. 189]. Или, как отмечает В.А. Кутырев, критикуя идеи трансгуманизма об отказе человека от собственной природы, наступило так называемое расчеловечивание человека [16. С. 177].

Таким образом, в процессе конструирования идентичности биологическое измерение выступает как неизменная составляющая, в то время как социально-культурное измерение – изменяемая надстройка (самость у

П. Рикёра). Тогда процесс личностной идентичности предстает перед как упорядочивание реальностей, в которых заключается бытие человека, путем поиска индивидом «верховой (высшей) реальности», которая ранжирует все предшествующие реальности и организует их в единство (бытие человека). Личностная идентичность базируется на понимании «кто я» через понимание того, «что я могу» («возможное бытие»), и детерминирована взаимным переходом действительного и возможного бытия человека [17. С. 322].

Вместе с тем процесс конструирования человеком реальности может принимать черты эскапизма, стремления уходить от реальности. Так, Е.О. Труфанова отмечает, что современный человек «убегает от реального, повседневного мира в мир грез, фантазий, иллюзий» [18. С. 16], где создает вторичный виртуальный (основанный на его фантазиях) мир. При этом эскапизм в зависимости от акцентированного компонента может выражаться как в ментальном «убегании» из реального в фантазийный мир, так и в физическом «убегании» из городской суеты в неспешную сельскую жизнь. В современном мире развития технологий и виртуализации проблема эскапизма становится наиболее острой, поскольку виртуализация порождает новые формы отчуждения человека, обозначенные как «колеблющаяся идентичность» [19. С. 151–154], «сетевая идентичность» [18. С. 16], отражающие стремление человека «раствориться» в необъятном фантазийном мире. Информационное общество расширяет жизненное пространство индивида, реальный мир дополняется виртуальным, образуя новую «онлайновую» социальность, что также приводит к утрате идентичности [20. С. 110].

Все чаще слышны доводы о ненужности и невозможности поиска идентичности [21, 22], попытки отказаться от идеи Я или же объявить Я случайной социальной конструкцией, поскольку личность уже никогда не будет тождественна сама себе, не будет зафиксирована в мире.

Информационное общество с характерным развитием информационно-коммуникационных технологий и качественным изменением существовавших ранее средств массовой коммуникации порождает проблему сохранения идентичности, характеризующую в следующих аспектах:

- 1) экзистенциальный, связанный с потерей уникальности человека, отрывом сущности от существования человека;
- 2) антропологический, в котором отмечается, деструкция самоидентификации в связи с унификацией психологических характеристик личности и отсутствием необходимости рефлексии над самостью;
- 3) семантический, связанный с анонимностью бытия личности, деперсонализацией, обеднением значения мира как символического Другого;
- 4) социальный аспект. Индивидуализм и отчуждение как способ существования, пассивная позиция человека перед лицом информационного давления детерминированы большим объемом поступающей информации и темпами глобализации, в условиях которых не каждая личность способна продемонстрировать высокие темпы интеграции.

Проблема идентичности обусловлена поиском собственно человеческого в человеке, стремлением обрести внутреннюю целостность. Готовы ли мы, «улучшая» человека средствами биомедицинских, когнитивных, информационных технологий, отказаться от самих себя? Новый дополнительный аспект, обозначаемый термином «персональная идентичность», эта проблема обрета-

ет в связи с цифровизацией. Здесь новую размерность проблема персональной идентичности обретает в контексте темы ответственности.

Тождественность, а в случае рассмотрения персональной идентичности – самотождественность, заключается в ощущении того, что жизнь имеет смысл и согласованность во временном аспекте жизни человека (непрерывность Я в прошлом, Я в настоящем, Я в будущем). В.Н. Брюшинкин отмечал, что Я в прошлом характеризует поступки человека, совершенные по собственной воле или нет, но все их необходимо детерминировать как собственные (личные), за которые человек несет ответственность самостоятельно [23. С. 87]. К таким поступкам применимы рассуждения Ф. Ницше о воле человека, говорящей «Так хотела я!» [24. С. 142]. Я в настоящем означает развитие человеком своей идентичности, а Я в будущем – «проект» по достижению «тождества», «целого», «смысла» [23. С. 88]. Личностную идентичность через концепцию ответственности человека за свои поступки рассматривал и Дж. Локк, считавший, что тождество личности (идентичность) возникает в результате осознания индивидом со временем своей самости, при этом внутренняя самореференция сопровождается персональной ответственностью человека за совершаемые им поступки: «Ибо что касается тождества личности, то безразлично, состоит ли это теперешнее Я из одной и той же или из разных субстанций, потому что какое-нибудь действие, совершенное тысячу лет назад, если я присвоил его себе теперь этим самосознанием, меня так же касается и я за него точно так же отвечаю, как за то действие, которое я только что совершил» [25. С. 394]. У Ж.-П. Сартра человек обречен на свободу, самостоятельно делает выбор из бесчисленных возможностей и несет ответственность за этот выбор, поэтому он выступает как проект, создающий самого себя [26. С. 10].

Х. Ленк, помимо индивидуальной ответственности, анализировал групповую (коллективную) ответственность, он описал модель распределения ответственности между группой и индивидом в зависимости от масштабности и значимости совершаемых действий, власти и знаний: «В системе каждый в целом несет совместную ответственность в той мере, в какой эта система зависит от его действий и от его способности конструктивно вмешаться в ее функционирование. Однако никто в одиночку не может нести ответственность за всех» [27. С. 159]. Показано, что ответственность зависит от уровня влияния в структурной иерархии системы, например, ответственность руководителя распространяется на все действия существующей системы.

В.Е. Лепский указывает на то, что цифровизация, способствуя процессам глобализации, разрушает традиционные механизмы идентичности, сознание людей становится фрагментированным, а идентичность – «размытой» [28. С. 40]. По мнению автора, необходимо формировать «проектную идентичность», где «каждый субъект имеет возможность быть также и наблюдателем-актером и осознавать последствия развития социальной системы для себя, окружающих субъектов и среды как мета-субъекта» [28. С. 41].

Как видим, представленные выше концепции идентичности характеризуются, прежде всего, целенаправленностью действия и активной позицией индивида при конструировании своей тождественности в условиях цифровой трансформации. При этом речь не идет о конструировании идентичности в цифровом мире «с нуля». «Понимая себя в качестве неотъемлемой части виртуального мира, человек в то же время – осознанно или неосознанно – «про-

должает» демонстрировать здесь качества, относящиеся к его глубинным личностным уровням и к реальному бытию» [29. С. 75]. Почему же так важно сохранить идентичность в новой информационной реальности? Как отмечает В.А. Лекторский, несмотря на сложность сохранения своей идентичности, необходимо стремиться к сохранности Я, недопущению ее разрушения, поскольку это приводит к распаду и общества [30. С. 15].

Парадоксально, но цифровые технологии, обеспечив прорыв в передаче информации и средствах коммуникации, в то же время разрушают социальные связи, в «цифровой пещере» человек все острее чувствует свое одиночество. Медийные технологии, средства удаленной коммуникации расширяют жизненный мир индивида, но также открывают его самого для посторонних глаз. Экспансия технологий, тем самым, приводит к нестабильности личного пространства человека. Кроме того, активное использование дистанционного формата коммуникации в новой информационной реальности нарушает целостность и единство общества, поскольку стабильность общих социокультурных оснований нивелируется [31. С. 39]. В результате парадоксальным явлением информационной эпохи становится феномен отчуждения, проявляющийся в чувстве одиночества, прекаризации, несмотря на обилие связей в «суперкоммуникативном обществе» [32. С. 78]. Одиночество субъекта ведет к утрате человеческой субъективности, распаду человеческого Я, утрате идентичности, превращению человека в передатчик информационных посланий.

В заключение отметим, что многоуровневость идентичности человека обусловлена прежде всего тем, что человек есть биосоциальное существо, отсюда биологическая и социальная идентичность. Кроме того, многоаспектность связана с множеством социальных ролей и социокультурной обусловленностью понимания собственно человеческого в человеке («нарративная идентичность»). В эпоху мегатехнологий проблема идентичности не утрачивает своей актуальности, напротив, философской рефлексии требуют такие ее аспекты, как сетевая идентичность, персональная идентичность. В частности, цифровые технологии, обеспечив революцию в средствах коммуникации, нарушают устойчивость системы «человек–эко–техносфера», трансформируя традиционные ценности, обеспечивавшие ее баланс и «социальный гомеостазис». Благодаря полипарадигмальному методологическому инструментарию философии представляется возможным понимать идентичность как специфическую точку опоры в новом цифровом мире, где индивид находится в постоянном балансе между реальным и виртуальным, а также осуществлять коммуникации с интеллектуальными машинами и искусственным интеллектом.

Список источников

1. Ларионова И.В. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 275–278.
2. Лисенкова А.А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 65–74.
3. Черникова И.В. Человек в эпоху технологических вызовов // Человек перед вызовами современной технологической революции. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та. 2023. С.13–83.
4. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. 352 с.
5. Arbib M., Hesse M. The Construction of Reality. Cambridge, 1986. 286 p.
6. Гусейнов А.А. Философия как этический проект : тез. докл. // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3. С. 11–16.

7. Бауман З. Свобода. М. : Новое изд-во, 2021. 204 с.
8. Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
9. Рикёр П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
10. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк и о герменевтике М. : Академический Проект, 2008. 695 с.
11. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // Социологическое обозрение. 2012. Т. 2, № 2. С. 100–121.
12. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
13. Труфанова Е.О. К вопросу об исчезновении Я // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. М. : Аквилон, 2017. С. 99–112.
14. Аршинов В.И., Гримов О.А., Чекецов В.В. Киберанимизм: искусство быть живым в гибридном обществе // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2 (20). С. 39–60.
15. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М. : Прогресс, Культура, 1992. 415 с.
16. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015. 312 с.
17. Шафоростов А.И. Онтологический аспект проблемы идентичности // Вестник ИрГТУ. 2011. № 8. С. 320–322.
18. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
19. Холодковский К.Г. Российская идентичность – колеблющаяся идентичность // Идентичность как предмет политического анализа. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 151–154.
20. Думнова Э.М. Механизмы формирования идентичности в транзитивном обществе // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 2 (24). С. 104–111.
21. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
22. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. : Новое изд-во, 2010. С. 131–192.
23. Брюшинкин В.Н. Особенности исследования идентичности // Ценности и смыслы. 2010. № 5. С. 84–93.
24. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 2. 832 с.
25. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 1: Опыт о человеческом разумении. М. : Мысль, 1985. 621 с.
26. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. М. : Изд-во иностр. лит., 1953. 42 с.
27. Ленк Х. Размышления о современной технике. М. : Аспект-пресс, 1996. 183 с.
28. Лесский В.Е. Актуальные социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5, № 1. С. 28–46.
29. Чернавин Ю.А. Цифровая идентичность личности: сущность, особенности возникновения и проявления // Человеческий капитал. 2022. Т. 2, № 12 (168). С. 74–78.
30. Лекторский В.А. Умер ли человек? // Человек. 2004. № 4. С. 10–16.
31. Кузнецова Е.И., Пугачева Н.А. Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6. С. 36–41.
32. Соловьева Л.Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 77–82.

References

1. Larionova, I.V. (2017) Formirovanie identichnosti mladogo pokoleniya v kontekste vliyaniya informatsionno-setevykh tekhnologiy [The formation of young generation's identity in the context of the information influence and network technologies]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 4. pp. 275–278.
2. Lisenkova, A.A. (2020) Transformatsiya identichnosti v tsifrovuyu epokhu [Transformation of identity in the digital age]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 65–74.
3. Chernikova, I.V. (2023) Chelovek v epokhu tekhnologicheskikh vyzovov [People in the era of technological challenges]. In: Chernikova, I.V. (ed.) *Chelovek pered vyzovami sovremennoy*

tehnologicheskoy revolyutsii [People Facing the Challenges of the Modern Technological Revolution]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–83.

4. Erickson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from German. Moscow: Flinta: MPSI: Progress.

5. Arbib, M. & Hesse, M. (1986) *The Construction of Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.

6. Guseynov, A.A. (2013) *Filosofiya kak eticheskii proekt: tezisy doklada* [Philosophy as an Ethical Project: Abstracts of the Report]. *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*. 3. pp. 11–16.

7. Bauman, Z. (2021) *Svoboda* [Freedom]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

8. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

9. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury.

10. Ricoeur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy. Ocherk i o germenевtike* [Conflict of Interpretations. Essay on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii Proekt.

11. Tetaz, J.-M. & Mayatskiy, M.N. (2012) *Narrativnaya identichnost' kak teoriya prakticheskoy sub"ektivnosti. K rekonstruktsii kontseptsii Polya Rikera* [Narrative identity as a theory of practical subjectivity. Towards a reconstruction of Paul Ricoeur's concept]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2(2). pp. 100–121.

12. MacIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies in Moral Theory]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.

13. Trufanova, E.O. (2017) *K voprosu ob ischeznoventii Ya* [On the disappearance of the Self]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Sub"ektivnyy mir v kontekste vyzovov sovremennykh kognitivnykh nauk* [Subjective World in the Context of Challenges of Modern Cognitive Sciences]. Moscow: Akvilon. pp. 99–112.

14. Arshinov, V.I., Grimov, O.A. & Chekletsov, V.V. (2021) *Kiberanimizm: iskusstvo byt' zhivym v gibridnom obshchestve* [Cyberanimism: The art of being alive in a hybrid society]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*. 2(20). pp. 39–60.

15. Mamardashvili, M.K. (1992) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Moscow: Progress, Kul'tura.

16. Kutyrev, V.A. (2015) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Human as a Tradition]. St. Petersburg: Aletyya.

17. Shaforostov, A.I. (2011) *Ontologicheskii aspekt problemy identichnosti* [Ontological Aspect of the Problem of Identity]. *Vestnik IrGTU*. 8. pp. 320–322.

18. Trufanova, E.O. (2010) *Chelovek v labirinte identichnostey* [Human in the Labyrinth of Identities]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 13–22.

19. Kholodkovskiy, K.G. (2011) *Rossiyskaya identichnost' – koleblyushchayasya identichnost'* [Russian Identity – a Fluctuating Identity]. In: Semenenko, I.S. & Fadeeva, L.A. (eds) *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a Subject of Political Analysis]. Moscow: IMEMO RAS. pp. 151–154.

20. Dumnova, E.M. (2015) *Mekhanizmy formirovaniya identichnosti v tranzitivnom obshchestve* [Mechanisms of Identity Formation in a Transitional Society]. *Idei i ideal'y*. 2(2/24). pp. 104–111.

21. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Translated from English. Moscow: HSE.

22. Brubaker, R. & Cooper, F. (2010) *Za predelami identichnosti* [Beyond Identity]. In: Gerasimov, I., Mogilner, M. & Semenov, A. (eds) *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 131–192.

23. Bryushinkin, V.N. (2010) *Osobennosti issledovaniya identichnosti* [Features of Identity Research]. *Tsennosti i smysly*. 5. pp. 84–93.

24. Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.

25. Locke, J. (1985) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 volumes]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.

26. Sartre, J.-P. (1953) *Ekzistentstsalizm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. Translated from French. Moscow: Izd-vo inostrannoy lit.

27. Lenk, H. (1996) *Razmyshleniya o sovremennoy tekhnike* [Reflections on Modern Technology]. Translated from German. Moscow: Aspekt-press.

28. Lepskiy, V.E. (2023) Aktual'nye sotsiogumanitarnye problemy ukrepleniya sub"ektnosti Rossii [Urgent Socio-Humanitarian Problems of Strengthening Russia's Subjectivity]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*. 5(1). pp. 28–46.

29. Chernavin, Yu.A. (2022) Tsifrovaya identichnost' lichnosti: sushchnost', osobennosti voiniknoveniya i proyavleniya [Digital identity of the individual: Essence, emergence and manifestation]. *Chelovecheskiy kapital*. 2(12/168). pp. 74–78.

30. Lektorskiy, V.A. (2004) Umer li chelovek? [Did the human die?]. *Chelovek*. 4. pp. 10–16.

31. Kuznetsova, E.I. & Pugacheva, N.A. (2023) Prekarizatsiya kak fenomen otchuzhdeniya sub"ekta v tsifrovoy kommunikativnoy real'nosti [Precarization as a phenomenon of subject alienation in the digital communicative reality]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*. 6. pp. 36–41.

32. Solovieva, L.N. (2023) Odinochestvo v "obshchestve vseobshchey kommunikatsii": paradox tsifrovoy sovremennosti [Loneliness in the "Society of Universal Communication": The Paradox of Digital Modernity]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*. 7. pp. 77–82.

Сведения об авторах:

Черникова И.В. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Якунина И.В. – аспирант кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: iromashka@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chernikova I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Yakunina I.V. – postgraduate student of the Department of Philosophy and Methodology of Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iromashka@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 321.01

doi: 10.17223/1998863X/83/11

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ КАК «ВЕЛИКАЯ ДИХОТОМИЯ» ЗАПАДНОГО МИРА

Леся Владимировна Чеснокова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
L.Tchesnokova@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются публичная и приватная сферы как взаимосвязанная пара терминов, в которых проявляются социокультурные особенности западных обществ Нового времени. Описываются особенности членов данной дихотомии, отражающей биполярный способ организации социума. Приводятся связанные с приватностью и публичностью пары терминов: улица – дом, открытое – сокрытое, сцена – искренность, природа – культура, мужчина – женщина. Утверждается, что для успешного функционирования общества необходим баланс этих сфер.

Ключевые слова: публичное – приватное, улица – дом, открытое – сокрытое, природа – культура, мужчина – женщина

Для цитирования: Чеснокова Л.В. Публичное и приватное как «великая дихотомия» западного мира // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 114–120. doi: 10.17223/1998863X/83/11

Original article

PUBLIC AND PRIVATE AS THE “GREAT DICHOTOMY” OF THE WESTERN WORLD

Lessia V. Chesnokova

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, L.Tchesnokova@mail.ru

Abstract. The article considers the public and private spheres as a pair of terms that describe socio-cultural characteristics of Western liberal societies of the Modern Era. What is open belongs to the public sphere. On the contrary, what is property of person or family belongs to the private sphere. The article gives pairs of terms, which relate to privacy and publicity: street – home, open – hidden, stage – sincerity, nature – culture, man – woman. The division of society into a dual pair of opposites occurred in the era of modernity. Home turns into a private space, closed from public, a place of rest and sincere, laid-back behavior; a field of activity for a woman. Public space, on the contrary, is a place where a man rules, something that is visible and accessible to everyone, where it is necessary to control one's behavior in order to maintain social peace. The public and private spheres are connected and complement each other, forming a continuum. The right to privacy of an individual, their bodily and spiritual integrity depends on the social environment, socio-cultural values and norms. On the contrary, actions of subjects in the public space are largely predetermined by their biographical experience gained in the private world. Interests of an individual depend on the successful functioning of society, and a healthy society consists of successful individuals. Preserving the balance of these two principles makes it possible to structure society, taking into account both personal and public interests.

Keywords: public–private, street–house, open–hidden, nature–culture, man–woman

For citation: Chesnokova, L.V. (2025) Public and private as the “great dichotomy” of the western world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 114–120. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/11

Введение

Приватность не существует сама по себе, она неразрывно связана с публичностью, образуя, по словам итальянского философа Н. Боббио, «великую дихотомию». С помощью этой пары терминов могут быть поняты социокультурные особенности западных либеральных обществ. «О великой дихотомии можно говорить, когда мы сталкиваемся с различием, подходящим для разделения мира на две сферы, которые являются исчерпывающими в том смысле, что охватывается каждый элемент этого мира, и взаимоисключающими в том смысле, что любой элемент, описываемый первым термином, не может быть одновременно охвачен вторым» [1]. Цель данной статьи – анализ дихотомии публичного и приватного и их особенностей, а также связанных с ней дуальных пар терминов, таких как улица–дом, открытое–сокрытое, сцена–искренность, природа–культура, мужчина–женщина.

Публичное и приватное как дихотомическая пара терминов

Различие, которое делает между данными понятиями западная политическая мысль, следующее: то, что относится к публичной сфере, принадлежит всем членам общества, а то, что относится к приватной, является собственностью индивидов или малых групп. Оно «возникает на исторической сцене идей (если не принимать во внимание аристотелевское разделение на ойкос и полис) с римским правом, которые в *Corpus Juris Civilis* впервые разграничивают публичную и приватную области» [2. S. 9].

В публичном пространстве обсуждается участие граждан в производстве общего блага. Приватность, напротив, обозначает себя как тайную, интимную и закрытую для публичности область жизни. «Субъект публичности – это публика как носитель публичного мнения» [3. S. 55], осуществляющая контроль над властью. В процессе дебатов приватные лица, обсуждая важные для всего общества проблемы, превращаются в публичных деятелей. По словам М. Риттер, «дебаты сами по себе – политический акт, но они осуществляются приватными персонами, преследующими важные для них политические решения» [4. S. 25]. Публичное пространство, в отличие от приватного, открыто и доступно всем гражданам, являясь местом столкновения различных взглядов. Оно не исчерпывается коммуникациями граждан, а трансформируется в практические действия во имя общего блага.

Х. Арендт полагала, что основным качеством полиса как публичного пространства, в противоположность ойкосу, является взаимодействие равных индивидов. Даже глава домохозяйства считался свободным потому, что мог на время оставить свой дом и участвовать в общественной жизни. Лишь участие в публичной жизни воспринималось как деятельность, достойная человека, который в данном случае выступал как индивид, а не представитель рода. «Приватный человек не выступает в явленность, как если бы его вообще не было» [5. С. 76].

Как показал Ю. Хабермас, публичность возникла в литературных и политических дискуссиях, имевших место в буржуазных салонах. Он связывает образование политической сферы с процедурой дебатов: общее благо может быть создано только в результате свободного обсуждения тем, релевантных для участников обсуждения. Вместе с развитием буржуазного общества возникли такие ценности, как свобода индивида и право на невмешательство в личную жизнь со стороны государства и общества. На первом этапе к такой приватной сфере относилась религиозная принадлежность, которая не должна была влиять на доступ к государственным должностям. «Положение церкви меняется в связи с Реформацией, когда религия становится приватным делом. Приватная свобода исторически охраняет первую сферу приватной автономии» [3. С. 66–67].

Индивид, обязанный действовать рационально в политической сфере, получал свободу для обустройства своей жизни. «На него нельзя было оказывать экономическое давление, и, кроме того, как собственник и как глава семьи он мог определять личную безопасность и обеспечение повседневных нужд» [6. С. 20–21]. Приватная жизнь становится местом для семейных отношений, проявления искренних эмоций, проведения досуга.

Итак, термины «приватность–публичность» описывают пару важнейших концептов обществ Нового времени. Помимо разделения на публичное и приватное можно выделить такие дихотомии, как улица – дом, открытое – сокрытое, природа – культура, мужское – женское. Это было связано не только с пространственным разделением публичного и приватного, но и со специфическими действиями и поведением индивида в каждой из этих сфер, их нормативным регулированием и идеологией.

Дихотомии европейской культуры Нового времени

Дихотомия между публичным и приватным одновременно означала также разделение между следующими дуальными парами:

Дом – улица. Наиболее ярко это противопоставление враждебного окружающего мира мирному домашнему счастью проявлялось в XIX в., когда происходило пространственное разделение на продуктивную и репродуктивную сферы. Ранее семья представляла собой единый комплекс, где не принадлежащие к ней лица (слуги, подмастерья и т.п.) жили вместе с хозяевами под одной крышей. Постепенно сферы приватности и публичности получают пространственное разделение. Формируется дуальный способ организации общества. Публичность становится местом производства и добывания средств к существованию, а приватность – ее противоположным полюсом. Городское публичное пространство более не были составной частью дома, а дом и семья перестали быть доступными для чужих. Публичное пространство начинает восприниматься как холодный безразличный мир, где человек вынужден бороться за кусок хлеба. Оно противопоставлялся теплу родного очага, искренности чувств в семейном кругу.

Открытое – сокрытое. Если публичная сфера прозрачна и открыта для всех (*öffentlich* по-немецки одновременно означает и «открытый», и «публичный»), то приватность коннотируется с темнотой, непрозрачностью, тайной. Приватность используется для выражения права человека на автономию его личной жизни. Если публичность – это то, что видимо и доступно для

каждого, что свидетельствует об открытости, честности и законности, то приватность дает право на отказ в доступе к личным делам для других индивидов, общества и государства. Как отмечает Х. Арендт, сущностной чертой приватности является ее потаенность. «Свои четыре стены оказываются единственным местом, куда мы можем уйти от мира, от увиденности и услышанности им» [5. С. 93]. Существует множество обстоятельств, которые не выдержат яркого света публичности. Прежде всего, все, связанное с сокровенностью рождения и таинством смерти, требует темноты и укрытости.

Сцена – искренность. Для защиты хрупкой приватности человек, выступая в публичном пространстве, надевает социальную маску. В условиях, когда за ним наблюдают и когда не наблюдают, каждый из нас ведет себя по-разному. Способами социальной маскировки являются мимика, жестикация, одежда и поведение, создающие желаемую самопрезентацию. В социальной жизни индивид постоянно меняет костюмы и маски, чтобы снискать одобрение окружающих. Подобный маскарад служит поддержанию социального мира. Не случайно слова «личность», «персона» в своих первоначальных значениях означают «личина» и «маска». Напротив, приватная сфера делает возможным естественно-спонтанное поведение. Наличие приватного пространства удовлетворяет потребность в отдыхе от игры на публику.

Согласно теории драматургической социологии И. Гофмана, каждое социальное пространство («театр») имеет своих постоянных исполнителей («актеров»), свой «репертуар» и своих «зрителей». Гофман разделяет социальное пространство на зону переднего плана (публичное) и зону заднего плана (приватное), в которых действуют разные правила поведения. В зоне переднего плана происходит игра на публику, а зона заднего плана представляет собой закулисное пространство. Здесь хранятся реквизит и аксессуары для всего репертуара действий и характеров исполнителей [7. С. 149]. Сценические костюмы приводятся в порядок, происходит обучение неопытных участников социального спектакля.

Природа – культура. В эпоху Нового времени возникают два типа поведения: публичный и приватный. Происходит противопоставление природы и культуры, когда природа отождествляется с приватной, а культура – с публичной сферой. Удовлетворение телесных потребностей переносится в сферу приватного. Человек должен контролировать на публике свое поведение. Легитимное место проявления естественных функций – «сфера приватного, малая семья. Таким образом, усиливается дифференциация двух сфер: приватной, т.е. интимной, где индивид мог быть самим собой, и публичной, где необходимо было постоянно играть социальную роль» [8].

Тем самым усиливается потребность в приватной сфере, которая делает возможным естественно-спонтанное поведение. «Вместе с ростом общественного контроля, требующего подавлять собственные желания, усиливается потребность в личном пространстве как своего рода отдушине, где царят мир и семейная гармония без угроз и напряжения со стороны внешнего мира» [9. С. 47].

Для гармоничного общества признавались необходимыми обе сферы, дополнявшие друг друга. Приватная сфера влияла на публичную, создавая пространство, где человек мог быть самим собой. «Но и публичная сфера выступала в роли корректирующего фактора. Естественный человек был жи-

вотным; таким образом, публичная сфера исправляла природный дефект, а именно – отсутствие цивилизованности» [10. С. 102]. Человек, который во всех ситуациях ведет себя естественным образом, – это дикарь.

Мужчина – женщина. Дихотомия между публичным и приватным одновременно означала разделение между гендерными ролями. В то время как женщина отвечала за сферу приватного, мужчина участвовал в публичной жизни, в продуктивной деятельности. В результате женщина была заключена в приватной сфере дома, а мужчине доставался внешний мир. «Буржуазное общество было разделенным по половому признаку миром, который имел разные нормы и ритуалы для мужчин и для женщин» [11. С. 3].

Идеология сепаратных сфер основывалась на эссенциалистском подходе, согласно которому женская и мужская природа совершенно различна. Подчеркивается поляризация половых характеров: «женщины считались эмоциональными и пассивными и имели своим предназначением заботы о супруге и детях. Мужчина, напротив, считался рациональным и активным» [12. С. 295]. Поскольку гендерное разделение труда считалось естественным, любая попытка его нарушить, воспринималась как преступление против природы. Пол в этой Характер в этой дихотомии определялся «биологией», «что повлекло за собой физиологически-анатомическую онтологизацию отношений мужчины и женщины и закрепило социокультурные различия» [13. С. 117].

Поскольку ни один член из приведенных выше пар противоположностей не может существовать без другого, они неразрывно связаны друг с другом. Публичная сфера зависит от приватной, так как политические субъекты одновременно являются приватными персонами. М. Риттер полагает, что в обществе, в котором приватная жизнь основана на манипуляциях, господстве и подавлении, также и политическая жизнь не может быть сформирована на демократических началах. «Шансы на политическое участие в значительной степени зависят от индивидуальных свобод и признания прав других людей в сфере приватного» [6. С. 28]. Кроме того, действия субъектов в публичном пространстве во многом предопределены их биографическим опытом, полученным в приватном мире. С другой стороны, приватность связана с публичностью, так как от социокультурных ценностей и норм зависит право на приватность индивида, его телесную и духовную неприкосновенность.

Для осмысления соотношений приватного и публичного Ю.Д. Андриевская предлагает понятие континуума. Этот термин используется для обозначения неразрывно связанных объектов, которые взаимодействуют в пространстве и времени. «Континуум указывает на то, что когда одно из этих явлений смещается, отходит, то освободившееся место заполняется другим, не оставляя „пустого“ пространства. То есть эти два явления дополняют друг друга: там, где заканчивается приватное, начинается публичное и наоборот» [14. С. 10].

Заключение

Таким образом, публичность и приватность отвечают двум взаимосвязанным потребностям человека: потребности в принадлежности к какой-либо социальной группе и стремлению быть независимой индивидуальностью. Поэтому можно изучать социальное пространство с точки зрения закрытости или открытости, превалирования общественных или личных интересов. По-

скольку приватность и публичность тесно связаны, все изменения, которые происходят в публичности, влияют на приватность и наоборот. Интересы личности зависят от успешного функционирования социума, и здоровый социум уважает права своих граждан.

Список источников

1. Bobbio N. The Great Dichotomy: Publik/Private, in: Bobbio N. Democracy and Diktatorship. Oxford: Polity Press, 1989. URL: https://books.google.com.ag/books?id=GtkoDwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (дата обращения: 21.07.2024).
2. Seubert S. Einleitung: Privatheit und Öffentlichkeit heute: ein Problemaufriss // Die Grenzen des Privaten (hrsg. von S. Seubert). Baden-Baden : Nomos, 2019. S. 9–22.
3. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015. 391 S.
4. Ritter M. Alltag im Umbruch. Zur Dynamik von Öffentlichkeit und Privatheit im neuen Russland. Hamburg : Krämer, 2008. 350 S.
5. Арендт Х. «Vita activa, или О деятельной жизни». СПб. : Алетея, 2000. 437 с.
6. Ritter M. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 139 S.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
8. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Москва ; Санкт-Петербург, 2001. URL: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_06.htm (дата обращения: 21.07.2024).
9. Чеснокова Л. В. Сферы приватного и публичного как дихотомия природы и культуры // Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (19). С. 44–47.
10. Сеннет Р. Падение публичного человека. М. : Логос, 2002. 424 с.
11. Budde G. Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Darmstadt : WBG, 2009. 148 S.
12. Habermas R. Bürgerliche Kleinfamilie // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / hrsg. von R. van Dülmen. Köln : Böhlau, 2001. S. 287–309.
13. Ruhne R. Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im öffentlichen Raum. Wiesbaden : VS Verlag, 2011. 238 S.
14. Андрієвська Ю. Д. Приватність як соціокультурний феномен : дис. на здоб. наук. ст. к. с. н. Киев, 2016. 101 с.

References

1. Bobbio, N. (1989) *Democracy and Dictatorship*. Oxford: Polity Press. [Online] Available from: https://books.google.com.ag/books?id=GtkoDwAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (Accessed: 21st July 2024).
2. Seubert, S. (2019) Einleitung: Privatheit und Öffentlichkeit heute: ein Problemaufriss. In: Seubert, S. (ed.) *Die Grenzen des Privaten*. Baden-Baden: Nomos. pp. 9–22.
3. Habermas, J. (2015) *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
4. Ritter, M. (2008) *Alltag im Umbruch. Zur Dynamik von Öffentlichkeit und Privatheit im neuen Russland*. Hamburg: Krämer.
5. Arendt, H. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa, or on the Active Life]. Translated from German. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Ritter, M. (2008) *Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
7. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: KANON-press-Z.
8. Elias, N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigation]. Translated from German. [Online] Available from: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_06.htm (Accessed: 21st July 2024).

9. Chesnokova, L.V. (2018) Sfery privatnogo i publichnogo kak dikhotomiya prirody i kul'tury [Spheres of private and public as a dichotomy of nature and culture]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 2(19). pp. 44–47.
10. Sennett, R. (2002) *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man]. Translated from English. Moscow: Logos Publ.
11. Budde, G. (2009) *Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert*. Darmstadt: WBG.
12. Habermas, R. (2001) Bürgerliche Kleinfamilie. In: van Dülmen, R. von (ed.) *Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Köln: Böhlau. pp. 287–309.
13. Ruhne, R. (2011) *Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im öffentlichen Raum*. Wiesbaden: VS Verlag.
14. Andriyevskaya, Yu.D. (2016) *Privatnist' yak sotsiokul'turniy fenomen* [Privacy as a Sociocultural Phenomenon]. PhD Thesis. Kiev.

Сведения об авторе:

Чеснокова Л.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mai: L.Tchesnokova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chesnokova L.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Russian History, Sociology and Political Science, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.08.2024;
одобрена после рецензирования 23.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 19.08.2024;
approved after reviewing 23.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 101

doi: 10.17223/1998863X/83/12

«СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА» ВО ИМЯ «ДОМА, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК»

Ксения Николаевна Холоднова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
kholodnovaksenia@mail.ru*

Аннотация. Обращение к целому ряду европейских философов показывает стремление западной традиции преодолеть Бога и Человека. Девальвация человека в пространстве европейской мысли, а также изменение отношения к смерти вообще влекут за собой возникновение танатопатии. Автор статьи обращается к творчеству кинорежиссера Ларса фон Триера. Анализируя его последний фильм, утверждается, что он становится большой метафорой мира, где все эти «смерти» уже произошли.

Ключевые слова: Ларс фон Триер, «смерть человека», «смерть Бога», Ф. Ницше, танатопатия

Для цитирования: Холоднова К.Н. «Смерть человека» во имя «дома, который построил Джек» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 121–129. doi: 10.17223/1998863X/83/12

Original article

“THE DEATH OF MAN” IN THE NAME OF THE HOUSE THAT JACK BUILT

Ksenia N. Holodnova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
kholodnovaksenia@mail.ru*

Abstract. The modern era, according to Merab Mamardashvili, can be characterized as a time of anthropological catastrophe. In this regard, it seems more relevant than ever to turn to European attempts to comprehend this phenomenon. The appeal to Nietzsche's philosophy clearly shows the beginning of the desire of the Western tradition to overcome God and man. As a result, the most influential thinkers of the 20th century dissolve the status of a person and deny him his existential uniqueness. The analysis of the views on the human problem of the thinkers Foucault, Levi-Strauss, Barthes, Baudrillard, and Derrida shows that there is a change in the status of a person in philosophy. The devaluation of man in the space of European philosophy, as well as a change in attitudes towards death in general, entails the emergence of such a phenomenon of modern culture as thanatopathy. The transformation of the attitude towards death on the part of a person is analyzed in the article through addressing Philippe Aries' play *L'Homme Devant la Mort* [Man in the Face of Death], which shows how a person's attitude to death has changed and what caused these changes. The “death of God” declared by Nietzsche entails the “death of man” because man and God belong to each other. It is these phenomena, in the author's opinion, that the modern Danish film director Lars von Trier is trying to comprehend in his work. The author's perspective continues the attempts already existing in the scientific research field to trace the reception of Nietzsche's ideas in Trier's work. Analyzing his latest film *The House that Jack Built* (2018), the author argues that in it the director is trying to make sense of the situation of “human death” in modern intellectual thought. Trier's film, in the author's opinion, becomes

a great metaphor, which shows the world where God and Man died, and also explores the Nietzschean superman and the “beast of prey”. The main methods used in the article are philosophical, anthropological and textual analyses.

Keywords: “death of man”, “death of God”, Friedrich Nietzsche, thanatopathy, Lars von Trier

For citation: Holodnova, K.N. (2025) “The Death of Man” in the name of *The House that Jack Built*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 121–129. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/12

Введение

Современная нам эпоха, по утверждению М. Мамардашвили, может быть охарактеризована как время антропологической катастрофы. В связи с этим кажется как никогда актуальным обратиться к европейским попыткам осмыслить это явление. Танатопатия, согласно утверждению Д.Г. Хапаевой, – это «культ виртуальной насильственной смерти в современной культуре» [1. С. 11], который связан с разочарованием в гуманистических идеалах и в человеке как таковом, а также знаменует собой отказ от идеи бытийственной уникальности человека и относится к традиции повсеместной для западной философии критики гуманизма.

Для нынешнего времени нехарактерно говорить о смерти. Очень точно можно передать сегодняшнее отношение к этому явлению, припомнив слова одного из самых ярких героев романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Аркадия Ивановича Свидригайлова, который сказал буквально следующее: «...сознаюсь в непростительной слабости, но что делать: боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней» [2. С. 502]. Филипп Арьес в своей книге «Человек перед лицом смерти» писал: «Есть два способа не думать о смерти: один – наш, присущий нашей технизированной цивилизации, которая отвергает смерть и налагает на нее строгий запрет, а другой – тот, что присущ традиционным цивилизациям. Здесь нет отвержения смерти, но есть невозможность слишком много о ней думать, ибо смерть очень близка и в слишком большой мере составляет часть повседневной жизни» [3. С. 51]. Он показал, что переворот в отношении к смерти, после которого ее стали отрицать, произошел в XIX в. Изучив отношение к смерти людей, начиная со Средневековья и вплоть до первой половины XX в., он приходит к выводу о том, что существует определенная связь между отношением человека к смерти и отношением к самому себе. Поэтому в том, как изменяется отношение к смерти, всегда лежит изменение отношения человека к самому себе. Арьес выделяет пять этапов в трансформации отношения к смерти. Каждый из них он обозначает какой-то фразой. Первый этап – «все умрем». Характеризовался он тем, что человек раннего Средневековья был органично вплетен в природу, и между живыми и мертвыми не было непреодолимой пропасти. Люди печалились, торговали и веселились на кладбище, и постоянное присутствие живых среди мертвых никого не тревожило. Арьес связывает такое отношение к смерти с тем, что, согласно их представлениям, человека не ожидал Страшный суд и возмездие. Думалось, что человек просто погружается в сон, и он будет длиться до второго пришествия Христа, после чего все, кроме особо тяжких грешников, проснутся и войдут в царствие небесное. Далее интеллектуальная элита XI–XIII вв. вырабатывает представления о Страшном суде, что

соответствует второму этапу, который Арьес обозначает фразой «своя смерть». Начиная с XII в. художники изображают сцены Страшного суда на порталах соборов, а в XV в. на смену идее суда над всем человеческим родом сразу приходит идея о суде индивидуальном. Таким образом, Арьес отмечает в этот период рост индивидуального сознания, и пишет о том, что в собственной смерти человек открывает свою индивидуальность. Третий этап восприятия смерти – «смерть далекая и близкая». Он характеризуется разрушением механизмов защиты человека от природы. Меняется отношение не только к смерти, но и к сексу. Четвертый этап – «смерть твоя». Он характеризуется романтическим восприятием смерти: после нее человек встретится с ранее почившим своим возлюбленным/возлюбленной. И, наконец, в XX в. развивается такой страх перед смертью, что даже упоминание о ней пугает. Этот этап называется «смерть перевернутая». На этом этапе в наиболее развитых странах Запада смерть человека становится делом врачей и похоронных агентов. Смерть есть то, что угрожает «американской мечте». И в текущей действительности смерть просто окружена молчанием. Современное общество по молчаливому согласию живет так, будто смерть происходит исключительно от болезней, которые в свою очередь, благодаря развитию науки и медицины, становятся все менее и менее опасными, а значит, отодвигают и саму смерть. Восприятие смерти как исключительно медицинского феномена, т.е. с излишне биологизированной точки зрения, способствует утрате в обществе символического значения смерти, т.е. такого, какое она имеет, например, в христианстве. Именно здесь возникает проблема танатофобии, ведь христианство задает вполне конкретное отношение к смерти как к тому, чего не нужно бояться: «Конец настоящей жизни несправедливо, думаю, называть смертью, а скорее избавлением от смерти, удалением из области тления, освобождением от рабства, прекращением тревог, пресечением брани, выходом из тьмы, отдохновением от трудов, укрытием от стыда, убежищем от страстей, и вообще, пределом всех зол» [4. С. 378]. Или «смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной временной жизни в вечность» [5. С. 276]. Таким образом, мы можем говорить о том, что танатофобия как явление появляется после того, как «умер Бог» [6. С. 347], как провозгласил Ф. Ницше.

Будучи изгнанной из жизни общества, смерть торжествует в современной культуре. В результате возникает парадокс: с одной стороны, смерть изгоняется из повседневности, окружается молчанием и отрицается, а с другой – люди испытывают потребность в демонстрации смерти на уровне культуры. Кроме того, парадоксом кажется и то, что такая тяга к смерти охватила общество тогда, когда продолжительность жизни является самой высокой на протяжении всего существования человечества. И, наконец, при, казалось бы, повсеместном утверждении гуманистических идей в качестве политической идеологии, человек на экранах телевизора, в книгах и других продуктах культуры продолжает уничтожаться.

«Критика гуманизма привела к превращению антигуманизма в товар, что создало предпосылки для последующего расцвета танатопатии и идеализации монстров в популярной культуре» [1. С. 50], – утверждает исследователь танатопатии Дина Хапаева, понимая под критикой гуманизма в первую очередь интеллектуальное влияние французской теории, а именно идей М. Фуко, К. Леви-Стросса, Р. Барта и Ж. Деррида.

Подорванность статуса человека

Невозможно говорить о философском статусе человека сегодня без оглядки на XX в., который во многом определил его, по крайней мере, внутри западной философии. Гуманизм предполагал, что человек, в отличие от любых других живых существ, обладает целым рядом уникальных качеств, а именно возможностью творить, свободой воли и моралью, а значит, только он способен создавать культуру, общество и искусство. Таким образом, можно утверждать, что гуманизм как явление был вплотную связан с идеей исключительности человека и его онтологической инаковостью. Но свободное творчество человека исключало Бога, поэтому гуманизм превратился в атеизм. Традиционно критика гуманизма питалась от идей Ф. Ницше. В своей программной работе «К генеалогии морали» он объявляет мораль средством манипуляции, через которое толпа слабых на протяжении всей истории управляет единицами сильных: «...этот ум низшего порядка, свойственный даже насекомым, благодаря фальшивомонетничеству и самообману бессилия вырядилось в роскошное одеяние самоотверженной, тихой, выжидающей добродетели, как будто бы самая слабость слабого – т.е. его сущность, его деятельность, вся его неизбежная неустранимая действительность – представляет собой добровольное действие» [7. С. 309–310]. В итоге наиболее влиятельные европейские мыслители XX в., такие как К. Леви-Стросс (1908–2009), М. Фуко (1926–1984), Ж. Деррида (1930–2004), Р. Барт (1915–1980), Ж. Бодрийяр (1929–2007), Ж.-Ф. Лиотар (1924–1998) и другие, критикуя гуманизм, единодушно заявили, что для дальнейшего развития цивилизации человек должен умереть. В первую очередь они нацелились на деконструкцию трансцендентального субъекта Канта, который, как известно, осуществил антропологический поворот в философии, добавив в своей «Логике» главный вопрос философии: «Что такое человек?». А это значит, что все прочие философские вопросы должны задаваться с учетом ответа на этот вопрос. Также «смерть человека» предполагала уничтожение основных бинарных оппозиций, характерных для классической философии, а именно дихотомий человек – животное, природа – культура, субъект – объект и т.д. Жан-Франсуа Лиотар объявил человека гуманистическим препятствием, которое должно быть устранено во имя появления антигуманной философии. Клод Леви-Стросс в качестве центральной задачи гуманитарных наук предложил растворить человека, чтобы тот больше не был центральным объектом познания потому, что миф об исключительности человека в итоге приводил главным образом к тому, что привилегированное меньшинство управляло всеми остальными. Ролан Барт в своем эссе «Смерть автора» отвергает понятие неповторимости, индивидуальности и креативности человека как субъекта творчества, ведь «говорит не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность, позволяющая добиться того, что уже не „я“, а сам язык действует, „перформирует“» [8. С. 385]. Поэтому Барт ратует за преодоление субъективности, которое необходимо устранить с целью обретения возможности интересубъективного дискурса, т.е. для того, чтобы начать процесс интерпретаций. Мишель Фуко, оставаясь на сегодняшний день самым популярным философом в мире, в своих попытках деконструировать трансцендентальный субъект обрушил понятия «человечество» и «че-

ловек» как всего лишь гипостазирование фиктивного субъекта, чей конец с неизбежностью предreshен. Человек – это просто предмет, сформированный дискурсом нескольких столетий, на самом деле «человека не существует» [9], и мыслить без него не значит мыслить в пустом пространстве, это значит освободиться от фиктивной конструкции. В своей работе «Слова и вещи» он многократно возвращается к идее неизбежности «смерти человека», например, он пишет, что человек исчезнет, как исчезает «лицо, начертанное на прибрежном песке» [10. С. 19]. Наконец, Бодрийяр начнет свой разговор о симулякрах, а Ж. Деррида будет говорить о конце человека.

Важной вехой в «смерти человека» также явилось открытие бессознательного. Оно обесмыслило антропологический поворот Канта, внутри философии которого человек понимался как сознание. С момента открытия бессознательного человека полностью отождествили с ним, а значит, он перестал быть субъектом, а если точнее, то никогда им и не был. Ведь это значит, что язык, социум и культура создают в нас не сознание, а бессознательное, а причин для существования сознания вообще нет. Человек стал частью природы, внутри которой для всего есть причины, и потерял свою исключительность. В результате открывается возможность уравнивания человека с любыми другими объектами мира.

Все это привело к подрыву статуса человека в мире и появлению постгуманистической философии, основная идея которой состоит в онтологическом всеединстве. Таким образом, мы имеем дело не с миром, из которого изгнан человек, но с миром, где его статус изменился: человек смещается из центра на периферию и становится меньшинством наряду с другими меньшинствами, он встраивается в мир, утрачивая свою бытийственную уникальность. И человек впредь будет тем, кто детерминирован связями внешнего мира и является сущим среди другого сущего. В результате разрабатываются различные антропологии, внутри которых нет человека, а также темные и объектно-ориентированные онтологии и т.д. Технологическое развитие, биомедицинские технологии, когнитивные науки и повсеместная цифровизация также способствуют размыванию человеческого. Различные западные концепции, имеющие приставки «пост» и «транс», способствуют захвату человеческого со стороны нечеловеческого за счет размывания основных бинарных оппозиций (субъект – объект, мужское – женское и т.д.), в результате чего возникают такие явления, как трансгендерность, постчеловек, трансгуманизм и т.д. Таким образом, тема человека оказывается маргинализированной внутри европейской философии, а сам человек – девальвирован.

«Дом, который построил Джек»

Коротко обрисовав ситуацию философского дискурса, в которой оказалась Европа в последние двести лет, мы переходим к собственно предмету нашего исследования, а именно творчеству одного из самых противоречивых и одновременно популярных кинорежиссеров нашего времени – датчанину Ларсу Фон Триеру, и попытаемся исследовать танатопатию в одной из его работ. Стоит заметить, что выбранный нами для анализа ракурс рассмотрения творчества Триера, а именно попытка анализировать его работу как попытку вести диалог с Ф. Ницше, и ранее фигурировал в научно-исследовательском поле. С.П. Ковтун анализирует другой фильм Триера – «Меланхолию» – как

попытку со стороны режиссера осмыслить философское наследие Ницше. Она приходит к выводу о том, что «взаимодействие категориальных образов философии Ницше с художественным контекстом фильма позволяет рассматривать апокалипсис как имплицитное осознание спасения, а волю к жизни (власти) – как волю к смерти, что соответствует интенциям современной культуры» [11. С. 100]. Безусловно, наиболее ярким произведением Триера в случае выбранного нами ракурса рассмотрения, а именно осмысления танатопатии как явления современной культуры, окажется его последний фильм под названием «Дом, который построил Джек» (2018). В фильме рассказывается история серийного убийцы Джека, который, будучи в собственных глазах архитектором, воспринимает убийство как произведение искусства и строит свой дом из трупов, убитых им людей. Премьера картины состоялась в рамках программы Каннского кинофестиваля, где зрители разделились на две группы: около ста человек покинули зал, обвинив режиссера в излишней и неуместной жестокости в кадре по отношению к женщинам и детям, а вторая часть зрителей в конце фильма аплодировала стоя. Французский журнал о кино включил фильм Триера в список лучших кинокартин 2018 г., а дом из трупов, созданный специально для съемок фильма, сейчас выставляется в музее Копенгагена. В данной статье мы пытаемся ответить на вопрос, чем обусловлено такое полярное отношение к жестокости в фильме Триера, а также попробуем порассуждать над вопросом, как танатопатия связана с деантропологизацией западной философской мысли? Стоит заметить, что, по нашему мнению, творчество Триера как человека, глубоко погруженного в европейский философский дискурс, не допускает внефилософских интерпретаций.

Итак, Джек, будучи убежденным, что он не инженер, а архитектор, ищет материал, из которого он сможет построить собственный дом. Согласно его мнению, материал имеет собственную волю, упоминание, что будет важно для нашего анализа в дальнейшем. Верджу (т.е. Вергилию) он сообщает, что все убитые им люди удостоились чести быть убитыми, потому что тем самым смогли стать частью произведения искусства. Здесь стоит обратить внимание на танатопатический парадокс. Согласно мнению многих исследователей танатопатии, переход от готической эстетики, когда убийца воспринимается символически, т.е. в пространстве довлеющего религиозного контекста, как грешник, к танатопатии как таковой ознаменован появлением просто монстров, не имеющих оснований в религиозно-мифологическом дискурсе. Триер создает свой фильм в пространстве этого парадокса: Джек – убийца ушедшей эпохи готической эстетики, он грешник, который попадает в ад, и отсылка к Данте, на наш взгляд, свидетельствует именно об этом. Примечательно здесь и то, что обращение к тексту Данте есть и у Ницше, который, например, в «Генеалогии морали» пишет: «Данте, как мне кажется, жестоко ошибся, когда с ужасающей гениальностью поставил на вратах ада следующую надпись: „И меня создала вечная любовь“» [9. С. 312]. Кроме сближающих два этих произведения отсылок к тексту Данте следует сказать здесь и о том, что для нас кажется абсолютно очевидным непосредственное влияние данной работы Ницше на фильм Триера. Это одно из программных сочинений философа, в которых поднимается тема *ressentiment*, так любимая многими исследователями Ницше. С *ressentiment* начинается восстание рабов в

морали. Кажется важным здесь заметить, что, находясь под непосредственным влиянием А. Шопенгауэра и продолжая риторику Аристотеля о человеке как о животном, Ницше видел идеалом человека «хищного зверя», которого на протяжении человеческой истории все время пытались подчинить и окультурить: «...именно смыслом всякой культуры является воспитать из хищного зверя, „человека“, ручное, цивилизованное животное, животное домашнее, все те инстинкты реакции и *ressentiment*’а, с помощью которых посрамлены и побеждены благородные поколения с их идеалами» [7. С. 306]. Что произошло в результате того, что из человека изгоняют хищного зверя? «Пресмыкающийся „человек“ занял авансцену и кишмя кишит на ней... „ручной человек“, безнадежно посредственный, противный, научился считать себя целью и вершиной, смыслом истории, „высшим человеком“» [7. С. 307].

Триер вернул нам в лице Джека непресмыкающегося человека, «хищного зверя». Убийство, как говорит Джек, снижает боль, поэтому он вынужден действовать, иначе боль становится просто невыносимой. Наиболее интересными из всех 5 инцидентов, которые показаны в фильме, становятся 3-й и 4-й, а именно убийство семьи и женщины, которую Джек любил. В 3-м инциденте Джек приезжает с матерью-одиночкой и двумя ее сыновьями на пикник, где предполагается охота на зверей. В итоге охотиться Джек начинает на детей, убивая их из ружья с вышки. Пикник при этом все же состоялся, Джек заставляет обезумевшую мать кормить мертвых детей пирогом. Именно этот эпизод и вызвал возмущение со стороны зрителей в зале. Джек заявляет, что это было его главным шедевром и он нашел свою семью. Определенно таким образом Триер показывает уничтожение семьи как гуманистически значимого института. В пространстве, где человек мертв, семья не является ценностью.

Четвертый инцидент, на наш взгляд, глубоко символичен и философски нагружен аллюзиями и отсылками, и именно он выражает главную мысль всего произведения. Джек приходит к некогда любимой им женщине, которая внезапно догадывается, что он и есть тот самый маньяк, о котором сообщают в новостях как о «мистере изошренности», и просит ее отпустить. Джек предлагает ей закричать, что она и делает. Сначала кричит она, потом сам Джек, однако никакой реакции соседей за этим не следует. Потом Джек предлагает ей покричать в окно, может, люди из других домов обратят внимание на то, что человек умирает, но реакции тоже нет. Мир не реагирует на то, что «умер» человек. Метафора смерти «глупышки» для нас очевидна: этот мир глух к «смерти человека», символической смерти человека вообще. Будучи погруженным в свою бытовую повседневность, являясь частью того общества потребления, которое критиковал Бодрийяр, мир стал глух и эвтаназиен. Дело даже не в том, что умер человек, а в том, что мир этого не заметил, потому что человек утратил свой статус и в мире воцарилось онтологическое всеединство. Это фильм – манифест, попытка докричаться до мира, в котором умер человек. Мир Джека – это мир, в котором главным действующим лицом становится сверхчеловек. Он освобождает искусство от морали и от культуры, которая пытается его «цивилизовать». Еще одна фраза из фильма становится безусловной отсылкой к Ницше. Вердж заявляет: «Джек, ты антихрист», что есть еще одна аллюзия на Ницше, одно из главных произведений которого носит название «Антихрист. Проклятие Христианству». Три-

ер создает Ницшеанского сверхчеловека и показывает одновременно, что утрачивает человек, убивая Бога. Триер не приводит контраргументов, а просто создает Джека как пример сверхчеловека, «хищного зверя», которого отрезали от Бога и культуры. В конце Джек сравнивает человека с вином, процессы разложения которого позволяют превратить его в шедевр, как известное и дорогое ледяное вино¹. Что значит превратить человека в шедевр? Превратить его в объект, тогда как человек всегда был субъектом творчества.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что философия Ф. Ницше способствовала появлению целого ряда авторов, которые видели избавление от человека главной целью интеллектуальной мысли своего времени. В результате происходит девальвация статуса человека в философии. Кроме того, мы утверждаем, что изменение отношения к человеку и к смерти становится причиной возникновения танатопатии как явления современной культуры. Фильм датского режиссера Ларса фон Триера в этой связи становится возможностью для режиссера отразить это явление в своем творчестве. Поэтому в данной статье мы рассматриваем фильм Триера как метафору, наполненную большим количеством философских аллюзий и направленную на критику общества, где умерли Бог и Человек.

Список источников

1. Хапаева Д.Г. Занимательная смерть. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 328 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: [роман]. М. : ЭКСМО, 2019. 608 с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Изд. группа «Прогресс» : Прогресс-Академия, 1992. 648 с.
4. Игнатий (Брянчанинов) свт. Практическая энциклопедия: Основы правильной духовной жизни. СПб. : Сатисъ, 2013. 335 с.
5. Максим Исповедник, прп. Амбигвы. Трудности к Фоме (Ambigua ad Thomam), Трудности к Иоанну (Ambigua ad Ioannem). М., 2020.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой, С. Франка. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. С. 285–532.
7. Ницше Ф. Генеалогия морали // Падение кумиров / пер. с нем. В. Вейнштока, Т. Гейлихмана, Е. Герциг и др. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2023. С. 285–416.
8. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
9. Фуко М. Человека на самом деле не существует. URL: <https://dzen.ru/a/XzgbH703-hSRecHc> (дата обращения: 15.06.2024).
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. 408 с.
11. Ковтун С.П. Человеческое и сверхчеловеческое в фильме Ларса фон Триера «Меланхолия» (диалог с Ф. Ницше) // Философия и культура. 2017. 7. С. 100–112.

References

1. Khapaeva, D.G. (2020) *Zanimatel'naya smert'* [Entertaining Death]. Moscow: NLO.
2. Dostoevsky, F.M. (2019) *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Moscow: EKSMO.
3. Aries, F. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the Face of Death]. Translated from German. Moscow: Progress; Progress-Akademiya.
4. Ignatius (Brianchaninov). (2013) *Prakticheskaya entsiklopediya: Osnovy pravil'noy dukhovnoy zhizni* [St. Practical Encyclopedia: Foundations of Correct Spiritual Life]. St. Petersburg: Satis".

¹ Ледяное вино – дорогое коллекционное десертное вино с густым букетом, изготавливаемое из винограда, замороженного на лозе.

5. Maximus the Confessor, St. Ambigua. (2020) *Trudnosti k Fome (Ambigua ad Thomam), Trudnosti k Ioannu (Ambigua ad Ioannem)* [Difficulties with Thomas (Ambigua ad Thomam), Difficulties with John (Ambigua ad Ioannem)]. Moscow: [s.n.].
6. Nietzsche, F. (2021) *Tak govoril Zarathustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Translated from German by Yu. Antonovsky, E. Sokolova, S. Frank. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus. pp. 285–532.
7. Nietzsche, F. (2023) *Padenie kumirov* [The Fall of Idols]. Translated from German by V. Weinstock, T. Geylikman, E. Gertsig et al. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus. pp. 285–416.
8. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from German. Moscow: [s.n.]. pp. 384–391.
9. Foucault, M. (n.d.) *Cheloveka na samom dele ne sushchestvuet* [Human Does Not Really Exist]. [Online] Available from: <https://dzen.ru/a/XzgbH703-hSRecHc> (Accessed: 15th June 2024).
10. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin & N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
11. Kovtun, S.P. (2017) Chelovecheskoe i sverkhchelovecheskoe v fil'me Larsa fon Triera “Melan-kholiya” (dialog s F. Nitsshe) [Human and Superhuman in Lars von Trier's Film “Melancholia” (Dialogue with F. Nietzsche)]. *Filosofiya i kul'tura*. 7. pp. 100–112.

Сведения об авторе:

Холоднова К.Н. – кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: kholodnovaksenia@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Holodnova K.N. – Cand. Sci. (Philosophy), junior researcher, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kholodnovaksenia@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 23.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 26.08.2024;
approved after reviewing 23.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316
doi: 10.17223/1998863X/83/13

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВЫШЕНИИ КОМПЛАЕНТНОСТИ В КЛИНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Елена Викторовна Дмитриева¹, Дарья Николаевна Сопетина²

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Москва, Россия, e.dmitrieva@inno.mgimo.ru*

² *Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия,
sopetinadn@ysmu.ru*

Аннотация. Мобильные технологии играют ключевую роль в повышении комплаентности в клинических исследованиях, обеспечивая более эффективное взаимодействие между исследователями и участниками. Современные технологии предлагают удобные напоминания о приеме лекарств, что позволяет снизить вероятность пропуска важных этапов и улучшить качество собираемых данных. Онлайн-опросы и поддержка в режиме реального времени обеспечивают регулярное взаимодействие между исследователями и участниками, повышая уровень информированности и удовлетворенности пациентов, способствуя большей вовлеченности и ответственности участников клинических исследований.

Ключевые слова: коммуникация врач – пациент, клинические исследования с использованием мобильных технологий, доверие в системе здравоохранения, удовлетворенность системой здравоохранения

Для цитирования: Дмитриева Е.В., Сопетина Д.Н. Мобильные технологии в повышении комплаентности в клинических исследованиях: социологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 130–139. doi: 10.17223/1998863X/83/13

SOCIOLOGY

Original article

MOBILE TECHNOLOGIES IN INCREASING COMPLIANCE IN CLINICAL TRIALS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Elena V. Dmitrieva¹, Darya N. Sopetina²

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Moscow, Russian Federation, e.dmitrieva@inno.mgimo.ru*

² *Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation, sopetinadn@ysmu.ru*

Abstract. Mobile technologies play a key role in improving compliance in clinical trials, providing more effective interaction between researchers and participants. Modern

technologies offer convenient reminders for taking medications, which reduces the likelihood of missing important steps and improves the quality of collected data. Online surveys and real-time support provide regular interaction between researchers and participants, increasing patient awareness and satisfaction, promoting greater involvement and responsibility of clinical trial participants. Compliance or adherence to treatment in general in healthcare is a relatively new topic, and the term itself has several synonyms: therapeutic cooperation compliance, adherence, concordance. The concept “compliance” was introduced into scientific discourse by David Sackett and Brian Haynes in 1979. The ambiguous interpretation of this concept indicates the relevance and the ongoing scientific discussion, reflecting the interaction of the key dyad in healthcare. In domestic science, the term “compliance” is used to denote the patient’s compliance with the doctor’s recommendations regarding treatment and medical interventions, conscious adherence to the doctor’s recommendations during treatment. In the field of healthcare, this concept covers a wide range of aspects, including adherence to medication regimens, visiting doctors, and following lifestyle recommendations.

Keywords: doctor–patient communication, clinical trials using mobile technologies, trust in healthcare system, satisfaction with healthcare system

For citation: Dmitrieva, E.V. & Sopotina, D.N. (2025) Mobile technologies in increasing compliance in clinical trials: a sociological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 130–139. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/13

Тема комплаенса или приверженности лечению в целом в здравоохранении относительно новая тема, а сам термин имеет несколько синонимов: терапевтическое сотрудничество [1. С. 1] compliance, adherence, concordance. В научный оборот понятие «комплаенс» было введено D. Sackett и B. Haynes в 1979 г. [2]. Многозначная трактовка данного понятия свидетельствует об актуальности и идущей научной дискуссии, отражающей взаимодействие ключевой диады в здравоохранении. В отечественной науке термин «комплаентность» используется для обозначения соответствия пациентом рекомендациям врача относительно лечения и медицинских вмешательств, осознанное следование рекомендациям врача в процессе лечения [3]. В сфере здравоохранения это понятие охватывает широкий спектр аспектов, включая соблюдение режима приема лекарств, посещение врачей и следование рекомендациям по образу жизни.

В сфере здравоохранения исследованию комплаенса и воздействию различных аспектов на поведение индивидов посвящены работы ведущих российских и зарубежных авторов: Е.А. Вольской [4], Л.И. Ложкиной [5], T. Pullar, S. Kumar, M. Feely [6], комплаенсу в зависимости от нозологии пациента О. Barrueta и соавт. [7], Н.Ю. Кувшиновой [8], приверженности лечению в психиатрии Н.Б. Лутовой и соавт. [9], кардиологии П.М. Карзухина, О.Ю. Кореннова [10], пульмонологии А.И. Синопальникова, А.А. Зайцева [11], лечению респираторных заболеваний у представителей старших возрастных групп Е.Г. Агаповой, Ю.Г. Притулиной, А.Д. Дониной [12]; приверженности фармакотерапии при сахарном диабете Н.А. Варфоломеевой и соавт. [13]. Отдельное место занимает изучение удовлетворенности и приверженности лечению при оказании медицинской помощи в формате телемедицины [14]. Практические аспекты приверженности в практической деятельности врачей раскрыты в учебном пособии под руководством Н.Н. Николаева [15]. Важность комплаенса в оказании медицинской помощи проанализирована в трудах И.Н. Каграманяна и соавт. [16].

Наряду с трудами в сфере организации здравоохранения плодотворными в анализе комплаентности, на наш взгляд, выступают методологические подходы, выработанные в рамках психологии и социологии. Так, обращаясь к психологической стороне комплаенса, необходимо учитывать, что болезнь меняет уклад жизни человека, его социальные и межличностные отношения, т.е. становится особой ситуацией развития личности, являясь фактором стресса и вызывая напряжение адаптационных механизмов. Основы изучения психологического наряду с физиологическим состоянием индивида заложили российские клиницисты М.Я. Мудров, С.П. Боткин, Н.И. Пирогов, Г.А. Захарьин и др. Использование врачами введенного Р.А. Лурия понятия «внутренняя картина болезни» позволяет повысить коммуникативную адекватность и приверженность лечению [17]. Раскрытые Т. Парсонсом особенности социальных ролей врача и пациента в обществе позволяют выстроить ожидания всех социальных субъектов в рамках института здравоохранения, где болезнь оценивается как дисфункциональное явление, не позволяющее индивиду выполнять повседневные обязанности, а задача пациента состоит в скорейшем выздоровлении и возвращении к функционированию в обществе [18]. В рамках данной парадигмы от врача ожидают применения конкретных знаний для лечения, «эмоциональной нейтральности», объективности и беспристрастности во взаимоотношениях с пациентом, следования общим, предъявляемым ко всем больным правилам, а не требованиям конкретного пациента.

Взаимодействие врача и пациента складывается под влиянием различных обстоятельств и для достижения комплаентности пациента важно учитывать комплекс детерминант. Всемирная организация здравоохранения выделяет следующие группы факторов: непосредственно связанные с проводимой терапией; зависящие от медицинского персонала и системы здравоохранения; внешней среды; самого пациента и его текущего состояния [21]. Российские ученые Д.С. Данилов [23], О.Н. Семенова, Е.А. Наумова [24], А.А. Мартынов, Е.В. Спиридонова, М.М. Бутарева [25] отмечают важность учета психологических особенностей пациента, особенностей заболевания, условий, в которых осуществляется лечение, социально-экономических факторов и организации медицинской помощи в целом. На доверие в системе здравоохранения в информационном обществе оказывает большое воздействие информационный фон, особенно так называемые фейки [26]. Вопрос доверия во много детерминируется уровнем безопасности данных, передаваемых от пациента к врачу. Итальянский социолог Г. Джарелли, проведя анализ взаимодействия врача и пациента в период пандемии новой коронавирусной инфекции, выделяет «осязаемое» доверие (степень, в которой медицинские работники доверяют своим пациентам) и «наигранное» доверие, что, в свою очередь, может повлиять на реакцию пациентов и последующую приверженность к лечению [27. С. 10].

С. Кон и Р. Каталек провели исторические параллели между вспышками холеры в Европе и эболы в Африке и установили, что в разные исторические периоды и на разных континентах именно недоверие к власти и врачам, якобы действовавшим в сговоре с властями, стало причиной не только отрицания предлагаемых мер защиты, но и социальной агрессии по отношению к медикам [27. С. 12].

Тема взаимодействия врача и пациента всегда находилась в центре исследований в области социологии здоровья и здравоохранения, где в последние годы основные исследования были проведены по изучению доверия и удовлетворенности системой здравоохранения в целом [28]. Многие из обозначенных проблем, таких как модели взаимодействия врача в зависимости от типа пациента, типология пациентов, зависимость реакции от нозологии и т.п., пока еще мало изучены. Однако в целом они ограничены анализом различных аспектов диады врач – пациент. В клинических исследованиях с использованием мобильных технологий спектр участников коммуникативного взаимодействия значительно расширяется, и для создания практических руководств в сфере проведения клинических исследований для врачей и пациентов необходимо учитывать как все психологические, так и технологические и юридические аспекты.

При внедрении мобильных технологий в клинические испытания следует учитывать их соответствие поставленным задачам, целевой аудитории, знанию мобильных технологий врачами и пациентами, удобство их использования всеми участниками клинического исследования. При очевидной важности оценки необходимой инфраструктуры, соответствия оборудования, программного обеспечения, обстановки, соблюдения безопасности данных и конфиденциальности пациентов, доступности интернета, нужно прежде всего учитывать предпочтения пациентов.

Эффективность медицинских технологий может быть нивелирована, если они вызовут непонимание у пациентов и последние не будут заинтересованы и вовлечены в процесс исследования. При выборе цифрового инструмента важно уделять приоритетное внимание конфиденциальности и оценить риски для пациентов и врачей, которые могут возникнуть в результате обновления программного обеспечения, взлома или потери данных. Учитывая сложности социально-психологического характера при внедрении новых технологий, возможно использование комбинированного подхода, включая и традиционные методы проведения клинических исследований, и современные технологии.

Социологические подходы раскрывают дискурс взаимодействия в здравоохранении между врачом, пациентом и другими участниками клинического исследования, а также позволяют понять динамику социальных процессов, которые влияют на комплаентность, учитывать разнообразные факторы, включая культурные и экономические, которые часто игнорируются в более узких медицинских или психологических исследованиях.

Наиболее полное представление о комплаентности можно получить, комбинируя исследования из различных областей, что позволит разработать более эффективные стратегии повышения комплаентности, учитывающие как индивидуальные, так и социальные факторы.

Методики оценки комплаентности в здравоохранении, психологии, социологии

Исходя из предложенных методологических подходов, методики по оценке комплаентности отечественные ученые предлагают классифицировать на непосредственно клинические (оценка фармакологического ответа, проверка заполнения истории болезни, подсчет остатка таблеток, использо-

вание устройств по дистанционному мониторингу), психологические (впечатления врача) и собственно социологические (интервью пациента, интервью врача) [30].

К клиническому подходу можно отнести подсчет таблеток, измерение концентрации препаратов или их метаболитов в жидкостях организма (в крови или моче), микроэлектронные устройства MEMS и eDEM и другие методы. В стационарных условиях врач регулярно узнает у пациента, какие лекарства он принимает и как. Однако отметки в листе назначения не всегда гарантируют фактический прием препарата. Существует несколько методов для оценки приверженности к лечению, которые помогают более точно определить уровень приверженности к лечению и учесть различные аспекты комплаентности.

К психологическому подходу в отечественной литературе относят шкалу медикаментозного комплаенса (ШМК), шкалу комплаентности Мориски–Грин. Тест Мориски–Грин, например, позволяет оценить комплаентность пациентов на основе ответов на четыре вопроса.

Междисциплинарный клинико-психологический подход отражен в методике определения комплаентности и включает социальную, эмоциональную и поведенческую компоненты, помогая определить степень комплаентности как у пациентов с хроническими заболеваниями, так и у здоровых людей.

Внедрение мобильных технологий в клинические исследования предполагает глубокий социологический анализ поведения и установок всех субъектов коммуникации. Современные требования социологии здоровья и здравоохранения подчеркивают важность компаративного анализа мнений как врачей, так и пациентов для избегания предвзятых оценок. Пользовательские интерфейсы мобильных приложений разрабатываются с учетом предпочтений аудитории, что способствует повышению удобства их использования. Мобильные решения должны быть адаптированы к потребностям различных социально-экономических групп, что требует глубокого социологического анализа их поведения и установок. При этом важно учитывать социокультурные аспекты: доступность технологий, уровень цифровой грамотности и т.п. Таким образом, интеграция мобильных технологий в клинические исследования не только улучшает комплаентность, но и открывает новые возможности для понимания и адаптации исследовательских процессов.

Важно исследовать не только поведение пациентов, но и врачей. Несмотря на широкое освещение темы искусственного интеллекта (ИИ) и интеллектуальных технологий в средствах массовой информации [31], в настоящее время отсутствуют объективные данные об отношении пациентов и врачебного сообщества к ИИ в медицинской деятельности, а также нет выработанной стратегии внедрения интеллектуальных технологий для обеспечения их востребованности в практическом здравоохранении. Врачи скептически относятся к внедрению ИИ в практику. Так, опрос показал, что рентгенологи не возлагают на ИИ высоких надежд в оптимизации рабочего времени: только 33% опрошенных врачей считают, что внедрение ИИ сократит время работы врача. Также внедрение ИИ вызывает множество опасений, основными из которых является возможное увеличение ложноположительных находок (32% опрошенных) и увеличение временных затрат (23% респондентов) [32].

Для повышения востребованности и обеспечения внедрения качественных интеллектуальных технологий в практическое здравоохранение требуется предварительный сбор обратной связи будущих пользователей и непосредственно пациентов, который позволит определить приоритетные направления для внедрения ИИ, спектр задач, в решении которых использование ИИ оправданно, а также повысит осведомленность врачей о возможностях интеллектуальных технологий, привлекая специалистов к активному участию в процессе внедрения и апробации.

В условиях современных вызовов в здравоохранении, таких как пандемии или изменения в системе здравоохранения, междисциплинарные исследования становятся все более актуальными для комплексного понимания и улучшения комплаентности.

Список источников

1. Данилов Д.С. Терапевтическое сотрудничество (комплаенс): содержание понятия, механизмы формирования и методы оптимизации. URL: <https://nnp.ima-press.net/index.php/nnp/article/view/387>
2. Haynes R.B., Taylor D.W., Sackett D.L. Compliance in Health Care. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1979. 516 p.
3. Солондаев В.К., Сумеркина Д.В. COMPLAENS в общении врач–больной // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 4 (9). URL: <http://medpsy.ru>
4. Вольская Е.А. Пациентский комплаенс. Обзор тенденций в исследованиях // Ремедиум. 2013. № 11. С. 6–15.
5. Ложкина Л.И. COMPLAENS как актуальная проблема медицинской психологии: теоретико-методологические аспекты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komplaens-kak-aktualnaya-problema-meditsinskoj-psihologii-teoretiko-metodologicheskie-aspekty/viewer>
6. Pullar T., Kumar S., Feely M. Compliance in clinical trials // Annals of the Rheumatic Diseases. 1989. Vol. 48. P. 871. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1003898/pdf/anrheumd00432-0079.pdf>
7. Barrueta O., Verdugo R., Sola N., Cerda H., Aznárez H. Adherencia en pacientes en tratamiento crónico: resultados del “Día de la Adherencia” del 2013 // Farm Hosp. 2015. Vol. 39, № 2. P. 109–113. URL: <http://www.aulamedica.es/fh/pdf/8554.pdf>
8. Кувшинова Н.Ю. Проблема приверженности терапии в различных областях медицины // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 5-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-priverzhennosti-terapii-v-razlichnyh-oblastyah-meditsiny>
9. Лутова Н.Б., Борцов А.В., Вид В.Д., Вукс А.Я. Метод прогнозирования медикаментозного комплаенса в психиатрии : метод. рекомендации. СПб., 2006. 26 с.
10. Карзухин П.М., Кореннова О.Ю. COMPLAENTNOST пациентов с артериальной гипертензией и высоким сердечно-сосудистым риском после профилактического консультирования // Артериальная гипертензия. 2015. Т. 21, № 6. P. 647–654. doi: 10.18705/1607-419X-2015-21-6-647-654
11. Зайцев А.А., Синопальников А.И. Проблема COMPLAENTNOSTI пациентов с респираторными инфекциями // Медицинский совет. 2019. № 15. С. 63–69. doi: 10.21518/2079-701X-2019-15-63-69
12. Агапова Е.Г., Притулина Ю.Г., Доница А.Д. Методика определения COMPLAENTNOSTI при амбулаторном лечении респираторных инфекций у военных пенсионеров // Профилактическая медицина. 2019. Т. 22, № 1. С. 118–123. doi: 10.17116/profmed20192201118
13. Варфоломеева Н.А., Бушкова Э.А., Сыдыкова Л.А., Кузьмина А.А., Малогулова И.Ш., Абрамова Я.И. Приверженность фармакотерапии при сахарном диабете 2-го типа в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. № 3 (10). С. 122–126.
14. Полунина Н.В., Тяжелников А.А., Погонин А.В., Костенко Е.В. Удовлетворенность пациентов с Covid-19 качеством медицинской помощи, оказанной в форме дистанционных телемедицинских консультаций // Вестник РГМУ. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-patsientov-s-covid-19-kachestvom-meditsinskoj-pomoschi-okazannoy-v-forme-dstantsionnyh-telemeditsinskih> (дата обращения: 21.07.2024).

15. *Приверженность* в клинической практике : международное методическое руководство / Н.А. Николаев, А.И. Мартынов, Ю.П. Скирденко, С.Н. Авдеев, В.Н. Анисимов, Г.П. Арутюнов, Л.А. Ашрафян, А.М. Бабунашвили, Л.А. Балыкова, О.Л. Барбараш, В.В. Бенберин ; под общ. ред. Н.А. Николаева, Ю.П. Скирденко, А.И. Мартынова. М. : Изд. дом Академии Естествознания, 2023. 228 с. doi: 10.17513/np.573
16. Каграманян И.Н., Хохлов А.Л., Петров В.И. и др. Значение комплаенса в повышении качества медицинской помощи // Ремедиум. 2015. № 5. С. 25–29.
17. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и атрогенные заболевания. М., 1977. 111 с.
18. Parson T. The Social System. New York : Free Press, 1951.
19. Варул М.З. Торконт Парсонс, роль больного и хронические заболевания. VARUL M.Z. Talcott Parsons, the sick role and chronic illness // Body & society. 2010. Vol. 16, № 2. P. 72–94.
20. *Concordance*, adherence and compliance in medicine taking: Report for the National Coordinating Centre for NHS Service Delivery and Organization R & D (NCCSDO). December 2005. 309 p.
21. *Adherence* to long-term therapies. Evidence for action // World Health Organization. Geneva, 2003. 110 с.
22. Данилов Д.С. Механизмы формирования комплаенса и современные подходы к его оптимизации // Российские медицинские вести. 2008. Т. 13, № 4. С. 11–24.
23. Данилов Д.С. Терапевтическое сотрудничество (комплаенс): содержание понятия, механизмы формирования и методы оптимизации // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014. № 2. С. 4–12.
24. Семенова О.Н., Наумова Е.А., Михневич Н.М. Фокусированное интервью пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы и их рачей для оценки приверженности к длительной терапии // Бюллетень медицинских интернет конференций. 2013. Т. 3, № 6. С. 940.
25. Мартынов А.А., Спиридонова Е.В., Бутарева М.М. Повышение приверженности пациентов стационаров и амбулаторно-поликлинических подразделений к лечебно-реабилитационным программам и факторы, оказывающие влияние на комплаентность // Вестник дерматологии и венерологии. 2012. № 1. С. 21–27.
26. Труды II Форума с международным участием «Социология здоровья: здравоохранение, которому доверяют». Москва, 12.11.2020. М. : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2020. 84 с.
27. Джарелли Г. Доверие системе здравоохранения в период пандемии коронавируса в Италии. Какие важные уроки можно извлечь? // Труды II Форума с международным участием «Социология здоровья: здравоохранение, которому доверяют». Москва, 12.11.2020. М. : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2020. 84 с.
28. Богдан И.В., Чистякова Д.П., Праведников А.В. Проблема доверия в социологии медицины // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 526–533.
29. Кадыров Р.В., Асриян О.Б., Ковальчук С.А. Опросник «Уровень комплаентности». Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2014. 74 с. URL: <http://www.medpsy.ru/library/library208.pdf?ysclid=lyv8sov62v65683328>
30. Деларю В.В., Вершинин Е.Г. Комплаентность: клинический, социологический и психологический подходы к ее оценке // Вестник ВолГМУ. 2015. № 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komplaentnost-klinicheskij-sotsiologicheskij-i-psihologicheskij-podhodyk-ee-otsenke> (дата обращения: 21.07.2024).
31. Литвин А.А., Стома И.О., Шаршакова Т.М., Румовская С.Б., Ковалев А.А. Новые возможности искусственного интеллекта в медицине: описательный обзор // Проблемы здоровья и экологии. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vozmozhnosti-iskusstvennogo-intellekta-v-meditsine-opisatelnyy-obzor> (дата обращения: 21.07.2024).
32. Морозов С.П., Владимирский А.В., Шулькин И.М., Ледихова Н.В., Арзамасов К.М., Андрейченко А.Е., Логунова Т.А., Омелянская О.В., Гусев А.В. Исследование целесообразности применения технологий искусственного интеллекта в лучевой диагностике // Врач и информационные технологии. 2022. Т. 1. С. 12–29. doi: 10.25881/18110193_2022_1_12

References

1. Danilov, D.S. (n.d.) *Terapevticheskoe sotrudnichestvo (komplaens): sodержanie ponyatiya, mekhanizmy formirovaniya i metody optimizatsii* [Therapeutic cooperation (compliance): The content of the concept, mechanisms of formation and methods of optimization]. [Online] Available from: <https://nnp.ima-press.net/index.php/nnp/article/view/387>
2. Haynes, R.B., Taylor, D.W. & Sackett, D.L. (1979) *Compliance in Health Care*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
3. Solondaev, V.K. & Sumerkina, D.V. (2011) Komplaens v obshchenii vrach-bol'noy [Compliance in doctor-patient communication]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 4(9). [Online] Available from: <http://medpsy.ru>
4. Volskaya, E.A. (2013) Patsientskiy komplaens. Obzor tendentsiy v issledovaniyakh [Patient compliance. Review of research trends]. *Remedium*. 11. pp. 6–15.
5. Lozhkina, L.I. (2015) *Komplaens kak aktual'naya problema meditsinskoj psikhologhii: teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Compliance as a current problem of medical psychology: Theoretical and methodological aspects]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/komplaens-kak-aktualnaya-problema-meditsinskoj-psihologii-teoretiko-metodologicheskie-aspekty/viewer>
6. Pullar, T., Kumar, S. & Feely, M. (1989) Compliance in clinical trials. *Annals of the Rheumatic Diseases*. 48. p. 871. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1003898/pdf/an-nrheumd00432-0079.pdf>
7. Barrueta, O., Verdugo, R., Sola, N., Cerda, H. & Aznárez, H. (2015) Adherencia en pacientes en tratamiento crónico: resultados del “Día de la Adherencia” del 2013. *Farm Hosp*. 39(2). pp. 109–113. [Online] Available from: <http://www.aulamedica.es/fh/pdf/8554.pdf>
8. Kuvshinova, N.Yu. (2015) Problema priverzhennosti terapii v razlichnykh oblastyakh meditsiny [The problem of adherence to therapy in various fields of medicine]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 5–3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-priverzhennosti-terapii-v-razlichnykh-oblastyakh-meditsiny>
9. Lutova, N.B., Bortsov, A.V., Vid, V.D. & Vuks, A.Ya. (2006) *Metod prognozirovaniya medikamentoznogo komplayensa v psikiatrii* [Method for predicting medication compliance in psychiatry]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Karzukhin, P.M. & Korennova, O.Yu. (2015) Komplaentnost' patsientov s arterial'noy gipertenziy i vysokim serdechno-sosudistym riskom posle profilakticheskogo konsul'tirovaniya [Compliance of patients with arterial hypertension and high cardiovascular risk after preventive counseling]. *Arterial'naya gipertenziya*. 21(6). pp. 647–654. DOI: 10.18705/1607-419X-2015-21-6-647-654
11. Zaytsev, A.A. & Sinopalnikov, A.I. (2019) Problema komplaentnosti patsientov s respiratornymi infektsiyami [The problem of compliance of patients with respiratory infections]. *Meditsinskiy sovet*. 15. pp. 63–69. DOI: 10.21518/2079-701X-2019-15-63-69
12. Agapova, E.G., Pritulina, Yu.G. & Donika, A.D. (2019) Metodika opredeleniya komplaentnosti pri ambulatornom lechenii respiratornykh infektsiy u voennykh pensionerov [Methodology for determining compliance in outpatient treatment of respiratory infections in military pensioners]. *Profilakticheskaya meditsina*. 22(1). pp. 118–123. DOI: 10.17116/profmed201922011118
13. Varfolameeva, N.A., Bushkova, E.A., Sydykova, L.A., Kuzmina, A.A., Malogulova, I.Sh. & Abramova, Ya.I. (2013) Priverzhennost' farmakoterapii pri sakharnom diabete 2-go tipa v Respublike Sakha (Yakutiya) [Adherence to pharmacotherapy in type 2 diabetes mellitus in the Sakha Republic (Yakutia)]. *Vestnik Severovostochnogo fed. un-ta im. M.K Ammosova*. 3(10). pp. 122–126.
14. Polunina, N.V., Tyazhelnikov, A.A., Pogonin, A.V. & Kostenko, E.V. (2020) Udovletvorennost' patsientov s Covid-19 kachestvom meditsinskoj pomoshchi, okazannoy v forme distantsionnykh telemeditsinskikh konsul'tatsiy [Satisfaction of patients with Covid-19 with the quality of medical care provided in the form of remote telemedicine consultations]. *Vestnik RGMU*. 6. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-patsientov-s-covid-19-kachestvom-meditsinskoj-pomoschi-okazannoy-v-forme-distantsionnykh-telemeditsinskih> (Accessed: 21st July 2024).
15. Nikolaev, N.A., Skirdenko, Yu.P. & Martynov, A.I. (eds) (2023) *Priverzhennost' v klinicheskoy praktike: Mezhdunarodnoe metodicheskoe rukovodstvo* [Adherence in Clinical Practice: International Methodological Guidelines]. Moscow: Academy of Natural Sciences. DOI: 10.17513/np.573
16. Kagramanyan, I.N., Khokhlov, A.L., Petrov, V.I. et al. (2015) Znachenie komplaensa v povyshenii kachestva meditsinskoj pomoshchi [The Importance of Compliance in Improving the Quality of Medical Care]. *Remedium*. 5. pp. 25–29.
17. Luriya, R.A. (1977) *Vnutrennyaya kartina bolezni i atrogennye zabolevaniya* [The Internal Picture of the Disease and Atrogenic Diseases]. Moscow: [s.n.].
18. Parson, T. (1951) *The Social System*. New York: Free Press.

19. Varul, M.Z. (2010) Torkott Parsons, rol' bol'nogo i khronicheskie zabolevaniya [Talcott Parsons, the sick role and chronic illness]. *Body & Society*. 16(2). pp. 72–94.
20. NHS Service Delivery and Organization R & D (NCCSDO). (2005) *Concordance, adherence and compliance in medicine taking: Report for the National Coordinating Centre for NHS Service Delivery and Organization R & D (NCCSDO)*. December.
21. World Health Organization. (2003) *Adherence to long-term therapies. Evidence for action*. Geneva.
22. Danilov, D.S. (2008) Mekhanizmy formirovaniya komplaensa i sovremennyye podkhody k ego optimizatsii [Mechanisms of compliance formation and modern approaches to its optimization]. *Rossiyskie meditsinskie vesti*. 13(4). pp. 11–24.
23. Danilov, D.S. (2014) Terapevticheskoe sotrudnichestvo (komplaens): sodержание ponyatiya, mekhanizmy formirovaniya i metody optimizatsii [Therapeutic cooperation (compliance): Content of the concept, mechanisms of formation and methods of optimization]. *Nevrologiya, neyropsikhiatriya, psikhosomatika*. 2. pp. 4–12.
24. Semenova, O.N., Naumova, E.A. & Mikhnevich, N.M. (2013) Fokusirovannoe interv'yuyatsientov s zabolevaniyami serdechno-sosudistoy sistemy i ikh vrachey dlya otsenki priverzhennosti k dlitel'noy terapii [Focused interview of patients with cardiovascular diseases and their doctors to assess adherence to long-term therapy]. *Byulleten' meditsinskikh internet konferentsiy*. 3(6). p. 940.
25. Martynov, A.A., Spiridonova, E.V. & Butareva, M.M. (2012) Povyshenie priverzhennosti patsientov statsionarov i ambulatorno-poliklinicheskikh podrazdeleniy k lechebno-reabilitatsionnym programmam i faktory, okazyvayushchie vliyaniye na komplaentnost' [Increasing the adherence of patients of hospitals and outpatient departments to treatment and rehabilitation programs and factors influencing compliance]. *Vestn. dermatologii i venerologii*. 1. pp. 21–27.
26. Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Department of Health. (2020) *Trudy II Forum s mezhdunarodnym uchastiem "Sotsiologiya zdorov'ya: zdavookhraneniye, kotoromu doveryayut"* [Proceedings of the II Forum with international participation "Sociology of health: healthcare that is trusted"]. Moscow, November 12, 2020. Moscow: Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Department of Health.
27. Giarelli, G. (2020) Doveriye sisteme zdavookhraneniya v period pandemii koronavirusa v Itali. Kakie vazhnye uroki mozno izvlech'? [Trust in the health care system during the coronavirus pandemic in Italy. What important lessons can be learned?]. In: *Trudy II Forum s mezhdunarodnym uchastiem "Sotsiologiya zdorov'ya: zdavookhraneniye, kotoromu doveryayut"* [Proceedings of the II Forum with international participation "Sociology of health: healthcare that is trusted"]. Moscow, November 12, 2020. Moscow: Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Department of Health.
28. Bogdan, I.V., Chistyakova, D.P. & Pravednikov, A.V. (2021) Problema doveriya v sotsiologii meditsiny [The problem of trust in the sociology of medicine]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2. pp. 526–533.
29. Kadyrov, R.V., Asriyan, O.B. & Kovalchuk, S.A. (2014) Oprosnik "Uroven' komplaentnosti" [Questionnaire "Compliance Level"]. Vladivostok: Maritime State University. [Online] Available from: <http://www.medpsy.ru/library/lib-rary208.pdf?ysclid=lyv8sov62v65683328>
30. Delaryu, V.V. & Vershinin, E.G. (2015) Komplaentnost': klinicheskiy, sotsiologicheskiy i psi-khologicheskiy podkhody k ee otsenke [Compliance: clinical, sociological and psychological approaches to its assessment]. *Vestnik VolGMU*. 3(55). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/komplaentnost-klinicheskiy-sotsiologicheskiy-i-psi-khologicheskiy-podkhody-k-ee-otsenke> (Accessed: 21st July 2024).
31. Litvin, A.A., Stoma, I.O., Sharshakova, T.M., Rumovskaya, S.B. & Kovalev, A.A. (2024) Novye vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta v meditsine: opisatel'nyy obzor [New Possibilities of Artificial Intelligence in Medicine: A Descriptive Review]. *Problemy zdorov'ya i ekologii*. 1. pp. 7–17. DOI: 10.51523/2708-6011.2024-21-1-01.
32. Morozov, S.P., Vladimirovskiy, A.V., Shulkin, I.M., Ledikhova, N.V., Arzamasov, K.M., Andreychenko, A.E., Logunova, T.A., Omelyanskaya, O.V. & Gusev, A.V. (2022) Issledovanie tselesoobraznosti primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v luchevoy diagnostike [The Study of the Feasibility of Using Artificial Intelligence Technologies in Radiation Diagnostics]. *Vrach i informatsionnye tekhnologii*. 1. pp. 12–29. DOI: 10.25881/18110193

Сведения об авторах:

Дмитриева Е.В. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД

России (Москва, Россия). E-mail: e.dmitrieva@inno.mgimo.ru. ORCID: 0000-0002-0894-4108.

Сопетина Д.Н. – руководитель проектного офиса по развитию Ярославского государственного медицинского университета (Ярославль, Россия). E-mail: sopetinadn@ysmu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dmitrieva E.V. – Dr. Sci. (Sociology), professor of the Department of Sociology of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.dmitrieva@inno.mgimo.ru. ORCID: 0000-0002-0894-4108

Sopetina D.N. – head of the Project Development Office, Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: sopetinadn@ysmu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.10.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 01.10.2024;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья
УДК 316.45
doi: 10.17223/1998863X/83/14

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА СИБИРИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ВЗАИМОСВЯЗИ

Елена Анатольевна Кранзеева¹, Анна Леонидовна Бурмакина²,
Яна Александровна Брандт³

^{1, 2, 3} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ elkranzeeva@mail.ru

² anna-sidjakina@rambler.ru

³ yan.brand@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири, являющиеся пространством сетевого взаимодействия между основными акторами региональной коммуникации. По результатам анализа сетевых сообществ на двух исследовательских этапах (2023 г., $N = 458$; 2024 г., $N = 1\,174$) показана топологическая структура сети. Выявлена многослойность структуры сетевых акторов, принимающих участие в социально-политическом взаимодействии, отмечены перспективы изучения региональных сообществ.

Ключевые слова: сетевые сообщества, регионы ресурсного типа, Сибирский макрорегион, социально-политическая мобилизация

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FZSR-2024-0017 «Актеры социально-политической мобилизации в сибирских регионах ресурсного типа: сетевой анализ и прогнозирование с использованием алгоритмов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Кранзеева Е.А., Бурмакина А.Л., Брандт Я.А. Сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири: характеристика и взаимосвязи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 140–154. doi: 10.17223/1998863X/83/14

Original article

NETWORK COMMUNITIES OF RESOURCE-TYPE REGIONS OF SIBERIA: CHARACTERISTICS AND RELATIONSHIPS

Elena A. Kranzeeva¹, Anna L. Burmakina², Yana A. Brandt³

^{1, 2, 3} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ elkranzeeva@mail.ru

² anna-sidjakina@rambler.ru

³ yan.brand@mail.ru

Abstract. The article examines network communities of resource-type regions of Siberia, which are a space for network interaction between the main actors of regional communication. Research interest in communities of resource-type regions is due to a number of circumstances. Firstly, the territory's spatial extent and low population density,

difficult transport accessibility reduce the number of direct communications, which can be compensated for by virtual network communication. Secondly, in the presence of rich suitable resources, there are disproportions of social resources in resource-type regions, thereby actualizing the study of social groups – holders of the agenda of territories' social development. Thirdly, the quasi-publicity of socio-political interaction in these regions provokes an exceptional opportunity for the population to express their opinions in social networks. The aim of this article is to analyze network communities of resource-type regions of Siberia. The article uses data obtained by the authors during two research stages. At the first stage in 2023, we analyzed the online communities of the social network VKontakte for each resource-type region of Siberia ($N = 458$), selected according to the criteria of mentioning the region, territory in the name of the community, as well as the potential for discussing social and political problems of residents of the regions. At the second stage, the research base was expanded to 1174 unique online communities in the social network VKontakte, while maintaining the affiliation of the communities to the resource-type regions of Siberia, but specifying the thematic connection with each group of regional actors and the potential ability of these groups to discuss their problems in the sought communities. The data obtained made it possible to build a topology of online communities of the resource-type regions of Siberia, to show the multi-layered structure of its network actors (obvious and “non-obvious”) participating in socio-political interaction. The most developed at this stage in regional network interaction are communities of state and regional authorities, which mainly perform an information function, but are not “core” in network interaction. The study of gender, national, youth and other regional network communities, as well as further in-depth analysis of the topological structure of network socio-political communication, and the search for opportunities for its development are promising.

Keywords: network communities, resource-type regions, Siberian macroregion, socio-political mobilization

Acknowledgments: The study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FZSR-2024-0017.

For citation: Kranzeeva, E.A. Burmakina, A.L. & Brandt, Ya.A. (2025) Network communities of resource-type regions of Siberia: characteristics and relationships. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 140–154. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/14

Введение

Региональные социальные и политические процессы обретают все большую значимость и интерес для исследователей. Социально-политические отношения на региональном уровне зависимы от информационных потоков и каналов их распространения, которые все чаще стали обретать сетевое, цифровое воплощение. В региональных сообществах присутствуют устойчивые социальные и политические отношения, специфической чертой которых на региональном уровне выступает использование институтов и органов власти для реализации интересов участников взаимодействия. С развитием цифровых технологий появились новые формы взаимодействия, в которых участники могут более оперативно обмениваться информацией. В свою очередь это усиливает глобальную тенденцию к сетевизации общественных процессов, повышению роли виртуального социального пространства как коммуникативной среды, в рамках которой граждане оказываются включены в несколько (иногда в десятки) виртуальных сообществ в качестве как рядовых участников, так и активных пользователей, способных формировать правила взаимодействия. Обсуждение в сети порой дает возможность быстро реагировать на возникающую на территории напряженную ситуацию, мобилизовать возможности жителей региона предлагать представителям власти тот

или иной желаемый вариант решения вопроса через создание петиций, сбор подписей и организации протестов. Региональные проблемы перестают замалчиваться, становятся известными, а следовательно, имеют больше возможностей для решения. В то же время через комментарии и характер коммуникативного контента возможно понять настроение и мнение жителей по тому или иному вопросу, вовремя среагировать на напряженность и не допустить развития социального конфликта. Социальные сети становятся площадкой для оценки деятельности органов региональной власти, в том числе и во взаимодействии с населением. Таким образом сетевые сообщества могут служить своеобразным «зеркалом» региональных социально-политических взаимодействий власти и населения.

Особый исследовательский интерес для нас представляют сообщества регионов ресурсного типа Сибири. Это определяется рядом обстоятельств. Во-первых, пространственная протяженность территории и низкая плотность населения, затрудненная транспортная доступность снижают число непосредственных коммуникаций, что может компенсироваться виртуальной сетевой коммуникацией. В данном случае изучение региональных сетевых взаимодействий позволит представить содержание и характер социально-политических взаимодействий в отдаленных территориях.

Во-вторых, в регионах ресурсного типа преобладающими в экономике являются природные ресурсы (уголь, нефть, газ, лес и пр.), их добыча и переработка. Однако мы наблюдаем в этих регионах диспропорции социальных ресурсов, в частности, отток населения (особенно в трудоспособном возрасте), снижение качества человеческого капитала. Это актуализирует необходимость изучить социальные группы, которые являются держателями повестки социального развития территорий.

В-третьих, регионы ресурсного типа обладают специфическим характером социально-политического взаимодействия: определяющим в принятии решений относительно развития территорий являются компании – держатели ресурсов и региональная власть, мнение населения во внимание не принимается, формируется социально-политическое взаимодействие, которое мы называем квазипубличным [1]. В таких обстоятельствах население может выражать свой «голос» именно в социальных сетях.

С учетом вышесказанного цель данной статьи – проанализировать сетевые сообщества регионов ресурсного типа Сибири и выявить ключевые характеристики и взаимосвязи акторов региональной коммуникации.

Материалы и методы

Активное развитие сетевых сообществ началось в 1990-х гг., что было обусловлено расширением доступа к интернету и прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий. Существенный импульс к распространению онлайн-сообществ был дан появлением концепции Web 2.0 и социальных сетей в середине 2000-х гг. Современные платформы социальных сетей обеспечивают пользователям оперативный доступ к другим пользователям, упрощают коммуникацию.

Актуальность исследования сетевых сообществ подтверждается вниманием отечественных и зарубежных исследований к данной проблематике в области как социологии, так и смежных дисциплин. В зарубежной прак-

тике актуальны изучение онлайн-сообществ, поиск взаимосвязей между уровнем их активности и размером [2], анализ возможностей накопления социального капитала через сети [3], исследования многослойности сетевых структур [4].

В отечественной науке исследователи делают акцент на сетевых методах анализа активности и поведения пользователей в социальных сетях [5–7]. Большой пласт работ посвящен изучению дискурса и сетевых структур различных тематических сообществ, действующих в социальной сети «ВКонтакте» [8–10]. Ряд авторов рассматривают вопросы социальной организации сетей и складывающейся внутри них коммуникации [11–16].

Современные платформы социальных сетей значительно отличаются от своих ранних версий благодаря использованию усовершенствованных интерфейсов и алгоритмов искусственного интеллекта. Эти технологические изменения могут оказывать влияние на поведение участников сетевых сообществ. Внедрение алгоритмов машинного обучения и персонализированного контента позволяет платформам анализировать предпочтения пользователей, предлагать им релевантную информацию. Что в свою очередь может способствовать быстрой организации участников вокруг актуальных тем, создавая условия для оперативного распространения информации и координации действий. При этом алгоритмы способствуют автоматизации взаимодействий, упрощая организацию сообществ, но одновременно создавая риск распространения дезинформации.

Сетевые сообщества различаются по размеру, уровню сплоченности, структуре сетевых взаимодействий и тематической направленности. Важной особенностью таких сообществ является различная степень анонимности участников. Структура сетевых сообществ, как правило, социально неоднородна и включает представителей различных социальных слоев, возрастных групп, этнических общностей. Объединяющим фактором выступают общие интересы и ценностные ориентиры участников.

Примером может служить социальная сеть «ВКонтакте», где представлено множество региональных сообществ с устойчивой историей развития и значительным количеством постоянных участников. С одной стороны, сетевые сообщества функционируют как элементы информационно-коммуникационных систем. С другой стороны, сетевые сообщества представляют собой сложные социальные образования, обладающие специфическими социальными характеристиками и качествами, что позволяет рассматривать их в социологическом контексте. Привлекательность сетевых сообществ как коммуникативной среды формируется за счет простоты создания и поддержания связей, отсутствия пространственных и временных барьеров, динамичности и мобильности участников, реактивности обмена информацией (быстрое распространение и мгновенный отклик), эффективной мобилизации целевой аудитории [17]. Социальность подчеркивается и тем, что в рамках таких сообществ в социальных сетях наблюдается четкая дифференциация ролей: пользователи могут выступать в качестве модераторов или подписчиков, занимать позиции активных участников дискуссий либо оставаться пассивными наблюдателями. Таким образом, существенной характеристикой сетевых сообществ становится наличие в ней акторов взаимодействия и формируемых ими взаимосвязей, которые и образуют сетевую структуру.

Региональные модели коммуникации сетевых сообществ возможно описать с использованием современных цифровых инструментов, которые способны отразить социально-политические процессы, происходящие на обширных сибирских территориях (в реальных практиках и онлайн-сообществах).

Исследовательской базой настоящего исследования послужили отобранные нами в 2023 г. пользовательские сообщества в социальной сети «ВКонтакте» для каждого региона ресурсного типа Сибири. Ключевым критерием являлись упоминание региона, территории в названии сообщества. Сообщества были отобраны вручную, используя поисковую строку «ВКонтакте», по количеству подписчиков (не менее 100) и наличию свежих постов (последнее сообщение в группе датировано не позднее марта 2023 г.), а также присутствию в названии группы принадлежности к регионам ресурсного типа Сибири. Таким образом, в выборку попало 458 сообществ: Ханты-Мансийский автономный округ – 104, Ямало-Ненецкий автономный округ – 54, Кемеровская область – Кузбасс – 78, Томская область – 19, Иркутская область – 13, Тюменская область – 46, Красноярский край – 46, Республика Хакасия – 42, Республика Тыва – 56.

Инструментом для визуализации коммуникативных взаимосвязей сетевых сообществ регионов ресурсного типа является программное обеспечение Gephi 0.9.7, позволяющее построить графы, характеризующие сетевые социальные и политические взаимодействия в виртуальном пространстве. Ключевыми компонентами социального графа, описывающими отношения между социальными акторами как потенциал социальной и политической коммуникации, являются узлы (набор объектов, позиций или акторов) и ребра/связи (набор отношений между данными объектами). В нашем исследовании узлами являются сообщества пользователей, ребрами – факт наличия общих подписчиков у сообществ. Толщина ребра обозначает количество общих подписчиков у сообществ. Для построения узлов и ребер графа нами были выгружены (метод выгрузки – VK API): id, название сообществ, количество подписчиков и их id.

В 2024 г. мы расширили исследовательскую базу, отобрав 1 174 уникальных сетевых сообществ в социальной сети «ВКонтакте»: Ханты-Мансийский автономный округ – 114, Ямало-Ненецкий автономный округ – 103, Кемеровская область–Кузбасс – 213, Томская область – 138, Иркутская область – 132, Тюменская область – 151, Красноярский край – 142, Республика Хакасия – 60, Республика Тыва – 121. Фокус исследования в этом случае сохранился относительно принадлежности сообществ к регионам ресурсного типа Сибири, но был уточнен за счет тематической связанности с каждой группой региональных акторов и потенциальной возможностью данных групп представлять и отстаивать свои интересы, обсуждать свои проблемы в искомых сообществах.

Результаты и обсуждение

Результаты исследовательского этапа 2023 г. позволили построить топологию сети сетевых сообществ в регионах ресурсного типа Сибири. В общем понимании топология может быть представлена в качестве описания сетевой конфигурации, связей между акторами и их положения либо как вариант визуального представления данной схемы в виде условной пространственной

карты. Важно учитывать, что структуры в сети могут пересекаться между собой в пространстве, т.е. его можно рассматривать как способ организации связей и взаимодействия акторов друг с другом. Объект существует во множественной пространственности: пространстве регионов, сетей и потоков. При этом можно выделить границы объекта в каждом из множества пространств, в которых он находится [18]. В качестве иллюстративного примера приведем топологию сети сообществ Кемеровской области – Кузбасса (рис. 1).

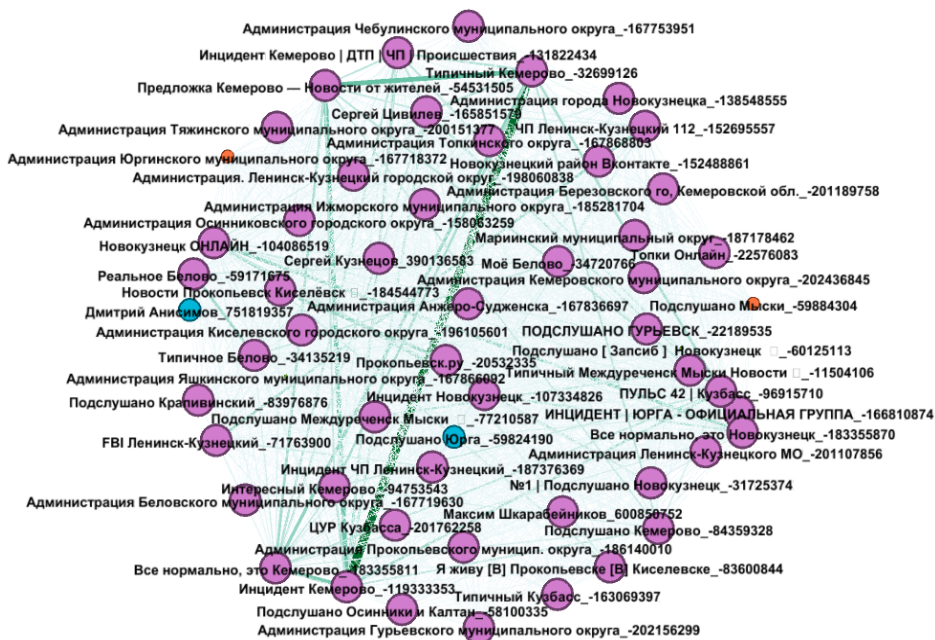


Рис. 1. Граф сообществ Кемеровской области – Кузбасса

Кемеровская область представлена топологической сетью с довольно плотными связями между сообществами (см. рис. 1), определяя данный регион как один из лидирующих по качеству сетевой коммуникации среди других регионов ресурсного типа Сибири. В число типов акторов здесь можно отнести местные сообщества пользователей – граждан муниципалитетов, а также органы власти (встречаются и персонализированные акторы, например, в лице главы г. Кемерово). Связи наблюдаются между всеми анализируемыми узлами, что говорит о высокой степени включенности жителей через онлайн-сообщества в региональное социально-политическое взаимодействие. Однако наиболее толстые ребра демонстрируют основной «квартет» сообществ в регионе, на которые подписаны региональные пользователи: «Инцидент Кемерово», «Типичный Кемерово», «Предложка Кемерово-Новости от жителей», «Все нормально, это Кемерово». Чаше остальных муниципалитетов в коммуникации представлены Кемерово и Новокузнецк. При этом нужно отметить, что граф демонстрирует примерно равное количество подписчиков в сообществах.

Примерами слабо выстроенной сетевой коммуникации и топологической структуры со слабыми связями между сообществами среди регионов ресурсного типа Сибири являются Иркутская (рис. 2) и Томская (рис. 3) области.

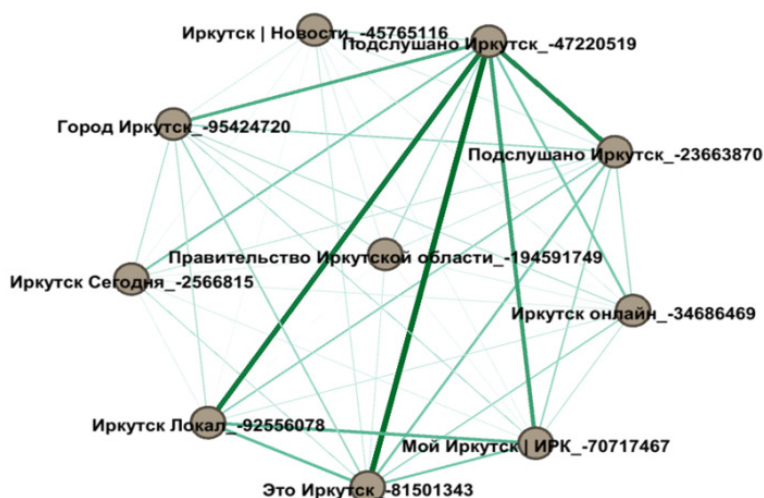


Рис. 2. Граф сообществ Иркутской области

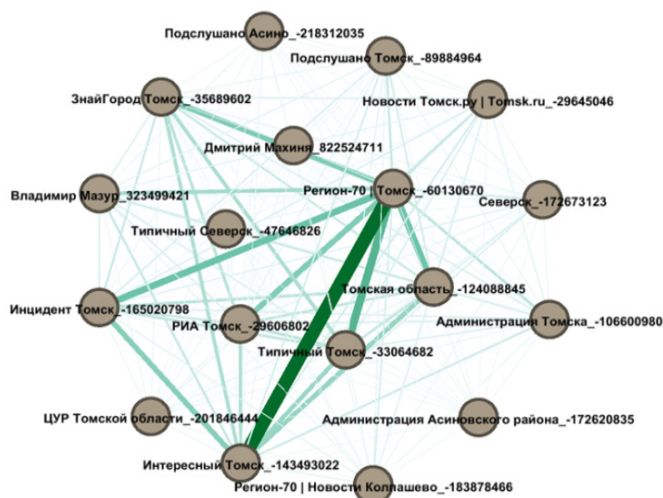


Рис. 3. Граф сообществ Томской области

Исследовательская база сообществ, полученная нами в 2024 г., позволила описать сообщества в регионах ресурсного типа Сибири и произвести их группировку по количеству участников, времени существования сообществ и акторной насыщенности.

Мы отмечаем, что плотность территории и ее урбанизированность отражаются на структуре сетевой коммуникации. Так как регионы ресурсного типа Сибири неоднородны, дифференцированы по численности населения, его плотности и уровню урбанизированности (табл. 1), для группировки по количеству подписчиков имеет смысл разделить регионы на подгруппы в соответствии с обозначенными критериями.

Наибольшая численность населения зафиксирована в Красноярском крае (2 846 120 человек) и Кемеровской области (2 547 684 человека), что делает их крупнейшими регионами по этому показателю. Кемеровскую область мы

относим к первой подгруппе, так как она сочетает максимальную плотность населения (26,61 человека/км²), что объясняется индустриальной развитостью региона, и высокую урбанизированность (количество городов в регионе). Для представителя данной подгруппы малыми мы будем считать сообщества, имеющие менее 1 500 подписчиков, средними – от 1 501 до 10 000 подписчиков, крупными – более 10 001 подписчика.

Таблица 1. Показатели численности населения, его плотности и уровня урбанизированности регионов ресурсного типа Сибири

Показатель	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ
Количество населения, человек	515 960	1 759 386	1 608 500	2 547 684	2 330 537	1 043 385	2 846 120	528 175	337 544
Плотность, человек/км ²	0,67	3,29	2,66	26,61	3,01	3,32	1,2	8,58	2
Урбанизация	6	13	5	20	10	4	17	5	2

Примечание. Здесь и далее использованы следующие сокращения для названия регионов: ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ, ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ, ТюмО – Тюменская область, КО – Кемеровская область, ИО – Иркутская область, ТомО – Томская область, КК – Красноярский край, РХ – Республика Хакасия, РТ – Республика Тыва.

Вторая подгруппа регионов характеризуется средними для Сибири показателями по численности, плотности населения и уровню урбанизированности (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Иркутская область, Томская область, Республика Хакасия) или сочетанием высокой численности населения и низких показателей плотности населения и урбанизированности (Красноярский край). Для представителей данной подгруппы малыми мы будем считать сообщества, имеющие менее 1 000 подписчиков, средними – от 1 001 до 5 000 подписчиков, крупными – более 5 001 подписчика.

Минимальная плотность отмечена в ЯНАО (0,67 человека/км²), что связано с его географическими и климатическими особенностями (северная и труднодоступная территория), также в данном регионе отмечены низкая численность населения и уровень урбанизации. Республика Тыва демонстрирует низкие показатели как по численности, так и по урбанизации, отражая сельскохозяйственную специфику и меньшую степень индустриализации. Данные регионы мы относим к третьей подгруппе, для которых мы будем считать малыми сообщества, имеющие менее 500 подписчиков, средними – от 501 до 3 000 подписчиков, крупными – более 3 001 подписчика.

Таким образом, по итогам группировки сообществ, мы получили малых – 402 сообщества, средних – 342 сообщества, крупных – 430 сообществ (табл. 2). Наибольшее количество малых сообществ в Кемеровской области (83) и Томской области (72), что может свидетельствовать о развитой локальной сетевой активности. Крупные сообщества (430): высокие показатели в Тюменской области (74), Красноярском крае (59), а также Тыве (81). Это может отражать активную роль крупных платформ в этих регионах.

Таблица 2. Количественные показатели малых, средних и крупных сообществ в регионах ресурсного типа Сибири

Сообщества	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ
Малые	30	51	41	83	43	72	39	22	21
Средние	31	40	38	69	45	40	45	14	20
Крупные	43	24	74	52	45	27	59	25	81

По времени существования мы различаем «молодые» сообщества, средние и «старожилов сети». К молодым сообществам мы относим те, которые функционируют в сети 1–2 года, т.е. период их регистрации 2023–2024 гг. Таких сообществ в регионах ресурсного типа Сибири – 155. К средним относим тех, которые действуют 3–5 лет, т.е. начиная с 2019 г. Их – 256. Наибольшую представленность имеют «старожилов сети» (616 сообществ), осуществляющие свою деятельность более 5 лет и образованные ранее 2019 г.¹ (табл. 3).

Таблица 3. Количественные показатели сообществ в регионах ресурсного типа Сибири по времени существования

Сообщества	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ
«Молодые»	16	30	17	22	17	19	18	8	8
Средние	29	20	32	37	40	31	28	18	21
«Старожилов сети»	50	55	89	116	55	66	78	31	76

Самое большое число молодых сообществ в ХМАО (30) и Кемеровской области (22), что может говорить о недавнем росте новых инициатив. Средние (256): лидируют Иркутская область (40) и Кемеровская область (37), демонстрируя стабильное развитие сообществ в последние годы. Меньше всего в Хакасии (18). «Старожилов сети» (616): наибольшее количество в Кемеровской области (116) и Красноярском крае (78), а также Тыве (76). Это свидетельствует о долгосрочной стабильности и традиционно сильной сети в этих регионах. Кемеровская область занимает лидирующие позиции по числу сообществ как по размеру, так и по возрасту, что подчеркивает ее развитую сетевую структуру и высокую социальную активность. Хакасия и Тыва, напротив, демонстрируют низкие показатели, что может указывать на меньшую вовлеченность населения в онлайн-инициативы и ограниченный потенциал сетевой активности.

Топология сети сообществ в обозначенных регионах представлена малым количеством ключевых участников, наибольшую представленность из которых имеют аккаунты городских и региональных сообществ, так называемых франшизных групп («Подслушано Иркутск», «Подслушано Томск», «Типичный Северск», «Типичный Томск»), а также аккаунты органов региональной власти и персональные страницы губернатора и мэра («Правительство Иркутской области», «Владимир Мазур», «Дмитрий Махия»). При этом наибольшую силу связи имеют аккаунты городских сообществ в Иркутской области («Подслушано Иркутск», «Иркутск Локал», «Это Иркутск»), городского и региональных сообществ в Томской области («Интересный Томск», «Регион 70 Томск», «Типичный Томск»).

Акторная насыщенность в регионах ресурсного типа Сибири имеет многослойную структуру, включая как очевидных, так и неочевидных акторов. Активность последних проявляется в различных формах, включая сетевые платформы, сообщества и офлайн-инициативы.

В первую очередь, к акторам мы относим органы государственной и региональной власти, которые на сегодняшний день обязаны иметь аккаунты в

¹ Часть сообществ являются закрытыми страницами, и, соответственно, информация о дате их создания также является скрытой.

социальных сетях. Законодательная основа данной практики закреплена в Федеральном законе от 14.07.2022 № 270-ФЗ. Данный закон обязывает государственные органы, органы местного самоуправления и подведомственные организации размещать информацию на своих официальных страницах, а также обеспечивать доступ к информации, взаимодействуя с пользователями через инфраструктуру, поддерживающую электронное предоставление государственных и муниципальных услуг [19].

Сетевая представленность органов власти выполняет две основные функции:

- установление прямого взаимодействия с населением для сбора, анализа и обработки актуальных вопросов региональной повестки;
- распространение информации о деятельности государственных структур, включая ответы на поступающие обращения.

Органы власти являются значимыми и узнаваемыми участниками процессов социально-политического взаимодействия, вступая в официальную коммуникацию с населением по вопросам решения региональных и местных проблем. По итогам исследовательского этапа 2024 г. в общей выборке сообществ нами были отобраны официальные аккаунты органов государственной и региональной власти (176 сообществ), а также персональные страницы лидеров региональной и местной власти: губернаторов, глав муниципалитетов (135 аккаунтов) (табл. 4).

Таблица 4. Количество официальных аккаунтов органов власти и сетевых сообществ в регионах ресурсного типа Сибири

Официальные аккаунты	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ	Итого
Персональные страницы региональных лидеров	9	6	15	27	20	22	19	4	13	135
Официальные госпаблики	18	16	13	36	30	28	14	12	9	176

Наибольшую представленность официальные госпаблики имеют в Кемеровской области (27 и 36), что еще раз подчеркивает развитость сетевой структуры в данном регионе, перспективность и широкие возможности для налаживания быстрой коммуникации между органами власти и населением. Слабыми в этом отношении выглядят республики Хакасия и Тыва, где процессы сетевой коммуникации между властью и населением нуждаются в укреплении и наращивании.

В качестве акторов могут выступать и репрезентанты – держатели ресурсов и доверенные лица, представляющие интересы различных социальных групп. К ним относятся лидеры политических партий, профсоюзов, лоббисты и эксперты, чья деятельность способствует координации и объективизации запросов граждан, формированию коллективных стратегий по решению региональных проблем. Взаимодействие между репрезентантами и населением позволяет наполнять социально-политическое пространство содержанием, привлекать население к принятию решений и обеспечивать включенность различных групп в процессы развития территорий.

Наряду с органами власти и репрезентантами, акторами социально-политического взаимодействия может выступать и население в виде различных социальных группы и сообществ. Если органы власти занимают формально закрепленные роли, то население может действовать как организо-

ванно, так и спонтанно, а также оставаться спонтанным участником в зависимости от ситуации. Исследовательский интерес представляют, прежде всего, так называемые неочевидные акторы – социальные группы, которые не претендуют на субъектные (активные) роли. К числу таких акторов можно отнести женские группы, молодежные сообщества, участников СВО и национальные (этнические) группы. В исследовании 2023 г. при построении топологии сети региональных сообществ нами были выявлены в качестве узловых именно эти группы, поэтому в 2024 г. мы сосредоточили свой исследовательский интерес на них.

Таким образом, на этапе 2024 г. были вручную отобраны сообщества, которые связаны с гендерной ($n = 195$), молодежной ($n = 176$), патриотической ($n = 172$) и национальной ($n = 118$) проблематикой (табл. 5).

Таблица 5. Количественные характеристики сетевых сообществ неочевидных акторов в регионах ресурсного типа Сибири

Сообщества	ЯНАО	ХМАО	ТюмО	КО	ИО	ТомО	КК	РХ	РТ	Итого
Гендерные	19	29	31	18	13	31	26	10	18	195
Молодежные	12	19	19	35	19	23	24	7	18	176
Патриотические	17	30	22	23	27	16	17	7	13	172
Национальные	14	8	15	32	9	6	14	3	17	118

Примечание. Гендерные – сообщества, связанные с гендерной проблематикой; молодежные – сообщества, связанные с молодежной проблематикой; патриотические – сообщества, связанные с патриотической проблематикой; национальные – сообщества, связанные с национальной проблематикой.

Наибольшую представленность по итогам анализа данные «неочевидные» акторы получили в Ханты-Мансийском автономном округе и Кемеровской области. Для первого региона неочевидность влияния на социально-политическую мобилизацию оказывают гендерные и патриотические группы акторов и тематики коммуникации, а для Кузбасса – молодежные и национальные. Наличие большого количества приведенных типов неочевидных акторов в Кемеровской области может быть объяснено наличием эффективно выстроенной системы работы молодежной политики региона, а также наличием большого числа национальных меньшинств (в области проживает более 120 этносов), проявляющих разную степень социально-политической активности и мобилизации (что может стать дальнейшим вектором исследовательского интереса). Своеобразным «антилидером» активности и мобилизации «неочевидных» акторов является Республика Хакасия, в которой все типы представлены в минимальном количестве по сравнению с другими анализируемыми регионами Сибири.

Топологический анализ цифровых сообществ в регионах Сибири демонстрирует их растущую значимость. Например, женские группы, такие как «Мама Тюмени» или «Комитет солдатских жен Юрги», становятся важными узлами сетевого взаимодействия. Сравнительный граф популярных сообществ «ВКонтакте» в Кемеровской области – Кузбассе и Тюменской области за 2023 г. выявил устойчивые коммуникативные связи между женскими сообществами двух регионов, которые функционируют параллельно официальным каналам обмена мнениями. Поводом для формирования таких сетей стала тема специальной военной операции.

Включенность участников СВО в патриотическую повестку проявляется в сочетании символических, виртуальных и физических форм взаимодей-

ствия. Присутствие участников СВО в сетевых сообществах формирует устойчивые каналы для обсуждения вопросов лояльности, поддержки и гражданской позиции.

Молодежь, несмотря на статус опекаемой и контролируемой группы, демонстрирует динамику самоорганизации и активности в рамках молодежных сетевых сообществ. Виртуальные платформы и сетевые сообщества в данном случае служат инструментами самоорганизации и продвижения инициатив, способствуя интеграции молодежи в процессы регионального развития.

Активность национальных и этнических сообществ в Сибири обусловлена многообразием культур и традиций. Несмотря на преимущественное использование русского языка в сетевых коммуникациях, эти группы сохраняют элементы национальной идентичности, транслируя их через цифровые площадки, мероприятия и символические практики. Такая поликультурность способствует сохранению этнокультурного наследия, снижению межнациональной напряженности и формированию пространства для диалога. При этом этнические группы не только представляют культурные интересы, но и участвуют в решении актуальных социальных проблем.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показывает актуальность исследования сетевых взаимодействий в регионах ресурсного типа Сибири. Значимость изучения региональных сибирских сообществ ресурсного типа заключается в практико ориентированной ценности анализа и построения диалога с региональными сетевыми сообществами в условиях новой социальной реальности, трансформации трендов социально-политического взаимодействия, параллельного встраивания цифровой модели взаимодействия населения и власти, взаимодополнении онлайн- и офлайн-коммуникации.

Наиболее развитыми на данном этапе в региональном сетевом взаимодействии являются сообщества органов государственной и региональной власти в силу обязательности их присутствия в цифровом пространстве, но для полноценного диалога с населением этого недостаточно. Они во многом выполняют информирующую функцию, но не являются «ядерными» в сетевом взаимодействии. Дальнейшей перспективой исследований является изучение гендерных, национальных, молодежных региональных сетевых сообществ. Сейчас наибольшую представленность в лице «неочевидных» акторов взаимодействия демонстрируют регионы с очень высокой и высокой ресурсной зависимостью (Ханты-Мансийский автономный округ, Кемеровская область), что является результатом сложившихся реальных формальных и неформальных сетей взаимодействия. Выявленная асимметричность в уровне представленности сетевых сообществ в разных регионах Сибири показывает необходимость дальнейшего углубленного анализа топологической структуры сетевой социально-политической коммуникации, поиска возможностей ее развития.

Список источников

1. Левин С.Н., Кранзеева Е.А., Саблин К.С. Субъекты квазипубличного взаимодействия в регионе ресурсного типа: взгляд изнутри // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 4. С. 106–127. doi: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127. EDN FNLKZN

2. Dover Y., Kelman G. Emergence of online communities: Empirical evidence and theory // *PIOs One*. 2018. Vol. 13 (11). doi: 10.1371/journal.pone.0205167
3. Lee Yj. Social media capital and civic engagement: Does type of connection matter? // *Int. Rev. Public Nonprofit Mark.* 2022. Vol. 19. P. 167–189. doi: 10.1007/s12208-021-00300-8
4. Bokányi E., Heemskerck E.M., Takes F.W. The anatomy of a population-scale social network. 2023. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-36324-9?fromPaywallRec=false#Sec8> (accessed: 15.12.2024).
5. Градосельская Г.В., Щеглова Т.Е., Карпов И.А. Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013–2018 гг. // *Вопросы кибербезопасности*. 2019. № 4 (32). С. 94–104. doi: 10.21681/2311-3456-2019-4-94-104
6. Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // *Цифровая социология*. 2018. № 1. С. 4–8. doi: 10.26425/2658-347X-2018-1-4-8
7. Ким А.В. Качественный сетевой анализ на практике: сравнение способов построения сетевых карт // *Социология*: 4М. 2023. № 56. С. 113–142.
8. Барышев А.А., Кашпур В.В., Барышев Г.А. Взаимоотношения сетевой и дискурсивной структуры сообществ экологистов и вакцинистов в социальной сети «ВКонтакте» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 78. С. 129–145. doi: 10.17223/1998863X/78/11
9. Щекотин Е.В. Тематический анализ контента в сообществах правых радикалов в социальной сети ВКонтакте // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2024. Т. 3, № 4. С. 395–403. doi: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-395-403
10. Ткач С., Воробьева П.Д., Русакова М.М. Опыт реализации дискурс-анализа и концептуального картирования сообществ здорового питания // *Социология*: 4М. 2023. № 56. С. 143–172.
11. Семенова Ю.А. Модель виртуального сетевого сообщества // *Евразийский союз ученых*. 2020. № 5–10 (74). С. 63–68. doi: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.10.74.803.
12. Матвеева И.Ю., Лободенко Л.К. Городские сетевые сообщества: анализ информационной повестки дня и вовлеченности аудитории // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023. № 2. С. 310–332.
13. Черныш М.Ф. Социальные сети и неравенство // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 2. С. 4–15. doi: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1
14. Голуб О.Ю., Сергеева Е.В. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон // *Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 257–263. doi: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263
15. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Сетевые онлайн-коммуникации и социокультурные тренды в современной России: динамика в контексте СВО // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 10. С. 163–169. doi: 10.34823/SGZ.2024.10.52059
16. Ластовкина Д.А. Сетевые взаимодействия в рамках регионального сообщества // *Society and Security Insights*. 2021. № 1. С. 122–139. doi: 10.14258/ssi(2021)1-09
17. Кирка А.В. Социально-сетевые сообщества – новый уровень политических коммуникаций // *Вестник ГУУ*. 2012. № 4. С. 47–51.
18. Law J., Mol A. Situating technoscience: an inquiry into spatialities // *Environment and planning D: society and space*. 2001. Vol. 5. P. 615.
19. *Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления“ и статью 10 Федерального закона „Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации“»*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163> (дата обращения: 09.11.2024).

References

1. Levin, S., Kranzeeva, E. & Sablin, K. (2021) Sub"ekty kvazipublichnogo vzaimodeystviya v regione resursnogo tipa: vzglyad iznutri [Stakeholders of Quasi-Public Interactions in a Resource-Abundant Region: An Insiders' Perspective]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 30(4). pp. 106–127. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-106-127
2. Dover, Y. & Kelman, G. (2018) Emergence of online communities: Empirical evidence and theory. *PLOS ONE*. 13(11). DOI: 10.1371/journal.pone.0205167
3. Lee, Yj. (2022) Social media capital and civic engagement: Does type of connection matter? *Int Rev Public Nonprofit Mark*. 19. pp. 167–189. DOI: 10.1007/s12208-021-00300-8

4. Bokányi, E., Heemskerk, E.M. & Takes, F.W. (2023) *The anatomy of a population-scale social network*. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-36324-9?fromPaywallRec=false#Sec8> (Accessed: 15th December 2024).
5. Gradoselskaya, G.V., Scheglova, T.E. & Karpov, I.A. (2019) Kartirovanie politicheskikh aktivnykh grupp v Feysbuke: dinamika 2013–2018 gg. [Mapping of Politically active Groups on Facebook: Dynamics of 2013–2018]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 4(32). pp. 94–104. DOI: 10.21681/2311-3456-2019-4-94-104
6. Kryshchanovskaya, O.V. (2018) Beskontaktnaya sotsiologiya: novye formy issledovaniy v tsifrovuyu epokhu [Contactless sociology: New forms of research in a digital age]. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 1. pp. 4–9. DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-4-8
7. Kim, A.V. (2024) Kachestvennyy setevoy analiz na praktike: sravnenie sposobov postroeniya setevykh kart [Qualitative social network analysis in practice: Comparison of methods for network maps construction]. *Sotsiologiya: 4M*. 56. pp. 113–142.
8. Baryshev, A.A., Kashpur, V.V. & Baryshev, G.A. (2024) Relationship of the network and discourse structure of communities of ecologists and vaccinationists on the social network VKontakte. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 78. pp. 129–145. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/78/11
9. Shchekotin, E.V. (2024) Tematicheskiy analiz kontenta v soobshchestvakh pravyykh radikalov v sotsial'noy seti VKontakte [Thematic Content Analysis of Right-Wing Radical Communities in Social Media]. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti*. 3(4). pp. 395–403. DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-395-403
10. Tkach S., Vorobyova P. D. & Rusakova M. M. (2024) Opyt realizatsii diskurs-analiza i kontseptual'nogo kartirovaniya soobshchestv zdorovogo pitaniya [Experience of implementing discourse analysis and conceptual mapping of healthy eating communities]. *Sotsiologiya: 4M*. 56. pp. 143–172.
11. Semenova, Yu.A. (2020) Model' virtual'nogo setevogo soobshchestva [Model of a virtual network community]. *Evrasiyskiy soyuz uchenykh*. 5–10(74). pp. 63–68. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335
12. Matveeva, I.Yu. & Lobodenko, L.K. (2023) Gorodskie setevye soobshchestva: analiz informatsionnoy povestki dnya i вовлеченности аудитории [Urban Network Communities: Analysis of the Information Agenda and User Engagement]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 12(2). pp. 310–332.
13. Chernysh, M.F. (2022) Sotsial'nye seti i neravenstvo [Social networks and inequality]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 8(2). pp. 4–15. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-1
14. Golub, O.Y. & Sergeeva, E.V. (2020) Krizisnaya kommunikatsiya vlasti i obshchestva v sotsial'nykh media: opredelenie problemnykh zon [Crisis Communication of Power and Society in Social Media: Identification of Problem Zones]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya*. 20(3). pp. 257–263. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-257-263>
15. Mikhaylenok, O.M. & Malysheva, G.A. (2024) Setevye onlayn-kommunikatsii i sotsiokul'turnye trendy v sovremennoy Rossii: dinamika v kontekste SVO [Online network communications and sociocultural trends in contemporary Russia: Dynamics in the context of the SMO]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 10. pp. 163–169. DOI: 10.34823/SGZ.2024.10.52059
16. Lastovkina, D.A. (2021) Setevye vzaimodeystviya v ramkakh regional'nogo soobshchestva [Network interactions within a regional community]. *Society and Security Insights*. 1. pp. 122–139. DOI: 10.14258/ssi(2021)1-09
17. Kirka, A.V. (2012) Sotsial'no-setevye soobshchestva – novyy uroven' politicheskikh kommunikatsiy [Social network communities – a new level of political communications]. *Vestnik GUU*. 4. pp. 47–51.
18. Law, J. & Mol, A. (2001) Situating technoscience: an inquiry into spatialities. *Environment and Planning D: Society and Space*. 5. pp. 615.
19. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon ot 14 iyulya 2022 g. № 270-FZ, O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya” i stat'ya 10 Federal'nogo zakona “Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law of 14 July 2022 No. 270-FZ, On Amendments to the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” and Article 10 of the Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation”]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404892163> (Accessed: 9th November 2024).

Сведения об авторах:

Кранзеева Е.А. – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Бурмакина А.Л. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: anna-sidjakina@rambler.ru

Брандт Я.А. – младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: yan.brand@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kranzeeva E.A. – Dr. Sci. (Sociology), head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Burmakina A.L. – Cand. Sci. (Sociology), senior lecturer at the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: anna-sidjakina@rambler.ru

Brandt Ya.A. – junior researcher, Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yan.brand@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 24.02.2025*

*The article was submitted 27.12.2024;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 24.02.2025*

УДК 316.354

Научная статья

doi: 10.17223/1998863X/83/15

КАК СОТРУДНИКИ КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ РАСПРЕДЕЛЯЮТ «БРЕМЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ» ИНВАЛИДОВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О СВЯЗИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК И ФОРМ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Игорь Алексеевич Новиков

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, ia.novikov@hse.ru*

Аннотация. Исследовано влияние структурных элементов организации – должности, типа профессиональной адаптации и распространенности проектной формы – на представления сотрудников о распределении бремени вовлечения труда инвалидов. Данные получены в ходе анонимного онлайн-опроса сотрудников двух сетей розничной торговли ($N = 55\,917$). На первом этапе использовалась линейная множественная регрессия; на втором этапе для наглядного представления полученных взаимосвязей – критерии χ^2 и V Крамера.

Ключевые слова: занятость инвалидов, инклюзия, порождение смыслов, управление разнообразием, крупные компании

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Новиков И.А. Как сотрудники крупных российских компаний распределяют «бремя вовлечения» инвалидов: к постановке вопроса о связи управленческих практик и форм вовлечения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 155–164. doi: 10.17223/1998863X/83/15

Original article

HOW EMPLOYEES OF LARGE RUSSIAN COMPANIES DISTRIBUTE THE “BURDEN OF INVOLVEMENT” OF PEOPLE WITH DISABILITIES: TOWARDS RAISING THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MANAGEMENT PRACTICES AND FORMS OF INVOLVEMENT

Igor A. Novikov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
ia.novikov@hse.ru*

Abstract. In the article, the author proposes solutions to the following problems: What is the mechanism (process) of involving the labour of people with disabilities (ILD) at the organizational level? How does the position affect the perception of employees about the distribution of the ILD burden? How do workplace adaptation practices and the usual forms of organizing collaborative activities affect the idea of sharing the burden of ILD? The objective is to study the influence of the structural elements of an organization (position, type of professional adaptation and the prevalence of project-based activities) on the opinion of retail chain employees about the distribution of the burden of ILD between them and the company. The sample is employees of two retail chains ($N = 55\,917$). The methods used are: anonymous online survey; linear multiple regression, Kramer’s criteria χ^2 and V ; rank variables: independent – “Position”, “Type of professional adaptation” and “Availability of a

project form of work” (Appendix 1); dependent – “Burden of ILD” (binary). The study showed that 90.4% agreed that the burden of ILD lies not only on the company, but also on the contact environment – colleagues. The log-linear model showed the presence of significant relationships with respect to the third and higher orders ($p = 0.0001$); predictors do not simultaneously affect the distribution of the ILD burden. The study of the relationship between each of the factors and the opinion of employees about the distribution of the burden of ILD showed a high value of criterion χ^2 and a high level of significance ($p = 0.0001$), which indicates the presence of a reliable relationship between the studied variables. Position held ($\chi^2 = 837$, $V = 0.071$): line employees of stores are more often than expected not ready to share the burden of ILD; store directors and administrators are ready to share the burden of ILD a little less than expected; line staff working with sources of increased danger, staff of office departments are more often than expected ready to share the burden. Type of professional adaptation ($\chi^2 = 2846$, $V = 0.16$): employees of departments characterized by role-based mentoring are more willing to share the burden of ILD; in departments with role-based mentoring, employees are more likely than expected not ready to share the burden of ILD. The prevalence of the project form of work ($\chi^2 = 3761$, $V = 0.259$): employees of departments in which the project form of work organization is the norm are more often than expected ready to share the burden of ILD.

Keywords: employment of people with disabilities, inclusion, generation of meanings, diversity management, large companies

Acknowledgments: The research was supported by HSE University Fundamental Research Program.

For citation: Novikov, I.A. (2025) How employees of large russian companies distribute the “burden of involvement” of people with disabilities: towards raising the question of the relationship between management practices and forms of involvement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 155–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/15

Введение

В России труд инвалидов не рассматривается как потенциал создания предпринимательского дохода крупных компаний [1. С. 60–101; 2–4]. Последние воспринимают наем инвалидов как общественное бремя. Государство также не видит в труде инвалидов источник экономического роста: предлагаемые меры сводятся к максимально быстрому повышению уровня формального трудоустройства инвалидов из числа зарегистрированных в центрах занятости населения без учета экономической целесообразности вовлечения их труда [5].

Однако в сетевой торговле рассматривают экономические перспективы вовлечения¹ труда инвалидов (ВТИ). Вместе с тем, «осилив» стратегическое решение о найме инвалидов, менеджмент сталкивается с принципиально новой управленческой задачей: как экономически целесообразно вовлечь труд инвалида с учетом контекста бизнеса и стратегических намерений компании? Существуют разные практики вовлечения: от развития разнообразия на рабочем месте до сопровождаемого трудоустройства, но отсутствуют научно обоснованные критерии выбора и комбинации элементов с учетом особенно-

¹ Термин «вовлечение» некорректно рассматривать как русскоязычную кальку англ. «inclusion» (инклюзия). «Вовлечение» относится к труду и в общем виде первоначально описано К. Марксом в главе 5 тома 1 «Капитала» [6. С. 184–206]; это понятие уже в советской политэкономии начинают использовать применительно к уязвимым группам работников, в частности, женщин [7]. В свою очередь «инклюзия» традиционно связывается с системами иного рода – социальной и личностной; обычно трудовая инклюзия подразумевает включение субъекта (инвалида) в совместную деятельность в малой группе безотносительно к ресурсной составляющей (труд). При этом у «инклюзии» могут быть специфические экономические эффекты, не связанные с трудом инвалида.

стей конкретной компании и ее бизнеса. Выбор часто обусловлен субъективными представлениями консультантов, финансовыми возможностями и целями компании. При низкой маржинальности бизнеса (1,5–2%) финансирование внедрения практик ВТИ будет ограничено, компания будет искать пути снижения издержек. Компании стараются минимизировать воздействие на коллективы по причинам, не связанным с ригидностью. Так, экономический результат сетевых дискаунтеров обусловлен эффективной логистикой и стандартизацией бизнес-процессов в магазинах [8. С. 19–34], поэтому торговые сети предельно аккуратно воздействуют на команды распределительных центров и магазинов как на основные центры создания добавленной стоимости. Поэтому в деловой среде востребовано знание о драйверах и барьерах ВТИ, лежащих во внутренней среде компаний, позволяющее принимать обоснованные управленческие решения об экономически целесообразном ВТИ.

Методологическая основа работы – стратегия междисциплинарного диалога («честного эклектизма»). Развиваемая теоретическая гипотеза: результативность вовлечения труда инвалидов, среди прочего, определяется сочетанием параметров эндогенной среды организации и элементов вовлечения (формы, практики, стратегии, коммуникации). Задача исследования заключается в изучении влияния структурных элементов организации (должность, тип профессиональной адаптации и распространенность проектной формы деятельности) на мнение сотрудников сетевой розничной торговли о распределении бремени вовлечения труда инвалидов между ними и компанией.

Уточнение проблемы

Практический аспект проблематизации в общем виде был сформулирован еще в 1976 г. Р. Акерманом и Р. Бауером [9] и с тех пор не потерял своей актуальности [10, 11]: принятие важного стратегического решения (нанимать инвалидов) не делает компанию «восприимчивой к общественным проблемам», пока не будет решена «далеко не тривиальная» задача исполнения этого решения в ее организационном и управленческом аспектах. Научный аспект проблемы заключается в следующем.

Управленческие практики относятся к ключевым объектам менеджмента [12. С. 87; 13, 14]. Влияние структурных элементов организации на практики ВТИ не исследовано; в основном речь идет об аспектах адаптации рабочего места и инклюзии инвалида в малую группу (коллектив), причем вне экономического контекста. Еще Т. Парсонс отмечал, что «в некоторых случаях следует рассматривать процесс... как часть более широкой системы. Когда мы делаем это таким образом, что интерес наш сосредоточивается на альтернативных следствиях этого процесса для системы в целом или какой-то части этой системы, такой процесс можно назвать механизмом» [15. С. 304]. Поэтому научная проблема состоит в раскрытии механизмов вовлечения труда инвалида в контексте организации.

Организационные смыслы (sensemaking) исследовались с точки зрения того, как их формирование влияет на контекст и организационные изменения. Однако начиная с работы А. Lockett и соавт. [16] в фокусе внимания оказался вопрос о том, как контекст, в первую очередь позиция в должностной структуре, влияет на создание смысла. Следовательно, как должность влияет на представление работников о распределении бремени ВТИ?

Характеризуя механизм социальной адаптации, Л.В. Корель вводит понятие предпосылки адаптации, заложенной в эндогенной среде организации [17. С. 210]. Например, у сотрудников магазина, где были установлены кассы самообслуживания, развито умение обучать посетителей работе с кассовыми автоматами по принципу «не делай за покупателя, но говори ему как сделать». Такое умение является важной предпосылкой для обучения на рабочем месте инвалидов. Следовательно, как практики адаптации на рабочем месте и привычные формы организации совместной деятельности влияют на представление о распределении бремени ВТИ?

Методология

Под ВТИ понимается трансформация трудового ресурса работника, неконкурентного в силу ограничений возможностей здоровья и их вторичных проявлений (выученная беспомощность и проч.), в фактор производства в рамках цепочки создания добавленной стоимости крупной коммерческой организации, действующей на российском рынке.

D-команды – одна из практик ВТИ, при которой в компании развиваются смешанные (англ. «diversity») команды, включающие условно здоровых работников, инвалидов и (возможно) представителей иных уязвимых групп. Помимо доступности пространства и процессов, необходимым условием развития D-команд является готовность и способность членов коллектива обеспечить адаптацию и закрепление инвалида на рабочем месте. Следовательно, развитие D-команд включает в себя не только собственно вовлечение труда, но и вовлечение личности инвалида в совместную деятельность (собственно инклюзия). Участие работника в развитии D-команды можно исследовать в рамках деятельностного подхода [18. С. 13] и поведенческого. Ввиду характера данных работа выполнена в рамках второго подхода.

Так, в теории организационного гражданства вовлекающим называется поведение, направленное на сотрудника организации, выступающего в роли вовлекаемого [19]. Вовлечение создает ценность и предполагает издержки, часть которых принимает работник (чтобы помочь начинающему коллеге с инвалидностью адаптироваться или закрепиться на рабочем месте, нужно приложить усилия). «Редкость и выбор характеризуют любые ресурсы, в какой бы форме ни протекало их распределение» [20. С. 25], поэтому работник распоряжается своим ресурсом в рамках санкционированных отношений, возникающих по поводу благ и определяющих правила поведения [21]. Такова первая предпосылка экономического подхода к поведению человека (редкость ресурсов и необходимость выбора). Следовательно, можно допустить вторую предпосылку – рациональность выбора: представления работников о распределении бремени ВТИ между собой и компанией (должен ли я тратить свой ресурс, чтобы помочь стажеру-инвалиду адаптироваться, или это забота исключительно компании?) являются одной из предпосылок вовлекающего поведения.

Выборка и метод

Опрашивались работники ($N = 55\,917$) двух торговых сетей, которые влияют на развитие практики D-команд через рекрутинг, адаптацию и закрепление инвалида на рабочем месте: линейный персонал магазинов ($n = 40,9\%$, из них $8,6\%$ – магазины косметики), $(8,6\%)$ распределительных центров $(3,9\%)$ и

офиса (7,2%); руководители магазинов и кластеров (44,1%), распределительных центров (1%) и офиса (2,9%). Половозрастное распределение характерно для розничной торговли (данные не раскрываются).

В обеих сетях профессиональная адаптация является значимой практикой, осуществляется в форме наставничества – ролевого (55,6%), когда работа со стажером входит в круг должностных обязанностей и оплачивается (либо компенсируется иным материальным образом), и надролевого (43,1%), когда обучение на рабочем месте нового сотрудника не входит в должностные обязанности и не предусматривает материальную компенсацию; а также профессионального обучения (1,3%) на рабочем месте (пекари, сотрудники распределительных центров, директора магазинов). Далее в сетях имеются подразделения, для которых характерна проектная форма работы (35,7%) и не характерна (64,3%).

Представлены четыре ранговые переменные: независимые – «Должность», «Тип профессиональной адаптации» и «Наличие проектной формы работы» (приложение 1); зависимая – «Бремя ВТИ» (бинарная), применяем логлинейную модель, которая используется для ранговых переменных и позволяет проследить взаимосвязи между всеми взаимодействиями переменных. Для наглядного представления полученных взаимосвязей на втором этапе используем критерий χ^2 . Различия в применяемых методах в том, что логлинейная модель является многомерной и доказывает наличие связей между тремя и более переменными, включенными в модель; критерий χ^2 является одномерным и рассматривает каждую из связей отдельно друг от друга.

Результаты

Большая часть респондентов (90,4%) согласились с тем, что бремя ВТИ лежит не только на компании, но и на контактном окружении – коллегах; лишь 9,6% считают, что вовлечение не относится к задачам сотрудников компании.

Логлинейная модель показала наличие достоверных связей в отношении третьего и более высоких порядков ($p = 0,0001$); предикторы одновременно не влияют на распределение бремени ВТИ. Исследование связи между каждым из факторов и мнение сотрудников о распределении бремени ВТИ показало высокое значение критерия χ^2 и высокий уровень значимости ($p = 0,0001$), что свидетельствует о наличии достоверной связи между исследуемыми переменными. Рассмотрим связь каждого предиктора с зависимой переменной.

Занимаемая должность ($\chi^2 = 837$, $V = 0,071$): линейные сотрудники магазинов чаще ожидаемого не готовы разделять бремя ВТИ; директора и администраторы магазинов, руководители территориальных кластеров готовы разделять бремя ВТИ чуть меньше ожидаемого; наоборот, линейный персонал, работающий с источниками повышенной опасности (пекари и операторы распределительных центров), руководители и линейный персонал офисных подразделений чаще ожидаемого готовы разделить бремя.

Тип профессиональной адаптации ($\chi^2 = 2846$, $V = 0,16$): сотрудники подразделений, для которых характерно надролево наставничество, и те, кто проходил специальное обучение на рабочем месте (пекари, операторы распределительных центров), выше ожидаемого готовы разделить бремя ВТИ, в

то время как в подразделениях с ролевым типом наставничества сотрудники чаще ожидаемого не готовы разделить бремя ВТИ.

Распространенность проектной формы работы ($\chi^2 = 3761$, $V = 0,259$): сотрудники подразделений, в которых нормой является проектная форма организации работы, чаще ожидаемого готовы разделить бремя ВТИ, и наоборот – сотрудники подразделений, в которых проектная форма организации деятельности не является распространенной, скорее откажутся разделить бремя ВТИ.

Ограничения

Применялся экспресс-опрос с мобильных устройств, поэтому бремя операционализировано как бинарная переменная. Анализ на основе традиционных «жестких вычислений». Вместе с тем смыслы, которыми руководствуются работники, относятся к области естественного языка, поэтому применение формального подхода с его строгой однозначностью интерпретации снижает продуктивность результата.

Объективные данные (характеристики подразделений – тип наставничества и распространение проектной формы) презюмировались на основании официальных документов компаний и проверялись выборочно в ходе формирующих экспериментов в 2024 г., однако действие и эффекты практик для всей выборки не фиксировались и не измерялись. Однако в контексте поставленной задачи перечисленные ограничения не снижают значимости полученных результатов.

Выводы и перспектива дальнейших исследований

Впервые выявлено мнение работников сектора розничной торговли, среди которых 90,4% готовы разделить бремя вовлечения труда инвалида, что, учитывая размер и иные параметры выборки, ставит под сомнение утверждение о распространенности предвзятого отношения к инвалидам со стороны коллег как о причине низкой занятости инвалидов [5].

Поскольку занимаемая должность, тип адаптации на рабочем месте и распространенность проектной формы деятельности одновременно не влияют на распределение бремени ВТИ, стратегия организационных изменений, связанных с внедрением практики вовлечения, должна содержать решения для каждого из трех факторов.

Сотрудники подразделений, в которых наставничество оплачивается и является частью должностных обязанностей специально выделенного сотрудника, чаще не готовы брать на себя бремя вовлечения инвалида, в то время как сотрудники, где наставничество является общественной нагрузкой и поощряется нематериально, наоборот, готовы такое бремя разделить с компанией. Объяснение этой закономерности может быть связано с действием существующих в организации общих правил распределения бремени профессиональной адаптации сотрудников: если компания брала на себя это бремя, то и бремя ВТИ должно лежать на ней. Однако из этого не следует вывод о приоритете одной практик адаптации над другой в контексте ВТИ или инклюзии. Практика профессиональной адаптации может отличаться даже в компаниях, действующих на одном отраслевом рынке, что часто обусловлено моделью бизнеса и пониманием источников снижения издержек. Поэтому учет выявленной закономерности позволяет скорректировать внедряемую

практику вовлечения, учитывая, во-первых, представлениями сотрудников о справедливом распределении бремени ВТИ. Так, когда сотрудники видят в ВТИ бремя компании, то их участие должно быть вознаграждено. Во-вторых, с внутриорганизационным контекстом. Например, если сотрудники готовы разделить бремя, а компания вводит стимулирующие надбавки за участие в проекте по ВТИ, т.е. вероятность, что сотрудники пересмотрят свое отношение к готовности взять бремя вовлечения других групп работников (если платят за помощь инвалидам, то почему я должен быть бесплатным наставником 16-летнему подростку?).

В-третьих, положительная связь проектной формы с готовностью разделить бремя позволяет предположить, что подразделения с проектной формой организации деятельности более расположены выступить драйверами внедрения практик ВТИ. Так, в [22] приведены доводы, что подход к повышению эффективности взаимных инвестиций, при котором работодатели ожидают высокого уровня вклада сотрудников и предлагают существенные стимулы, будет связан с более высокой креативностью команды по сравнению с другими подходами к повышению эффективности; эти отношения будут опосредованы плотностью общения членов команды, связанной с работой, и что опосредованные отношения будут более сильными, когда задачи членов команды будут сложными. В условиях постиндустриального воспроизводственного уклада привычные формы ВТИ, сложившиеся еще в индустриальном укладе формы ВТИ, будут все меньше соответствовать возможностям и потребностям крупных компаний. Природа неконкурентности работников с инвалидностью обуславливает вариативность ситуаций вовлечения. В таких условиях результативность ВТИ будет зависеть от способности коллективов создавать инновации в процессе ВТИ. Источником таких инноваций является креативная деятельность сотрудников в рамках пилотных проектов по ВТИ.

В-четвертых, причины многих неудачных попыток внедрения практик ВТИ, известных как «лучшие практики» или применяемых в ТНК, связаны не с барьерами на рабочем месте, в частности, с предвзятостью коллег, а игнорированием процесса образования смыслов под влиянием организационных структур (1) и неспособностью адекватно ответить на имеющиеся представления работников (2). Например, компания провела опрос среди сотрудников с целью выяснения готовности подразделений к участию «в проекте по найму работников с инвалидностью». Оказалось, что подавляющее большинство сотрудников офиса готово принять участие в проекте, а линейный персонал – нет, в связи с чем было решено внедрять практику разнообразия на рабочем месте в структурных подразделениях офиса и тем самым показать пример остальным подразделениям компании. В дальнейшем выяснилось, линейный персонал производственных подразделений ввиду характера организации трудовой деятельности не сталкивается с проектной формой управления. Поэтому сотрудники с сомнением отнеслись к предложению руководства «принять участие в проекте», хотя фактически были готовы помогать новым коллегам с инвалидностью адаптироваться на рабочем месте. Более того, в производственных подразделениях есть сотрудники с инвалидностью. Для производства, в отличие от офисных подразделений, характерна развитая практика неформального обучения, включая формат P2P («равный – равному»), которое происходит через «продумывание» работы и обратную связь

коллег. Кроме того, сотрудники оказывают содействие коллегам, которые после производственной травмы приобретают инвалидность, понимая, что каждый может оказаться на их месте. Неформальное наставничество понимается как неотъемлемый аспект жизни коллектива – ценность, принципиально отличающая производство от офиса («где все грызутся»). В свою очередь, согласие сотрудников офиса на участие в проекте было обусловлено нормативным изоморфизмом [23], уверенностью в правильности вовлечения инвалидов в квалифицированную работу (поскольку «так поступает каждый крупный бренд»), однако фактически не были готовы разделить издержки вовлечения. В результате проект не привел к ожидаемым результатам – стажеры с инвалидностью не смогли закрепиться на рабочих местах, в то время как сами сотрудники офиса испытали «разочарование и неблагодарность со стороны стажеров и компании». Следовательно, понимание характера распределения бремени и его обусловленность конкретными структурами позволяют принципиально пересмотреть подход к формированию стратегии ВТИ и положить в его основу предварительное исследование мнения работников и на его основе – «адекватный ответ» на каждый смысл.

В-пятых, поскольку распределение бремени исследовалось бинарно, целесообразно продолжить исследование на основе «мягких вычислений» (на основе нечеткой логики) в направлении выявления вариативности распределений и условий, на которых сотрудник готов стать соинвестором компании и коллектива в части создания разделяемой ценности в процессе ВТИ.

Список источников

1. Нестеров Л.И. Особенности воспроизводства национального богатства в начале XXI века / отв. ред. Л.И. Нестеров. М. : Наука, 2006. 215 с.
2. Демьянова А.В., Лукьянова А.Л. Низкий уровень занятости инвалидов в России – результат дискриминации? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21, № 3. С. 385–411.
3. Антонова В.К., Присяжнюк Д.И., Рябиченко Т.А. Креативный эффект, инвестиции и инклюзия как норма жизни: установки hr-менеджеров России в отношении инклюзивного трудоустройства // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 3. С. 373–388.
4. Казбекова З.Г. Повышение занятости инвалидов как резерв увеличения демографического дивиденда в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 100. С. 89–99.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2024 № 2401-р «Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по реализации Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г.»
6. Маркс К. Капитал. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 1. 797 с.
7. Коготкова Е.С. Женский труд в условиях научно-технической революции // Известия Томского политехнического института им. С.М. Кирова. 1973. Т. 273. С. 40–44.
8. Аронов Н.А. Цивилизация X5. От магазинов без товаров до магазинов без продавцов. Как «Перекресток» и «Пятерочка» изменили российскую торговлю / ред. Д.В. Соколов-Митрич. М. : АСТ, 2021 336 с.
9. Ackerman R.W., Bauer R.A. Corporate social responsiveness: the modern dilemma // Harvard Business Review. 1976. Vol. 51, № 4. P. 88–98.
10. Bernstein R.S., Bulger M., Salipante P., Weisinger J.Y. From diversity to inclusion to equity: A theory of generative interactions // Journal of Business Ethics. 2020. Vol. 167. P. 395–410.
11. Whiting M. Review of research literature that provides evidence of the impact of diversity and inclusion in the workplace. London : Financial Conduct Authority, 2021. 67 p.
12. Болмэн Л., Дил Т. Рефрейминг организации: Компания как фабрика, семья, джунгли и храм. М. : Альпина, 2024. 625 с.

13. Rabie N., Ayman M., Al Ghaithi F. Organizational Practices' Role in Managing Open Innovation and Business Performance // *Administrative Sciences*. 2024. Vol. 14, № 5. P. 1–34.
14. Кабалина В.И., Степаненко В.Г. Практики удаленной адаптации в восприятии новых сотрудников организации // *Российский журнал менеджмента*. 2021. Т. 19, № 3. С. 336–360.
15. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. 832 с.
16. Lockett A., Gurrie G., Finn R., Martin G., Waring J. The Influence of Social Position on Sensemaking About Organizational Change // *Academy of Management Journal* 2014. Vol. 57, № 4. P. 1102–1129.
17. Корель Л.В. Генезис и механизм адаптаций в постсоциалистической России : теоретико-методологический подход // Социальная траектория реформируемой России : Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск : Наука. Сиб. Предприятие РАН, 1999. 736 с.
18. Энгелстром Ю. От команд к узлам. Теоретико-деятельностные исследования сотрудничества и обучения в процессе труда / под науч. ред. А. Смирнова. М. : ВШЭ, 2024. 352 с.
19. Nelissen P.T.J.H., Hulshager U.R., van Ruitenbeek G.M.C., Zijlstra F.R.H. How and when stereotypes relate to inclusive behavior toward people with disabilities // *International Journal of Human Resource Management*. 2016. Vol. 27, № 14. P. 1610–1625.
20. Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // *THESIS M.*: THESIS. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 24–40.
21. Alchian A., Demsetz H. Property Right Paradigm // *Journal of Economic History*. 1973. Vol. 33, № 3. P. 16–27.
22. Foldy E.G., Goldman L., Ospina S. Sensegiving and the role of cognitive shifts in the work of leadership // *The Leadership Quarterly*. 2008. Vol. 19, № 5. P. 514–529.
23. DiMaggio P., Powell W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48, № 2. P. 147–160.

References

1. Nesterov, L.I. (2006) *Osobennosti vosproizvodstva natsional'nogo bogatstva v nachale XXI veka* [The reproduction of national wealth at the beginning of the 21st century]. Moscow: Nauka.
2. Demyanova, A.V. & Lukyanova, A.L. (2017) Nizkiy uroven' zanyatosti invalidov v Rossii – re-zul'tat diskriminatsii? [Low level of employment of people with disabilities in Russia – the result of discrimination?]. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2017. Т. 21, № 3. S. 385–411.
3. Antonova, V.K., Prisyazhnyuk, D.I. & Ryabichenko, T.A. (2021) Kreativnyy effekt, investitsii i inklyuziya kak norma zhizni: ustanovki hr-menedzherov Rossii v otnoshenii inklyuzivnogo trudoustroystva [Creative effect, investment and inclusion as a norm of life: attitudes of HR managers in Russia towards inclusive employment]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 19(3). pp. 373–388.
4. Kazbekova, Z.G. (2023) Povyshenie zanyatosti invalidov kak rezerv uvelicheniya demograficheskogo dividenda v Rossii [Increasing the employment of persons with disabilities as a reserve for increasing the demographic dividend in Russia]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. 100. pp. 89–99.
5. Russian Federation. (2024) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 02.09.2024 № 2401-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii po povysheniyu urovnya zanyatosti invalidov v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 g. i plana meropriyatiy po realizatsii Kontseptsii po povysheniyu urovnya zanyatosti invalidov v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 g."* [Order No. 2401-r of the Government of the Russian Federation dated September 2, 2024, "On approval of the Concept for increasing the level of employment of persons with disabilities in the Russian Federation for the period up to 2030 and the action plan for the implementation of the Concept for increasing the level of employment of persons with disabilities in the Russian Federation for the period up to 2030"].
6. Marx, K. (1951) *Kapital* [The Capital]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gospolitizdat.
7. Kogotkova, E.S. (1973) Zhenskiy trud v usloviyakh nauchno-tehnicheskoy revolyutsii [Women's labor in the context of the scientific and technological revolution]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta im. S.M. Kirova*. 273. pp. 40–44.
8. Aronov, N.A. (2021) *Tsivilizatsiya X5. Ot magazinov bez tovarov do magazinov bez prodavtsov. Kak "Perekrestok" i "Pyaterochka" izmenili rossiyskuyu trgovlyu* [Civilization X5. From Stores Without Products to Stores Without Salespeople. How "Perekrestok" and "Pyaterochka" Changed Russian Trade]. Moscow: AST.
9. Ackerman, R.W. & Bauer, R.A. (1976) Corporate social responsiveness: the modern dilemma. *Harvard Business Review*. 51(4). pp. 88–98.

10. Bernstein, R.S., Bulger, M., Salipante, P. & Weisinger, J.Y. (2020) From diversity to inclusion to equity: A theory of generative interactions. *Journal of Business Ethics*. 167. pp. 395–410.
11. Whiting, M. (2021) Review of research literature that provides evidence of the impact of diversity and inclusion in the workplace. London: Financial Conduct Authority.
12. Bolman, L. & Deal, T. (2024) *Refreyming organizatsii: Kompaniya kak fabrika, sem'ya, dzhungli i khram* [Reframing the organization: The company as a factory, family, jungle and temple]. Translated from English. Moscow: Al'pina.
13. Rabie, N., Ayman, M. & Al Ghaithi, F. (2024) Organizational Practices' Role in Managing Open Innovation and Business Performance. *Administrative Sciences*. 14(5). pp. 1–34.
14. Kabalina, V.I. & Stepanenko, V.G. (2021) Praktiki udalennoy adaptatsii v vospriyatii novykh sotrudnikov organizatsii [Remote adaptation practices in the perception of new employees of the organization]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. 19(3). pp. 336–360.
15. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
16. Lockett, A., Gurrie, G., Finn, R., Martin, G. & Waring, J. (2014) The Influence of Social Position on Sensemaking About Organizational Change. *Academy of Management Journal*. 57(4). pp. 1102–1129.
17. Korel, L.V. (1999) Genezis i mekhanizm adaptatsiy v postsotsialisticheskoy Rossii: teoretiko-metodologicheskii podkhod [Genesis and Mechanism of Adaptations in Post-Socialist Russia: A Theoretical and Methodological Approach]. In: Zaslavskaya, T.I. & Kalugina, Z.I. (eds) *Sotsial'naya traektoriya reformiruemy Rossii: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [Social Trajectory of Reformed Russia: Research of the Novosibirsk Economic and Sociological School]. Novosibirsk: Nauka.
18. Engestrem, Yu. (2024) *Ot komand k uzlam. Teoretiko-deyatel'nostnye issledovaniya sotrudnichestva i obucheniya v protsesse truda* [From teams to nodes. Activity-theoretical studies of cooperation and learning in the process of work]. Moscow: HSE.
19. Nelissen, P.T.J.H., Hulsheger, U.R., van Ruitenbeek, G.M.C. & Zijlstra, F.R.H. (2016) How and when stereotypes relate to inclusive behavior toward people with disabilities. *International Journal of Human Resource Management*. 27(14). pp. 1610–1625.
20. Becker, G. (1993) Ekonomicheskii analiz i chelovecheskoe povedenie [Economic analysis and human behavior]. *THESIS*. 1(1). pp. 24–40.
21. Alchian, A. & Demsetz, N. (1973) Property Right Paradigm. *Journal of Economic History*. 33(3). pp. 16–27.
22. Foldy, E.G., Goldman, L. & Ospina, S. (2008) Sensegiving and the role of cognitive shifts in the work of leadership. *The Leadership Quarterly*. 19(5). pp. 514–529.
23. DiMaggio, P. & Powell, W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. 48(2). pp. 147–160.

Сведения об авторе:

Новиков И.А. – аспирант Аспирантской школы по менеджменту (Департамент организационного поведения и управления человеческими ресурсами) Высшей школы бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ia.novikov@hse.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Novikov I.A. – postgraduate student at the Postgraduate School of Management (Department of Organizational Behavior and Human Resource Management), Higher School of Business, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ia.novikov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 27.01.2025;
approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 24.02.2025

Научная статья

УДК 316.36

doi: 10.17223/1998863X/83/16

СЕМЬЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Светлана Викторовна Соловьева

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, s.v.solovyeva@urfu.ru*

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых актов и теоретических источников раскрываются особенности семьи в трудной жизненной ситуации, значимые для решения задач государственной социальной политики. Представлено содержательное уточнение понятия семьи в трудной жизненной ситуации, признаки отнесения семьи к этой категории, типология семей в трудной жизненной ситуации с описанием экономических, социальных и психологических обстоятельств, обуславливающих нарушения жизнедеятельности членов семьи.

Ключевые слова: семья, трудная жизненная ситуация, нарушения жизнедеятельности, государственная социальная политика, семейная политика

Для цитирования: Соловьева С.В. Семья в трудной жизненной ситуации как объект государственной социальной политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 165–181. doi: 10.17223/1998863X/83/16

Original article

A FAMILY IN A DIFFICULT LIFE SITUATION AS AN OBJECT OF STATE SOCIAL POLICY

Svetlana V. Solovyeva

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, s.v.solovyeva@urfu.ru*

Abstract. Currently, there is no legally fixed concept of a family in a difficult life situation in normative legal acts, no signs of classifying families as those who are in a difficult life situation, no unified typology of such families. As a result, social support measures for such families are not being fully implemented. In this regard, the study aims to clarify the conceptual content of the term “family in a difficult life situation”, substantiate the signs of such a situation and develop a typology of families in a difficult life situation requiring measures within the framework of state social policy. The research materials were normative legal acts – the national standard of the Russian Federation in the field of social services, legislation on state social assistance, legislation on probation, as well as scientific publications that reveal the concept of a difficult life situation, the characteristics of families whose circumstances allow them to be classified as families in a difficult life situation. The analysis of normative legal acts and theoretical sources and the classification method are used as research methods. The analysis of the content of normative legal acts made it possible to clarify the definition of the concept of a difficult life situation, to substantiate the signs of classifying families as those who are in a difficult life situation, to identify the types of families that can be classified as those who are in a difficult life situation. The analysis of theoretical sources provided an opportunity to systematize the authors’ approaches to defining the concept of a difficult life situation, identifying families who experience a

diverse range of difficulties in different life circumstances. The results of the analysis of normative legal acts and publications of domestic researchers were the basis for substantiating the research approach to classifying families in difficult life situations. The classification method made it possible, based on the definition of the characteristics of the object under study, to orient oneself in the variety of types of modern families, to identify among them the category of families in difficult life situations and to develop their typology. The theoretical justification and subsequent normative legal consolidation of the category “family in a difficult life situation” will ensure regulatory certainty and may contribute to improving the effectiveness of state social policy. The results of the study consist in substantiating the concept of a family in a difficult life situation, highlighting objective signs of classifying families as studied, developing a typology of families in a difficult life situation with differentiation of the characteristics of their family situation and resource constraints. The causal complex of objective difficulties in the life of families is diverse. The causes of difficulties and the peculiarities of the life of families act as a basis for determining the nature, scope and duration of state support measures for such families.

Keywords: family, difficult life situation, disorders of vital activity, state social policy, family policy

For citation: Solovyeva, S.V. (2025) A family in a difficult life situation as an object of state social policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 165–181. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/16

Введение

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [1]. Законодательно закреплена необходимость укрепления семьи на основе признания ценности семьи в развитии новых поколений, обеспечении общественной стабильности и развития общества и государства. Государство, принимая на себя обязательства по защите и укреплению семьи, разрабатывает, утверждает и реализует семейную политику как составную часть государственной социальной политики.

В настоящее время государственная семейная политика является многогосубъектной деятельностью и выступает как целостная система принципов, задач и приоритетных мер по поддержке, укреплению и защите семьи, сохранению традиционных семейных ценностей, повышению привлекательности и приоритета родительства, предупреждению и преодолению семейного неблагополучия, повышению качества жизни семей [2]. Приоритетные направления государственной семейной политики определены рядом нормативных правовых актов.

В 1990-е гг. осуществлялось формирование идеологии государственной семейной политики в условиях выхода страны из социально-экономического кризиса и обеспечения предпосылок для улучшения жизнедеятельности семей в ближайшей перспективе. Указом Президента РФ № 712 от 14.05.1996 «Об основных направлениях государственной семейной политики» было определено целью создание условий для реализации семьей ее функций и повышение качества жизни семьи, а одним из главных направлений – обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения семей, уменьшение бедности и увеличение помощи нетрудоспособным членам семьи [3].

В период с 1996 по 2013 г. благодаря улучшению экономической ситуации в стране, реализации таких мер материальной поддержки, как введение

ежемесячного пособия по уходу за ребенком неработающим женщинам, увеличение пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, внедрение материнского (семейного) капитала и других, достигнуты положительные изменения в условиях жизнедеятельности семьи, улучшилось благосостояние семей. Меры материальной поддержки семей не теряют актуальности до настоящего времени. Однако с утверждением Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. приоритеты сместились с улучшения материального обеспечения семьи к утверждению традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, обеспечению семейного благополучия и ответственного родительства и другим. При этом в составе актуальных задач государственной семейной политики перечислены развитие экономической самостоятельности семьи, развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей, а также нуждающихся в улучшении жилищных условий, профилактика семейного неблагополучия и обеспечение социальной защиты семей и детей, которые нуждаются в особой защите государства.

Поддержка семьи наряду с сохранением населения, укреплением здоровья и повышением благополучия людей определена в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. [4]. Для достижения этой национальной цели в части исследуемого нами предмета установлены задачи по повышению рождаемости, в том числе третьих и последующих детей, снижение уровня бедности, в том числе уровня бедности многодетных семей, планируется разработка в 2024 г. нового национального проекта «Семья».

Изучение нормативных правовых актов, регламентирующих государственную семейную политику, показывает, что социальная политика в рассматриваемой сфере носит одновременно как всеобщий, так и адресный, индивидуальный характер. Всеобщий характер государственной семейной политики состоит в том, что меры по поддержке рождения и воспитания детей, развитию экономической самостоятельности семей, сохранению физического и психологического здоровья членов семей имеют распространение на все разнообразие семей независимо от их состава, социального статуса и социально-экономического положения. Адресность государственной семейной политики трактуется применительно к категориям семей социального риска, нуждающихся в своевременной и эффективной помощи. При этом нормативно закреплено принятие на себя государством обязательств по защите семьи от бедности и лишений, связанных с вынужденной миграцией, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, вооруженными конфликтами.

С 2014 г., затем в 2020-е гг. реализация как социальной политики государства в целом, так и государственной семейной политики в частности осуществляется в иных условиях, в так называемых обстоятельствах новой реальности. Эти обстоятельства обусловлены кризисными явлениями в экономике, санкционной политикой западных стран, пандемией новой коронавирусной инфекции и ее последствиями, началом специальной военной операции и другими причинами. Как следствие, в социальной сфере происходят негативные демографические трансформации, связанные с оттоком населения из страны, снижением рождаемости, снижением уровня и качества

жизни населения в целом при росте такого у отдельных категорий лиц, ухудшение семейно-брачных отношений. Перечисленные трансформации отражаются на уровне и качестве жизни семей. Особое место среди таких семей имеют те, которые находятся в трудной жизненной ситуации.

В настоящее время как в нормативном правовом, так и в теоретическом плане отсутствует законодательно закрепленное понятие семьи в трудной жизненной ситуации, обоснованные признаки отнесения семей к числу тех, кто временно или постоянно пребывает в трудной жизненной ситуации и нуждается в связи с этим в мерах государственной поддержки, не имеется единой типологии семей в трудной жизненной ситуации. Как следствие, меры социальной поддержки подобного рода семей не реализуются в полной мере либо подобного рода семьи испытывают затруднения при их получении в случае возникновения тех или иных жизненных условий. Это обстоятельство требует определения единой обоснованной типологии семей в трудной жизненной ситуации, что является актуальной научно-теоретической и практической задачей.

Таким образом, задача исследования состоит в уточнении понятийного содержания термина «семья в трудной жизненной ситуации», обосновании признаков таковой ситуации и в разработке типологии семей в трудной жизненной ситуации, требующих оказания мер материальной и нематериальной поддержки в рамках государственной социальной политики.

Методы исследования

В качестве методов исследования нами использованы анализ нормативных правовых актов и теоретических источников, метод классификации.

Анализ содержания нормативных правовых актов позволил уточнить определение понятия трудной жизненной ситуации, обосновать признаки отнесения семей к тем, которые находятся в трудной жизненной ситуации, выделить типы семей, которые могут быть отнесены к категории тех, которые временно или постоянно пребывают в трудной жизненной ситуации. Анализ теоретических источников по исследуемой проблематике позволил систематизировать подходы разных авторов к определению понятия трудной жизненной ситуации, выделению семей, которые испытывают разнообразный спектр затруднений в определенных жизненных обстоятельствах.

Результаты анализа нормативных правовых актов и публикаций отечественных исследователей явились основой для подготовки и обоснования исследовательского подхода к классификации семей в трудной жизненной ситуации. Заявленный научный метод состоит в разделении множества изучаемых объектов и последующем их объединении в группы на основе признака. Классификация основывается на наиболее значимых классификационных признаках, которые отражают сущность временных или постоянных трудностей семьи, которые не позволяют в полной мере удовлетворять потребности членов семьи с использованием имеющихся ресурсов. Метод классификации позволил на основе определения признаков исследуемого объекта, в качестве которого выступает семья, сориентироваться в многообразии типов современных семей, выделить среди них категорию семей в трудной жизненной ситуации и разработать их типологию.

Таким образом, с использованием общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения осуществлена систематизация информации по заявленной теме

на основе изучения нормативных правовых актов федерального уровня и теоретико-прикладных исследований разных авторов и предложен авторский подход к разработке исследуемого предмета.

Результаты исследования

Одним из основных понятий исследования выступает понятие трудной жизненной ситуации. Для достижения цели исследования целесообразно выявить сущностные характеристики этого понятия. Следует отметить, что указанное понятие достаточно определено как в нормативных правовых актах, так и в теоретических источниках. Однако оно определено не по отношению к семье и семейной ситуации определенных лиц, а по отношению к конкретной категории лиц. Так, в нормативных правовых актах понятие трудной жизненной ситуации определено в рамках национального стандарта РФ в сфере социального обслуживания населения [5], законодательства о государственной социальной помощи [6], законодательства о пробации [7], а также в контексте установления категорий детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, которые нуждаются в особой защите со стороны государства [8]. Систематизация этих определений понятий представлена в табл. 1.

Анализ приведенных определений понятия трудной жизненной ситуации показывает, что часть из них утверждена для граждан в целом, часть – для детей, часть – для осужденных и лиц, освободившихся из учреждений исполнения наказаний. Общим в рассмотренных определениях является наличие обстоятельств, нарушающих или ухудшающих жизнедеятельность тех или иных лиц, а также невозможность их самостоятельного преодоления.

При разработке критериев отнесения семей к категории тех, кто пребывает в трудной жизненной ситуации и нуждается в социальной защите, целесообразно принять во внимание содержание ст. 15 «Признание гражданина нуждающимся в социальной обслуживании» Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Таблица 1. Систематизация определений понятия «трудная жизненная ситуация», представленных в нормативных правовых актах

Источник информации	Понятие трудной жизненной ситуации	Сущностные характеристики трудной жизненной ситуации
Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения»	Ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина по причинам инвалидности, неспособности к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом или болезнью, безработицы, сиротства, одиночества, безнадзорности, малообеспеченности, конфликтов и жестокого обращения в семье, нарушения законных прав интересов, отсутствия определенного места жительства и т.д., которую он не может преодолеть самостоятельно	Субъект – гражданин. Объективно нарушающее жизнедеятельность обстоятельство. Причины нарушений жизнедеятельности – медицинские, социальные, экономические. Невозможность самостоятельного преодоления ситуации, нарушающей жизнедеятельность
Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»	Трудная жизненная ситуация – обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности гражданина и последствия которых он не может преодолеть самостоятельно	Субъект – гражданин. Обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности. Невозможность самостоятельного преодоления ситуации, нарушающей жизнедеятельность

Окончание табл. 1

Источник информации	Понятие трудной жизненной ситуации	Сущностные характеристики трудной жизненной ситуации
Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»	Дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, – дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды; дети с ограниченными возможностями здоровья, т.е. имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии; дети – жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, оказавшиеся в экстремальных условиях; дети – жертвы насилия; дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; дети, находящиеся в образовательных организациях для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода (специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа); дети, проживающие в малоимущих семьях; дети с отклонениями в поведении; дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи	Субъект – ребенок/дети: лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия). Перечень категорий детей, условия жизнедеятельности которых относятся к различным типам трудных жизненных ситуаций. Объективное нарушение жизнедеятельности детей по причине различных обстоятельств. Невозможность преодоления неблагоприятных обстоятельств самостоятельно или при помощи членов семьи
Федеральный закон от 6.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»	Трудная жизненная ситуация – обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно	Субъект – осужденные, лица, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лица, освободившиеся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности. Невозможность самостоятельного преодоления последствий этих обстоятельств

Среди оснований нуждаемости граждан в получении социальных услуг называются такие обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности, как полная или частичная утрата способности к самообслуживанию, самостоятельному передвижению, обеспечению основных жизненных потребностей по причине заболевания, травмы, возраста, инвалидности; наличие в семье инвалидов, в том числе детей-инвалидов, которые нуждаются в постоянном уходе; наличие детей с трудностями в социальной адаптации; наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостями, страдающими психическими заболеваниями, наличие насилия в семье; отсутствие определенного места жительства; отсутствие работы и средств к существованию и иные обстоятельства [9].

В научной литературе трудная жизненная ситуация является преимущественно предметом изучения с позиции психологического подхода. Трудная жизненная ситуация описывается как ситуация социальной нестабильности, как

стрессогенная, кризисная, критическая, как ситуация, в которой становятся неадекватными алгоритмы привычного социального поведения [10–12]. Уделяется внимание изучению когнитивного, поведенческого, экзистенциального факторов и фактора вероятностного прогнозирования, которые определяют трудную жизненную ситуацию, в том числе у молодежи как особой социальной группы, а также исследованию стратегий совладания человеком с подобного рода ситуациями. Психологический подход основывается на исследовании трудной жизненной ситуации с точки зрения субъекта, субъективного восприятия человеком тех или иных жизненных трудностей. Такой подход может быть применим для решения задач государственной семейной политики как по отношению к отдельным лицам, так и к семьям. Однако для государственной социальной политики первостепенное значение имеют объективные критерии для определения трудной жизненной ситуации, во вторую очередь субъективные.

В научных публикациях представлено сравнительно немного определенных изучаемого понятия. Приведем некоторые из них. Так, С.В. Климова дает определение понятия трудной жизненной ситуации в контексте социальной работы с молодежью. Трудная жизненная ситуация представляет собой определенные в отношении конкретного человека условия или обстоятельства его жизни, для которых характерно относительное постоянство структур, содержания и направленности движения процессов и которые в совокупности негативно влияют на поведение и мировоззрение человека на конкретном этапе его жизни, ухудшают условия его жизнедеятельности, при этом последствия данных условий и обстоятельств он не может преодолеть самостоятельно [12. С. 168]. Ю.Ф. Беспалов рассматривает трудную жизненную ситуацию как сложившуюся у конкретного человека совокупность, как правило, взаимосвязанных жизненных обстоятельств, свидетельствующую о его неспособности самостоятельно и полноценно существовать, осуществлять какую-либо деятельность, восстановить нормальную жизнедеятельность и вызывающую необходимость особой заботы о нем со стороны [13. С. 32].

В качестве основных смысловых акцентов приведенных определений выступают наличие определенных обстоятельств, негативное их влияние на жизнедеятельность человека, существенные затруднения человека при самостоятельном преодолении таких ситуаций, а также нуждаемость во внешней помощи. Эти позиции могут быть приняты во внимание при содержательном наполнении понятия семьи в трудной жизненной ситуации.

В научных публикациях обнаружено единственное определение понятия семьи в трудной жизненной ситуации, которое автор рассматривает как семью, попавшую в ситуацию, объективно нарушающую жизнедеятельность членов семьи, превышающую обычный адаптивный потенциал семьи и требующую для ее преодоления значительных материальных и психологических ресурсов [14. С. 24].

Таким образом, понятие «трудная жизненная ситуация» имеет законодательное закрепление, однако в нормативных правовых актах отсутствует определение понятия семьи в трудной жизненной ситуации. Понятийное содержание термина «трудная жизненная ситуация» является достаточно обоснованным в теоретическом плане. Однако ключевое понятие «семья в трудной жизненной ситуации» в содержательном отношении не является

определенным. В связи с этим полагаем, что уточнение указанного понятия является важным как в теоретическом, так и прикладном аспектах. Кроме того ни в нормативных правовых актах, ни в научных исследованиях не приведены критерии трудной жизненной ситуации семьи, которые целесообразно применять в целях социальной защиты таких семей. Вслед за автором, обосновывающим необходимость законодательного закрепления критериев той или иной жизненной ситуации, которую можно отнести к трудной, для реализации задач пробации [15], считаем целесообразным обоснование признаков трудной жизненной ситуации семьи и, возможно, в перспективе их законодательное закрепление для решения задач государственной социальной политики.

Актуальным является вопрос определения типов семей в трудной жизненной ситуации как объекта государственной семейной политики. В научных публикациях не обнаружена единая обоснованная типология семей в трудной жизненной ситуации. В источниках имеется достаточное количество работ по вопросам предоставления мер социальной поддержки, психолого-педагогического сопровождения, оказания медико-социальной помощи различным категориям семей, которые по разным причинам могут быть причислены к тем, кто пребывает в трудной жизненной ситуации.

Так, широко представлены исследования семей, воспитывающих детей с инвалидностью, ограниченными возможностями здоровья, жизнеугрожающими заболеваниями, орфанными заболеваниями [16, 17]. Основным фактором жизненной ситуации, приводящим к существенным затруднениям в семье, является заболевание ребенка, наличие ограничений его жизнедеятельности. Этот фактор, в свою очередь, может повлечь возникновение психологической травмы родителей в ответ на заболевание ребенка, изменение социально-экономического статуса семьи и другие последствия. Перечисленные семьи нуждаются в применении по отношению к ним адресного подхода в оказании мер социальной поддержки для снижения остроты жизненных трудностей или преодоления трудной жизненной ситуации.

Отдельное внимание уделяется изучению специфики трудных жизненных ситуаций в семьях, в которых родители потребляют психоактивные вещества [18]. Систематическое употребление наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции существенно препятствует исполнению родителями надлежащим образом обязанностей по содержанию, воспитанию и обучению детей.

Интерес исследователей вызывает изучение положения семей осужденных как одного из факторов трудной жизненной ситуации, обусловленной запретом со стороны государства на выполнение семьей своих функций в полном объеме, нарушением структурной целостности семьи вследствие утраты одного из ее членов, нарушением адаптивного потенциала семьи, возможной маргинализацией и стигматизацией семьи [19]. Применительно к таким семьям отмечается наличие барьеров преодоления трудной жизненной ситуации – социальных, экономических и психологических.

Основной причиной, определяющей статус семьи как находящейся в трудной жизненной ситуации, является бедность. В связи с этим в рамках исследования заявленной темы большое внимание уделяется изучению социального контракта как инструмента снижения бедности и повышения уровня жизни семей в трудной жизненной ситуации [20–22]. Социальный контракт

можно рассматривать как эффективный инструмент государственной социальной политики только при преодолении семьей трудной жизненной ситуации на основе развития экономической активности и самостоятельности трудоспособных членов семьи. Отмечается, что качественная реализация социального контракта не всегда позволяет гражданам преодолеть границу бедности и, следовательно, справиться с трудной жизненной ситуацией. Несмотря на то, что направленность социального контракта состоит в активизации деятельности нуждающихся в преодолении трудной жизненной ситуации, неуспешность его реализации может быть обусловлена привычкой иждивенчества. Это может свидетельствовать о том, что для категории малоимущих семей трудная жизненная ситуация может иметь постоянный характер, что является основанием их длительной нуждаемости в мерах государственной социальной поддержки.

Современная социально-политическая ситуация, обусловленная обострением отношений с западными странами, санкционными ограничениями, предполагает структурную перестройку экономики и неизбежно следующую за этим трансформацию социальной структуры общества. Исследуя эту ситуацию, ряд ученых пришли к выводу о том, что указанные обстоятельства привели к появлению в современной социальной структуре большого процента отдельных лиц и семей, которые не находятся в трудной жизненной ситуации, но испытывают дефицит некоторых ресурсов. Дефицит ресурсов не позволяет семьям в должной мере поддерживать скромный уровень потребления. Ресурсные проблемы семей могут привести к самовоспроизводящейся бедности, замыкая для людей круг бедности [23].

Таким образом, изучение исследований различных авторов показывает, что трудная жизненная ситуация в семьях порождается множественностью причин, может носить временный или постоянный характер в зависимости от ресурсного потенциала семьи и масштаба мер социальной поддержки.

На основе изучения нормативных правовых оснований и теоретических аспектов трудной жизненной ситуации, исследований различных категорий семей, нами разработано определение понятия «семья в трудной жизненной ситуации», определены отличительные особенности и выделены существенные признаки семьи в трудной жизненной ситуации, а также подготовлена типология изучаемой категории семей.

Семья в трудной жизненной ситуации – это лица, связанные родством и свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство, семейная ситуация которых обусловлена совокупностью обстоятельств, объективно нарушающих жизнедеятельность членов семьи, самостоятельно преодолеть которые, восстановить нормативную жизнедеятельность, улучшить жизненный уровень семьи они не имеют возможности, что вызывает необходимость их социальной поддержки.

К числу признаков семьи, которая находится в трудной жизненной ситуации, мы причисляем следующие:

1. Объективное нарушение/ухудшение жизнедеятельности членов семьи вследствие действия определенной совокупности обстоятельств.

2. Временные или постоянные затруднения в самостоятельном преодолении обстоятельств, осложняющих жизнедеятельность членов семьи, и их последствий по причине недостатка или отсутствия внутренних ресурсов.

3. Временная или постоянная нуждаемость во внешней поддержке для преодоления обстоятельств, осложняющих жизнедеятельность членов семьи.

Вариативность условий и обстоятельств жизнедеятельности семей определяет разнообразие трудных жизненных ситуаций, в которых временно или постоянно пребывают семьи. С учетом методологии классификации трудных жизненных ситуаций, требующих социальной интервенции, среди факторов вариативности можно выделить определенность, сложность и подвижность жизненной ситуации [24. С. 139]. Определенность трудной жизненной ситуации связана с качеством, количеством и достоверностью информации о той или иной семье. Сложность обусловлена значимостью и комплексностью проблем, которые затрудняются преодолеть члены семьи. Подвижность характеризует изменчивость трудной жизненной ситуации под влиянием внутренних семейных факторов и внешних воздействий на семейную систему, вследствие развития ресурсного потенциала семьи как в аспекте положительных трансформаций, так и негативных изменений.

Типология семей в трудной жизненной ситуации может быть представлена следующим образом:

- семьи с доходами ниже прожиточного минимума на каждого члена семьи (малоимущие семьи);
- семьи с ребенком-инвалидом или детьми-инвалидами;
- семьи, члены которых осуществляют длительный уход за больными членами их семей в соответствии с медицинским заключением;
- семьи, взрослые члены которых систематически употребляют наркотические средства, психотропные и одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию;
- семьи, члены которых оказались жертвами вооруженных и межнациональных конфликтов;
- семьи, пострадавшие от экологических, природных, техногенных катастроф, стихийных бедствий;
- семьи беженцев и вынужденных переселенцев, прибывшие из зон военных конфликтов;
- семьи, пострадавшие в ходе проведения специальной военной операции на Украине, пострадавшие от агрессии со стороны Украины.

Отметим, что в представленную типологию включены «традиционные» семьи, такие как малоимущие, которые длительное время выступают как объект государственной социальной политики, так и новая категория семей, образовавшаяся в процессе проведения специальной военной операции, особенно в приграничных районах Российской Федерации и новых территорий, принятых в состав государства. При этом одна семья может быть отнесена к нескольким типам одновременно, например, семьи, члены которых осуществляют длительный уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, может одновременно иметь статус малоимущей семьи. Как указывалось ранее, одним из основных признаков отнесения семьи к категории тех, кто пребывает в трудной жизненной ситуации и нуждается в социальной поддержке, выступает объективное нарушение/ухудшение жизнедеятельности членов семьи вследствие действия определенной совокупности обстоятельств. В связи с этим целесообразно систематизировать всю возможную совокупность обстоятельств – экономических, социальных,

психологических – которые являются определяющими в нарушении жизнедеятельности членов той или иной семьи (табл. 2).

Таблица 2. **Обстоятельства трудной жизненной ситуации разных типов семей**

Тип семьи в трудной жизненной ситуации	Обстоятельства, обусловившие нарушение жизнедеятельности членов семьи		
	Экономические обстоятельства	Социальные обстоятельства	Психологические обстоятельства
Семьи с доходами ниже прожиточного минимума на каждого члена семьи (малоимущие семьи)	недостаток финансовых средств для удовлетворения базовых потребностей членов семьи, безработица трудоспособных членов семьи, ограничения на занятие трудовой деятельностью некоторых членов семьи, занятие низкоквалифицированным и малооплачиваемым трудом трудоспособными членами семьи	объективные обстоятельства на рынке труда, не способствующие развитию экономической активности взрослых членов семьи, риск самовоспроизводящейся бедности последующих поколений, возможная стигматизация как категории бедных, нищих	возможная мотивация иждивенчества, неосведомленность о способах реализации трудового потенциала членов семьи
Семьи с ребенком-инвалидом или детьми-инвалидами	ограниченность финансовых средств для обеспечения оптимальной жизнедеятельности семьи, лечения ребенка, ограничения взрослых на занятие трудовой деятельностью по причине необходимости ухода за ребенком-инвалидом	возможная дискриминация и сегрегация детей-инвалидов в социокультурной сфере несмотря на внедрение инклюзивного образования и развитие безбарьерной среды, стигматизация семьи	хроническая психотравмирующая ситуация для взрослых членов семьи по причине несоответствия наличного потенциала развития ребенка ожидаемому, неясной жизненной перспективы ребенка-инвалида
Семьи, члены которых осуществляют длительный уход за больными членами их семей в соответствии с медицинским заключением	ограниченность финансовых средств для обеспечения оптимальной жизнедеятельности семьи, лечения больного члена семьи, оплаты услуг сиделки, ограничения взрослых на занятие трудовой деятельностью по причине необходимости ухода за больным членом семьи	возможные ограничения привычного круга общения по причине зависимости больного члена семьи от тех, кто обеспечивает уход	хроническая психотравмирующая ситуация членов семьи, связанная с серьезными ограничениями жизнедеятельности больного члена семьи, особенностями его поведения по причине болезни, возможные разногласия в семье из-за распределения ролей между членами семьи по уходу за больным
Семьи, взрослые члены которых систематически употребляют наркотические средства, психотропные и одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию	ограниченность финансовых средств в силу их распределения между удовлетворением базовых потребностей членов семьи и приобретением психоактивных веществ в пользу приоритета пагубных пристрастий, риск потери работы по причине зависимости, снижения профессионального статуса, безработица трудоспособных членов семьи	недостаточное исполнение или не исполнение родителями обязанностей по содержанию, воспитанию и обучению детей, эпизодическая или систематическая безнадзорность детей, снижение социального статуса семьи	хроническая зависимость родителей от психоактивных веществ, ненормативная модель поведения родителей как «образец» для детей, возможные проявления насилия со стороны взрослых как по отношению ко взрослым, так и в отношении детей

Окончание табл. 2

Тип семьи в трудной жизненной ситуации	Обстоятельства, обусловившие нарушение жизнедеятельности членов семьи		
	Экономические обстоятельства	Социальные обстоятельства	Психологические обстоятельства
Семьи, члены которых оказались жертвами вооруженных и межнациональных конфликтов	утрата постоянного места жительства, имущества в результате конфликта, переезда на новое место жительства, ограничения в трудоустройстве и заработке для содержания семьи, трудности возврата на историческую родину, например, после депортации, завершения конфликтов	утрата устоявшихся социальных связей вследствие переселения на новое место жительства, трудности в поддержании связей с родственниками, трудности в реализации культурных и ценностных этнических и национальных ценностей в новой социокультурной среде, риски конфликтования на этнической и национальной почве в новой социокультурной среде, стереотипные представления об опасности представителей определенного этноса или национальности со стороны местных жителей, неприятие их образа жизни	психотравмирующая ситуация в результате пережитого опыта, связанного с риском утраты жизни, неудовлетворенностью потребности в безопасности, неприязнью и предубежденностью со стороны местного населения на новом месте жительства
Семьи, пострадавшие от экологических, природных, техногенных катастроф, стихийных бедствий	утрата имущества, недостаток финансовых средств для восстановления утраченного имущества, возможное изменение условий трудовой занятости в результате бедствия, ущерба здоровью	изменение привычного образа жизни, утрата привычных социальных связей в случае смены места жительства	психотравмирующая ситуация в результате потери нажитого имущества, неясности перспектив восстановления привычного образа жизни
Семьи беженцев и вынужденных переселенцев, прибывшие из зон военных конфликтов	утрата имущества, недостаток финансовых средств для удовлетворения базовых потребностей членов семьи, временная или постоянная безработица, трудности в получении или восстановлении документов, затруднения при трудоустройстве	трудности адаптации в новой социокультурной среде, утрата устоявшихся социальных связей, характер восприятия семьи со стороны окружения	стрессовая ситуация, связанная со сменой привычного образа жизни в новой социокультурной среде, неясными перспективами возвращения на прежнее место жительства
Семьи, пострадавшие в ходе проведения специальной военной операции на Украине, пострадавшие от агрессии со стороны Украины	утрата имущества, вынужденная смена постоянного места жительства, временная или постоянная безработица, ограничения трудоспособности в результате травм, заболеваний	снижение социального статуса в результате ограничения трудоспособности, потери заработка, возможной смены места жительства	хроническая психотравмирующая ситуация в условиях постоянных обстрелов приграничных и новых территорий, вследствие неудовлетворенной потребности в безопасности, посттравматическое стрессовое расстройство у членов семей – участников боевых действий, трудности в сохранении семьи, риск развода

Отличительными особенностями трудной жизненной ситуации, в которой пребывает семья, являются такие, как:

- временный или постоянный характер жизненной ситуации в зависимости от причины и остроты трудностей, с которыми столкнулись члены семьи;
- негативное влияние ситуации на условия жизни взрослых и несовершеннолетних членов семьи относительно вполне благополучного прошлого;
- ситуация влечет за собой значимые последствия для жизнедеятельности членов семьи, например, невозможность или трудности удовлетворения базовых потребностей, снижение социального статуса, ограничения в трудоустройстве, утрата имущества и другие;
- ограничения или коренные изменения жизненной перспективы членов семей, смена привычного образа жизни;
- постоянство содержания обстоятельств и трудностей в жизненной ситуации конкретной семьи на протяжении определенного промежутка времени;
- определенная длительность совокупности обстоятельств на протяжении промежутка времени, в процессе которого причины трудной жизненной ситуации могут развиваться, усугубляться, делая эту ситуацию длительной или постоянной, или ослабевать, приводя к преодолению трудной жизненной ситуации;
- способность жизненных трудностей оказывать влияние ценности, установки и поведение членов семьи;
- зависимость членов семьи, их жизнедеятельности от других лиц и общества, нуждаемость в поддержке со стороны общества.

Несмотря на то, что нами представлена достаточно полная типология семей в трудной жизненной ситуации, отнесение семьи к таковой или исключение конкретной семьи из этой категории детерминировано завершенностью или незавершенностью трудностей в жизненной ситуации в результате предоставления семье мер социальной поддержки, развития ресурсов членов семьи в преодолении сложившейся ситуации.

Заключение

Таким образом, необходимость и целесообразность теоретического обоснования и нормативного правового закрепления категории «семья в трудной жизненной ситуации» позволит обеспечить нормативную определенность и может способствовать повышению эффективности государственной социальной политики в целом и семейной политики в частности.

С этой целью предпринята попытка обоснования понятия «семья в трудной жизненной ситуации» на основе ряда определений, закрепленных в нормативных правовых актах и описанных в теоретических источниках, выделения объективных признаков отнесения семей к категории исследуемых, разработки типологии семей в трудной жизненной ситуации с дифференциацией особенностей их семейной ситуации и ресурсных ограничений.

В целом специфика жизнедеятельности семей в трудной жизненной ситуации характеризуется наличием обстоятельств, негативно влияющих на условия жизни семьи, влекущих за собой значимые последствия для жизни и коренные изменения жизненной перспективы, а также обуславливающих временную или постоянную зависимость семьи от других лиц, общества и государства. Эти особенности выступают в качестве основания для опреде-

ления характера, объема и продолжительности мер государственной поддержки семей в трудной жизненной ситуации.

Разработка типологии исследуемой категории семей показала, что причинный комплекс объективных трудностей в жизнедеятельности семей разнообразен. К таким причинам относятся наличие в семье взрослых или несовершеннолетних членов семьи с инвалидизирующими заболеваниями, влекущими необходимость длительного ухода за больными лицами, доход ниже прожитого минимума на каждого члена семьи, последствия экологических, природных, техногенных катастроф, стихийных бедствий, военных действий, межнациональных конфликтов и другие. Типология семей в трудной жизненной ситуации включает категории семей, выделенные в зависимости от причин и с учетом признаков причисления семей к таковым. Однако классификация исследуемых семей достаточно условна, так как одна семья по причине наличия комплекса обстоятельств, нарушающих жизнедеятельность семьи, может быть одновременно причислена к нескольким типам семей, пребывающим в трудной жизненной ситуации.

Представленная типология семей в трудной жизненной ситуации рассмотрена преимущественно в ракурсе патогенности обстоятельств жизни для членов семьи, условий, обуславливающих нарушения жизнедеятельности семьи. Перспективой дальнейшего исследования выступает изучение семей в трудной жизненной ситуации с позиции развития их ресурсного потенциала, в ракурсе потенциальных возможностей семейной системы в целом и отдельных ее членов к полному или частичному преодолению обстоятельств, способствующих ухудшению жизнедеятельности.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9015517?ysclid=ly2l8ffhd1247403704> (дата обращения: 20.07.2024).
2. Распоряжение Правительства РФ от 26.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344?ysclid=lukza7vh3v133579004> (дата обращения: 20.07.2024).
3. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/500019?marker=6560IO> (дата обращения: 20.07.2024).
4. Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305894187?ysclid=ly07ahmven679584774> (дата обращения: 20.07.2024).
5. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200043127?ysclid=lur5x6nobb52070754> (дата обращения: 20.07.2024).
6. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901738835> (дата обращения: 20.07.2024).
7. Федеральный закон от 6.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300785768> (дата обращения: 20.07.2024).

8. *Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»* // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901713538> (дата обращения: 20.07.2024).
9. *Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»* // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499067367> (дата обращения: 20.07.2024).
10. *Гребешкова О.Ю., Мантикова А.В.* Проблема создания единого алгоритма помощи молодежи в трудной жизненной ситуации: психологический аспект // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2015. № 12. С. 120–124.
11. *Мышко В.В., Баляев С.И.* Теоретические подходы к изучению понятия трудной жизненной ситуации в психологии // Наука в жизни человека. 2023. № 3. С. 95–101.
12. *Климова С.В.* Трудная жизненная ситуация в социальной работе с молодежью: уточнение понятийного содержания термина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2021. № 1 (5). С. 160–170.
13. *Беспалов Ю.Ф.* Трудная жизненная ситуация ребенка в РФ: социально-правовой аспект // Нотариус. 2018. № 3. С. 30–33.
14. *Финаева А.Г.* Семья в трудной жизненной ситуации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3. С. 22–36.
15. *Бушнев И.С.* К вопросу отнесения жизненной ситуации к категории трудной для реализации целей и задач института пробации в России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9 (256). С. 8–15.
16. *Долуев И.Ю., Зорина Е.С., Макарова О.В.* Психолого-педагогическое сопровождение семьи, воспитывающей ребенка с жизнеугрожающим заболеванием: теоретическое осмысление и практика реализации // Новые исследования. 2023. № 1 (73). С. 34–46.
17. *Зайцева Е.В., Воронила Л.И.* Дети с орфанными заболеваниями: сравнительный анализ оказания мер поддержки социальным государством // Социум и власть. 2020. № 4 (84). С. 20–29.
18. *Кирюшина Д.В.* Оказание медико-социальной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, связанной с потреблением родителями несовершеннолетних детей психоактивных веществ // Наркология. 2022. Т. 21, № 12. С. 76–79.
19. *Финаева А.Г.* Ресоциализационный потенциал семьи осужденного : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Сартов, 2012. 19 с.
20. *Скальная М.М.* Государственный социальный контракт – организационно-экономический механизм снижения уровня бедности сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 7. С. 109–115.
21. *Орлова И.С.* Социальный контракт как инструмент государственной социальной политики по снижению уровня бедности // Управленческое консультирование. 2022. № 1 (157). С. 139–146.
22. *Магомедова А.Г.* Проблемы реализации законодательства о государственной социальной помощи на основании социального контракта // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 98–102.
23. *Кокорева М.Е., Лоскутова И.М., Тарченко В.С., Синяев М.В.* Социальная работа и согласование интересов социальных групп в РФ в условиях возрастания социальных рисков // Поиск: политика, обществоведение, искусство, социология, культура. 2022. № 6 (95). С. 80–88.
24. *Тугаров А.Б., Дудкин А.С.* Методология и методика классификации трудных жизненных ситуаций, требующих социальной интервенции в жизнедеятельность ребенка и его семьи // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 136–150.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.10.2023)* [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended and supplemented, entered into force on October 26, 2023)]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/9015517?ysclid=ly2l8ffhd1247403704> (Accessed: 20th July 2024).
2. Russian Federation. (2014) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 26.08.2014 № 1618-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy semeynoy politiki v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Order No. 1618-r of the Government of the Russian Federation of August 26, 2014, "On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025"].

[Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420217344?ysclid=lukza7vh3v133579004> (Accessed: 20th July 2024).

3. Russian Federation. (1996) *Ukaz Prezidenta RF ot 14.05.1996 № 712 "Ob osnovnykh napravleniyakh gosudarstvennoy semeynoy politiki"* [Decree No. 712 of the President of the Russian Federation of May 14, 1996, "On the main directions of state family policy"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/500019?marker=6560IO> (Accessed: 20th July 2024).

4. Russian Federation. (2024) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7.05.2024 № 309 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda"* [Decree No. 309 of the President of the Russian Federation of May 7, 2024, "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1305894187?ysclid=ly07ahmven679584774> (Accessed: 20th July 2024).

5. Russian Federation. (n.d.) *Natsional'nyy standart RF GOST R 52495-2005 "Sotsial'noe obsluzhivanie naseleniya. Terminy i opredeleniya"* [National standard of the Russian Federation GOST R 52495-2005 "Social services to the population. Terms and definitions"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200043127?ysclid=lur5x6nobb52070754> (Accessed: 20th July 2024).

6. Russian Federation. (1999) *Federal'nyy zakon ot 17.07.1999 № 178-FZ "O gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi"* [Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999, "On State Social Assistance"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901738835> (Accessed: 20th July 2024).

7. Russian Federation. (2023) *Federal'nyy zakon ot 6.02.2023 № 10-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1300785768> (Accessed: 20th July 2024).

8. Russian Federation. (1998) *Federal'nyy zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ "Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998, "On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901713538> (Accessed: 20th July 2024).

9. Russian Federation. (2013) *Federal'nyy zakon ot 28.12.2013 № 442-FZ "Ob osnovnykh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013, "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/499067367> (Accessed: 20th July 2024).

10. Grebeshkova, O.Yu. & Mantikova, A.V. (2015) Problema sozdaniya edinogo algoritma pomoshchi molodezhi v trudnoy zhiznennoy situatsii: psikhologicheskii aspekt [The problem of creating a unified algorithm for helping young people in difficult life situations: psychological aspect]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*. 12. pp. 120–124.

11. Myshko, V.V. & Balyaev, S.I. (2023) Teoreticheskie podkhody k izucheniyu ponyatiya trudnoy zhiznennoy situatsii v psikhologii [Theoretical approaches to the study of the concept of a difficult life situation in psychology]. *Nauka v zhizni cheloveka*. 3. pp. 95–101.

12. Klimova, S.V. (2021) Trudnaya zhiznennaya situatsiya v sotsial'noy rabote s molodezh'yu: utochnenie ponyatiynogo soderzhaniya termina [Difficult life situation in social work with youth: On the conceptual content of the term]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*. 1(5). pp. 160–170.

13. Bepalov, Yu.F. (2018) Trudnaya zhiznennaya situatsiya rebenka v RF: sotsial'no-pravovoy aspekt [Difficult life situation of a child in the Russian Federation: the social and legal aspect]. *Notarius*. 3. pp. 30–33.

14. Finaeva, A.G. (2012) Sem'ya v trudnoy zhiznennoy situatsii [Family in a difficult life situation]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3. pp. 22–36.

15. Bushuev, I.S. (2023) K voprosu otneseniya zhiznennoy situatsii k kategorii trudnoy dlya realizatsii tsey i zadach instituta probatsii v Rossii [On classifying a life situation as difficult for the implementation of the goals and objectives of the probation institute in Russia]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 9(256). pp. 8–15.

16. Doluev, I.Yu., Zorina, E.S. & Makarova, O.V. (2023) Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie sem'i, vospityvayushchey rebenka s zhiznneugrozhayushchim zabolevaniem: teoreticheskoe osmyslenie i praktika realizatsii [Psychological and pedagogical support for a family raising a child with a life-threatening disease: Theoretical understanding and implementation practice]. *Novye issledovaniya*. 1(73). pp. 34–46.

17. Zaytseva, E.V. & Voronila, L.I. (2020) Deti s orfannymi zabolevaniyami: sravnitel'nyy analiz okazaniya mer podderzhki sotsial'nym gosudarstvom [Children with orphan diseases: a comparative analysis of the provision of support measures by the social state]. *Sotsium i vlast'*. 4(84). pp. 20–29.

18. Kiryushina, D.V. (2022) Okazanie mediko-sotsial'noy pomoshchi sem'yam, nakhodyashchimsya v trudnoy zhiznennoy situatsii, svyazannoy s potrebleniem roditel'yami nesovershennoletnikh detey psikhoaktivnykh veshchestv [Providing medical and social assistance to families in difficult life situations associated with the use of psychoactive substances by parents of minor children]. *Narkologiya*. 21(12). pp. 76–79.

19. Finaeva, A.G. (2012) *Resotsializatsionnyy potentsial sem'i osuzhdenного* [Resocialization Potential of the Family of a Convicted Person]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Sartov.

20. Skalnaya, M.M. (2022) Gosudarstvennyy sotsial'nyy kontrakt – organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm snizheniya urovnya bednosti sel'skogo naseleniya [The state social contract – an organizational and economic mechanism for reducing the poverty level of the rural population]. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*. 7. pp. 109–115.

21. Orlova, I.S. (2022) Sotsial'nyy kontrakt kak instrument gosudarstvennoy sotsial'noy politiki po snizheniyu urovnya bednosti [Social contract as an instrument of state social policy to reduce poverty]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 1(157). pp. 139–146.

22. Magomedova, A.G. (2022) Problemy realizatsii zakonodatel'stva o gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi na osnovanii sotsial'nogo kontrakta [Problems of implementation of legislation on state social assistance based on the social contract]. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 44(4). pp. 98–102.

23. Kokoreva, M.E., Loskutova, I.M., Tarchenko, V.S. & Sinyaev, M.V. (2022) Sotsial'naya rabota i soglasovanie interesov sotsial'nykh grupp v RF v usloviyakh vozrastaniya sotsial'nykh riskov [Social work and coordination of interests of social groups in the Russian Federation in the context of increasing social risks]. *Poisk: politika, obshchestvovedenie, iskusstvo, sotsiologiya, kul'tura*. 6(95). pp. 80–88.

24. Tugarov, A.B. & Dudkin, A.S. (2012) Metodologiya i metodika klassifikatsii trudnykh zhiznennykh situatsiy, trebuyushchikh sotsial'noy interventsii v zhiznedeyatel'nost' rebenka i ego sem'i [Methodology and techniques for classifying difficult life situations requiring social intervention in the life of a child and his family]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. 27. pp. 136–150.

Сведения об авторе:

Соловьева С.В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.v.solovyeva@urfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Solovyeva S.V. – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor at the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.v.solovyeva@urfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.07.2024;

одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 24.02.2025

The article was submitted 29.07.2024;

approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 24.02.2025

Original article

УДК 316.3

doi: 10.17223/1998863X/83/17

SPOTLIGHTING THE TRENDS IN THE INCLUSIVE EDUCATION RESEARCH IN NIGERIA

Mary Oluwatosin Lawal¹, Elena R. Iarskaia-Smirnova²

^{1,2} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *mlaval@hse.ru*

² *eiarskaia@hse.ru*

Abstract. This article presents a systematic review of the scholarship in the area of inclusive education in Nigeria, highlighting current trends, challenges, and prospects. The analysis reveals a paucity of scholarly research pertaining to inclusive education within Nigeria as reflected in international academic journals. A specific gap that has been delineated is the predominant focus of existing studies on disability, with scant attention afforded to gender, socio-economic status, ethnicity, among other pertinent characteristics of exclusion.

Keywords: inclusive education, children, Nigeria, research, systematic review

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

For citation: Lawal, M.O. & Iarskaia-Smirnova, E.R. (2025) Spotlighting the trends in the inclusive education research in Nigeria. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 182–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/17

Научная статья

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НИГЕРИИ

Мэри Олуватосин Лавал¹, Елена Р. Ярская-Смирнова²

^{1,2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *mlaval@hse.ru*

² *eiarskaia@hse.ru*

Аннотация. Показаны текущие тенденции, проблемы и перспективы в области инклюзивного образования в Нигерии на материалах систематического анализа крупнейших периодических изданий. Анализ выявил пробелы в поле научных исследований, касающиеся ряда аспектов инклюзивного образования в Нигерии. В существующих исследованиях в международных журналах основное внимание уделяется инвалидности, при этом авторы обходят стороной вопросы гендера, социально-экономического статуса, этнической принадлежности, а также другие измерения социального исключения.

Ключевые слова: инклюзивное образование, школа, дети, Нигерия, исследование, систематический обзор

Благодарности: Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Lawal M.O., Iarskaia-Smirnova E.R. Spotighting the trends in the inclusive education research in Nigeria // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 182–192. doi: 10.17223/1998863X/83/17

Introduction

Measures attesting to the increasing awareness and understanding of the right of persons with disabilities to education are embodied in the United Nations Convention on the Rights of the Child (1989), the World Declaration on Education for All (1990), the United Nations Standard Rules on Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities (1993), and the Salamanca Declaration and Framework for Action (1994) [1]. The goal of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD) and its Optional Protocol (OP) is to provide ground-breaking new precedent for disability rights legislation both nationally and globally [2]. The idea that schools should accommodate all students, regardless of their physical, intellectual, social, emotional, linguistic, or other impairments, serves as the foundation for the Salamanca Declaration and the Framework for Action on Special Needs Education [3]. The fourth Sustainable Development Goal (SDG) states that by 2030, all people should have access to inclusive, high-quality education, and lifelong learning should be encouraged [4].

African states enthusiastically supported the movement that resulted in the UN General Assembly adopting the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD) and its Optional Protocol on December 13, 2006 [5]. However, despite the reduction in enrollment gaps for vulnerable children brought about by universal primary education in many countries, the adoption of inclusive education in Africa since Salamanca (1994) has been sluggish [6].

The National Policy on Education was announced by the Federal Military Government of Nigeria in the latter part of the decade (1977), and the follow up period might be referred to as the beginning of recognition of special needs of students in the Nigerian society. Before then, the scholars point at the prevalence of demeaning public attitudes towards children with special needs and disabilities [7]. Children with disabilities are among the disenfranchised groups in Nigeria, where a “social and cultural fabric” [8. P. 10] is still hostile to people with impairments. The country recently acknowledged that 10.5 million of its students were not attending school.

The aim of this article is to emphasize the main trends in the scholarship on inclusive education in Nigeria, highlighting the thematic angles and points of relevance, while also examining the development of academic knowledge in this field and identifying the issues that have been contested. A brief literature review will precede the description of methodology and presentation of the main findings of systematic analysis of international scholarship on the given topic. The discussion and conclusion will present the gaps and perspectives highlighted in the reviewed articles.

Literature Review

A corpus of research that lists obstacles to the implementation of inclusive education has resulted from the inability of inclusive education to establish a firm foothold in educational systems around the globe [9]. It was further noted that

according to scholars' experience as academics in the field, the obstacles and enablers approach to inclusive education is constrictive since it implies that when more hurdles are found and removed, the objective of inclusive education will advance linearly [9]. Academics engaged in the pursuit of an African perspective on inclusive education assert that a re-emphasis on the fundamental principles of African values, community, and education would enhance the inclusivity of educational practices [10]. Africa must leverage its abundant cultural assets and recognize its unique social and economic contexts to avoid overextending itself in the pursuit of international benchmarks [11]. Hence, contextualized publications on inclusive education in Nigeria would indeed be beneficial.

Systematic reviews are distinguished by their thoroughness, transparency, reproducibility, and methodology. Finding all pertinent published and unpublished work that answers one or more research questions requires a methodical search process. Integrating a research topic into the larger framework of scholarly disciplines is essential in any field of study in order to expand on the body of knowledge in that field and to find gaps in the literature to support a claim. A great way to accomplish this is by carrying out a systematic review [12]. As noted by [13], the first and most evident advantage of systematic reviews is that they allow crucial design research questions to be addressed by utilizing the method's capabilities. The ability to stay up to date with the constantly expanding body of knowledge on a variety of subjects is another important benefit that systematic literature reviews offer. Additionally, the accuracy and reliability of recommendations made can also be improved by systematic reviews [14]. As opposed to conventional or narrative literature reviews, which are criticized for being arbitrary and biased, the goal of a systematic review is to conduct a thorough and open review at every stage of the process, making it repeatable and updateable. They specifically clarify the distinctions between configurative and aggregative synthesis logic, which are crucial for reviews in educational research [12].

Previous research has shown that, in addition to providing a broad overview of the empirical research on inclusion that has been published within a period of time, a systematic literature review can also be used to identify empirical support for practices and policies that contribute to the growth of inclusive education [15].

The aim of this paper is to investigate the current scope of research on inclusive education in Nigeria in the international journals in order to have better conceptual clarity and to systematize the range of social issues, research problems, methodologies and themes in the best studies of Nigerian researchers that were presented at the academic platform of high international impact.

Method and sample

This study employs a systematic review of literature methodology as also adopted by other studies of inclusive education within and outside Africa [14, 15]. The principal considerations that contributed to the desirability of a systematic literature review as the appropriate methodology for this work are clarity, validity, and auditability, which are features of a systematic literature review [16].

The selection process started initially with a manual search of relevant articles in several research databases including JSTOR, ScienceDirect, Taylor and Frances online, and International Institute of Science Technology and Education. Subsequently, articles on inclusive education in Nigeria were found in seven

journals, namely, the International Journal of Disability Development and Education (IJDDE), the International Journal of Inclusive Education (IJIE), Cogent Arts & Humanities, Cogent Education, Universal Journal of Educational Research (UJER). These journals were chosen to ensure a thorough and impartial systematic review because of their specialized emphasis, multidisciplinary reach, and relevance to educational research themes. In addition, the selected journals have international scope; therefore, the study that includes Nigeria are exposed to the worldwide audience, thus adding value to the international recognition of the national issues.

All selected journals are highly acclaimed periodicals in the fields of disability studies and educational development. With an intense focus on peer-reviewed interdisciplinary research, they highlight the challenges and potential for creating inclusive educational settings and meeting the needs of diverse learners. Their breadth and thorough peer-review process guarantee the dissemination of high-quality research with practical applications. All journals in our selection are widely cited and provide a forum for addressing major challenges in the creation of inclusive educational settings, making it a great resource for synthesizing findings.

To ensure a comprehensive coverage and to avoid omission of relevant articles, the following search options were used: “Inclusive education in Nigeria”, “Inclusive education AND Nigeria”, “Impairment AND Education AND Nigeria”, “Mainstream Education AND Nigeria”, “Special education needs AND Nigeria”, “Inclusion AND Education AND Nigeria”, “Integration AND Education AND Nigeria”, and “Special Education and Nigeria”.

This initial step returned 115 possible articles that were found in the search results. Following the removal of 64 duplicates from the 115 items returned by the literature search, 51 articles were examined and their relevance was evaluated.

The next step in choosing the articles was to review the title, abstracts and full texts for significance. The inclusion criteria were as follows: the articles should be about Nigeria and have at least one of the following terms in the abstract and among the key words: inclusive education, inclusive schools, special education needs. This left us with nineteen eligible articles, which were then retrieved for the full-text review in our analysis: eight from IJDDE, eight from IJIE, one from Cogent Arts and Humanities, one from Cogent Education, one from UJER. In the following sections, we present the findings of the study.

Results

Trends in the studies of inclusive education in Nigeria

The first article about Inclusive Education in Nigeria among the selected publications appeared in 2004 in IJIE [17]. However, we included into the analysis two articles on education of children with SEND that appeared in JDDE in the 1990s [18, 19], for they raised the issues of accessibility of schooling and mention possibility for children with disabilities to study together with their peers [18]. There is a notable increase in frequency of publications through the last decades: two articles in 1990s, two in 2000s, six in 2010s and ten in the 2020s.

In the next sections, we systematize and analyze the articles in our selection according to the theoretical framework and methodology, social and research problems highlighted and ways to solve the issues.

Social issues and research problems in the studies of inclusive education

Education of children or youth with disabilities was seen to be the focus of 20 articles from our sample. In addition, three articles from the collections emphasized the need to include other groups, namely, adults with disabilities, female learners and students with sickle cell disease. Furthermore, amongst the articles that focused on students with disabilities, five articles focused specifically on the issues faced by the students with hearing impairments, visual impairments, intellectual disabilities, autistic spectrum disorders. Other articles addressed the issues of inclusive education of children with disabilities without particular focus on the type of impairment.

Several articles in the IJDE pose the sharp issues of lack of resources to improve the well-being of people with disabilities, in particular, to make education accessible [18], to train teachers and develop inclusive schools [20]. The results of the study on the facilities available in mainstreamed public secondary schools in southwest Nigeria show that key amenities and resources, such as handrails, hearing aids, instructional materials, Braille, and lower restrooms, were not available, and the few that were (textbooks, resource rooms, typewriters) were in poor shape. This result demonstrated that inadequate resources and facilities hampered successful learning. The studies also highlight the gap between the policy rhetoric and its implementation [21].

As the CRPD was ratified in Nigeria in 2010, it was supported by the strategic documents at the national level, but its implementation is hindered and is challenging due to the lack of resources, especially in relation to inclusive education. In particular, as underlined by one of the authors, despite the Disability Rights Law (HB 37 & 46) being passed by Nigeria in 2004, it is not currently being actively enforced or implemented, which has an impact on inclusion and accessibility [20].

Since the early 1990s, scholars have expressed critical vision of the restraints created by policy definitions of special education and disabilities as a matter of deficiencies, a lack of a legal framework to implement policies to address the issues of welfare and education of people with disabilities, and pointed out that the policies are trapped in the definition of education for People with disabilities for being “blatantly personalistic and stereotyped” [18. P. 171] and prioritizing the deficits (learning difficulty because of handicaps) over potential solutions. Such a viewpoint, according to the author, has a clear impact on the range and quality of services offered to individuals with disabilities. He stresses the acute need for policies aimed to improve social and functional prospects for people with disabilities, especially in a society where opportunities for employment are becoming more scarce. The limitations of medicalized definitions of disability that impact the state of research, as well as the quality and quantity of data about children with disabilities was recognized [22]. Besides, the constrained definitions impact the low level of enrollment of children with disabilities in classes. The authors claim that the learning environment should be improved based on the recommendations informed by the relevant research [22].

The studies of the cultural context of inclusion are published in both journals. The research demonstrates how children and youth with disabilities continue to

face a lack of instructional support and discriminatory views among teachers [23] and other students. Such treatment reinforces the subordinate status of such learners. Perceptions and attitudes around disability and the inclusion of people with impairments in regular schools have been significantly impacted by cultural viewpoints, particularly in Africa [24].

Female students and younger staff seem to have a more positive attitude towards students with disabilities [25]. Another study indicated that special instructors demonstrated more positive attitudes towards kids with special needs than regular teachers. In addition to the negative attitudes, there are the issues of inadequate school supplies and ineffective teaching strategies [21]. Due to these, students with hearing impairments now find themselves in a position where they do poorly, feel alone in the classroom, stop participating in class discussions, and become dissatisfied with their education before graduating [26]. Using the Parents' Attitudes towards Inclusive Education scale, two articles explored parental attitudes, knowledge and perceived social norms that influence the implementation of inclusive education [27, 28]. The scholars identified positive attitudes among parents in general but a lack of knowledge about inclusive education. Cultural ideas influence the treatment of people with disabilities as unequal members of the society.

The cultural context of inclusion is a peculiar emphasis of the articles published in the IJIE. The authors identify traditional beliefs that attribute impairments to supersensible powers; such beliefs influence people's views towards those with disabilities and result in the public ignorance about disability issues. The conventional ways of thinking affect children's chances of inclusion in education [17]. The reliance on such beliefs is called by [29] as non-materialist culture. This term should not be misconceived as a part of a conceptual framework of post-materialism [30]. Here, "materialist" is a term from the Soviet type of Marxist thinking that defines the material world as objective reality that is perceived by the senses but is independent of mind or spirit (cf [31]). The authors explore how stigma underpinned by a "non-materialistic" culture affects the choices that parents in developing countries make on behalf of their children. Here, the mothers are identified as "key stakeholders" in the overall education of the child [29. P. 8].

By examining the everyday experiences of parents of children with disabilities, it was concluded that while some parents applaud the system, others see it as a threat to their children's social integration and future prospects [8]. The findings also point at the differential inclusion – there is a perception that certain disabilities are more "includable" within the country's inclusive learning settings than others, based on a cultural logic that places different bodily impairments on a hierarchy. Such symbolic categorization is coupled with social economic hierarchy indicating "a need for greater support and resources for children with intellectual, developmental or other supposedly severe disabilities that require more specialised care" [8. P. 12]. Indirectly, the study also mentions gender dimensions of exclusion. Although the authors do not elaborate that issue through the lens of the critical gender theories, they bring the evidence that because women are considered as responsible when a child is born with a disability in a society, they typically bear the burden of meeting the health and education needs of such a child [8]. By focusing on everyday experiences of parents more light was into complexities that

arise when poor countries with severe resource pressures and weak political will experiment with inclusive education policy, while underestimating sociocultural barriers that can hinder implementation [8].

A study presented by the authors in [32] is informed by post-colonial gender critical thinking (e.g., [33]). It analyzes patriarchal prejudice that hinders girls' access to education. The authors contend that gender inequality and discrimination against women generally as a result of patriarchal systems of social organization and other socio-cultural practices of early marriage, child slavery, child fostering, or child trafficking, poverty, and multiple household responsibilities, as well as a lack of economic and social opportunities, are the primary causes of the low school retention rate of girls relative to boys in the developing countries where gender parity in education is still a long way off. In particular, in Nigeria, education is hampered by the practices of early marriage [32. P. 366].

Particular areas of inquiry are novel for the African scholarship and need more scholarly attention, e.g., emotional wellbeing and quality of life of individuals with sickle cell disease [34] and services for children with autism [20]. A rare topic for the scholarship into inclusive education is the issue of illiteracy of adults with disabilities. The result of the literature review conducted revealed that, despite the limited funding and instructors who knew little about disability, the majority of adults with disabilities enrolled in the literacy program passed a qualifying exam, enabling most of them to find civil service jobs, continue their education into post-literacy programs [35]. Thus, there was a remarkable potential provided even by the basic literacy effort. However, because of lack of funding, it was discontinued [35. P. 1158].

Thus, the studies highlight the key barriers that hinder inclusive processes: lack of resources and comprehensive policies, public ignorance and widespread prejudices that not only are common among the general population but also affect the attitudes of the main stakeholders of education. The researchers embrace different structural levels of inclusion, paying attention to the policy, culture and practice.

To tackle some of the issues highlighted, the authors have given a number of recommendations that range from the statements addressing the level of governance and public attitudes to the concrete practical solutions at the institutional level.

A special funding allocation is claimed by the authors for the improvement of facilities and for the recruitment of more personnel with superior training to assist kids with impairments in the classroom [23]. To challenge the attitudes that lead to discrimination and bullying against parents and children, the authors propose educating the public about inclusion [17] through awareness campaigns [27], improving the attitude of students and academics. Lastly, the scholars underline the need to improve teacher training, advance curriculum, revise methods of teaching offering small- and individual-sized education in addition to large-group instruction.

Discussion and Conclusion

The aim of this paper was to investigate the current scope of research on inclusive education in Nigeria in international journals in order to have better conceptual clarity and to systematize the range of social issues, research problems,

methodologies and themes in the best studies of Nigerian researchers that were presented at the academic platform of high international impact. Systematic reviews that summarize the available information on a topic are an important part of proliferation of research that has an impact on policy planning; hence, a systematic review of literature was carried out. Our analysis shows that the scholarship in the area of education for persons with disabilities in Nigeria acquired the attention of international readership since the early 1990s, when an idea that children with disabilities can study together with their peers was brought to light. There has ever since been a notable increase in the frequency of internationally wide publications about inclusive education in Nigeria, especially in the 2020s, along with the steady growth of legal framework concerning the ratification of international documents supported by the adoption of national laws.

The articles have identified issues facing inclusive education in Nigeria as majorly a lack of both human and capital resources, a low implementation of policy, gender inequality, negative attitudes towards people with disabilities and low knowledge in certain areas of inquiry in the field of inclusive education.

The concepts of Omoluabi and Ubuntu/Botho embedded in African societies and specifically in the education curricula was mentioned [24. P. 13]. These concepts “encourage citizens to love, support, value, and care for persons with disabilities and are geared towards inclusion”. This shows the necessity to take into account cultural assumptions that may nurture the attitudes of the professionals. This implies an epistemic turn towards such methodology that would be informed by cultural anthropology, to identify and discuss the role and place of African indigenous knowledge systems in the analyses of inclusive education (e.g., [36]).

In order to better recognize and resolve these complex issues that hinder inclusive education, the studies identify the main actors whose involvement can facilitate the processes of positive changes. Among them there are parents of kids with and without disabilities, institutions such as governmental departments, schools, and churches, cultural mediators such as priests, teachers, civil society organizations that support people with disabilities, and academia. However, several gaps in the scholarly literature were highlighted in this analysis. There is limited research on inclusive education in Nigeria across international journals. Another gap identified is that studies have paid particular attention to disability, with very little attention paid to gender, socio-economic class, ethnicity amongst other characteristics. Only a few authors recognize that in order to make inclusion effective, the mutual understanding and communication between the stakeholders is crucial. This article seeks to augment the journals’ existing body of knowledge, providing innovative insights and perspectives at the intersection of sociology and pedagogy.

References

1. UNO. (2016) *United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities*. [Online] Available from: https://www.right-to-education.org/sites/right-to-education.org/files/resource-attachments/CRPD_General_Comment_4_Inclusive_Education_2016_En.pdf
2. Reenen, TPV & Combrinck, H. (2011) *The UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities in Africa: Progress After 5 Years*. [Online] Available from: <https://sur.conectas.org/en/un-convention-rights-persons-disabilities-africa/>
3. UNESCO UNE Scientific and Cultural Organization. (1994) *The Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education*. Salamanca, Spain: UNESCO. p. 50. [Online]

Available from: https://inee.org/sites/default/files/resources/doc_1_89_Special_Needs_Education_-_Framework_for_Action.pdf

4. Rambla, X. & Langthaler, M. (2016) *The SDGs and inclusive education for all: From special education to addressing social inequalities*. Austria; 2016 Jun p. 19. Report No.: 14. [Online] Available from: https://www.academia.edu/28086034/The_SDGs_and_inclusive_education_for_all_From_special_education_to_addressing_social_inequalities

5. Lord, J. & Stein, M.A. (2013) Prospects and practices for CRPD implementation in Africa. *African Disability Rights Yearbook*. p. 97–113. [Online] Available from: <https://www.saflii.org/za/journals/ADRY/2013/5>

6. Pather, S. (2019) Confronting inclusive education in Africa since Salamanca. *International Journal of Inclusive Education*. 23(7–8). pp. 782–95. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13603116.2019.1623329>

7. Fakolade, O.A., Adeniyi, S.O. & Tella, A. (2009) Attitude of teachers towards the inclusion of special needs children in general education classroom: the case of teachers in some selected schools in Nigeria. *International Electronic Journal of Elementary Education*. 1(3).

8. Brydges, C. & Mkandawire, P. (2020) Perceptions and experiences of inclusive education among parents of children with disabilities in Lagos, Nigeria. *International Journal of Inclusive Education*. 24(6). pp. 645–59. DOI: 10.1080/13603116.2018.1480669

9. Walton, E. & Engelbrecht, P. (2024) Inclusive education in South Africa: path dependencies and emergences. *International Journal of Inclusive Education*. 23rd August. [Online] Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13603116.2022.2061608>

10. Walton, E. (2018) Decolonising (through) inclusive education? *Educational Research for Social Change*. 7(spe). pp. 31–45. [Online] Available from: https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_art-text&pid=S2221-40702018000200004&lng=en&nrm=iso&tlng=en

11. Kinuthia, C.N. (2022) Africanizing Inclusive Education: Why, How, Who, Where and What to be Included. *East African Journal of Education Studies*. 5(1). pp. 204–16. [Online] Available from: <https://journals.eanso.org/index.php/eajes/article/view/629>

12. Newman, M. & Gough, D. (2020) Systematic Reviews in Educational Research: Methodology, Perspectives and Application. In: Zawacki-Richter, O., Kerres, M., Bedenlier, S., Bond, M. & Buntins, K. (eds) *Systematic Reviews in Educational Research*. Wiesbaden: Springer Fachmedien. pp. 3–22.

13. Lame, G. (2019) Systematic Literature Reviews: An Introduction. *Proc Des Soc Int Conf Eng Des*. 1(1). pp. 1633–42. [Online] Available from: https://www.cambridge.org/core/product/identifier/S2220434219001690/type/journal_article

14. Seedat, N. (2018) *A thematic review of Inclusive Education research in South Africa*. University of the Witwatersrand, Johannesburg. [Online] Available from: <https://wiredspace.wits.ac.za/items/21dd3fc3-79ed-4b8f-bb90-6df465af3fa1>

15. Filippou, K., Acquah, E.O. & Bengs, A. (2025) Inclusive policies and practices in higher education: A systematic literature review. *Rev Educ*. 13(1). [Online] Available from: <https://berajournals.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/rev3.70034>

16. Booth, A., Sutton, A. & Papaioannou, D. (2016) *Systematic approaches to a successful literature review*. 2nd ed. Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington DC; Melbourne: SAGE. [Online] Available from: <https://www.researchgate.net/publication/235930866>

17. Gaad, E. (2004) Cross-cultural perspectives on the effect of cultural attitudes towards inclusion for children with intellectual disabilities. *International Journal of Inclusive Education*. 8(3). pp. 311–28. DOI: 10.1080/1360311042000194645

18. Abang, T.B. (1992) Special Education in Nigeria. *International Journal of Disability, Development and Education*. 39(1). pp. 13–8. DOI: 10.1080/0156655920390103

19. Awanbor, D. (1995) Ten Years of the National Policy on Education in Nigeria: An Assessment of Policy on Special Education. *International Journal of Disability, Development and Education*. 42(2). pp. 171–6. DOI: 10.1080/0156655950420207

20. Hill, D.A., Fayemi, A. & Ostrowski, S. (2024) The Evolution of Services for Children with Autism and Developmental Disabilities in Nigeria. *International Journal of Disability, Development and Education*. January. DOI: 10.1080/1034912X.2023.2291570

21. Oluremi, F.D. (2015) Inclusive Education Setting in Southwestern Nigeria: Myth or Reality? *Universal Journal of Education Research*. 3(6). pp. 368–74. [Online] Available from: http://www.hrpub.org/journals/article_info.php?aid=2662

22. Cappa, C., Njelesani, J., Neil, N. & Maladwala, A. (2023) Measuring Environmental Factors and School Participation for Children with Disabilities. *International Journal of Disability, Development and Education*. 70(7). pp. 1312–27. DOI: 10.1080/1034912X.2021.1959021

23. Brydges, C. & Mkandawire, P. (2016) Perceptions and Concerns about Inclusive Education among Students with Visual Impairments in Lagos, Nigeria. *International Journal of Disability, Development and Education*. 64(2). pp. 211–25. DOI: 10.1080/1034912X.2016.1183768
24. Adigun, O.T. (2021) Inclusive education among pre-service teachers from Nigeria and South Africa: A comparative cross-sectional study. *Cogent Education*. January. DOI: 10.1080/2331186X.2021.1930491
25. Ijadunola, M., Akinyemi, P., Olowookere, O., Olotu, O., Goodman, O., Ogundiran, A. et al. (2022) Addressing Inclusiveness in Tertiary Co-education: Attitude of Undergraduate and Academic Staff Towards Students with Disabilities in a South-West Nigerian University. *International Journal of Disability, Development and Education*. 69(1). pp. 47–60. DOI: 10.1080/1034912X.2021.2016658
26. Onuigbo, L., Osadebe, N.E. & Achebe, N.E. (2020) Classroom environment required for meeting the information needs of students with hearing impairment in Nigerian universities. *International Journal of Inclusive Education*. February. DOI: 10.1080/13603116.2018.1459887
27. Torgbenu, E.L., Oginni, O.S., Opoku, M.P., Nketsia, W. & Agyei-Okyere, E. (2021) Inclusive education in Nigeria: exploring parental attitude, knowledge and perceived social norms influencing implementation. *International Journal of Inclusive Education*. 25(3). pp. 377–93. DOI: 10.1080/13603116.2018.1554715
28. Opoku, M.P., Nketsia, W., Agyei-Okyere, E., Oginni, O.S. & Torgbenu, E.L. (2022) Inclusive education in West Africa: predictors of parental attitudes, knowledge and perceived social norms influencing inclusive practices in Ghana and Nigeria. *International Journal of Inclusive Education*. 26(2). pp. 124–42. DOI: 10.1080/13603116.2019.1642397
29. Uba, C.D. & Nwoga, K.A. (2016) Understanding stigma from a sociocultural context: mothers' experience of stigma directed towards children with special educational needs. *International Journal of Inclusive Education*. 20(9). pp. 975–94. DOI: 10.1080/13603116.2016.1145259
30. Inglehart, R. (1971) The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies. *American Political Science Review*. 65(4). pp. 991–1017. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/1953494>
31. Ifunanya, D.A. (2020) Exploring Karl Marx Dialectic Materialism in the Context of Nigeria State. *Journal of Advances in Humanities and Social Sciences*. 6(5). [Online] Available from: <https://papers.ssrn.com/abstract=3829610>
32. Tuwor, T. & Sossou, M. (2008) Gender discrimination and education in West Africa: strategies for maintaining girls in school. *International Journal of Inclusive Education*. 12(4). pp. 363–79. DOI: 10.1080/13603110601183115
33. Rowan-Campbell, D. (1999) *Development with Women*. OXFAM. [Online] Available from: <https://oxfamlibrary.openrepository.com/handle/10546/121176>
34. Adegbolagun, A., Ani, C., Adejumo, O., James, B. & Omigbodun, O. (2022) Effect of a group-based cognitive behavioural therapy program on the psychological wellbeing, quality of life and coping of students with sickle cell disease in Nigeria. *International Journal of Disability, Development and Education*. 69(3). pp. 1095–104. DOI: 10.1080/1034912X.2020.1755422
35. Groce, N.E. & Bakhshi, P. (2011) Illiteracy among adults with disabilities in the developing world: a review of the literature and a call for action. *International Journal of Inclusive Education*. 15(10). pp. 1153–68. DOI: 10.1080/13603116.2011.555068
36. Mulovhedzi, S.A. & Luhailima. (2023) *The Role and Place of African Indigenous Knowledge Systems in the Analyses of Inclusive Education*. In: *Using African Epistemologies in Shaping Inclusive Education Knowledge*. Palgrave Macmillan. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/372362089_The_Role_and_Place_of_African_Indigenous_Knowledge_Systems_in_the_Analyses_of_Inclusive_Education

Information about the authors:

Lawal M.O. – doctoral student, International Laboratory for Social Integration Research, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mlaval@hse.ru, ORCID: 0009-0006-4085-6526

Iarskaia-Smirnova E.R. – Dr. Sci. (Sociology), PhD in Social Work, professor at the Faculty of Social Sciences, head of the International Laboratory for Social Integration Research, editor-in-chief, the Journal of Social Policy Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: eiarskaia@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

Лаваль М.О. – аспирант Международной лаборатории исследований социальной интеграции, департамент социологии, факультет социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mlaval@hse.ru, ORCID: 0009-0006-4085-6526

Ярская-Смирнова Е.Р. – доктор социологических наук, PhD по социальной работе, профессор факультета социальных наук, руководитель Международной лаборатории исследований социальной интеграции, главный редактор журнала «Исследования социальной политики» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: eiarskaia@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 09.02.2025;

approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 24.02.2025

Статья поступила в редакцию 09.02.2025;

одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 24.02.2025

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 339.18
doi: 10.17223/1998863X/83/18

ЛИДЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наталья Анатольевна Вукович¹,
Ольга Владимировна Бирюкова², Олег Юрьевич Кривохижин³,
Ирина Борисовна Ольшанская⁴

^{1, 2, 3, 4} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

³ *Институт демографической политики имени Д.И. Менделеева, Москва, Россия*

^{1, 2, 3, 4} *lresbus@hse.ru*

Аннотация. Основной исследовательский вопрос статьи: какие социально-экономические черты характерны для лидеров ответственного ведения бизнеса в России. В исследовании использовались методы количественного и качественного анализа данных национального российского ЭКГ-рейтинга¹ за 2023 г. Результаты анализа показали, что современными лидерами ответственного ведения бизнеса в России являются преимущественно крупные обрабатывающие компании с развитой социальной политикой.

Ключевые слова: бизнес, корпоративная социальная ответственность, ответственное ведение бизнеса, устойчивое развитие, рейтинг ответственного ведения бизнеса

Благодарности: в работе использованы результаты проекта «Анализ и оценка индекса деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности в государствах – участниках БРИКС», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

Для цитирования: Вукович Н.А., Бирюкова О.В., Кривохижин О.Ю., Ольшанская И.Б. Лидеры ответственного ведения бизнеса современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 193–000. doi: 10.17223/1998863X/83/18

¹ ЭКГ-рейтинг – это индекс деловой репутации: комплексный результат оценки субъекта предпринимательской деятельности, выраженный в баллах и публикуемый на сайте экг-рейтинг.рф [1].

POLITICAL SCIENCE

Original article

WHICH COMPANIES ARE THE LEADERS OF RESPONSIBLE BUSINESS IN RUSSIA?

Natalia A. Vukovich¹, Olga V. Biryukova²,
Oleg Yu. Krivokhizhin³, Irina B. Olshanskaya⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

³ Mendeleev Institute for Demographic Policy, Moscow, Russian Federation

^{1, 2, 3, 4} lresbus@hse.ru

Abstract. The main research question of the article is: What socio-economic features are characteristic of leaders of responsible business in Russia? The study used methods of quantitative and qualitative analysis of the data of the national Russian EPS-rating for 2023. The results of the analysis showed that the modern leaders of responsible business in Russia are large manufacturing companies with developed social policies. The leaders of the national rating of responsible business in Russia, according to the national EPS-rating for 2023–2024, are characterized by the following major features. 1. By type of activity, manufacturing companies, as well as transportation and storage, are leading the way. However, companies in other fields of activity are represented. 2. In terms of annual income, most companies are large businesses: more than 86% of the leading companies in the EPS-rating have an annual turnover of more than 2 billion rubles, including 36% of companies with more than 10 billion rubles. 3. In terms of the number of employees, most companies belong to the group of large enterprises (more than 77% have more than 250 employees), 38% have more than 1 thousand people. 4. In terms of the average monthly salary of employees, all companies pay employees above the average salary in the subject of the Russian Federation (more than 96%). More than half of the ranking leaders pay employees' salaries equal to or exceeding 2 average monthly salaries in the region. Thus, the main result of the study is the conclusion that the leading companies in the EPS-rating belong mainly to industrial sectors (Appendix 1) and they share the following common features: this is a large industrial business both in terms of the number of employees and in terms of annual revenue, with an average annual employee salary higher than the regional average. Consequently, an increase in the number of enterprises responsibly conducting business activities will have a comprehensive positive impact on socio-economic indicators at both the regional and federal levels and contribute to the achievement of national sustainable development goals. The existing measures of state support in the Central Federal District allow responsible business to receive various preferences from the state in conducting business activities and there is a tendency to scale the best practices of state support for responsible business in the Central Federal District throughout Russia. This research should be continued in future works and a more detailed and comprehensive study of Russian and international socio-economic policies and successful practices of responsible business conduct.

Keywords: companies, responsible business conduct, sustainable development, responsible business conduct rating

Acknowledgements: This research paper uses the results of the project “Analysis and Assessment of the Business Reputation Index of Business Entities in the BRICS “, carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2025.

For citation: Vukovich, N.A., Biryukova, O.V., Krivokhizhin, O.Yu. & Olshanskaya, I.B. (2025) Which companies are the leaders of responsible business in Russia? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 00–00. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/

Введение

Устойчивое развитие и ответственное ведение бизнеса являются современными глобальными приоритетами. За последние несколько десятилетий мы стали свидетелями важной тенденции – роста корпоративной социальной ответственности (КСО). Эта концепция не имеет единственного четкого определения, но подразумевает широкий спектр деловых практик, направленных на устойчивое управление воздействиями, которые возникают в результате экономической деятельности [2].

Несмотря на рост значимости социальной корпоративной ответственности, поддерживаемый усилиями международных организаций и отдельных правительств, в первую очередь членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), нельзя говорить об однородности приоритетов этих практик, а также о существовании объективных исчерпывающих метрик для измерения этого явления.

В последние десятилетия идеи корпоративной социальной ответственности, зарожденные в середине XX в. [3], значительным образом трансформировались в концепцию устойчивого развития. Важным событием в этом процессе стало принятие в 2015 г. Целей в области устойчивого развития, которые легли в основу формирования и реализации международной политики в области устойчивого развития. Цели устойчивого развития были активно интегрированы в стратегии развития государств и корпоративного сектора. В числе обязательств, которые компании принимают на себя для достижения целей устойчивого развития, присутствуют экологическая устойчивость, социальная ответственность и принципы корпоративного управления. Эти элементы приобрели более четкую форму в качестве ESG¹ принципов в 2004 г. в докладе Организации Объединенных Наций «Who Cares Wins». Впоследствии три столпа превратились в политическую основу, направляющую компании через стратегии трансформации ESG [5], а соответствующие рейтинги компаний все чаще учитываются на финансовых рынках и при принятии инвестиционных решений. Следует отметить, что в большинстве существующих ESG-рейтингов наибольшее внимание уделяется экологическим аспектам и «зеленой» повестке [6]. Таким образом, вопросы ESG сегодня являются важной составляющей инвестиционного анализа и управления рисками, а также отражают идеологические предпочтения заинтересованных сторон [7].

В российской науке концепция КСО, а также устойчивого развития еще проходит процесс осмысления, продолжается упорядочивание разрозненного понятийного аппарата [6]. Эти процессы происходят на фоне нормативных усилий по формированию целевых ориентиров, попыток выработки метрик, которые позволили бы проводить объективные оценки и мониторинг ответственного поведения компаний.

Несмотря на то, что ряд стран ОЭСР имеет более строгие механизмы контроля за соблюдением принципов корпоративной и социальной ответственности, многие российские компании, понимая важность устойчивого

¹ ESG- ESG (Environmental, Social, Governance) – система ценностей, следование которой позволяет обеспечить бизнесу устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. На русский язык аббревиатуру ESG можно перевести как «экологическое (E), социальное (S) и корпоративное (G) управление». Однозначного и общепринятого определения ESG в современной науке не дано, и термин в настоящее время находится на этапе формирования [4].

развития и улучшения своей репутации, добровольно участвуют в различных рейтингах ESG. Как показал анализ таких рейтингов, их подавляющее большинство формируют оценку в основном за счет показателей раздела по охране окружающей среды и влияния на климат. Такой подход не является оптимальным ни для достижения целей устойчивого развития, ни для реализации ответственного поведения бизнеса, наращивания социального капитала компаниями.

В России с 2023 г. активно развивается национальный рейтинг ответственного бизнеса, ЭКГ-рейтинг, который утвержден на уровне национального стандарта как «Национальный стандарт «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)» (ГОСТ Р 71198–2023) [1]. Существенным отличием российского ЭКГ-рейтинга от существующих ESG-рейтингов является фокус на социальную политику компаний [8].

Цель данной статьи состоит в определении общих черт российских компаний – лидеров ответственного ведения бизнеса на основании анализа результатов национального ЭКГ-рейтинга за 2023–2024 гг.

Разработка инструмента оценки деловой репутации бизнеса в России

Первое публичное обсуждение и идея о создании суверенного инструмента оценки уровня ответственности бизнеса возникли на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2022 г. Существенным отличием национального российского рейтинга ответственного бизнеса, ЭКГ-рейтинга, от международных является ориентация методологии рейтинга на национальные цели России, а также бесплатное участие для всех заинтересованных. Полноценная презентация ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса состоялась на следующем Петербургском международном экономическом форуме в 2023 г., где результаты были представлены уже по всей России.

На этом этапе рейтинг включал в себя крупный, средний и малый бизнес, т.е. около 100 тысяч коммерческих организаций. В течение следующего года была скорректирована методология рейтинга, ставшая в итоге основой для создания национального стандарта «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса» (ГОСТ Р 71198–2023 [7]). Ключевым изменением стало включение в оценку рейтинга в качестве участников всех действующих коммерческих организаций, включая микробизнес, и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в Российской Федерации, в результате рейтинг стал насчитывать более 7 млн участников (рис. 1). Отличительной чертой ЭКГ-рейтинга является его некоммерческая основа, так как участие в нем компаний и индивидуальных предпринимателей осуществляется на безвозмездной основе [1, 4].

ЭКГ-рейтинг формируется по трем направлениям, где анализируются следующие группы показателей:

1) «Экология» – степень воздействия на окружающую среду, использование наилучших доступных технологий и реализация экологических проектов;

2) «Кадры» – уровень оплаты труда, собственные социальные и демографические программы, благотворительные проекты;

3) «Государство» – финансовая устойчивость, налоговая история и благонадежность, социальное инвестирование в регионы присутствия, взаимодействие с бизнес-объединениями.

В соответствии с принятой методикой и распределением весов показателей наибольший вес отдан группе социальных показателей в отличие от популярных международных ESG-рейтингов.

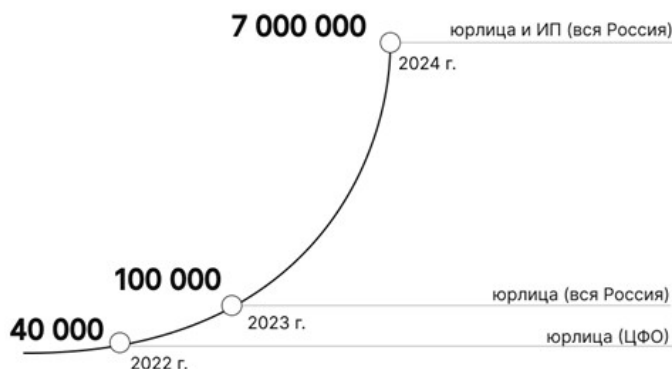


Рис. 1. Динамика количества участников ЭКГ-рейтинга. Источник: Буклет ЭКГ-рейтинга за 2024 год (<https://cfi.hse.ru/data/2024/08/29/1888716320/ЭКГ-рейтинг%20буклет.pdf>)

Оценка по указанным направлениям осуществляется на основе баллов в два этапа. На первом этапе проводится скоринг¹, представляющий собой комплексный анализ субъектов предпринимательской деятельности на базе реестровых данных, а также сведений из бухгалтерской отчетности. Используются только верифицированные данные государственных органов власти без дополнительных запросов в адрес участников рейтинга. Максимально участники рейтинга на данном этапе могут получить 100 баллов. Второй этап представляет собой добровольное (носит заявительный порядок) анкетирование субъектов предпринимательской деятельности, прошедших этап скоринга. Максимальное количество баллов в рамках этого этапа – 60 [1].

Академическое сообщество положительно отзывалось о концепции и результатах реализации ЭКГ-рейтинга и высоко оценивает дальнейшие перспективы его развития в России и международной повестке стран – участников БРИКС, ЕАС, СНГ [9–12].

Для дальнейшего анализа нами были выбраны лидеры ЭКГ-рейтинга, достигшие наивысшей оценки «ААА» за 2023–2024 гг. (Приложение 1). Основной исследовательский вопрос проведенного анализа заключался в определении доминирующих социально-экономических характеристик лидеров ответственного ведения бизнеса в России на современном этапе развития.

Анализ лидеров ЭКГ-рейтинга

В исследовании использовались методы количественного и качественного анализа данных национального рейтинга ответственного ведения бизнеса, ЭКГ-рейтинга, за 2023–2024 гг. Для анализа выбраны компании с наивысшим

¹ Скоринг – анализ финансово-хозяйственной деятельности субъекта предпринимательской деятельности на основании данных ФНС России, ФАС России, Росфинмониторинга, Казначейства России, ФССП России и Минюста России по направлениям: экология, кадры, государство.

рейтингом ответственного ведения бизнеса «ААА» – 62 российские компании, являющимися лидерами по данным ЭКГ-рейтинга за 2023–2024 год.

По данным ЭКГ-рейтинга за 2023–2024 гг. был выполнен отраслевой анализ, который показал, что более 60% компаний – лидеров ЭКГ-рейтинга (группа «ААА») относятся к сферам обрабатывающих производств, научной и технической деятельности, транспортировке и хранению (рис. 2). Предприятия обрабатывающих производств имеют различную специфику хозяйственной деятельности (Приложение 1).

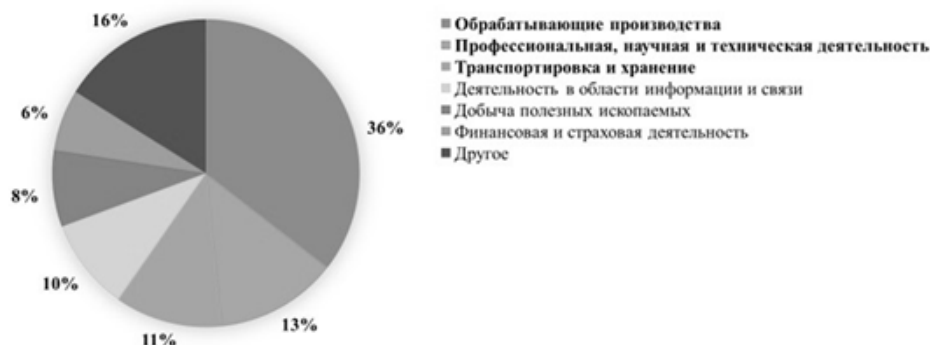


Рис. 2. Анализ лидеров ЭКГ-рейтинга по отраслям (по объему выручки). Источник: Данные ЭКГ-рейтинга за 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)

По годовому объему выручки среди компаний-лидеров преобладают крупные компании с оборотом более 2 млрд руб.: их доля в общей численности компаний-лидеров составила более 86% (рис. 3) (предприятие считается крупным, если его годовой доход превышает 2 млрд руб.¹).

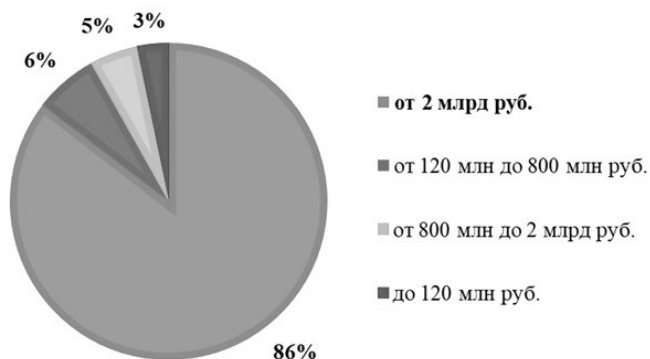


Рис. 3. Анализ лидеров ЭКГ-рейтинга по объему выручки за 2024 г. Источник: Данные ЭКГ-рейтинга за 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)

Для подробного анализа крупные предприятия были сгруппированы на четыре подгруппы по показателю объема выручки за год: до 10 млрд руб., до 100 млрд руб., до 1 трлн руб. и от 1 трлн руб. (рис. 4). По результатам проведенного анализа преобладают компании с объемом годовой выручки более 10 млрд руб., но менее 100 млрд руб. (более чем у 36% компаний).

¹ Малый, средний и крупный бизнес – Критерии размеров бизнеса. Т-Банк. URL: <https://www.tbank.ru/business/blog/business-types/> (дата обращения: 29.08.2024).

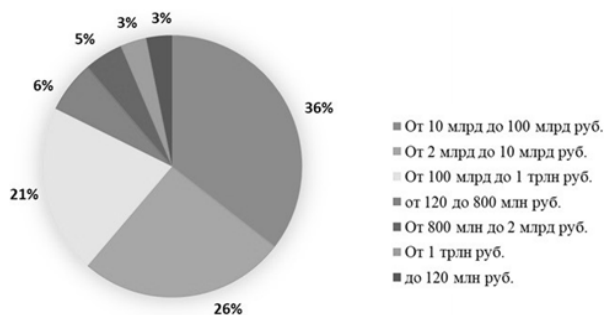


Рис. 4. Анализ лидеров ЭКГ-рейтинга по объему выручки за 2024 г. Источник: Данные ЭКГ-рейтинга 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)

По показателю среднесписочной численности сотрудников за 2024 г. среди компаний – лидеров ЭКГ-рейтинга более 77% являются крупным бизнесом с численностью работников более 251 человека, 11% – средним предприятием и 12% – малыми и микропредприятиями (рис. 5).



Рис. 5. Анализ лидеров ЭКГ-рейтинга по среднесписочной численности сотрудников за 2024 г. Источник: Данные ЭКГ-рейтинга 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)

Обращает внимание тот факт, что лидируют компании со среднесписочной численностью сотрудников за 2024 г. до 500 человек (36%) и компании со среднесписочной численностью сотрудников от 1 до 5 тыс. человек (31%) (рис. 6). По уровню среднегодовой заработной платы сотрудников за 2024 г. более половины лидеров рейтинга, получивших наивысший уровень «ААА», выплачивают сотрудникам среднегодовую заработную плату равную или превышающую две среднемесячных заработных платы по региону (рис. 7).

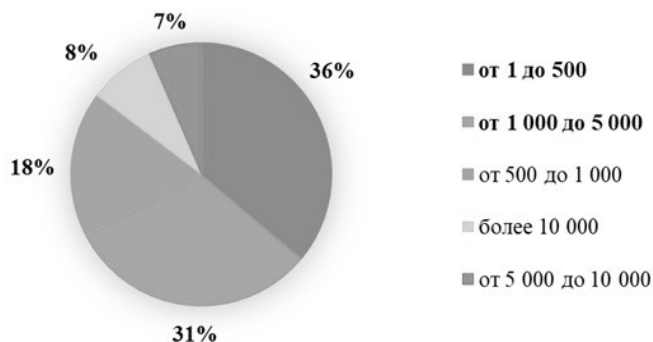


Рис. 6. Анализ лидеров ЭКГ-рейтинга по среднесписочной численности сотрудников за 2024 г., человек. Источник: Данные ЭКГ-рейтинга 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)



Рис. 7. Анализ лидеров рейтинга по уровню среднегодовой заработной платы сотрудников за 2024 г. Источник: Данные ЭКГ-рейтинга 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)

Таким образом, практически все компании – лидеры ЭКГ-рейтинга (96,8%) платят своим сотрудникам свыше одной средней заработной платы по субъекту Российской Федерации (рис. 8), и у многих из них данный показатель приближается к двум среднемесячным заработным платам по региону (более чем у 50% компаний).



Рис. 8. Анализ лидеров рейтинга по уровню среднегодовой заработной платы сотрудников за 2024 г. КЗП – коэффициент средней заработной платы в расчете на одного сотрудника. Источник: Данные ЭКГ-рейтинга 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>)

Также важно отметить, что ответственный российский бизнес, занимающий высокие позиции в национальном ЭКГ-рейтинге, может использовать в своей деятельности меры государственной поддержки, так как ЭКГ-рейтинг также является основой для предоставления мер государственной поддержки и преференций компаниям на региональном уровне. В настоящий момент меры государственной поддержки ответственного бизнеса успешно реализуются во Владимирской, Воронежской и Липецкой областях, где приняты соответствующие законы об ответственном ведении бизнеса:

- Закон от 5 декабря 2022 г. № 116-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса во Владимирской области» [13];
- Закон от 30 ноября 2023 г. № 116-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса на территории Воронежской области» [14];
- Закон от 28 декабря 2023 г. № 436-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса в Липецкой области» [15].

Кроме того, национальный стандарт активно применяется в системе государственных закупок в рамках постановления Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2604 «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг

для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [16].

Достиженные результаты реализации принятых мер государственной поддержки ответственного бизнеса были обсуждены на Первом российском федеральном форуме ответственного бизнеса, состоявшемся в ноябре 2024 г. в Суздале, ЭКГ-Форум¹. На проведенных секциях ЭКГ-Форума представители бизнеса и региональных органов власти Центрального федерального округа России положительно оценили результаты оказания мер государственной поддержки в зависимости от результатов и достижений компании в национальном ЭКГ-рейтинге. Лидеры ответственного бизнеса, достигнувшие высоких результатов в ЭКГ-рейтинге, такие как компания АБИ и другие, высоко оценили перспективность участия в национальном ЭКГ-рейтинге.

Повышение эффективности взаимодействия государства, бизнеса и общества на региональном уровне за счет внедрения современных подходов устойчивого развития бизнеса и ESG-концепции было рассмотрено ранее в работах российских исследователей [17]. Также российские ученые доказывали эффект повышения эффективной коммуникации государства, общества и бизнеса за счет внедрения принципов ESG в бизнес среде [18].

Заключение

По результатам проведенного анализа экспертных данных национального рейтинга ответственного бизнеса, ЭКГ-рейтинга, за 2023–2024 гг., можно выделить следующие основные черты, характерные для российского бизнеса, практикующего принципы ответственного ведения бизнеса в хозяйственной деятельности:

1. По виду деятельности преобладают представители обрабатывающих производств, транспортировки и хранения.
2. По показателю объема годовой выручки за 2024 г. большинство компаний-лидеров относятся к крупному бизнесу: у более 86% компаний-лидеров ЭКГ-рейтинга годовая выручка превышает 2 млрд руб., в том числе у 36% компаний она составляет более 10 млрд руб.
3. По показателю среднесписочной численности сотрудников за 2024 г. большинство компаний относится к группе крупных предприятий (более 77% имеют среднесписочную численность сотрудников более 250 сотрудников), в том числе 38% – более 1 тыс. человек.
4. По показателю среднегодовой заработной платы сотрудников за 2024 г. компании платят сотрудникам выше средней заработной платы по субъекту Российской Федерации (более 96%). Важно отметить, что компании, занимающие верхние позиции ЭКГ-рейтинга, выплачивают сотрудникам заработную плату, равную или превышающую две среднемесячные заработной платы по региону.

Таким образом, главным результатом исследования является вывод о том, что компании – лидеры ЭКГ-рейтинга относятся в основном к промышленным

¹ Сайт ЭКГ-Форума, национального российского форума ответственного ведения бизнеса. URL: <https://экг-форум.рф/>

отраслям (Приложение 1) и к группе крупного бизнеса по таким показателям, как среднесписочная численность сотрудников и объем годовой выручки.

Важно отметить высокий уровень социальной ориентации компаний группы «ААА» (супер-лидеры) национального рейтинга ответственного бизнеса – ЭКГ-рейтинга, так как все лидеры выплачивают своим сотрудникам высокий уровень заработной платы (96,8% платят своим сотрудникам свыше одной средней заработной платы по субъекту Российской Федерации, у более 50% данный показатель приближается к двум среднемесячным заработным платам по региону).

Следовательно, увеличение в муниципалитете, регионе, стране количества предприятий, практикующих ответственное ведение хозяйственной деятельности, будет способствовать улучшению социально-экономических показателей и достижению национальных целей устойчивого развития.

Важной мерой государственной поддержки и стимулирования ответственного ведения бизнеса является включение результатов ЭКГ-рейтинга в региональные государственные программы. В настоящее время развиваются региональные меры государственной поддержки в Центральном федеральном округе, которые позволяют ответственному бизнесу получать меры государственной поддержки. Что особенно важно – в комплекс мер включены процедуры государственных закупок. В других регионах России также наблюдается тенденция по масштабированию лучших практик государственной поддержки ответственного бизнеса, уже реализованных в Центральном федеральном округе.

Данное исследование необходимо продолжить и более комплексно изучить лучшие международные практики национальных рейтингов ответственного бизнеса и государственной поддержки ответственного ведения бизнеса, а также возможность их успешной адаптации к российским условиям.

Приложение 1. Компании – лидеры ЭКГ-рейтинга 2023–2024 гг.

№	Наименование организации	Выручка за 2023 г., млн руб.	Среднесписочная численность за 2023 г., человек	Уровень оплаты труда, баллы ЭКГ-рейтинга
Обрабатывающие производства				
1	ПАО «Акрон»	179 458	5 025	26,25
2	ООО «Каргилл»	113 986,1	1 629	29,75
3	АО «АБ Инбев Эфес»	108 636,2	3 220	35
4	ООО «Лукойл-Нижегороднефтеоргсинтез»	83 964	2 391	26,25
5	ООО «ЛЛК-Интернешнл»	74 629	321	35
6	ООО «Лукойл-Пермнефтеоргсинтез»	55 220,6	2 422	26,25
7	ЗАО «Стародворские Колбасы»	49 560,9	3 092	22,75
8	ПАО «Дорогобуж»	44 602	2 654	24,5
9	АО «Каустик»	29 469	6 031	17,5
10	АО «Аммоний»	25 529,8	1 383	24,5
11	АО «Воронежский синтетический каучук»	15 846	1 511	21
12	ООО «Ютекс Ру»	1 120,2	336	35
13	ООО «Эггер Древпродукт Шуя»	11 241,1	425	35
14	ООО «Лукойл-Ухтанефтепереработка»	10 101	572	33,25
15	ОАО «Цвет»	1 492,1	300	28
16	ЗАО «Муром»	9 081,7	1 169	21

Продолжение Приложения 1

№	Наименование организации	Выручка за 2023 г., млн руб.	Среднесписочная численность за 2023 г., человек	Уровень оплаты труда, баллы ЭКГ-рейтинга
17	ООО «Ангарский Азотно-туковый завод»	8 846,8	293	21
18	АО «Мелеузовские минеральные удобрения»	5698,3	677	15,75
19	АО «Тульский молочный комбинат»	5 462,1	535	21
20	ООО «Дельта-Пак»	2 738,7	281	22,75
21	Кемеровское АО «Азот»	976	8	21
22	ПАО «Надеждинский металлургический завод»	33,7	4 400	15,75
Профессиональная, научная и техническая деятельность				
23	ПАО «Нефтяная компания „Лукойл“»	2 753 475	1 686	35
24	АО холдинговая компания «СДС-Уголь»	15 016	107	35
25	АО «Группа компаний „Эталон“»	9 838,6	1 600	35
26	АО «Протек»	598,8	39	29,75
27	АО «Корпорация Экополис»	100,4	24	31,5
28	АО «АБИ Продакт»	5570	800	35
29	АО «Сити-XXI Век»	2 042,6	190	35
30	ООО Проектный институт «Кузбассгорпроект»	371,7	121	26,25
Транспортировка и хранение				
31	ПАО «ТрансКонтейнер»	185 021,7	4 151	28
32	ООО «Газпром трансгаз Томск»	119 422,3	10 571	31,5
33	ООО «Газпром трансгаз Сургут»	109 195	8 680	35
34	ООО «Газпром трансгаз Москва»	105 867	12 290	24,5
35	ПАО «Владивостокский морской торговый порт»	29 888	1 865	35
36	ПАО «Дальневосточное морское пароходство»	8 733,3	991	21
37	АО «Авиакомпания „Полярные авиалинии“»	5 403,1	886	21
Деятельность в области информации и связи				
38	ООО «Хэдхантер»	26 918	192	35
39	АО «Производственная Фирма „СКБ Контур“»	21 679,5	7 312	26,25
40	АО «Атомный энергопромышленный комплекс»	10 668	139	35
41	ООО «Рубиус Тех»	341,7	88	35
42	ООО «Совкомбанк Технологии»	7 559,7	3 342	33,25
43	ООО «Леста»	4 536,7	754	35
Добыча полезных ископаемых				
44	ООО «Лукойл-Западная Сибирь»	1 184 395,2	12 610	35
45	ООО «Лукойл-Пермь»	649 712,8	12 218	29,75
46	ООО «Газпром добыча Ямбург»	357 879,7	11 048	35
47	ООО «Лукойл-Нижневожжск-нефть»	299 130,4	1 309	35
48	ООО «Разрез Тайлепский»	7 941,2	288	24,5
Деятельность финансовая и страховая				
49	ООО «УК „Дело“»	41 410,5	87	35
50	Международная компания ПАО «Эн+ груп»	2 2476	21	35
51	ООО «Совкомбанк Факторинг»	9 368,7	257	17,5
52	ООО «Совкомбанк Лизинг»	8 985	412	19,25

Окончание Приложения 1

№	Наименование организации	Выручка за 2023 г., млн руб.	Среднесписочная численность за 2023 г., человек	Уровень оплаты труда, баллы ЭКГ-рейтинга
Торговля оптовая и розничная				
53	ООО «Лукойл-Интер-Кард»	246 516,4	571	35
54	АО «Фармстандарт»	142 915,7	1 387	35
55	АО «Систэм Электрик»	30 132,6	809	35
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха				
56	АО «Новосибирскэнергообеспечение»	53 535,2	787	21
57	ПАО «ЭЛС-Энерго»	53 218,2	1 447	35
58	АО «ЕвроСибЭнерго»	47 806,6	591	35
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги				
59	АО «Федеральная грузовая компания»	11 548,7	1 503	33,25
Строительство				
60	ООО «Специализированный застройщик „Трансэкострой“»	4 605,5	214	33,25
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство				
61	ООО «Селекционно-Гибридный Центр»	1 591,9	186	24,5
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания				
62	ООО «Прогресс»	215,9	22	35

Источник: Данные ЭКГ-рейтинга 2024 г. (<https://экг-рейтинг.рф/>).

Список источников

- ГОСТ Р 71198–2023. Национальный стандарт «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса»: национальный стандарт Российской Федерации : дата введения 2023-12-29 / Федеральное агентство по техническому регулированию. Изд. официальное. М. : Рос. ин-т стандартизации, 2024. 42 с.
- Schembera S. Implementing corporate social responsibility: Empirical insights on the impact of the UN Global Compact on its business participants // Business & Society. 2018. Т. 57, № 5. С. 783–825.
- Bowen H.R. Social responsibilities of the businessman. University of Iowa Press, 2013.
- Бабаева Ж.Р., Семенов К.К., Семенова А.С. Трактовка ESG: систематический обзор литературы // Российский журнал менеджмента. 2024. № 2. С. 253–288.
- Wang Z., Chu E., Hao Y., Towards sustainable development: how does ESG performance promotes corporate green transformation // International Review of Financial Analysis. 2024. Vol. 91, 102982. doi: 10.1016/j.irfa.2023.102982
- Грошева Н.Б., Левицкий И.В. Теоретические аспекты экологической ответственности бизнеса в современных условиях // Бизнес-образование в экономике знаний. 2024. № 1. С. 27.
- Pollman E. The making and meaning of ESG // 2022. Research paper № 22–23. University of Pennsylvania Carey Law School, Institute for Law and Economics.
- Печегина Т., Вайнер В. Своим путем. Разработка российского Стандарта отчетности об устойчивом развитии и его перспективы // Позитивные изменения. Т. 2024-4, № 1. С. 10–25.
- Голубева В.И., Исмагулов Н., Морару Н., Моргунова О.А. Коммуникативные стратегии корпоративной социальной ответственности в период международных кризисов: стандарты и решения // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 4. С. 107–119.
- Базирова А.П., Александр В. Российский работодатель как потенциальный субъект влияния на демографическую ситуацию в регионе // Журнал экономической теории. 2024. Т. 21, № 2. С. 268–285.
- Базирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 137–153.
- Кративкин Е.А. Экономические выгоды интеграции принципов ESG в российскую экономику: анализ успешных кейсов // Сборник трудов молодых ученых и студентов XIV между-

народной научно-практической конференции «Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет – 25 лет развития» : материалы конференции (3–4 апреля 2024 г.). С. 370–376.

13. Закон Владимирской области от 5 декабря 2022 г. № 116-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса во Владимирской области» // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/405877615/>

14. Закон Правительства Воронежской области от 30 ноября 2023 г. № 116-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса на территории Воронежской области» // Сайт Правительства Воронежской области. URL: <https://pravo.govrn.ru/content/zakon-voronezhskoy-oblasti-ot-01122023-№-116-oz>

15. Закон Правительства Липецкой области от 28 декабря 2023 г. № 436-ОЗ «О развитии ответственного ведения бизнеса в Липецкой области» // Сайт Правительства Воронежской области. URL: <https://www.govrn.ru/>

16. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2021 г. № 2604 «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Документы Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/138790/>

17. Шкуронацкая В.А., Водопедов С.В. ESG-повестка как фактор повышения эффективной коммуникации государства, общества и бизнеса // Государство и гражданское общество: уровень доверия, направления и эффекты коммуникаций в новых условиях. 2023. С. 319–325.

18. Шейн А.Ю., Брусенцова Л.С., Назарова Э.Р. Повышение эффективности взаимодействия государства, бизнеса и общества на региональном уровне за счет внедрения ESG-концепции (на примере ПАО «НЕФАЗ») // Сибирская финансовая школа. 2023. № 4. С. 128–133.

References

1. Federal Agency for Technical Regulation. (2024) *GOST R 71198–2023. Natsional'nyy standart "Indeks delovoy reputatsii sub"ektov predprinimatel'skoy deyatel'nosti (EKG-reyting). Metodika otsenki i poryadok formirovaniya EKG-reytinga otvetstvennogo biznesa": natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii: data vvedeniya 2023-12-29* [GOST R 71198–2023. National standard "Business Reputation Index of Entrepreneurs (EKG Rating). Assessment Methodology and Procedure for Forming the ECG Rating of Responsible Business": national standard of the Russian Federation: date of introduction 2023-12-29]. Moscow: Russian Institute of Standardization.

2. Schembera, S. (2018) Implementing corporate social responsibility: Empirical insights on the impact of the UN Global Compact on its business participants. *Business & Society*. 57(5). pp. 783–825.

3. Bowen, H.R. (2013) *Social responsibilities of the businessman*. University of Iowa Press.

4. Babaeva, Zh.R., Semenov, K.K. & Semenova, A.S. (2024) Traktovka ESG: sistematischeskiy obzor literatury [Interpretation of ESG: A systematic literature review]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*. 2. pp. 253–288.

5. Wang, Z., Chu, E. & Hao, Y. (2024) Towards sustainable development: how does ESG performance promotes corporate green transformation. *International Review of Financial Analysis*. 91. 102982. DOI: 10.1016/j.irfa.2023.102982.

6. Grosheva, N.B. & Levitskiy, I.V. (2014) Teoreticheskie aspekty ekologicheskoy otvetstvennosti biznesa v sovremennykh usloviyakh [Theoretical aspects of environmental responsibility of business in modern conditions]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. 1. p. 27.

7. Pollman, E. (2022) The making and meaning of ESG. *Research paper*. 22–23. University of Pennsylvania Carey Law School, Institute for Law and Economics.

8. Pechegina, T. & Weiner, V. (2024) Svoim putem. Razrabotka rossiyskogo Standarta otchetnosti ob ustoychivom razvitii i ego perspektivy [In Our Own Way. Development of the Russian Sustainable Development Reporting Standard and its Prospects]. *Pozitivnye izmeneniya*. 4(1). pp. 10–25.

9. Golubeva, V.I., Ismagulov, N., Moraru, N. & Morgunova, O.A. (2022) Kommunikativnye strategii korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti v period mezhdunarodnykh krizisov: standarty i resheniya [Communication Strategies of Corporate Social Responsibility during International Crises: Standards and Solutions]. *Kommunikologiya*. 10(4). pp. 107–119.

10. Bagirova, A.P. & Neshataev, A.V. (2024) Rossiyskiy rabotodatel' kak potentsial'nyy sub"ekt vliyaniya na demograficheskuyu situatsiyu v regione [Russian Employer as a Potential Subject of

Influence on the Demographic Situation in the Region]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 21(2). pp. 268–285.

11. Bagirova, A.P., Vavilova, A.S. & Blednova, N.D. (2024) Korporativnaya demograficheskaya politika kak instrument realizatsii strategicheskikh interesov gosudarstva, biznesa i personala [Corporate demographic policy as a tool for implementing the strategic interests of the state, business and personnel]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 17(3). pp. 137–153.

12. Krapivkin, E.A. (2024) Ekonomicheskie vygody integratsii printsiptov ESG v rossiyskuyu ekonomiku: analiz uspekhnykh keysov [Economic benefits of integrating ESG principles into the Russian economy: analysis of successful cases]. *Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsiy. Mir, strana, universitet – 25 let razvitiya* [Russia and the World: Development of Civilizations. World, Country, University – 25 Years of Development]. Proc. of the Conference. April 3–4, 2024. pp. 370–376.

13. Russian Federation. (2022) *Zakon Vladimirskoy oblasti ot 5 dekabrya 2022 g. № 116-OZ “O razvitiі otvetstvennogo vedeniya biznesa vo Vladimirskoy oblasti”* [Law No. 116-OZ of the Vladimir Region dated December 5, 2022, “On the Development of Responsible Business in the Vladimir Region”]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/405877615/>

14. The Government of the Voronezh Region. (2023) *Zakon Pravitel'stva Voronezhskoy oblasti ot 30 noyabrya 2023 g. № 116-OZ “O razvitiі otvetstvennogo vedeniya biznesa na territorii Voronezhskoy oblasti”* [Law No. 116-OZ of the Government of the Voronezh Region dated November 30, 2023, “On the Development of Responsible Business in the Voronezh Region”]. [Online] Available from: <https://pravo.govrn.ru/content/zakon-voronezhskoy-oblasti-ot-01122023-№-116-oz>

15. The Government of the Lipetsk Region. (2023) *Zakon Pravitel'stva Lipetskoy oblasti ot 28 dekabrya 2023 g. № 436-OZ “O razvitiі otvetstvennogo vedeniya biznesa v Lipetskoy oblasti”* [Law No. 436-OZ of the Government of the Lipetsk Region of December 28, 2023, “On the Development of Responsible Business in the Lipetsk Region”]. [Online] Available from: <https://www.govrn.ru/>

16. Russian Federation. (2021) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 dekabrya 2021 g. № 2604 “Ob otsenke zayavok na uchastie v zakupke tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd, vnesenii izmeneniy v punkt 4 postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20 dekabrya 2021 g. № 2369 i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov i otdel'nykh položeniy nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii”* [Resolution No. 2604 of the Government of the Russian Federation of December 31, 2021, “On the evaluation of applications for participation in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs, amendments to Paragraph 4 of the Resolution No. 2369 of the Government of the Russian Federation of December 20, 2021, and recognition of certain acts and individual provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid”]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/138790/>

17. Shkuropatskaya, V.A. & Vodopedov, S.V. (2023) ESG-povestka kak faktor povysheniya effektivnoy kommunikatsii gosudarstva, obshchestva i biznesa [ESG agenda as a factor in increasing effective communication between the state, society and business]. In: *Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: uroven' doveriya, napravleniya i efekty kommunikatsiy v novykh usloviyakh* [State and civil society: level of trust, directions and effects of communications in the new conditions]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. pp. 319–325.

18. Shein, A.Yu., Brusentsova, L.S. & Nazarova, E.R. (2023) Povyshenie effektivnosti vzaimodeystviya gosudarstva, biznesa i obshchestva na regional'nom urovne za schet vnedreniya ESG-kontseptsii (na primere PAO “NEFAZ”) [Increasing the efficiency of interaction between the state, business and society at the regional level through the introduction of the ESG concept (on the example of PJSC NEFAZ)]. *Sibirskaya finansovaya shkola*. 4. pp. 128–133.

Сведения об авторах:

Вукович Н.А. – кандидат экономических наук, доцент, академический руководитель лаборатории ответственного бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: nvukovich@hse.ru

Бирюкова О.В. – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории ответственного бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ovbirukova@hse.ru

Кривохижин О.Ю. – заведующий лабораторией ответственного бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); заместитель генерального директора Института демографической политики имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия). E-mail: oykrivochizhin@hse.ru

Ольшанская И.Б. – стажер-исследователь лаборатории ответственного бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ibolshanskaya@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vukovich N.A. – Cand. Sci. (Economics), docent, academic director of the Laboratory of Responsible Business at the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvukovich@hse.ru

Biryukova O.V. – Cand. Sci. (Economics), docent, senior researcher at the Laboratory of Responsible Business, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ovbirukova@hse.ru

Krivokhizhin O.Yu. – head of the Laboratory of Responsible Business, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); deputy director of the Mendeleev Institute for Demographic Policy (Moscow, Russian Federation). E-mail: oykrivochizhin@hse.ru

Olshanskaya I.B. – research intern at the Laboratory of Responsible Business, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ibolshanskaya@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.10.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 24.02.2025*

*The article was submitted 07.10.2024;
approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 323.17

doi: 10.17223/1998863X/83/19

ЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАТАЛОНСКОГО КРИЗИСА: СУВЕРЕНИТЕТ И ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Кирилл Викторович Гостев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
kirill.gosteff@gmail.com*

Аннотация. Проанализированы международно-правовые аспекты проблемы сепаратизма в Каталонии с учетом позиции Европейского союза, наднационального актора в этнополитическом конфликте. При помощи дискурс-анализа установлено, что несоответствие между позицией ЕС и той позицией, которую ему приписывали сторонники независимости, стало одним из факторов эскалации конфликта в 2017 г.

Ключевые слова: Испания, Каталония, Европейский союз, сепаратизм, право наций на самоопределение, территориальная целостность

Для цитирования: Гостев К.В. Европейское измерение каталонского кризиса: суверенитет и право наций на самоопределение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 208–220. doi: 10.17223/1998863X/83/19

Original article

THE CATALAN CRISIS' EUROPEAN DIMENSION: SOVEREIGNTY AND THE RIGHT TO SELF-DETERMINATION

Kirill V. Gostev

National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kirill.gosteff@gmail.com

Abstract. The article considers the problem of a supranational actor participation in an internal conflict between Catalonia and Spain, with the European Union as such an actor. The objective of the study is to determine the supranational actor's impact on the conflict. The use of discourse analysis in untangling the European Union's stance in the conflict represents the article's novelty. The theoretical framework of the article is based on the discourse theory, the theory of sovereignty and the international law analysis. The main thesis of the paper is that the discourse on independent Catalonia contains two opposite sets of arguments – one supported by the EU, and one ascribed to it by the independence supporters, which was ultimately one of the reasons for escalation. The sides in an internal conflict often appeal to the international law, particularly to the principle of territorial integrity and the right to self-determination, usually interpreted as the right to secede. Despite the abundance of academic works on the apparent contradiction between these two principles, the international practice in enforcing them remains situational and inconsistent. This not only creates preconditions for politicising the international law, but also builds a legitimacy foundation for separatist movements, which is clearly illustrated in the Catalan case. The discourse on independent Catalonia contains the following European Union stances. The pointedly detached stance, adopted by the European officials with considerations for the Union in the case of secession, leaned on the principle of territorial integrity. The stance ascribed to the image of the EU leaned on the right to self-determination and was created by the independence supporters to draw undecided, pro-European voters. The article concludes that the mismatch between the actual and the

ascribed stances of the EU contributed to the escalation of the Catalan crisis, with the latter promoting unreasonable expectations among the independence supporters. The existing contradiction between two key international law principles and the associated inconsistency in enforcing helped foster the fake stance and gave it legitimacy. At the same time, the involvement of a supranational actor helped neutralise the extreme scenario, which in that case is Catalonia's secession.

Keywords: Spain, Catalonia, European Union, separatism, right to self-determination, territorial integrity

For citation: Gostev, K.V. (2025) The Catalan crisis' european dimension: sovereignty and the right to self-determination. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 208–220. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/19

Введение

При исследовании современного феномена сепаратизма невозможно обойтись без обращения к понятию суверенитета и ключевым принципам международного права. Исключением не стал и каталонский кризис 2017 г., который в очередной раз напомнил о правовой коллизии права на самоопределение и принципа территориальной целостности. Аргументация сторонников единства Испании или независимости Каталонии так или иначе включала в себя оба принципа в качестве аргументов. Так, король Испании Филипп VI в обращении к нации 3 октября обвинил каталонские власти в «попытке разрушить единство Испании и национальный суверенитет, т.е. право всех народов Испании вместе и демократически решать, как им обустроить свою жизнь» [1]. К принципу самоопределения наций, особенно в месяцы перед референдумом 1 октября 2017 г., неоднократно в своих выступлениях обращался президент Каталонии Карлес Пучдемон, приравнивая право каталонцев отдать свой голос на референдуме к праву на самоопределение [2].

Кейс Каталонии заслуживает особого рассмотрения, так как это редкий в международных отношениях случай противостояния регионального и центрального правительств в рамках наднационального объединения – Европейского союза. Настоящая статья стремится дать ответ на вопрос о роли наднационального актора в этнополитическом конфликте, примером которого является конфликт Каталонии и Испании. Новизна статьи – в применении теории дискурса к анализу, в рамках которого рассмотрены две разных позиции Европейского союза по отношению к трактовке международного права: позиция реального актора и позиция образа ЕС, созданная дискурсом сторонников независимости. Теоретическим основанием анализа послужили посвященные дискурсу работы Р. Барта [3], П. Бурдьё [4], М. Фуко [5], а также монография Е. Шейгал «Семиотика политического дискурса» [6]. За основу определения дискурса взята классическая формулировка М. Фуко: «Совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» [5. С. 210].

Объектом настоящей статьи являются отношения Испании и ее автономного сообщества Каталонии в Европейском союзе, предметом – понятие суверенитета и принцип наций на самоопределение в контексте отношений данных субъектов.

Проблема соотношения права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности широко представлена в работах отечественных

правоведов и международников – не в последнюю очередь благодаря актуальным для российской внешней политики сюжетам (абхазский и югоосетинский, крымский, косовский). Теоретическому осмыслению соседство этих принципов подвергалось в работах Г.М. Вельяминова [7], В.А. Карташкина [8], М.Б. Напсо [9], А.Н. Сквозникова [10], Б.Р. Тузмухамедова [11], монографии Г.В. Старовойтовой [12] и др. К коллизии двух принципов международного права в анализе каталонского кейса обращаются, в частности, А.В. Баранов [13], Г.И. Волкова [14], А.А. Клишас [15], С.И. Хенкин [16].

В зарубежной литературе одним из первых на противоречие между правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности обратил внимание М.М. Гюнтер [17, 18]. Всплеск интереса к теме права наций на самоопределение в контексте распада СССР в начале 1990-х гг. способствовал созданию теории сецессии А.Э. Бьюкенена [19]. К противоречию принципов международного права обращались Д. Горовиц [20], Р. Саква [21], Т. Христакис [22]. Кейс Каталонии подробно изучен в работах Г.-Й. Бланке и Я. Абдельрахима [23], П. Боссакомы [24, 25], Г. Гонсалеса [26], М. Мур [27] и др.

Право наций на самоопределение и принцип территориальной целостности государств в Европе

Противоречие между правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности является чувствительной темой при обсуждении любого современного конфликта с участием сепаратистских сил, представляя для мирового сообщества одну из наиболее актуальных проблем в области международного права. Право наций на самоопределение в формулировке «принцип равноправия и самоопределения народов» встречается в ст. 1.2 Устава ООН [28]. Принцип территориальной целостности имплицитно прописан в ст. 2.1 и 2.4, утверждая принцип суверенного равенства государств и отказ от применения силы или угрозы силой против других государств – членов Организации [28]. Впоследствии эти положения были уточнены в Декларации о принципах международного права № 2625 от 24 октября 1970 г. [29]. В частности, Декларация определила в качестве форм осуществления права на самоопределение «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом» [29]. Это положение формирует правовую основу для реализации права на самоопределение без формирования отдельного государства (сецессии), как чаще всего понимается право наций на самоопределение.

Корень противоречия между правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности заключается в их историчности и привязке к совершенно конкретным историческим условиям. Как отмечает А.Н. Сквозников, принцип права наций на самоопределение путем создания независимого государства в практике Международного суда ООН понимался как право колониальных народов на независимость от метрополий [10. С. 4]. Однако назначение принципа территориальной целостности заключалось в страховке от новой большой войны между великими державами. Особенно остро эта проблема стояла в Европе, о чем свидетельствует уточнение формулировки принципа в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. В Акте государ-

ства-участники взяли на себя обязательства уважать территориальную целостность друг друга, воздерживаться от любых действий против территориальной целостности, политической независимости или единства друг друга, которые были бы несовместимы с целями и принципами Устава ООН, воздерживаться от применения силы или угрозы силой, воздерживаться от превращения территории друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления, а также не признавать законной любые территориальные приобретения или оккупацию такого рода [30. С. 6].

Изменение международной ситуации в 1990-е гг. с окончанием холодной войны закономерно привело к новой интерпретации обоих принципов в изоляции от исходных условий и функций, которые они выполняли в системе международного права. Так возникла правовая коллизия, которая по-прежнему остается популярной темой исследователей-международников и «головной болью» для политиков и дипломатов.

Противоречие между принципом территориальной целостности и правом наций на самоопределение на европейском континенте вновь стало актуальным в первой половине 1990-х гг., после распада Организации Варшавского договора в 1989 г. и СССР в 1991 г., а также принятия Договора о Европейском союзе 1992 г. Во время холодной войны этнические и религиозные противоречия в странах Европы были отодвинуты на второй план общей угрозой вторжения со стороны СССР и только иногда прорывались в крайнем проявлении в виде вооруженной борьбы (Страна Басков, Северная Ирландия). После окончания холодной войны в Европе все чаще возникают движения, добивающиеся независимости или автономии мирными методами, что свидетельствует о возвращении в европейскую повестку проблемы сепаратизма. Наиболее заметными из них являются движения за конституционные реформы (деволюцию) в Шотландии и Уэльсе, движение за независимость Каталонии в Испании, партия «Северная Лига» Италии. В то же время усиление наднациональной политики Европейского союза вследствие углубления интеграции способствовало обратной тенденции – централизации политической власти в Брюсселе. Таким образом, после окончания холодной войны суверенитет европейских государств стал объектом давления как «снизу» – со стороны региональных властей и общественных объединений, стремившихся получить больше полномочий, так и «сверху» – со стороны наднациональных органов, взявших на себя часть функций европейских государств с их согласия по Маастрихтскому договору [31. Р. 18].

Суверенитет: понятие и интерпретации в законах Испании

Понятие суверенитета ввел в политическую науку французский мыслитель XVI в. Ж. Боден, определивший его как «высшую, абсолютную и бессрочную власть, присущую государству» [32. Р. 25]. В отличие от более поздних авторов, Боден не ставил вопроса об источнике суверенитета, а считал его имманентным признаком государственной власти. Впоследствии в качестве основного источника суверенитета, которым он и остается в большинстве конституций стран мира, был определен народ. Так, Т. Гоббс определил в «Левиафане» источником суверенитета индивидов, путем обще-

ственного договора делегирующих государству функции представительства и обеспечения безопасности [33. Р. 82–84]. Ж.-Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) предложил доктрину «народного суверенитета», согласно которой единственным законным источником власти в государстве является народ [34. С. 19–21].

Несмотря на тенденцию ослабления суверенитета современных государств, особенно заметную в странах Европейского союза и других интеграционных объединениях, суверенитет остается ключевой категорией международных отношений и важным квалифицирующим признаком национального государства. В числе причин сопротивления дальнейшей интеграции со стороны государств-членов прежде всего указывают отсутствие четких экономических стимулов, какими на предыдущих стадиях интеграции были доступ к общему рынку и общей валюте Союза, а также неоднородность состава объединения, особенно после расширения 2004 г. Э. Джонс, Д. Келемен и С. Мюнье в 2015 г. в коллективной статье выдвинули концепцию «падения вперед», согласно которой процесс европейской интеграции развивается от одного кризиса к другому, поскольку пакет мер для решения каждого кризиса принимается на основе наименьшего общего знаменателя и потому является недостаточным, что формирует предпосылки для следующего кризиса [35]. Опасения, связанные с возможной утратой странами-членами своего суверенитета, проявляются в устройстве ЕС в принципе принятия ключевых решений на основе консенсуса и продолжают влиять на процесс интеграции, замедляя как непосредственно принятие решений главами государств, так и их имплементацию на национальном уровне.

Особенность государственного устройства Испании – высокая степень децентрализации в унитарном государстве, что получило в исследовательской литературе название «государства автономий» [36]. Автономные области Испании обладают несравненно большей свободой действий по сравнению, например, с соседней Францией. В то же время Конституция Испании дает четкий ответ на вопрос о том, какие нации в Испании являются носителями суверенитета. В ее тексте нет упоминания никакой другой нации, кроме испанской, а в отношении населяющих страну национальных меньшинств употребляется термин «национальность» (*nacionalidad*), а не «нация» (*nación*) [37]. Таким образом, в трактовке испанских юристов основным критерием для принадлежности индивида к нации является гражданство страны, а к национальности – этнокультурные признаки. На современном этапе испанская нация определяется как гражданская вне зависимости от культурных и языковых особенностей населяющих ее этносов.

В Преамбуле Конституции указано, что «испанская нация провозглашает свою волю во исполнение своего суверенитета», что однозначно определяет ее роль как носителя суверенитета. Другие отсылки к суверенитету содержатся в ст. 2 – «Национальный суверенитет принадлежит испанскому народу, который является источником государственной власти», и ст. 8 – «Миссия Вооруженных сил, состоящих из сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил, состоит в гарантии суверенитета и независимости Испании, защите ее территориальной целостности и конституционного строя». Таким образом, анализ Конституции Испании позволяет выделить следующие признаки суверенитета: его источником является испанская

нация; суверенитет принадлежит испанской нации, а не правителю или монарху; реализацию суверенитета осуществляет государство; существует тесная связь между суверенитетом и независимостью. Важно отметить, что в «Статуте об автономии Каталонии» нет термина «суверенитет», вместо него используется понятие «самоуправление»: «Каталонский народ на протяжении веков поддерживал волю к самоуправлению...» [38]. Таким образом, каталонский народ не являлся носителем суверенитета отдельно, а только как часть испанской нации. Из этого следует, что референдум о независимости 1 октября 2017 г., согласно тексту Конституции, являлся посягательством на государственный суверенитет и территориальную целостность Испании. Именно такую трактовку подтверждает пресс-релиз внешнеполитической службы Каталонии по итогам референдума, в заголовок которого вынесена цитата Карлеса Пучдемона: «Сегодня Каталония обрела суверенитет и уважение» [39].

Европейский союз и его образ в каталонском кризисе

Одним из важнейших факторов, предопределивших итоги кризиса 2017 г. в пользу сторонников единства Испании, стала позиция Европейского союза по поводу права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности. Как замечает В.С. Иваненко, наличие правовой коллизии между двумя принципами и непоследовательность международного сообщества в ее разрешении все чаще становятся поводом для использования права на самоопределение в корыстных и политических целях, создавая угрозу территориальной целостности государств [40. С. 186–187]. На фоне успешных, поддержанных международным сообществом кейсов обретения независимости Косовом, Восточным Тимором, Южным Суданом в результате референдумов власти Каталонии рассчитывали на схожий сценарий. Именно Европейский союз, по мнению сторонников независимости Каталонии, должен был стать основным медиатором между Испанией и Каталонией после референдума. Эта идея звучала по ходу агитационной кампании и была вновь озвучена К. Пучдемоном в Женералитате 10 октября 2017 г. Президент Каталонии приостановил действие результатов референдума и попросил ЕС «вмешаться и защитить базовые ценности Союза» [41]. Под базовыми ценностями, в первую очередь, подразумевается «право решать» (*derecho a decidir*) – распространенный в Каталонии лозунг без определенного правового смысла, но трактуемый большинством как синоним права на самоопределение – право каталонского народа решать собственную судьбу [42].

Таким образом, созданный в риторике сепаратистов образ Европейского союза как своеобразного «маяка свободы», выполняющего роль некой высшей, наднациональной силы в споре с коррумпированным и не желающим идти на компромисс Мадридом резонировал с идеей о независимости. Этот образ завершает картину мира в рамках ценностного подхода, в которой векторы движения Каталонии от остальной Испании, но в сторону более тесного сотрудничества с Европейским союзом, совпадают. В этом образе европейская идентичность каталонцев, принятие ими общеевропейских ценностей воспринимаются как предмет гордости, преимущество над титульной нацией и аргумент в пользу сохранения за независимой Каталонией места в общем рынке. Еще в 2013 г. И. Серрано заметил, что доля жителей Каталонии, счи-

тающих себя скорее каталонцами, чем испанцами, или только каталонцами, постепенно росла с момента демократизации Испании вплоть до 2010-х гг., когда в основном каталонцами называли себя более 40% респондентов. Около 40% считали себя испанцами и каталонцами в равных пропорциях, 15% – скорее испанцами [43. Р. 527–528]. Усилению противоречий между Барселоной и Мадридом способствовало развитие региональной политики ЕС и соответствующих институтов (Комитет регионов, Европейский фонд регионального развития), предоставившее местным властям способ взаимодействия с наднациональными органами в обход национального правительства. Все эти факторы дополняли образ ЕС как актора, дружественного независимой Каталонии.

Можно выделить две функции, которые в дискурсе о независимости Каталонии выполнял описанный образ Европейского союза. Первая функция – манипулятивная, т.е. формирование у избирателей определенной позиции в отношении независимости Каталонии и политических ожиданий. Вторая функция – мобилизационная, предполагающая привлечение избирателей к участию в референдуме через снижение тревоги, связанной с рисками утраты Каталонией доступа к Общему рынку и сопутствующими экономическими потрясениями.

Европейский союз отреагировал на кризис в Испании в рамках подхода, который можно охарактеризовать как функциональный. Развитие интеграции Европейского союза является основной целью объединения, которой так или иначе подчиняются все его функции. Обретение Каталонией независимости противоречит этой цели, так как не только несет риски нарушения региональных экономических связей, но и обладает потенциалом спровоцировать «эффект домино» по всей Европе, что существенно осложнит дальнейшую интеграцию.

В официальном заявлении 2 октября 2017 г. Еврокомиссия заняла четкую позицию в соответствии с принципом территориальной целостности государств:

«Согласно Конституции Испании, состоявшееся накануне голосование в Каталонии было незаконным.

Европейская Комиссия, как неоднократно повторил председатель Юнкер, считает этот вопрос внутренним делом Испании, который следует разрешить в рамках конституционного строя Испании» [44].

По поводу гипотетического членства Каталонии в ЕС Брюссель сослался на доктрину Романо Проди, экс-председателя Еврокомиссии. В 2004 г. Проди, отвечая на вопрос о правовом статусе Алжира в Европейском Сообществе после обретения независимости от Франции, пояснил, что на территории отделившегося от страны – члена ЕС региона действие договоров прекращается, и новообразованное государство будет вновь вынуждено пройти процедуру вступления, чтобы вернуться в состав объединения [45]. В результате такой трактовки один из ключевых аргументов сторонников независимости (о возможности остаться в Общем рынке) оказывался несостоятельным. Заявление Еврокомиссии выразило полную поддержку правительству М. Рахоя, даже не осудив нехарактерные для демократической страны проявления полицейского насилия в день референдума. Пресс-служба ЕС ограничилась общей фразой: «Насилие никогда не может быть инструментом в политике» [44].

Таким образом, Европейский союз, созданный в дискурсе сторонников независимости Каталонии, сильно отличался от своего реально существующего прототипа. Реальный ЕС с его институтами, принципами и ценностями поддержал правительство Рахоя, поскольку видел в сепаратизме угрозу своему существованию и развитию евроинтеграции. Образ ЕС, существовавший только в риторике индипендентистов, во-первых, стал фактором политической мобилизации проевропейски настроенных сторонников независимости, а, во-вторых, формировал у каталонцев определенные ожидания, связанные с периодом после референдума. В дискурсивном поле (П. Бурдьё) о независимости Каталонии оба «Союза» занимают зеркальные позиции, на что указывают противоположные интерпретации коллизии между правом на самоопределение наций и принципом территориальной целостности государств, основанные на разных подходах.

Заключение

Суверенитет как один из неотъемлемых признаков современного государства остается важной концепцией в Европейском союзе, где ключевую роль играют национальные государства. Это в полной мере подтвердилось в ходе каталонского кризиса, так как ЕС занял отстраненную позицию, позволив властям Испании восстановить контроль над своей территорией в полном соответствии с принципом невмешательства. Вместе с тем, как следует из событий кризиса, существующее в международном праве противоречие между правом на самоопределение наций и принципом территориальной целостности создает риски дестабилизации в условиях сокращения суверенитета национального государства. В кейсе Каталонии давление на суверенитет государства со стороны и наднациональных органов, и местной власти, усиленное внутренними экономическими проблемами, создало образ «слабого государства» и «иллюзию союза» между регионом и наднациональным образованием. Неочевидная связь дискурсивного образа Европейского союза с реальностью не помешала ему стать реальным фактором принятия решений во внутренней политике, а амбивалентность практики применения норм международного права – придала легитимности. С учетом отстраненной позиции «настоящего» ЕС можно сделать вывод, что наднациональный фактор скорее способствовал эскалации кризиса до некоторого предела. Во-первых, процесс регионализации в странах ЕС и региональная политика способствовали усилению образа регионов (особенно крупных центров промышленности, к которым относится Каталония), а финансовый кризис 2008 г., за которым в Испании последовал банковский кризис, – ослаблению образа государства. Во-вторых, ценностный аппарат Европейского союза стал основой для создания дискурса, который формировал у сторонников независимости нереалистичные ожидания относительно перспектив независимой Каталонии. В-третьих, позитивная политика ЕС в отношении ОДН Косово в 2008 г. и соглашения о референдуме в Шотландии в 2012 г. предоставила отделенческим партиям в Каталонии удобные примеры реализации права на самоопределение при посредничестве ЕС. Вместе с тем наличие наднационального фактора, действие в Каталонии европейских законов и преимущества, которыми Каталония пользовалась в рамках Общего рынка, ограничили пределы эскалации, исключив крайний сценарий разрешения кризиса – сепессию.

Список источников

1. *Address to the nation by Felipe VI.* // El Pais. Madrid. October 4, 2017. URL: [https:// english.elpais.com/elpais/2017/10/03/inenglish/1507063595_266495.html](https://english.elpais.com/elpais/2017/10/03/inenglish/1507063595_266495.html) (accessed: 08.09.2024).
2. *President Puigdemont: “We reaffirm our commitment to organize, call, and hold the referendum, which is what the immense majority of Catalans want”.* Press release // Unió Europea i Acció Exterior. Barcelona, April 21, 2017. URL: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/news/300306/president-puigdemont-we-reaffirm-our-commitment-to-organize-call-and-hold-the-referendum-which-is-what-the-immense-majority-of-catalans-want> (accessed: 08.09.2024).
3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
4. *Бурдые П.* Политические позиции и культурный капитал // Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
5. *Фуко М.* Археология знания / пер с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» : Университетская книга, 2004. 416 с.
6. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
7. *Вельяминов Г.М.* Соотношение принципов самоопределения народов и территориальной целостности, а также проблемы признания // Государство и право. 2010. № 10. С. 101–104.
8. *Карташкин В.А.* Право на самоопределение и территориальная целостность государств // Обозреватель – Observer. 2014. № 10 (297). С. 6–15.
9. *Hanco M.B.* Актуальные проблемы реализации права на самоопределение в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 26–35.
10. *Сквозников А.Н.* Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2 (10). С. 3–12.
11. *Международное право* : учебник. 3-е изд., перераб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 720 с.
12. *Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение : подходы и изучение случаев пер. с англ. // сост. О.В. Старовойтова, Л.В. Иодковская ; послесл. К.В. Чистова ; ред. пер. Б.Е. Винер; техн. ред. О.В. Старовойтова. СПб. : Б. и., 1999. 208 с.
13. *Баранов А.В.* Каталонский кризис в 2012–2017 г.: политико-институциональный и этнополитический аспекты // Ибероамериканские тетради. 2019. № 1 (23). С. 7–12.
14. *Волкова Г.И.* Каталонский национализм и проблемы территориальной целостности Испании // Сравнительная политика. 2019, Т. 7, № 2 (23). С. 85–95.
15. *Клишас А.А.* Сепаратизм вне права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23, № 1. С. 19–26.
16. *Хенкин С.М.* Каталонский конфликт: национальное и международное измерения // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2 (106). С. 94–121.
17. *Gunter M.M.* Self-determination in the recent practice of the United Nations // World Affairs. Washington D.C. : Sage Publications, 1974. Vol. 137, № 2. P. 150–165.
18. *Gunter M.M.* Self-determination or territorial integrity: the United Nations in confusion // World Affairs. Washington D.C.: Sage Publications, 1974. Vol. 141, № 3. P. 203–216.
19. *Buchanan A.E.* Secession: The morality of political divorce from fort Sumter to Lithuania and Quebec. Boulder, US-CO. : Westview Press, 1991. 192 p.
20. *Горовиц Д.Л.* Разрушенные права основания сепарации // Власть. 2013. № 11. С. 189–191.
21. *Sakwa R.* Patterns of secession and disintegration in the USSR // Secessionism and Separatism in Europe and Asia (chapter 3) / ed. by J.-P. Cabestan, A. Pavkovic. London : Routledge, 2012. P. 53–65.
22. *Christakis T.* Self-Determination, territorial integrity and fait accompli in the case of Crimea // Heidelberg Journal of International Law. 2015. Vol. 75 (1). P. 75–100.
23. *Blanke H.-J., Abdelrehim Y.* Catalonia's Independence – is there a way in international and European law? // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. 2014. № 1 (18). P. 532–564. doi: 10.1163/18757413-00180018
24. *Bossacoma P.B.* Self-determination and coercion in Spain. The case of Catalonia // Revista d'estudis autonòmics i federals. 2021. № 34. P. 291–327.
25. *Bossacoma P.B.* Catalonia: self-determination, secession and integration (chapter 7) // Unrecognized entities: perspectives in international, European and constitutional law / ed. by B.C. Harzl, R. Petrov. Leiden, Boston : Brill | Nijhoff, 2022. P. 150–174.

26. *Gonzalez Represa G.* Self-determination and secession in Constitutional Democracies. A study of the Spanish case. Valencia : Tirant Lo Blanch, 2023. 464 p.
27. *Moore M.* The moral value of collective self-determination and the ethics of secession // *Journal of Social Philosophy*. 2019. Vol. 50, № 4. P. 620–641.
28. Устав Организации Объединенных Наций, 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения.: 08.09.2024).
29. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 08.09.2024).
30. *Заключительный акт* // Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1975. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 08.09.2024).
31. *Consolidated version of the Treaty on European Union* // *Official Journal C 326*. 26/10/2012 P. 0001–0390. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 08.09.2024).
32. *Bodin J.* Six books of the Commonwealth / abridged and translated by M.J. Tooley. Oxford : Blackwell's Political Texts, 1955. 222 p.
33. *Hobbes T.* Leviathan, or the matter, form and power of a Commonwealth, ecclesiastical and civil. London ; New York : George Routledge and sons, 1885. 320 p.
34. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М. : Юрайт, 2020. 146 с. (Антология мысли).
35. *Jones E., Kelemen R. D., Meunier S.* Failing Forward? The Euro crisis and the incomplete nature of European integration // *Comparative Political Studies*. 2015. Vol. 49, № 7. P. 1010–1034.
36. *Clegg T., Moreno L.* Nationalist upsurge in Spain: the Basque and Catalan elections of 1984 // *Politics*. 1984. № 4 (2). P. 8–15.
37. *The Spanish Constitution*, 1978, latest modification from February 19, 2024 [In English] // *Tribunal Constitucional*. BOE-A-1978-31229-EN. URL: <https://www.tribunalconstitucional.es/es/tribunal/normativa/normativa/constitucioningles.pdf> (accessed: 08.09.2024).
38. *Organic Act 6/2006 of the 19th July, on the Reform of the Statute of Autonomy of Catalonia*. // *Parlament de Catalunya*. URL: <https://www.parlament.cat/document/catalog/150259.pdf> (accessed: 08.09.2024).
39. *President Puigdemont*: “Today Catalonia has gained its sovereignty and respect”. Press-release // *Unió Europea i Acció Exterior*, Barcelona, 1 October, 2024. URL: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/news/303470/president-puigdemont-today-catalonia-has-gained-its-sovereignty-and-respect> (accessed: 08.09.2024).
40. *Иваненко В.С.* Глава 6. Принципы международного права // *Международное право : учебник* / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 3-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2010. С. 169–197.
41. *Statement on the events in Catalonia* // *European Commission*. Brussels, October 2, 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_3626 (accessed: 08.09.2024).
42. *Черкасова Е.Г.* Почему невозможна независимость Каталонии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 11. С. 35–42.
43. *Serrano I.* Just a matter of identity? Support for independence in Catalonia // *Regional & Federal Studies*. 2013. № 23 (5). P. 523–545.
44. *Official Statement by the President on the political situation in Catalonia* // *Unió Europea i Acció Exterior*. Barcelona, October 10, 2017. URL: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/news/303583/official-statement-by-the-president-the-political-situation-in-catalonia> (accessed: 08.09.2024).
45. *Written question P-0524/04 by Eluned Morgan (PSE) to the Commission* // *OJ C 84 E*, 3 April, 2004, p. 421–422. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A92004E000524> (accessed: 08.09.2024).

References

1. *El Pais*. (2017) Address to the nation by Felipe VI. 4th October. [Online] Available from: https://english.elpais.com/elpais/2017/10/03/inenglish/1507063595_266495.html (Accessed: 8th September 2024).

2. *Unió Europea i Acció Exterior*. (2017) President Puigdemont: "We reaffirm our commitment to organize, call, and hold the referendum, which is what the immense majority of Catalans want". 21st April. [Online] Available from: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/news/300306/president-puigdemont-we-reaffirm-our-commitment-to-organize-call-and-hold-the-referendum-which-is-what-the-immense-majority-of-catalans-want> (Accessed: 8th September 2024).
3. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
4. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Translated from French. Moscow: Socio-Logos.
5. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Translated from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.
6. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
7. Velyaminov, G.M. (2010) Sootnoshenie printsipov samoopredeleniya narodov i territorial'noy tselostnosti, a takzhe problemy priznaniya [The relationship between the principles of self-determination of peoples and territorial integrity, as well as the problem of recognition]. *Gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 101–104.
8. Kartashkin, V.A. (2014) Pravo na samoopredelenie i territorial'naya tselostnost' gosudarstv [The right to self-determination and territorial integrity of states]. *Obozrevatel'*. 10(297). pp. 6–15.
9. Napso, M.B. (2016) Aktual'nye problemy realizatsii prava na samoopredelenie v sovremennykh usloviyakh [Urgent problems of realization of the right to self-determination in modern conditions]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10(238). pp. 26–35.
10. Skvoznikov, A.N. (2011) Fenomen nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv i osobennosti ikh pravosub'ektnosti [The phenomenon of unrecognized and partially recognized states and specificity of their legal personality]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Pravo."* 2(10). pp. 3–12.
11. Kuznetsov, V.I. & Tuzmukhamedov, B.R. (2010) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M.
12. Starovoytova, G.V. (1999) *Natsional'noe samoopredelenie: podkhody i izuchenie sluchaev* [National Self-Determination: Approaches and Case Studies]. Translated from English. St. Petersburg: [s.n.].
13. Baranov, A.V. (2019) Katalonskiy krizis v 2012–2017 g.: politiko-institutsional'nyy i etnopoliticheskiy aspekty [The Catalan Crisis in 2012–2017: Political-Institutional and Ethnopolitical Aspects]. *Iberoamerikanskaya tetradi*. 1(23). pp. 7–12.
14. Volkova, G.I. (2019) Katalonskiy natsionalizm i problemy territorial'noy tselostnosti Ispanii [Catalan Nationalism and the Problems of Territorial Integrity of Spain]. *Sravnitel'naya politika*. 7(2/23). pp. 85–95.
15. Klishas, A.A. (2019) Separatizm vne prava [Separatism Outside the Law]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 23(1). pp. 19–26.
16. Khenkin, S.M. (2020) Katalonskiy konflikt: natsional'noe i mezhdunarodnoe izmereniya [Catalan Conflict: National and International Dimensions]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2(106). pp. 94–121.
17. Gunter, M.M. (1974a) Self-determination in the recent practice of the United Nations. *World Affairs*. 137(2). pp. 150–165.
18. Gunter, M.M. (1974b) Self-determination or territorial integrity: the United Nations in confusion. *World Affairs*. 141(3). pp. 203–216.
19. Buchanan, A.E. (1991) *Secession: The morality of political divorce from fort Sumter to Lithuania and Quebec*. Boulder, US-CO: Westview Press.
20. Horowitz, D.L. (2013) Razrushennyye prava osnovaniya setsessii [Destroyed rights of the basis of secession]. *Vlast'*. 11. pp. 189–191.
21. Sakwa, R. (2012) Patterns of secession and disintegration in the USSR. In: Cabestan, J.-P. & Pavkovic, A. (2012) *Secessionism and Separatism in Europe and Asia*. London: Routledge. pp. 53–65.
22. Christakis, T. (2015) Self-Determination, territorial integrity and fait accompli in the case of Crimea. *Heidelberg Journal of International Law*. 75(1). pp. 75–100.
23. Blanke, H.-J. & Abdelrehim, Y. (2014) Catalonia's Independence – is there a way in international and European law? *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. 1(18). pp. 532–564. DOI: 10.1163/18757413-00180018
24. Bossacoma, P.B. (2021) Self-determination and coercion in Spain. The case of Catalonia. *Revista d'estudis autonòmics i federals*. 34. pp. 291–327.

25. Bossacoma, P.B. (2022) Catalonia: self-determination, secession and integration (chapter 7). In: Harzl, B.C. & Petrov, R. (eds) *Unrecognized entities: perspectives in international, European and constitutional law*. Leiden, Boston: Brill | Nijhoff. pp. 150–174.
26. Gonzalez Represa, G. (2023) *Self-determination and secession in Constitutional Democracies. A study of the Spanish case*. Valencia: Tirant Lo Blanch.
27. Moore, M. (2019) The moral value of collective self-determination and the ethics of secession. *Journal of Social Philosophy*. 50(4). pp. 620–641.
28. *The Charter of the United Nations*. (1945). [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (Accessed: 8th September 2024).
29. UNO. (1970) *Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya družestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva mezhdunarodnykh gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy. Prinyata rezolyutsiei 2625 (XXV) General'noy Assamblei OON ot 24 oktyabrya 1970 goda* [Declaration on Principles of International Law concerning friendly relations and cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations. Adopted by UN General Assembly resolution 2625 (XXV) of October 24, 1970]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (Accessed: 8th September 2024).
30. OSCE. (1975) *Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope* [Conference on Security and Cooperation in Europe]. Helsinki. [Online] Available from: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (Accessed: 8th September 2024).
31. EU. (2012) Consolidated version of the Treaty on European Union. *Official Journal C 326*. 26th October. pp. 0001–0390. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bfl40bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (Accessed: 8th September 2024).
32. Bodin, J. (1955) *Six books of the Commonwealth*. Translated by M.J. Tooley. Oxford: Blackwell's Political Texts.
33. Hobbes, T. (1885) *Leviathan, or the matter, form and power of a Commonwealth, ecclesiastical and civil*. London; New York: George Routledge and Sons.
34. Rousseau, J. (2020) *Ob obshchestvennom dogovore ili printsipy politicheskogo prava* [On the Social Contract, or the Principles of Political Right]. Translated from French. Moscow: Yurayt.
35. Jones, E., Kelemen, R. D. & Meunier, S. (2015) Failing Forward? The Euro crisis and the incomplete nature of European integration. *Comparative Political Studies*. 49(7). pp. 1010–1034.
36. Clegg, T. & Moreno, L. (1984) Nationalist upsurge in Spain: The Basque and Catalan elections of 1984. *Politics*. 4(2). pp. 8–15.
37. Spain. (2024) The Spanish Constitution, 1978, latest modification from February 19, 2024 [In English]. *Tribunal Constitucional*. BOE-A-1978-31229-EN. [Online] Available from: <https://www.tribunalconstitucional.es/es/tribunal/normativa/normativa/constitucioningles.pdf> (Accessed: 8th September 2024).
38. Parlament de Catalunya. (2006) *Organic Act 6/2006 of the 19th July, on the Reform of the Statute of Autonomy of Catalonia*. [Online] Available from: <https://www.parlament.cat/document/cataleg/150259.pdf> (Accessed: 8th September 2024).
39. *Unió Europea i Acció Exterior*. (2024) President Puigdemont: “Today Catalonia has gained its sovereignty and respect”. 1st October. [Online] Available from: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/news/303470/president-puigdemont-today-catalonia-has-gained-its-sovereignty-and-respect> (Accessed: 8th September 2024).
40. Ivanenko, V.S. (2010) Glava 6. Printsipy mezhdunarodnogo prava [Chapter 6. Principles of International Law]. In: Kuznetsov, V.I. & Tuzmukhamedov, B.R. (eds) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M. pp. 169–197.
41. European Commission. (2017) *Statement on the events in Catalonia*. Brussels, October 2, 2017. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_3626 (Accessed: 8th September 2024).
42. Cherkasova, E.G. (2018) Pochemu nevozmozhna nezavisimost' Katalonii [Why the independence of Catalonia is impossible]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 62(11). pp. 35–42.
43. Serrano, I. (2013) Just a matter of identity? Support for independence in Catalonia. *Regional & Federal Studies*. 23(5). pp. 523–545. pp. 527–528.
44. *Unió Europea i Acció Exterior*. (2017) Official Statement by the President on the political situation in Catalonia. Barcelona, October 10, 2017. [Online] Available from: <https://catalangovernment.eu/catalangovernment/news/303583/official-statement-by-the-president-the-political-situation-in-catalonia> (Accessed: 8th September 2024).

45. EU. (2004) *Written question P-0524/04 by Eluned Morgan (PSE) to the Commission*. OJ C 84 E, 3 April, 2004, p. 421–422. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A92004E000524> (Accessed: 8th September 2024).

Сведения об авторе:

Гостев К.В. – аспирант кафедры мировой политики Научного исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gostev K.V. – postgraduate student of the Department of World Politics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2025;
одобрена после рецензирования 23.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 13.01.2025;
approved after reviewing 23.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/1998863X/83/20

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЕВРОСОЮЗА С РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ: ОПЫТ АНАЛИЗА ОФИЦИАЛЬНОГО TELEGRAM-КАНАЛА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В БРЮССЕЛЕ

Татьяна Алексеевна Романова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
t.romanova@spbu.ru*

Аннотация. Проанализирован практический геополитический дискурс Москвы с целью выявить, как Евросоюз исчез с российской политической карты. Выделены четыре нарратива: несамостоятельность Евросоюза, исчезновение его экономической мощи и нормативной силы, а также внутривнутриполитические проблемы. Этот дискурс объясняет, почему для официальной Москвы отсутствует необходимость улучшать контакты с Европейского союза на современном этапе.

Ключевые слова: Россия / Российская Федерация, Европейский союз, критическая геополитика, телеграм-канал, дискурс

Для цитирования: Романова Т.А. Исчезновение Евросоюза с российской политической карты: опыт анализа официального Telegram-канала представительства Российской Федерации в Брюсселе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 221–232. doi: 10.17223/1998863X/83/20

Original article

DISAPPEARANCE OF THE EUROPEAN UNION FROM RUSSIA'S FOREIGN POLICY MAP: AN ANALYSIS OF THE OFFICIAL TELEGRAM CHANNEL OF THE RUSSIAN FEDERATION REPRESENTATION IN BRUSSELS

Tatiana A. Romanova

St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, t.romanova@spbu.ru

Abstract. Based on critical geopolitics, the article examines Moscow's practical discourse to reveal how the European Union disappears from Russia's political map. The empirical material consists of messages in the official Telegram channel of the Permanent Representation of Russia to the European Union, which were published from March 2022 through mid-November 2024. Four narratives that lead to this "disappearance" of the EU are revealed. The first one consists of animosity of the West and the EU's complete loss of independence, its neglect of sovereignty in favour of the USA. The second narrative discusses how the EU has lost its market power as a result of ill-designed sanctions and a plethora of economic problems. The third one highlights the disappearance of the EU's normative power as a result of the perceived EU's promotion of war, hypocrisy and double standards. The fourth narrative is about the EU's internal political problems, which include well-known conflicts between member states and Eurocracy, as well as relatively new conflicts between the elite and the grassroots. The official Telegram channel of Russia's Representation in Brussels demonstrates efforts to bring together practical and popular geopolitics, which are facilitated by the EU's sanctions. The use of some Soviet narratives (lack of Europe's independence, dubious nature of its economic development and unfair treatment of people) strengthens Russia's practical discourse among the Russians. Attention

to the economic weaknesses and hypocrisy of the EU's normative power potentially has negative consequences for the EU's image inside the EU and in countries of the Global Majority. Russia's present practical geopolitical discourse explains why there is no need to restore contacts with the EU / Europe. It also reveals potential lines of communication about/with Europe: these are contacts with the West / the USA over Europe, and a transnational dialogue with European citizens. In the longer run, the restoration of Europe/the EU in Russia's political map is linked to Europe joining the Eurasian security system, which Moscow currently promotes.

Keywords: Russia / Russian Federation, European Union, critical geopolitics, Telegram channel, discourse

For citation: Romanova, T.A. (2025) Disappearance of the European Union from Russia's foreign policy map: an analysis of the official Telegram channel of the Russian Federation representation in Brussels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 221–232. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/20

Европейский союз (ЕС) ранее выступал как один из ключевых партнеров России, но к настоящему времени он де-факто исчез с ее политической карты. Это ярко демонстрирует Концепции внешней политики России 2023 г., где отсутствует всякое упоминание о ЕС [1], что резко контрастирует с аналогичными программными текстами предыдущих лет. Официальные представители России после начала специальной военной операции если и говорят о ЕС, то исключительно как о неконструктивном и не заслуживающем доверия акторе. Цель данной статьи – выявить, как, за счет каких нарративов Евросоюз исчез с политической карты России, т.е. перестал восприниматься Москвой как визави. Теоретической основой исследования стала критическая геополитика, методологически это предполагает дискурс-анализ. В качестве эмпирической базы выступают материалы официального Telegram-канал Постоянного представительства Российской Федерации при Евросоюзе и Евроатоме (<https://t.me/RussianMissionEU>).

В следующем разделе кратко резюмированы основные положения критической геополитики, а также описаны источники и методология исследования. Далее последовательно рассмотрены четыре нарратива, которые стирают Евросоюз с современной политической карты России. Первый повествует о враждебности Запада и полной зависимости Евросоюза от США. Второй фокусируется на исчезновении экономической мощи ЕС. Третий акцентирует фундаментальную дискредитацию его нормативной силы. Наконец, последний выявляет внутривнутриполитические конфликты в ЕС. В заключении суммированы результаты исследования, а также выявлены практические последствия современного дискурса России о ЕС.

Критическая геополитика как инструмент анализа

Критическая геополитика синтезировала опыт конструктивизма и геополитики; она изучает, как «политические акторы структурируют пространство международной политики и таким образом представляют „мир“» [2]. Представители данной теории не отрицают, что акторы, территории, потоки товаров или мигрантов существуют материально, но именно в дискурсивной формации они обретают свое значение [3. Р. 9], в том числе для самих акторов. При этом выделяют пространственные практики и репрезентации пространства. Первые – это «материальные и физические потоки, взаимодействия и движения»; вторые же – это «концепции, наименование практик... географиче-

ские коды, которые используются... чтобы... понять пространственные практики» [4. Р. 7]. Репрезентации помогают акторам «нормализовать» окружающее пространство [5. Р. 46], т.е. описать его в понятных терминах, соответствующих его видению себя и мира. Они также демонстрируют варианты действий соответствующего актора и таким образом позволяют прогнозировать его действия. В связи с этим критическая геополитика представляет интересную призму для анализа не только взглядов России, но и выявления перспектив ее отношений с ЕС.

Критическая геополитика выделяет три типа дискурса: формальная геополитика (научные работы), практическая геополитика (выступления официальных лиц, документы различных институтов) и популярная геополитика (представления о мире, распространенные в быту) [6]. В данной статье мы фокусируемся на практической геополитике. Во-первых, именно она очерчивает современную динамику мировой политики и внешней политики России. Во-вторых, национальные репрезентации формируются преимущественно иерархически, сверху вниз, хотя СМИ могут вносить некоторые нюансы [7]. В-третьих, конфликты на мировой арене, давление извне часто приводят к «ралли вокруг флага», т.е. к консолидации взглядов на внешнюю деятельность и мир в целом. Наконец, санкции ЕС (в том числе в части полетов, виз, банковской деятельности) ограничили возможность формирования популярных дискурсов, которые по содержанию были бы альтернативны практической геополитике. Следовательно, российская политическая карта для целей данного исследования определяется как репрезентация пространства (прежде всего, Старого Света) ее официальными представителями.

Источником эмпирических данных для данного исследования стал Telegram-канал Постоянного представительства Российской Федерации при Евросоюзе и Евроатоме, созданный 8 марта 2022 г. и содержащий на момент завершения исследования (ноябрь 2023 г.) 1 688 сообщений (далее – ТК). Он аккумулирует затрагивающие ЕС выступления президента России В.В. Путина, министра иностранных дел С.В. Лаврова и других официальных представителей МИД; высказывания главы Представительства на различных мероприятиях и в СМИ; реакции на события в Евросоюзе (от новых ограничительных мер до обновления состава институтов ЕС). По своей природе ТК ориентирован вовне. В то же время значительную часть материалов составляют интервью главы Представительства отечественным СМИ, предназначенные преимущественно для российских граждан. Однако большинство выступлений переводятся на английский язык, что позволяет распространять соответствующие тезисы шире, по крайней мере, среди членов дипломатического корпуса Бельгии.

Согласно дискурсу-анализу, любая концептуализация «должна основываться на предварительных интерпретациях эмпирического анализа» [8. С. 14]. На стадии первичного анализа сообщений ТК и теоретической литературы о стратегическом суверенитете, рыночной силе, нормативной силе, институциональных аспектах Евросоюза были выделены четыре нарратива. Затем они были конкретизированы путем углубленного качественного анализа сообщений ТК и проиллюстрированы в статье наиболее яркими и репрезентативными цитатами и ссылками. Рассмотрим четыре нарратива подробнее.

Враждебность Запада и зависимость Евросоюза от США

Согласно первому нарративу, Москва содействует становлению многополярной системы, но Запад «не хочет демократизации международных отношений» [9]. Продвигаемый им «„порядок, основанный на правилах“» сводит «сложные международные процессы к примитивной формуле противостояния демократий и авторитарных режимов» [10]. В результате нарастает конфронтация между «Западным меньшинством» [11] (в том числе Евросоюзом) и Мировым большинством [12], от имени которого выступает Россия. Однако ЕС в этом нарративе исчезает с политической карты России не потому, что он оказывается в числе противников, а поскольку Москва теперь его воспринимает как «сателлита» США [12], как актора, потерявшего базовую – с точки зрения России – характеристику, суверенитет. Именно поэтому ЕС предстает как вставший «в хвост своему суверену» [13], постоянно подтверждающий свое «подчиненное положение» [14].

Последствия такого положения вещей глубоко негативны, в восприятии Москвы. Американские компании зарабатывают на военном заказе, а ЕС вынужден отказаться от дешевых источников энергии, перейти на дорогой американский сжиженный природный газ [12], параллельно усиливая свою зависимость от США [15]. Отмечается деиндустриализация ЕС и общее падение его конкурентоспособности [13]. Сам же ЕС, согласно практическому дискурсу России, – лишь «аппетитное блюдо» [16], конкурент, с которым США «расправляется» [17]. Все попытки построить стратегическую автономию (суверенитет) Евросоюза квалифицируются как тщетные [11]. Наконец, ЕС предстает не способным «сохранить себя в качестве одного из самостоятельных центров мирового развития и культурно-цивилизационных полюсов планеты» [18]. В результате происходит «полная утрата» им «политической субъектности» и «доверия со стороны государств Мирового большинства» [19].

Таким образом, в основе первого нарратива, стирающего ЕС с российской политической карты, лежит его глубокая зависимость от США.

Обнуление экономической мощи

Второй нарратив практической геополитики России связан со спецификой ЕС как актора в международных отношениях. Еще в 1960-е гг. стала оформляться его экономическая мощь, включающая значительную долю в мировой торговле товарами и услугами, а также в трансграничных капиталовложениях, внушительный ВВП и высокие стандарты жизни, обладание технологиями и научными разработками. Чаще всего это описывают сегодня концепцией «рыночная сила» [20], в основе которой способность ЕС воздействовать экономически на большинство стран мира, стимулировать изменения, прежде всего, на их рынках, в том числе в части регулирования. Для большинства акторов, в том числе России, значимость ЕС конституировала, прежде всего, его экономическая мощь [21, 22], а европейское качество жизни нередко было ориентиром и для индивидов, и на макроуровне.

Сегодня, однако, согласно практическому дискурсу России, в экономике отмечается негативное влияние санкций, введенных Брюсселем против Москвы. ЕС «не выдерживает [их] последствий» [18]: резко повысилась инфляция, возникла рецессия, активно идет деиндустриализация, выросла безработица и упали стандарты жизни [13]. В связи с этим В.В. Путин напоминает, что

«Петр I прорубал окно в Европу», прежде всего, из-за тогдашней торговой и научной привлекательности Старого Света, но теперь «центры экономического развития сдвигаются все восточнее и севернее» [23]. Следовательно, и России надо разворачиваться в сторону более динамичных акторов.

Более того, ЕС, согласно дискурсу России, отказывается от базовых категорий рыночной экономики: санкции используются для «подавления конкурентов» [10], заморозка российских активов и конфискация их части приравниваются к нарушению права собственности, а экстратерриториальный характер мер ЕС нарушает нормы международного права [24]. Наконец, односторонние ограничительные меры ЕС «подрывают глобальную энергетическую и продовольственную безопасность» [25]. В результате регулятивное влияние ЕС приобретает в практической геополитике России глобальный деструктивный характер; его ранее стабилизирующая сила теперь видится деструктивной.

Таким образом, Евросоюз исчезает с политической карты России как партнер, привлекательный экономически.

Дискредитация нормативной силы

Третий нарратив, который стирает ЕС с политической карты России, связан с концепцией «нормативная сила Европы» [26], т.е. со способностью Брюсселя оказывать ценностное влияние на партнеров, определять, что правильно и нормально. С начала 1990-х гг. этот аспект был ключевым для ЕС и оспариваемым большинством его партнеров [21, 22], в том числе Россией [27]. С одной стороны, на современном этапе сохраняются традиционные элементы критики нормативной силы ЕС. Так, продвигаемые ЕС нормы Россия приравнивает к открытому вмешательству «во внутренние дела суверенных государств» [28]. Кроме того, проводится привычная связь между нормами, защищаемыми Брюсселем, и его стремлением обеспечить свои меркантильные интересы, ведь «навязывая свои ценности» Запад расширяет «рынки сбыта для своей продукции» и ограничивает возможности незападных игроков [29]. Наконец, в официальном дискурсе России продолжает звучать тезис о двойных стандартах, например, в связи с санкциями против российских журналистов [30].

С другой стороны, в практическом геополитическом дискурсе России возникает принципиально новые направления критики нормативной силы. Прежде всего, «европейцы» предстают как уничтожающие «свои корни, основанные на христианской культуре» [13], т.е. базу собственной нормативной силы. Кроме того, ЕС перестает быть проектом мира (а это краеугольный камень концепции нормативной силы [26]) в связи с поставками Украине летального оружия [31]. Отмечается также нарушение Евросоюзом основ классического либерализма, согласно которому каждый свободен «говорить что хочешь, делать что хочешь» [28]. Санкции в этой связи подаются как наказание других акторов «за их стремление отстаивать собственные суверенные интересы», за их отказ «жить по „есовским правилам“» [32]. Наконец, диагностируется такая глубоко нелиберальная практика как «болезненно[е] есовско[е] стремлени[е] к коллективному наказанию россиян» в виде ограничений на визы, расчеты и поездки [33].

Таким образом, ЕС предстает в дискурсе России как ныне лишенный уникальности, забывший свое славное прошлое актор.

Глубокие внутривнутриполитические конфликты Союза

Наконец, последний нарратив связан с внутривнутриполитической ситуацией в ЕС. Россия традиционно критиковала ограничения национальных столиц в ЕС в их праве выстраивать свои отношения с Россией как результат интеграции. Эта тема актуализировалась после начала СВО. В частности, В.В. Путин регулярно сожалеет о «блоковом подходе» в ЕС, о стремлении «загнать» страны-члены «в клетку обязательств» [13]. С российской точки зрения, именно «роль суверенных государств-членов» системообразующая [34]. Более того, согласно официальному российскому дискурсу, поддержка Украины и конфронтация с Россией используется «бюрократией Евросоюза» для того, чтобы и дальше забирать элементы суверенитета у стран-членов [35]. При этом опасность наднациональных структур заключается в том, что «представители... Совета ЕС, Еврокомиссии и Европарламента... живут в собственном мире... отказываясь воспринимать действительность» [36]. Лишь отдельные страны, как Венгрия или Словакия, предстают как здравомыслящие игроки в ЕС.

Традиционный российский нарратив о ЕС как политической системе, идущей по неверному пути централизации, усложняет артикуляция нового конфликта, между элитой и простыми гражданами. Элита ЕС предстает как не способная решить проблемы простых людей и перекладывающая на Россию вину за свои «системные ошибки» в энергетике, сфере продовольствия, монетарной политике, которые привели «к небывалому росту инфляции и дефициту энергоресурсов» [31]. Более того, элиты предстают как отказывающиеся от изначальных, классических целей ЕС («повышения социально-экономического уровня жизни населения и... конкурентоспособности») в пользу стремления «превратить Евросоюз в некоего „геополитического игрока“» [37]. Диагностируется также существование двух «западов», традиционного, основанного на христианских ценностях, и агрессивного, выступающего «как орудие неолиберальных элит» [13]. Предполагается, что «Украина – один из тех многочисленных вопросов, где между политэлитой и населением... существует огромная пропасть» [38]. Иллюстрацией глубоких различий элиты и граждан видятся итоги выборов в Европейский парламент 2024 г. [39], а также различные протестные акции.

Репрезентируемая таким образом внутривнутриполитическая нестабильность в ЕС (связанная с напряженностью как между странами и евробюрократией, так и между элитой и гражданами) делает ЕС визави, не заслуживающим доверия России.

Заключение

Как минимум четыре нарратива в современном практическом геополитическом дискурсе Москвы нормализуют исчезновение Евросоюза с российской политической карты. Первый связан с отсутствием самостоятельности ЕС на мировой арене, второй – с утратой им экономической мощи, третий – с исчезновением нормативной силы, а четвертый – с глубокими внутривнутриполитическими конфликтами между евробюрократией и странами-членами, между элитой и простыми гражданами.

Практический дискурс России затрагивает как аспекты, традиционно важные для России (это, прежде всего, суверенитет/независимость и эконо-

мика), так и те, которые важны для самого Евросоюза (нормативная сила, внутривнутриполитические конфликты). Это говорит о том, что дискурс ориентирован как на внутреннюю аудиторию в России, так и вовне (и на ЕС, и на «Мировое большинство»). То, что большой массив сообщений ТК – это интервью российским СМИ, способствует сближению практического и популярного геополитического дискурса в России относительно ЕС. При этом дискурс, который стирает ЕС с российской политической карты, опирается на образы, возникшие еще в СССР: несамостоятельность Европы, сомнительность экономического развития, неблагополучие граждан.

Наконец, этот дискурс России имеет ряд практических последствий. Во-первых, он легитимирует не только современное отсутствие диалога Москвы и Брюсселя, но и нежелание России инициировать какое-то возобновление отношений. Во-вторых, обозначены каналы внешнеполитической работы с этим пространством сегодня. Первый – конфронтационный – это взаимодействие по линии Россия – Запад, по сути, Москвы и Вашингтона. Второй – транзакционный – транснациональные отношения с «простыми» гражданами Европы, с экспертами, т.е. минуя официальных представителей. Наконец, практический геополитический дискурс России обозначает, что восстановление ЕС на политической карте России может быть в долгосрочной перспективе достигнуто за счет децентрализации Европы и ее присоединения к евразийской архитектуре безопасности [40] в качестве «западной оконечности» [31].

Список источников

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Б. м.], 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 02.10.2024).
2. Kuus M. Critical Geopolitics // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. Oxford, 2010. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-137> (accessed: 2 June 2023).
3. Campbell D. Politics Without Principle: Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War. Boulder : Lynne Rienner, 1993.
4. Agnew J., Corbridge S. Mastering Space: Hegemony, territory and international political economy. London : Routledge, 1995.
5. Tuathail G.Ó. Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996.
6. Tuathail G.Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Vol. 11, № 2. P. 190–204.
7. Entman R.M. Cascading activation: Contesting the White House's frame after 9/11 // Political Communication. 2003. Vol. 20, № 4. P. 415–32.
8. Wodak R., Meyer M. Critical Discourse Studies: History, Agenda, Theory and Methodology // Methods of Critical Discourse Studies / eds. R. Wodak, M. Meyer. Sage, London, 2016. P. 1–22.
9. Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 5 мая 2023 г. Russian Mission to the EU, 5 мая 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/604> (дата обращения: 02.10.2024).
10. Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи в ходе заседания Совета Безопасности ООН по теме «Новые ориентиры для реформенной многополярности» – Russian Mission to the EU, 16 декабря 2022. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/376> (дата обращения: 14.11.2024).
11. Выступление С.В. Лаврова на международном форуме «Примаковские чтения». Russian Mission to the EU, 9 декабря 2022. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/365> (дата обращения: 14.11.2024).
12. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на международном форуме «Примаковские чтения», Москва, 27 ноября 2023 года.

Russian Mission to the EU, 28 ноября 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1078> (дата обращения: 14.11.2024).

13. *Выступление* Президента России В.В. Путина на XX заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 5 октября 2023 г. Russian Mission to the EU, 10 октября 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1013> (дата обращения: 14.11.2024).

14. *Ответ* официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с 30-й годовщиной вступления в силу Договора о Евросоюзе (Маастрихтский договор). Russian Mission to the EU, 3 ноября 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1056> (дата обращения: 14.11.2024).

15. *Ответ* официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ о высказываниях главы Еврокомиссии об отношениях с Россией в энергетической сфере. Russian Mission to the EU, 6 сентября 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1579> (дата обращения: 14.11.2024).

16. *Ответ* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова на вопрос ИА ТАСС, 9 ноября 2024 г. Russian Mission to the EU, 9 ноября 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1683> (дата обращения: 14.11.2024).

17. *Сообщение* без заголовка. Russian Mission to the EU, 20 декабря 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1139> (дата обращения: 14.11.2024).

18. *Из выступления* Президента Российской Федерации В.В. Путина в ходе встречи с руководством МИД России (14 июня 2024 года). Russian Mission to the EU, 14 июня 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1503> (дата обращения: 14.11.2024).

19. *Ответ* официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ относительно политики «двойных стандартов» ЕС при оценке событий на Ближнем Востоке и вокруг Украины. Russian Mission to the EU, 2 августа 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1554> (дата обращения: 14.11.2024).

20. *Damro C.* Market power Europe // *Journal of European Public Policy*. 2012. Vol. 19, № 5. P. 682–99.

21. *PPMI, B&S Europe Update of the 2015 Perception Study. Executive summary – European External Action Service*, 15 November 2021. URL: [https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Update%20of%20the%202015%20Perception%20Study,%20Executive%20Summary%20and%20Main%20Report%20\(Volume%201%20and%202\).pdf](https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Update%20of%20the%202015%20Perception%20Study,%20Executive%20Summary%20and%20Main%20Report%20(Volume%201%20and%202).pdf) (accessed: 26.07.2024).

22. *Larsen H.* The EU as a Normative Power and the Research on External Perceptions: The Missing Link // *Journal of Common Market Studies*. 2014. Vol. 52, № 4. P. 896–910.

23. *Выступление* Президента России В.В. Путина в ходе пленарного заседания XXVII Петербургского международного экономического форума (7 июня 2024 года). Russian Mission to the EU, 7 июня 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1475> (дата обращения: 14.11.2024).

24. *Интервью* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова газете «Известия». Russian Mission to the EU, 28 июня 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/825> (дата обращения: 14.11.2024).

25. *Сообщение* без заголовка. Russian Mission to the EU, 4 декабря 2022. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/273> (дата обращения: 14.11.2024).

26. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–58.

27. *Romanova T.* Russian Challenge to the EU's Normative Power? Change and Continuity // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68, № 3. P. 371–390.

28. *Сообщение* без заголовка – Russian Mission to the EU, 1 марта 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1286> (дата обращения: 14.11.2024).

29. *Выступление* Президента России В.В. Путина в ходе итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Russian Mission to the EU, 29 октября 2022. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/306> (дата обращения: 14.11.2024).

30. *Поздравляем* с днем российской печати. Russian Mission to the EU, 12 января 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1178> (дата обращения: 14.11.2024).

31. *Russian Foreign Ministry statement on the EU's role in the developments in Ukraine* 9 марта 2022. Russian Mission to the EU, 9 марта 2022. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/8> (дата обращения: 14.11.2024).

32. *Ответ* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова на вопросы МИЦ «Известия» относительно антироссийских санкций, 5 ноября 2024 г. Russian Mission to the EU, 5 ноября 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1678> (дата обращения: 14.11.2024).

33. *Интервью* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова в эфире программы «Соловьев Live». Russian Mission to the EU, 14 сентября 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/985> (дата обращения: 14.11.2024).

34. *Интервью* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова телеканалу «Россия 24», 11 октября 2024 г. Russian Mission to the EU, 11 октября 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1627> (дата обращения: 14.11.2024).

35. *Chargé d’Affaires* a.i. of the Russian Mission to the EU Kirill Logvinov commented to TASS news agency on some aspects of Russian foreign policy on the EU track, 19 December 2022. Russian Mission to the EU, 21 декабря 2022. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/393> (дата обращения: 14.11.2024).

36. *Комментарий* Постпредства относительно дебатов в Европарламенте о военной поддержке Украины. Russian Mission to the EU, 17 января 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1180> (дата обращения: 14.11.2024).

37. *Комментарий* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова агентству ТАСС относительно дискуссий о перспективе реформирования ЕС, 5 октября 2023 г. Russian Mission to the EU, 5 октября 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1005> (дата обращения: 14.11.2024).

38. *Интервью* и.о. Постпреда России при ЕС К.М. Логвинова телеканалу «Россия 24», 3 октября 2023 г. Russian Mission to the EU, 3 октября 2023. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1002> (дата обращения: 14.11.2024).

39. *Комментарий* официального представителя МИД России М.В. Захаровой по итогам выборов в Европарламент. Russian Mission to the EU, 10 июня 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1483> (дата обращения: 14.11.2024).

40. *О встрече* с дипкорпусом по тематике концепции евразийской безопасности, 3 июля 2024 г. Russian Mission to the EU, 4 июля 2024. URL: <https://t.me/RussianMissionEU/1531> (дата обращения: 14.11.2024).

References

1. Russian Federation. (2023) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 marta 2023 goda № 229* [The concept of foreign policy of the Russian Federation. Approved by Decree No. 229 of the President of the Russian Federation of March 31, 2023]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (Accessed: 2nd October 2024).
2. Kuus, M. (2010) Critical Geopolitics. In: Sandal, N. (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Oxford: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-137> (Accessed: 2nd June 2023).
3. Campbell, D. (1993) *Politics Without Principle: Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War*. Boulder: Lynne Rienner.
4. Agnew, J. & Corbridge, S. (1995) *Mastering Space: Hegemony, territory and international political economy*. London: Routledge.
5. Tuathail, G.Ó. (1996) *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
6. Tuathail, G.Ó. & Agnew, J. (1992) Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy. *Political Geography*. 11(2). pp. 190–204.
7. Entman, R.M. (2003) Cascading activation: Contesting the White House’s frame after 9/11. *Political Communication*. 20(4). pp. 415–32.
8. Wodak, R. & Meyer, M. (2016) Critical Discourse Studies: History, Agenda, Theory and Methodology. In: Wodak, R. & Meyer, M. (eds) *Methods of Critical Discourse Studies*. London: Sage. pp. 1–22.
9. Lavrov, S.V. (2023) Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv “poryadka, osnovannogo na pravilakh” [Genuine Multilateralism and Diplomacy versus the “Rules-Based Order”]. In: *Rossiia v global'noy politike* [Russian Mission to the EU]. 5th May. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/604> (Accessed: 2nd October 2024).
10. Nebenzya, V.A. (2022) Vystuplenie Postoyannogo predstavatelya V.A. Nebenzi v khode zasedaniya Soveta Bezopasnosti OON po teme “Novye orientiry dlya reformennoy mnogopolyarnosti” [Speech by Permanent Representative Vasily A. Nebenzya at the UN Security Council meeting on “New Guidelines for Reform Multipolarity”]. *Russian Mission to the EU*. 16th December. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/376> (Accessed: 14th November 2024).

11. Lavrov, S.V. (2022) Vystuplenie S.V. Lavrova na mezhdunarodnom forumе “Primakovskie chteniya” [Speech by Sergey V. Lavrov at the Primakov Readings International Forum]. *Russian Mission to the EU*. 9th December. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/365> (Accessed: 14th November 2024).
12. Lavrov, S.V. (2023) Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S.V. Lavrova na mezhdunarodnom forumе “Primakovskie chteniya” [Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey V. Lavrov at the Primakov Readings International Forum. Moscow, November 27, 2023]. *Russian Mission to the EU*. 28th November. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1078> (Accessed: 14th November 2024).
13. Putin, V.V. (2023) Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na XX zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valday”, 5 oktyabrya 2023 g. [Speech by the President of Russia V.V. Putin at the 20th meeting of the Valdai International Discussion Club, October 5, 2023]. *Russian Mission to the EU*. 10th October. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1013> (Accessed: 14th November 2024).
14. Zakharova, M.V. (2023) Otvet ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zakharovoy na vopros SMI v svyazi s 30-y godovshchinoy vstupleniya v silu Dogovora o Evrosoyuze (Maastrikhtskiy dogovor) [Response of the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs Maria V. Zakharova to a media question in connection with the 30th anniversary of the entry into force of the Treaty on European Union (Maastricht Treaty)]. *Russian Mission to the EU*. 3th November. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1056> (Accessed: 14th November 2024).
15. Zakharova, M.V. (2024) Otvet ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zakharovoy na vopros SMI o vyskazyvaniyakh glavy Evrokomissii ob otnosheniyakh s Rossiei v energeticheskoy sfere [Response of the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs Maria V. Zakharova to a media question about the statements of the head of the European Commission on relations with Russia in the energy sector]. *Russian Mission to the EU*. 6th September. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1579> (Accessed: 14th November 2024).
16. Loginov, K.M. (2024) Otvet i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova na vopros IA TASS, 9 noyabrya 2024 g. [Response of Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov to a question from TASS News Agency]. *Russian Mission to the EU*. 9th November. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1683> (Accessed: 14th November 2024).
17. Anon. (2023) Soobshchenie b/ zagolovka [Message without a heading]. *Russian Mission to the EU*. 20th December. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1139> (Accessed: 14th November 2024).
18. Putin, V.V. (2024) Iz vystupleniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina v khode vstrechi s rukovodstvom MID Rossii (14 iyunya 2024 goda) [From the speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin during a meeting with the leadership of the Russian Foreign Ministry (June 14, 2024)]. *Russian Mission to the EU*. 14th June. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1503> (Accessed: 14th November 2024).
19. Zakharova, M.K. (2024) Otvet ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zakharovoy na vopros SMI otnositel'no politiki “dvoynnykh standartov” ES pri otsenke sobytiy na Blizhnem Vostoke i vokrug Ukrainy [Response of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V. Zakharova to a media question regarding the EU’s “double standards” policy in assessing events in the Middle East and around Ukraine]. *Russian Mission to the EU*. 2nd August 2024. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1554> (Accessed: 14th November 2024).
20. Damro, C. (2012) Market power Europe. *Journal of European Public Policy*. 19(5). pp. 682–99.
21. EEAS. (2021) *PPMI, B&S Europe Update of the 2015 Perception Study. Executive summary – European External Action Service, 15 November 2021*. [Online] Available from: [https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Update%20of%20the%202015%20Perception%20Study,%20Executive%20Summary%20and%20Main%20Report%20\(Volume%201%20and%202\).pdf](https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Update%20of%20the%202015%20Perception%20Study,%20Executive%20Summary%20and%20Main%20Report%20(Volume%201%20and%202).pdf) (Accessed: 26th July 2024).
22. Larsen, H. (2014) The EU as a Normative Power and the Research on External Perceptions: The Missing Link. *Journal of Common Market Studies*. 52(4). pp. 896–910.
23. Putin, V.V. (2024) Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina v khode plenarnogo zasedaniya XXVII Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma (7 iyunya 2024 goda) [Speech by the President of Russia V.V. Putin during the plenary session of the XXVII St. Petersburg International Economic Forum (June 7, 2024)]. *Russian Mission to the EU*. 7th June. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1475> (Accessed: 14th November 2024).

24. Loginov, K.M. (2023) Interv'yu i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova gazete "Izvestiya" [Interview of Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov to the Izvestia newspaper]. *Russian Mission to the EU*. 28th June. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/825> (Accessed: 14th November 2024).
25. Anon. (2022) Soobshchenie b/zagolovka [Message without a heading]. *Russian Mission to the EU*. 4th December. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/273> (Accessed: 14th November 2024).
26. Manners, I. (2002) Normative power Europe: a contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*. 40(2). pp. 235–58.
27. Romanova, T. (2016) Russian Challenge to the EU's Normative Power? Change and Continuity. *Europe-Asia Studies*. 68(3). pp. 371–390.
28. Anon. (2024) Soobshchenie b/zagolovka [Message without a heading]. *Russian Mission to the EU*. 1st March. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1286> (Accessed: 14th November 2024).
29. Putin, V.V. (2022) Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina v khode itogovoy plenarnoy sessii XIX zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday" [Speech by Russian President V.V. Putin at the final plenary session of the 19th meeting of the Valdai International Discussion Club]. *Russian Mission to the EU*. 29th October. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/306> (Accessed: 14th November 2024).
30. Anon. (2024) Pozdravlyаем s dnem rossiyskoy pechati [Happy Russian Press Day]. *Russian Mission to the EU*. 12th January. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1178> (Accessed: 14th November 2024).
31. Russian Foreign Ministry. (2022) Russian Foreign Ministry statement on the EU's role in the developments in Ukraine. *Russian Mission to the EU*. 9th March. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/8> (Accessed: 14th November 2024).
32. Loginov, K.M. (2024) Otvet i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova na voprosy MITs "Izvestiya" otnositel'no antirossiyskikh sanktsiy, 5 noyabrya 2024 g. [Response of the Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov to questions from the Izvestia International Information Center regarding anti-Russian sanctions, November 5, 2024]. *Russian Mission to the EU*. 5th November. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1678> (Accessed: 14th November 2024).
33. Logonov, K.M. (2023) Interv'yu i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova v efire programmy "Solov'ev Live" [Interview of the Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov on the air of the program "Soloviev Live"]. *Russian Mission to the EU*. 14th September. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/985> (Accessed: 14th November 2024).
34. Logonov, K.M. (2024) Interv'yu i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova telekanalu "Rossiya 24", 11 oktyabrya 2024 g. [Interview of Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov with Russia 24 TV channel, 11 October 2024]. *Russian Mission to the EU*. 11th October. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1627> (Accessed: 14th November 2024).
35. Loginov, K.M. (2022) Chargé d'Affaires a.i. of the Russian Mission to the EU Kirill Logvinov commented to TASS news agency on some aspects of Russian foreign policy on the EU track, 19 December 2022. *Russian Mission to the EU*. 21st December. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/393> (Accessed: 14th November 2024).
36. *Russian Mission to the EU*. (2023) Kommentariy Postpredstva otnositel'no debatov v Evroparlamente o voennoy podderzhke Ukrainy [Comment by the Permanent Mission on the debate in the European Parliament on military support for Ukraine]. 17th January. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1180> (Accessed: 14th November 2024).
37. Loginov, K.M. (2023) Kommentariy i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova agentstvu TASS otnositel'no diskussii o perspektive reformirovaniya ES, 5 oktyabrya 2023 goda [Comment by Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov to the TASS agency regarding discussions on the prospects for reforming the EU, 5 October 2023]. *Russian Mission to the EU*. 5th October. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1005> (Accessed: 14th November 2024).
38. Loginov, K.M. (2023) Interv'yu i.o. Postpreda Rossii pri ES K.M. Logvinova telekanalu "Rossiya 24", 3 oktyabrya 2023 g. [Interview of Acting Permanent Representative of Russia to the EU K.M. Logvinov with the Russia 24 TV channel, 3 October 2023]. *Russian Mission to the EU*. 3th October. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1002> (Accessed: 14th November 2024).

39. Zakharova, M.V. (2024) Kommentariy ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zakharovoy po itogam vyborov v Evroparlament [Commentary by the official representative of the Russian MFA M.V. Zakharova on the results of the elections to the European Parliament]. *Russian Mission to the EU*. 10th June. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1483> (Accessed: 14th November 2024).

40. Anon. (2024) O vstreche s dipkorpusom po tematike kontseptsii evraziyskoy bezopasnosti, 3 iyulya 2024 g. [On the meeting with the diplomatic corps on the topic of the concept of Eurasian security, July 3 2024]. *Russian Mission to the EU*. 4th July. [Online] Available from: <https://t.me/RussianMissionEU/1531> (Accessed: 14th November 2024).

Сведения об авторе:

Романова Т.А. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: t.romanova@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Romanova T.A. – Cand. Sci. (Political Science), docent, associate professor at the Department of European Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: t.romanova@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.24;
одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 24.02.2025*

*The article was submitted 15.11.24;
approved after reviewing 25.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/1998863X/83/21

АНАЛИЗ ЯДЕРНОЙ ПОРОГОВОСТИ: ПЕРЕМЕННЫЕ И КОНСТАНТЫ

Глеб Вячеславович Торопчин

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
glebtoropchin@mail.ru*

Аннотация. Выявляются роли переменных и постоянных величин (констант) в анализе ядерного фактора в мировой политике и поведения так называемых пороговых государств. Для обоснования авторских тезисов используются примеры пороговых стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР): Австралийского Союза, Республики Корея и Японии. Делается вывод об амбивалентной природе ядерной порогowości, которая в разных ситуациях может рассматриваться как переменная и как константа, влияющая на политику безопасности в страновом, региональном и глобальном масштабе.

Ключевые слова: переменные, константы, ядерная латентность, пороговые государства, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Торопчин Г.В. Анализ ядерной порогowości: переменные и константы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 233–244. doi: 10.17223/1998863X/83/21

Original article

ANALYSING NUCLEAR LATENCY: VARIABLES AND CONSTANTS

Gleb V. Toropchin

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation;
National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
glebtoropchin@mail.ru*

Abstract. The article discusses the role of variables and constants in analysing the nuclear factor in world politics, in particular, the so-called threshold states and their behaviour. In a brief section devoted to terminology, definitions of the corresponding notions are given. A literature review makes it possible to single out various approaches to utilising the mentioned terms in studying the nuclear latency phenomenon in different IRT (International Relations Theory) schools as well as the existing gaps. While choosing nuclear latency per se as a dependent, measurable variable, the work features an account of independent variables as well as constants that have an impact on threshold states' policies in the nuclear realm. Among the independent variables the following are presented: global context (international milieu), domestic political situation, as well as political will of the decision-makers, the latter largely being a function of the previous two components. The first variable is an external one whereas the second and third ones belong to internal variables. Such indicators as credibility of positive security assurances and power asymmetry are at the interface of the internal and external variables. Constants, in turn, include the current status of nuclear technologies at a national level, as well as the nuclear non-proliferation regime. Defining the listed values allows one to adequately explain the choices of threshold states in favour of retaining a highly developed NFC (nuclear fuel cycle) while simultaneously successfully attempting to attain additional security guarantees from the NWS (nuclear-weapon state) responsible for providing its "nuclear umbrella". To validate his theoretical theses, the author resorts to the case studies from the Asia-Pacific threshold states (Commonwealth of Australia, Japan, and

Republic of Korea). An inference is presented regarding the ambivalent nature of nuclear latency as a state, which can be viewed from different angles both as a variable and even as a constant that influences security politics at national, regional and global scales.

Keywords: variables, constants, nuclear latency, threshold states, Asia-Pacific

For citation: Toropchin, G.V. Analysing nuclear latency: variables and constants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 233–244. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/21

Введение

В социогуманитарных исследованиях часто используют такие концепты, как переменные и постоянные величины. Применение данных терминов представляет собой пример адаптации инструментария точных наук в социологических [1], политологических и иных исследованиях. Количественные и качественные методы политического анализа имеют характерное преломление в международных отношениях (МО) как научной дисциплине. Построенные с их помощью абстрагированные модели можно метафорически, а иногда и буквально уподобить уравнениям или системам уравнений, которые описывают конкретную ситуацию в сфере глобальной безопасности. Одним из ранних примеров является модель гонки вооружений, разработанная Л.Ф. Ричардсоном в 1920-е гг. [2. Р. 35]. Переменные и константы представляют собой категории, которые используют в теории игр, основанной на математических построениях. Помимо фундаментальной науки, такие исследования имеют и прикладное значение, учитывая их потенциал для применения в симуляциях, сценарном анализе и «настольных учениях» (англ. tabletop exercises).

Названные термины могут быть полезны в теоретико-методологических выкладках для прогнозирования принятия решений в ядерной сфере странами-обладательницами ядерного оружия (ЯО), вплоть до его применения. В настоящей статье мы используем данные понятия для анализа поведения пороговых игроков. Объяснение и прогнозирование их позиций по поводу ядерного фактора на международной арене требует отдельной методологической проработки, в которой могут помочь названные атрибуты. Все эти соображения обуславливают основной исследовательский вопрос статьи: какие категории, связанные с ядерной пороговостью, можно отнести к переменным, а какие – к константам?

Понятийный аппарат и методология

В различных областях научного знания *константы*, или *неизменные величины*, по умолчанию остаются одинаковыми даже при изменении внешних условий. Под константами в науке о международных отношениях принято понимать, например, географическое положение страны, т.е. местоположение, линию границ, наличие или отсутствие выхода к морю и т.п. [3]. Можно утверждать, что константы, связанные с политической географией, являются относительными ввиду возможности изменения границ. То же относится и к структурным факторам, которые принято относить к константам: состав участников глобальных и региональных процессов, механизмы взаимодействия между ними и т.д. В долгосрочной перспективе их постоянство не является абсолютным.

Под *переменной* подразумевается величина с непостоянным значением, которую при этом следует отличать от *параметра*, который произвольно,

а не в связи с действием других переменных, изменяет сам пользователь [4]. В другой терминологии [5. С. 12] переменные делят на *зависимые* и *независимые*, значения первых при этом определяются вторыми. В точных науках, в особенности при проведении экспериментов, под зависимой переменной подразумевается *измеряемая* величина, в то время как независимой переменной принято считать *изменяемую* величину. С учетом слабой применимости эксперимента как метода политических исследований и в науке о МО эти два понятия имеют свою специфику. По существу, оба термина соответствуют категориям «собственно переменная» и «параметр». В школе неоклассического реализма независимые переменные отнесены к системным международно уровня, а зависимые к уровню государств [6].

Эмпирическим материалом для применения указанных категорий в настоящей статье служит феномен *пороговых государств*. Это понятие применимо к государствам, не обладающим ядерным оружием, однако находящимся на высокой ступени развития инфраструктуры ядерного топливного цикла (ЯТЦ) и имеющим реальную возможность в относительно сжатые сроки создать ядерное взрывное устройство (ЯВУ) при принятии политического решения. С учетом избранной оптики *пороговость* и предстает в качестве зависимой, оцениваемой переменной. Ядерная латентность – термин, преимущественно используемый в западной научной литературе для обозначения способности получения ядерного оружия политическим актором в относительно короткий период времени. В статье понятия «*ядерная пороговость*» и «*ядерная латентность*» будут использованы как взаимозаменяемые синонимы.

Обзор литературы

В отечественной литературе понятия «переменные» и «константы» использовались для анализа международных отношений в широком смысле. И.А. Чихарев отмечает, что набор переменных зависит от избранного уровня анализа: индивидуальный, государственный либо международный. При этом к государственному уровню относятся, соответственно, установившийся режим, институциональная структура, механизмы принятия решений, в то время как международный уровень представлен структурными факторами [7].

Н.А. Косолапов, рассуждая о международной системе, выделяет константы, или инварианты, понимая под таковыми «свойства и качества, неизменно присущие данному явлению при всех его трансформациях, неотъемлемые от него» [8. С. 60]. Н.А. Косолапов выделяет три уровня констант: первый связан со структурными особенностями, на втором представлено функционирование этой структуры, третий определяют связи со средой, в которой существует система [8. С. 65–66].

А.Ю. Мельвиль и Д.Б. Ефимов [9] в своем исследовании взаимосвязи демократизации и государственной самостоятельности подчеркивают, что с учетом избранного фокуса государственная самостоятельность может выступать в качестве как зависимой, так и независимой переменной. Более того, указанное явление может быть и «инструментальной» переменной, т.е. сопряженной с одним из влиятельных участников политического процесса.

Д.И. Макаренко и Е.Ю. Хрусталёв [10] используют для сценарного прогнозирования развития оборонно-промышленного комплекса (ОПК) качественные, а не количественные переменные. Это позволяет авторам обозначить свой ме-

тод как «мягкие вычислительные процедуры». Для измерения значений переменных, в качестве которых выступают слова, используется шкала от -1 до $+1$. Она позволяет выявить степень выраженности отдельных признаков, характерных для ключевых терминов. Благодаря описанной методике создается модель отечественного ОПК для определения перспектив его развития.

В то же время А.В. Фененко в своем исследовании роли ядерного фактора определяет в качестве переменной величины стратегическую стабильность на основе ЯО [11. С. 175]. На этот показатель влияет множество других индикаторов, определяя его сущность в динамике. В российской литературе понятия переменных и констант применялись для анализа международных отношений и глобальной безопасности скорее в обобщенном виде, и системного их применения к феномену ядерной пороговости не обнаружено.

В зарубежных исследованиях количественные методы применялись широко для осмысления ядерного фактора в целом и для феномена пороговости. Б.К. Смит и У. Спэниэл используют модель статистического измерения для выявления компетенций в ядерной сфере на уровне государств. В результате обобщения наблюдаемых явлений они приходят к созданию набора данных v-CLEAR и полагают, что ядерное оружие является «критически важной независимой переменной» в международных отношениях [12]. М. Эйлstrup-Санджованни утверждает, что с институционализацией международного режима нераспространения ЯО увеличилось количество независимых переменных, влияющих на его функционирование [13]. К таким переменным относятся межинституциональные отношения, функциональное разделение задач между организациями и др.

М. Фурманн и Б. Ткач при создании базы данных по пороговым акторам включают информацию о ядерных объектах, где может происходить обогащение урана и переработка отработавшего ядерного топлива, даты сооружения и ввода в эксплуатацию ядерных объектов, их размер и тип, потенциал использования в военных целях, факт постановки их под гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и наличие зарубежной помощи. Авторы делают вывод о росте конфликтогенности обстановки для пороговых стран, выдвигая тезис о сопряженности ядерной латентности с рисками международных конфликтов [14].

Д.Дж. Суини и У.С. Чарльтон предлагают методику расчета ядерной латентности, и ключевой категорией в их стохастической модели на основе сети Петри¹ является потенциальный срок, за который пороговое государство может обрести ядерное оружие (так называемый период латентности). Авторы оговаривают, что модель является валидной при условиях принятия решения о нуклеаризации и наличия известного маршрута распространения [15].

В. Наранг определяет одной из ключевых переменных для анализа пороговости наличие или отсутствие острой угрозы безопасности государства (цит. по: [16]). М. Фитцпатрик акцентирует значение такой переменной, как надежность гарантий безопасности со стороны США [17. Р. 9–16]. А.Э. Левит обращает внимание на важность временного измерения политики пороговых стран и стратегии «ядерной подстраховки», т.е. отсутствия окончательного и

¹ Сеть К. Петри представляет собой математический объект, который используется в моделировании различных процессов.

бесповоротного отказа от ядерного оружия и решения о его обретении, что дает пороговым игрокам время для принятия решения [18. Р. 59].

Опыт математического осмысления ядерной латентности описан в коллективной работе «Квантификация ядерной латентности» [19]. Схема включает специализированные метрики, и в число факторов, определяющих ядерную латентность (переменные), включены наличие полного набора технологий ядерного топливного цикла и развитая военная инфраструктура. Эту модель предлагается применять для корректного распределения ресурсов МАГАТЭ при проведении инспекций. Р.Н. Мехта и Р.Э. Уитларк, применив статистические методы анализа ядерной латентности на примере Ирана, пришли к выводу о том, что это состояние скорее приводит к принуждению самого порогового игрока, чем к сдерживанию его вероятных противников [20]. Открытым остается вопрос о применимости их выводов к другим государствам, включая пороговые державы Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

К.У. Хьюз выделяет четыре ключевые переменные, влияющие на выбор нуклеаризации: дилеммы национальной безопасности, баланс между престижем и идентичностью и международными нормами, политэкономические соображения (выгоды должны превышать издержки, что маловероятно с учетом опасения санкций), технологический потенциал [21].

Таким образом, несмотря на наличие общих показателей, пока не выведено согласованного набора переменных и постоянных величин для анализа ядерной пороговости. Некоторые описанные приемы представляются сугубо техническими, и их использование не учитывает политические факторы, влияющие на состояние ядерной латентности. Представляется, что указанные подходы нуждаются в дальнейшем уточнении для выработки удовлетворительной совокупности индикаторов, которые влияют на выбор государства в условиях порогового состояния. Далее в статье будет сделана попытка обозначить набор независимых переменных и констант для определения пороговости, не углубляясь в математические модели, известные как достаточно условные.

Пороговость: переменные и постоянные

Переменные. Если определить пороговость как зависимую переменную, то всю совокупность связанных независимых переменных можно разделить на внешние и внутренние переменные. Можно выделить ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на процесс принятия решений пороговым государством в ядерной сфере.

Первой такой переменной можно назвать *окружающую среду*, т.е. *международную обстановку* в глобальном и региональном масштабах. Несмотря на то, что отдельные течения в реализме, как правило, исходят из малой изменчивости структурных факторов, современные события показывают, что изменения международной среды могут привести к смене политического курса государств, проявляющих такое свойство, как приспособляемость. В качестве примера влияния внешней среды на пороговость можно назвать желание японского правительства инициировать собственную военную ядерную программу после первого ядерного испытания КНР в 1964 г. при резком противодействии подобным устремлениям со стороны США [22].

Первая переменная неоднородна и ее можно разделить на глобальный и региональный уровни. Несмотря на то, что мировую среду принято относить к

константам, существенные сдвиги в мировой системе международных отношений оказывают влияние на принятие государствами решений в ядерной сфере. Глобальная нестабильность и общая тенденция к секьюритизации международных отношений создают фон для усиления внимания пороговых стран к ядерной опции. Другой ключевой переменной является региональный уровень. Для АТР важным является усиление северокорейской ракетной и ядерной программы, модернизация китайских стратегических ядерных сил на фоне противостояния с США, обострение пограничных и территориальных споров в Тихом океане.

Возможно, региональная система является более важной для средних региональных держав, к которым относятся пороговые страны, что подтверждается примерами Японии и Республики Корея. В первом случае бывший премьер страны С. Абэ инициировал широкую дискуссию о возможной роли ЯО в обеспечении безопасности страны в феврале 2022 г. [23]. Во втором случае действующий президент Юн Сок Ёль напрямую высказался о вероятности обретения Сеулом собственной военной ядерной программы в январе 2023 г. [24]. Примечательно, что ядерная проблема остается в дискурсивном пространстве и проявляется в практических действиях пороговых держав АТР. Это можно подтвердить несколькими примерами. В 2021 г. был создан формат АЮКЮС, в рамках которого запланирована передача Австралии технологии ядерных силовых установок для атомных подводных лодок. В апреле 2023 г. лидеры США и Республики Корея подписали Вашингтонскую декларацию, которая расширила роль Сеула в совместном ядерном планировании и институционализировала заходы в южнокорейские порты американских стратегических подводных атомных ракетноносцев, на которых могут размещаться ядерные боезаряды (ПЛАРБ). В апреле 2024 г. был подписан комплекс военно-политических соглашений Японии с США.

Второй переменной является *внутриполитическая ситуация* в пороговой стране, что в системном анализе принято именовать *внутренней средой*. Роль внутриполитической конъюнктуры можно проиллюстрировать южнокорейским сюжетом. Идея нуклеаризации стала одной из ключевых тем в последней предвыборной кампании, где Юн Сок Ёль и его оппоненты активно обсуждали различные возможности, связанные с ядерным фактором [25].

Во многом производной от предыдущих двух переменных является третья переменная, а именно *политическая воля*, которая проявляется в поведении лиц и институтов, ответственных за ядерную политику государства, принять решение о создании ядерных объектов или перевода ядерной программы на военные рельсы. Политическая воля элит зависит как от глобальных событий, так и от электоральных циклов. Проявлением политической воли можно считать решение южнокорейских элит форсировать развитие собственной плутониевой программы в период президентства Пак Чон Хи в начале 1970-х гг. [26. Р. 42]. Такое решение можно трактовать как обеспечение национальных интересов и оказание давления на США, обеспечивающие позитивные гарантии безопасности Республики Корея. Похожая активность, связанная с обогащением урана, наблюдалась на Тайване в 1970–1980-е гг.

Таким образом, первая переменная определена внешними обстоятельствами, окружению, вторая и третья представляют внутреннюю среду государства. В свою очередь, *достоверность позитивных гарантий безопасности* находится на грани между внешними и внутренними переменными, так как

зависит и от гаранта безопасности, и от субъективного восприятия элитами и населением страны-бенефициара, находящейся под «ядерным зонтиком». Сегодня актуальность этой переменной очевидна для всех пороговых стран АТР, находящихся в системе расширенного ядерного сдерживания США.

Для пороговых стран одной из ключевых независимых переменных на стыке между внешними и внутренними является такая гипотетическая величина, как *асимметрия мощи*, которая использовалась для анализа политики КНДР до обретения ею ЯО [27]. Пороговые страны, как правило, имеют значительный вес на международной арене, хотя не обладают ядерным оружием, в отличие от ЯОГ и de facto ядерных государств. Обретение ЯО становится для пороговых держав условием для преодоления асимметрии мощи. Так, наибольший прогресс в денуклеаризации Корейского полуострова был достигнут при максимальном уровне асимметрии мощи между США и КНДР [27]. Однако с обретением КНДР собственного ЯО переговорный процесс оказался чрезвычайно затрудненным, так как КНДР предпочла ультимативный, а не компромиссный стиль переговоров. Можно предположить, что после получения ЯО бывшие пороговые страны могут избрать подобную линию поведения.

Среди переменных, не столько влияющих на пороговость, сколько характеризующих ее, встречаются в том числе интервальные (т.е. выражаемые в численных значениях, но не по относительной шкале). К примеру, измерима в абсолютных величинах *критическая масса расщепляющегося материала*, т.е. количество оружейного плутония или высокообогащенного урана, достаточное для производства ЯВУ. Такой индикатор, как динамика количества расщепляющегося материала, которым обладают те или иные государства, можно проследить в регулярных публикациях организации «Инициатива по снижению ядерной угрозы» (Nuclear Threat Initiative (NTI)) под названием «Индекс ядерной безопасности». Данный агрегированный показатель, варьирующийся по шкале от 0 до 100, призван продемонстрировать общее состояние ядерной безопасности в широком ее смысле в конкретных государствах. Среди атрибутов, которые его составляют, можно выделить количество расщепляющегося материала для применения в мирных целях, состояние физической защиты ядерного материала и объектов, наличие соответствующей законодательной базы, международная репутация и участие в глобальных и региональных инициативах в сфере ядерного нераспространения [28]. С этой точки зрения пороговые страны АТР демонстрируют высокие показатели и позитивную динамику. По состоянию на 2023 г. у Японии 80 пунктов, в то время как у Австралии 93, при этом еще в 2016 г. результаты были 67 и 86 пунктов соответственно [29]. Впрочем, следует оговориться, что из-за условностей квантификации основную массу переменных, связанных с пороговостью, целесообразно отнести скорее к неметрическим категориям, описанным выше.

Таким образом, возможна объективная оценка количества лишь таких переменных, как количество расщепляющегося материала и потенциальные средства доставки. Все остальные перечисленные переменные целесообразно отнести к качественным, учитывая субъективность оценок изменений внешней и внутренней среды, достоверности гарантий безопасности и других названных факторов.

Константы. Формальное юридическое закрепление 44 государств, обладающих критическим набором ядерных технологий, произошло в середине 1990-х гг. в Приложении II к Договору о всеобъемлющем запрещении ядер-

ных испытаний [30. Р. 50]. Это дает возможность отдельным исследователям [31. Р. 2] определять эти страны как потенциально пороговые за исключением ЯОГ и de facto ядерных держав. Учитывая, что список не изменился на протяжении почти тридцати лет, можно говорить о постоянном наборе пороговых стран в среднесрочной перспективе.

К числу постоянных факторов несколько парадоксальным образом относится наличие ядерных технологий у государства, иллюстрируемое формулировкой «ядерное оружие невозможно „разизобрести“», т.е. даже в случае уничтожения ядерного оружия останутся соответствующие знания и технологии производства ЯО. Единственным в истории прецедентом добровольного отказа ядерной державы от уже созданного ЯО является пример ЮАР. В то же время риторика ЯОГ и de facto ядерных держав свидетельствует о категорическом нежелании данных игроков отказываться от ЯО.

С военно-технической точки зрения значение имеет уровень развития у пороговых игроков технологий ЯТЦ и средств доставки как собственных, так и импортированных, участие в американской системе противоракетной обороны театра военных действий. Режим нераспространения ядерного оружия на основе Договора о нераспространении ядерного оружия также представляет собой константу, так как основополагающие правила не меняются с конца 1960-х гг., хотя дополняются уточнениями при принятии международно-правовых документов обязательного и рекомендательного характера.

Само пороговое состояние сложно однозначно отнести к переменным или константам. Р.Н. Мехта и Р.Э. Уитларк справедливо рассматривают ядерную латентность как фактор, влияющий на военную безопасность государства и его позиции в переговорном процессе [20]. Таким образом, сам статус страны как пороговой ядерной державы представляет собой независимую переменную, влияющую на остальные важнейшие вопросы безопасности. При этом государства АТР находятся в пороговом состоянии на протяжении десятилетий, несмотря на смену правительств. Нахождение их в такой пограничной модальности обусловлено, с одной стороны, наличием позитивных гарантий безопасности со стороны США, с другой – обладанием ядерными технологиями практически полного цикла. Описанные выше события, связанные с первой переменной, не выражаются в кардинальной и одномоментной смене статуса стран на международной арене. Соблюдение status quo на стратегическом уровне в политике пороговых держав АТР можно отнести к константам [32].

Указанные соображения подтверждают амбивалентную сущность пороговости, и в зависимости от исследовательской оптики и поставленных задач это явление может быть осмыслено как переменная или константа.

Авторская модель переменных и констант, которую предлагается использовать для анализа пороговости, представлена в виде таблицы.

Модель переменных и констант для анализа ядерной пороговости
(курсивом выделены количественные переменные)

Параметр	Внешние	Промежуточные	Внутренние
Переменные	Международная среда	Достоверность ядерного зонтика	Внутриполитическая ситуация
		Асимметрия мощи	Количество расщепляющегося материала
		<i>Наличие средств доставки</i>	
Константы	Режим нераспространения ядерного оружия		Наличие технологий ядерного топливного цикла

Заключение

Таким образом, можно выделить совокупность внешних и внутренних независимых переменных, влияющих на состояние пороговости. Внешние факторы определяются международной средой, а внутривнутриполитическая ситуация в стране и политическая воля лиц и органов влияют на принимаемые решения. В промежуточном положении между внешними и внутренними переменными находятся достоверность «ядерного зонтика» и асимметрия мощи. Указанные переменные также подразделяются на количественные и качественные, в зависимости от возможности объективной количественной оценки. Изменения внешней и внутренней среды, колебания политической воли и субъективного восприятия позитивных гарантий безопасности достаточно сложно квантифицировать, в отличие от количества расщепляющегося материала и потенциальных средств доставки. К константам следует отнести наличие у порогового государства технологий ЯТЦ и статус в режиме нераспространения ядерного оружия. Стоит подчеркнуть относительность терминов «постоянные» и «переменные» в отношении ядерного фактора и ядерной пороговости в частности.

Важным ограничением в исследовании является закрытый характер информации о ядерных программах пороговых ядерных держав. Кроме того, существуют другие факторы неопределенности, затрудняющие политическое прогнозирование поведения пороговых стран. С учетом закрытости большинства данных о ядерных программах, а в некоторых случаях и намеренного их искажения, закономерны ограничения возможности прогнозирования вероятного развития событий, даже с применением современных и надежных методов.

Список источников

1. Фомина Е.Е. Методы анализа категориальных переменных в социологических исследованиях // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12, № 2. С. 39–50.
2. Smith R.P. The Influence of the Richardson Arms Race Model // Lewis Fry Richardson: His Intellectual Legacy and Influence in the Social Sciences. Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice. Vol. 27 / ed. by N.P. Gleditsch. Cham : Springer, 2020. P. 35–44. doi: 10.1007/978-3-030-31589-4_3
3. Abdul-Hussein H.N. Foreign Policies of States: A Study of Political Variables and Geographical Constants // The International and Political Journal. 2023. Vol. 54. P. 123–158. doi: 10.31272/ipj.54.6
4. Chadwick R.W. International Futures Simulation (IFS). Variables and Parameters // University of Hawaii System. April 18, 1995. URL: <http://www.hawaii.edu/intlrel/pols315/IFs/varparm.html> (accessed: 01.10.2024).
5. Цыганков П.А. Внешняя политика государства: особенности, процесс и факторы, влияющие на принятие решений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 7–30.
6. Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 1. С. 50–66.
7. Чихарев И.А. Индивидуальный уровень анализа международной безопасности: новые теоретические подходы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 16–20.
8. Косолапов Н.А. Тема 4. Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа (Введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 59–70. doi: 10.20542/0131-2227-1998-4-59-70

9. Мельвилль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность проблема взаимосвязи // Политическая наука. 2016. № 4. С. 43–73.
10. Макаренко Д.И., Хрусталёв Е.Ю. Качественный подход к прогнозированию и управлению развитием оборонно-промышленного комплекса // Проблемы прогнозирования. 2007. № 5. С. 27–41.
11. Фененко А.В. Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях (военно-политические и институциональные аспекты) : дис. ... д-ра полит. наук. М. : МГИМО, 2017. 581 с.
12. Smith B.C., Spaniel W. Introducing v-CLEAR: A Latent Variable Approach to Measuring Nuclear Proficiency // Conflict Management and Peace Science. 2018. Vol. 37, № 2. P. 232–256. doi: 10.1177/0738894217741619
13. Eilstrup-Sangiovanni M. The Instability of the Nuclear Nonproliferation Regime Complex // Review of International Political Economy. 2023. Vol. 30, № 6. P. 2094–2121. doi: 10.1080/09692290.2023.2238732
14. Fuhrmann M., Tkach B. Almost Nuclear: Introducing the Nuclear Latency Dataset // Conflict Management and Peace Science. 2015. Vol. 32, № 4. С. 443–461. doi: 10.1177/0738894214559672.
15. Sweeney D.J., Charlton W.S. A Nuclear Weapons Latency Computational Tool // Journal of Nuclear Materials Management. 2019. Vol. 47, № 3. P. 9–25.
16. Shaw D.B. Review: Nuclear Proliferation Is Nuclear Strategy // Arms Control Today. July/August 2022. Vol. 52, № 6. P. 34–37.
17. Fitzpatrick M. Asia's Latent Nuclear Powers: Japan, South Korea and Taiwan // Adelphi series. Vol. 55, Is. 455. 2015. 176 p.
18. Levite A.E. Never Say Never Again: Nuclear Reversal Revisited // International Security. Winter 2002–2003. Vol. 27, № 3. P. 59–88.
19. Sweeney D.J., Slanker J.M., Charlton W.S., Juzaitis R. Quantifying Nuclear Weapons Latency // Proceedings of the 2009 Annual Meeting of the Institute of Nuclear Materials Management. Vol. 50 (1). P. 2743–2750.
20. Mehta R.N., Whitlark R.E. The Benefits and Burdens of Nuclear Latency // International Studies Quarterly. September 2017. Vol. 61, № 3. P. 517–528.
21. Hughes C.W. North Korea's Nuclear Weapons: Implications for the Ambitions of Japan, South Korea and Taiwan // Asia Policy. January 2007. № 3. P. 75–104.
22. Стрельцов Д.В. Станет ли Япония «нормальной» страной? // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 3. С. 174–191. doi: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191
23. Romei S. The legacy of Shinzo Abe: a Japan divided about nuclear weapons // Bulletin of the Atomic Scientists. August 24, 2022. URL: <https://thebulletin.org/2022/08/the-legacy-of-shinzo-abe-a-japan-divided-about-nuclear-weapons/> (accessed: 25.11.2024).
24. Why South Korea is talking about getting its own nukes // The Economist. Jan 19th 2023. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/01/19/why-south-korea-is-talking-about-getting-its-own-nukes> (accessed: 25.11.2024).
25. Larsen M.S. Talk of a Nuclear Deterrent in South Korea // Foreign Policy. September 9, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/09/09/south-korea-nuclear-deterrent-north-korea/> (accessed: 07.10.2024).
26. Kang J., Hayes P., Bin L., Suzuki T., Tanter R. South Korea's Nuclear Surprise // Bulletin of the Atomic Scientists. January/February 2005. Vol. 61, № 1. P. 40–49. doi: 10.2968/06100101
27. Mitchum D. Power Asymmetry and Nonproliferation: North Korea's Perspective // North Korean Review. Fall 2022. Vol. 18, № 2. P. 59–76.
28. Procuring Nuclear Propulsion, While Preventing Proliferation // The National Security Podcast. December 22, 2022. URL: <https://shows.acast.com/the-national-security-podcast/episodes/procuring-nuclear-propulsion-while-preventing-proliferation> (accessed: 01.10.2024).
29. Results // The 2023 NTI Nuclear Security Index. URL: <https://www.ntiindex.org/results/> (accessed: 02.10.2024).
30. Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT) // CTBTO. URL: https://www.ctbto.org/sites/default/files/2023-10/2022_treaty_booklet_E.pdf (accessed: 01.10.2024).
31. Malyshev M. Nuclear Latency and the Future Strategic Environment // ASPI Strategic Insights. March 2015. Vol. 83. URL: https://ad-aspi.s3.ap-southeast-2.amazonaws.com/import/SI83_nuclear_latency.pdf (accessed: 01.10.2024).
32. Дрезнер Д. Есть ли у Обамы большая стратегия? Почему в смутные времена нам нужны доктрины // Россия в глобальной политике. Июль/Август 2011. № 4. 02.08.2011. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/est-li-u-obamy-bolshaya-strategiya/> (дата обращения: 01.10.2024).

References

1. Fomina, E.E. (2019) Metody analiza kategorial'nykh peremennykh v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Methods of analysis of categorical variables in sociological research]. *Izvestiya vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*. 12(2). pp. 39–50.
2. Smith, R.P. (2020) The Influence of the Richardson Arms Race Model. In: Gleditsch, N.P. (ed.) *Lewis Fry Richardson: His Intellectual Legacy and Influence in the Social Sciences. Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice*. Vol. 27. Cham: Springer. pp. 35–44. DOI: 10.1007/978-3-030-31589-4_3
3. Abdul-Hussein, H.N. (2023) Foreign Policies of States: A Study of Political Variables and Geographical Constants. *The International and Political Journal*. 54. pp. 123–158. DOI: 10.31272/ipj.54.6
4. Chadwick, R.W. (1995) International Futures Simulation (IFS). Variables and Parameters. *University of Hawaii System*. 18th April. [Online] Available from: <http://www.hawaii.edu/intl-rel/pols315/IFS/varparm.html> (Accessed: 1st October 2024).
5. Tsygankov, P.A. (2022) Vneshnyaya politika gosudarstva: osobennosti, protsess i faktory, vliyayushchie na prinyatie resheniy [Foreign policy of the state: features, process and factors influencing decision-making]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2. pp. 7–30.
6. Chikharev, I.A. & Kosorukov, A.A. (2010) Neoklassicheskiy realizm: k probleme sootnosheniya peremennykh global'nogo i natsional'no-gosudarstvennogo urovney v formirovanii vneshnepoliticheskogo kursa [Neoclassical realism: on the problem of the relationship between global and national-state level variables in the formation of foreign policy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 1. pp. 50–66.
7. Chikharev, I.A. (2010) Individual'nyy uroven' analiza mezhdunarodnoy bezopasnosti: novye teoreticheskie podkhody [Individual level of international security analysis: new theoretical approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 4. pp. 16–20.
8. Kosolapov, N.A. (1998) Tema 4. Yavlenie mezhdunarodnykh otnosheniy: istoricheskaya evolyutsiya ob"ekta analiza (Vvedenie v teoriyu) [Topic 4. The phenomenon of international relations: historical evolution of the object of analysis (Introduction to the theory)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 4. pp. 59–70. DOI: 10.20542/0131-2227-1998-4-59-70
9. Melville, A.Yu. & Efimov, D.B. (2016) “Demokraticheskiy Levafan”? Rezhimnye izmeneniya i gosudarstvennaya sostoyatel'nost' problema vzaimosvyazi [“Democratic Leviathan”? Regime Changes and State Capacity: The Problem of Interrelation]. *Politicheskaya nauka*. 4. pp. 43–73.
10. Makarenko, D.I. & Khurstalev, E.Yu. (2007) Kachestvennyy podkhod k prognozirovaniyu i upravleniyu razvitiem oboronno-promyshlennogo kompleksa [Qualitative Approach to Forecasting and Managing the Development of the Defense Industrial Complex]. *Problemy prognozirovaniya*. 5. pp. 27–41.
11. Fenenko, A.V. (2017) *Izmenenie roli yadernogo faktora v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (voenno-politicheskie i institutsional'nye aspekty)* [Changing Role of the Nuclear Factor in Modern International Relations (Military-Political and Institutional Aspects)]. Political Sciences Dr. Diss. Moscow: MGIMO.
12. Smith, B.C. & Spaniel, W. (2018) Introducing v-CLEAR: A Latent Variable Approach to Measuring Nuclear Proficiency. *Conflict Management and Peace Science*. 37(2). pp. 232–256. DOI: 10.1177/0738894217741619
13. Eilstrup-Sangiovanni, M. (2023) The Instability of the Nuclear Nonproliferation Regime Complex. *Review of International Political Economy*. 30(6). pp. 2094–2121. DOI: 10.1080/09692290.2023.2238732
14. Fuhrmann, M. & Tkach, B. (2015) Almost Nuclear: Introducing the Nuclear Latency Dataset. *Conflict Management and Peace Science*. 32(4). pp. 443–461. DOI: 10.1177/0738894214559672.
15. Sweeney, D.J. & Charlton, W.S. (2019) A Nuclear Weapons Latency Computational Tool. *Journal of Nuclear Materials Management*. 47(3). pp. 9–25.
16. Shaw, D.B. (2022) Review: Nuclear Proliferation Is Nuclear Strategy. *Arms Control Today*. 52(6). pp. 34–37.
17. Fitzpatrick, M. (2015) Asia's Latent Nuclear Powers: Japan, South Korea and Taiwan. *Adelphi-series*. 55(455).
18. Levite, A.E. (2002–2003) Never Say Never Again: Nuclear Reversal Revisited. *International Security*. 27(3). pp. 59–88.
19. Sweeney, D.J., Slanker, J.M., Charlton, W.S. & Juzaitis, R. (2009) Quantifying Nuclear Weapons Latency. *Proceedings of the 2009 Annual Meeting of the Institute of Nuclear Materials Management*. 50(1). pp. 2743–2750.

20. Mehta, R.N. & Whitlark, R.E. (2017) The Benefits and Burdens of Nuclear Latency. *International Studies Quarterly*. 61(3). pp. 517–528.
21. Hughes, C.W. (2007) North Korea's Nuclear Weapons: Implications for the Ambitions of Japan, South Korea and Taiwan. *Asia Policy*. 3. pp. 75–104.
22. Streltsov, D.V. (2023) Stanet li Yaponiya "normal'noy" stranoy? [Will Japan Become a "Normal" Country?]. *Rossiya v global'noy politike*. 21(3). pp. 174–191. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-174-191
23. Romei, S. (2022) The legacy of Shinzo Abe: a Japan divided about nuclear weapons. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 24th August. [Online] Available from: <https://thebulletin.org/2022/08/the-legacy-of-shinzo-abe-a-japan-divided-about-nuclear-weapons/> (Accessed: 25th November 2024).
24. *The Economist*. (2023) Why South Korea is talking about getting its own nukes. 19th January. [Online] Available from: <https://www.economist.com/asia/2023/01/19/why-south-korea-is-talking-about-getting-its-own-nukes> (Accessed: 25th November 2024).
25. Larsen, M.S. (2021) Talk of a Nuclear Deterrent in South Korea. *Foreign Policy*. 9th September. [Online] Available from: <https://foreignpolicy.com/2021/09/09/south-korea-nuclear-deterrent-north-korea/> (Accessed: 7th October 2024).
26. Kang, J., Hayes, P., Bin, L., Suzuki, T. & Tanter, R. (2005) South Korea's Nuclear Surprise. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 61(1). pp. 40–49. DOI: 10.2968/06100101.
27. Mitchum, D. (2022) Power Asymmetry and Nonproliferation: North Korea's Perspective. *North Korean Review*. 18(2). pp. 59–76.
28. *The National Security Podcast*. (2022) Procuring Nuclear Propulsion, While Preventing Proliferation. 22nd December. [Online] Available from: <https://shows.acast.com/the-national-security-podcast/episodes/pro-curing-nuclear-propulsion-while-preventing-proliferation> (Accessed: 1st October 2024).
29. *The 2023 NTI Nuclear Security Index*. (2023) Results. [Online] Available from: <https://www.ntiindex.org/results/> (Accessed: 2nd October 2024).
30. CTBTO. (n.d.) *Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT)*. [Online] Available from: https://www.ctbto.org/sites/default/files/2023-10/2022_treaty_booklet_E.pdf (Accessed: 1st October 2024).
31. Malyshev, M. (2015) Nuclear Latency and the Future Strategic Environment. *ASPI Strategic Insights*. 83. [Online] Available from: https://ad-aspi.s3.ap-southeast-2.amazonaws.com/import/SI83_nuclear_latency.pdf (Accessed: 1st October 2024).
32. Drezner, D. (2011) Est' li u Obamy bol'shaya strategiya? Pochemu v smutnye vremena nam nuzhny doktriny [Does Obama Have a Grand Strategy? Why Do We Need Doctrines in Troubled Times]. *Rossiya v global'noy politike*. 2nd August. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/est-li-u-obamy-bolshaya-strategiya/> (Accessed: 1st October 2024).

Сведения об авторе:

Торопчин Г.В. – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); старший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: glebtoropchin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Toropchin G.V. – Cand. Sci. (History), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); senior research fellow, Natinal Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: glebtoropchin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024;
одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 20.10.2024;
approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 24.02.2025

Научная статья

УДК 327.7

doi: 10.17223/1998863X/83/22

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ ЕС

Сергей Васильевич Устинкин¹,
Екатерина Константиновна Гайкович²

^{1, 2} Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹ Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия

¹ sv.ustinkin@gmail.com

² ekaterina-gaikovich@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации гендерной стратегии ЕС. Традиционный гендерный подход, основанный на бинарных категориях равенства мужчин и женщин, подменяется на новые трактовки гендерного равноправия, определяемые по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Данная политика не находит консенсуса среди государств ЕС, предпринимающих меры для защиты традиционных ценностей и институтов.

Ключевые слова: ЕС, SOGI-подход, новая гендерная стратегия

Благодарности: исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ (FSWZ-2023-0031).

Для цитирования: Устинкин С.В., Гайкович Е.К. Трансформация гендерной стратегии ЕС // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 245–000. doi: 10.17223/1998863X/83/22

Original article

TRANSFORMATION OF THE EU GENDER STRATEGY

Sergey V. Ustinkin¹, Ekaterina K. Gaikovich²

^{1, 2} Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ Volga Branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ sv.ustinkin@gmail.com

² ekaterina-gaikovich@mail.ru

Abstract. The article discusses the transformation of the EU gender strategy, where transformation is understood as a new gender policy aimed at legalizing the SOGI (sexual orientation and gender identity) approach, replacing traditional binary meanings in the issue of gender equality. It is substantiated that, at the legal and institutional level in the EU, gender accents are shifting towards new interpretations of sexual, family, marital and reproductive human behavior, considered not through the prism of natural biological sex, but determined on the basis of sexual orientation and gender identity. The SOGI approach differs from the binary concepts of gender equality enshrined in the provisions of the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights, the Convention on the Elimination of All Forms

of Discrimination against Women, and the Rome Statute. An analysis of EU regulatory sources has shown that, in a number of documents, for example, the Amsterdam Treaty and the EU Charter, the competence to combat discrimination “based on sexual orientation” is enshrined. The Lisbon Treaty enshrined provisions on combating discrimination “on the basis of gender and sexual orientation”. Since 2016, the EU has been reviewing laws “on gender identity and/or sexual characteristics”. The Strategy on Expanding the Rights of the LGBT Community has been adopted (the organization is recognized as extremist in Russia). The strategy of forming “gender-sensitive parliaments” and the enforcement apparatus for the implementation of the new EU gender strategy is being implemented. The article concludes that, although the SOGI approach is recognized as central to the EU gender strategy, it is so far fixed only at the level of secondary law documents and political rhetoric. In EU primary law documents, for example, in the Lisbon Treaty, SOGI provisions are enshrined in the context of the prohibition of discrimination “on the basis of sexual orientation”, while the concept of “gender identity” is not applied in EU primary law documents. The court decisions of the ECHR, which have the status of an independent source of EU law, are also characterized by inconsistency regarding SOGI terminology. Finally, data are provided confirming that there is no consensus among member states on the issue of legalizing a new gender strategy in the EU, many of which are taking regulatory measures to protect traditional institutions and values of family and marriage. An analysis of EU documents and policies shows that the EU’s declared priorities for expanding the new gender agenda and statements on the need to overcome the national veto on gender strategy issues indicate that the EU will begin the comprehensive implementation of the SOGI approach in the very near future.

Keywords: EU, new gender strategy, SOGI, sexual orientation and gender identity

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FSWZ-2023-0031).

For citation: Ustinkin, S.V. Gaikovich, & E.K. Razvadovskaya (2025) Transformation of the EU gender strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 83. pp. 245–000. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/83/22

Статья посвящена рассмотрению процесса трансформации гендерной стратегии ЕС, где под трансформацией понимается новая гендерная политика, направленная на легализацию терминологии и смыслов SOGI-подхода (англ. sexual orientation and gender identity – сексуальная ориентация и гендерная идентичность), отменяющего общепринятые бинарные смыслы в вопросе гендерного равноправия. Акценты в гендерном вопросе смещаются в сторону новых трактовок полового, семейного, брачного и репродуктивного поведения человека, рассматриваемых не через призму естественной половой принадлежности, а определяемых по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Данный подход отличается от бинарных представлений равноправия между мужчинами и женщинами, закрепленных в положениях Устава ООН [1], Всеобщей декларации прав человека [2], Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [3], Римского статута Международного уголовного суда [4], однако частично закреплен на уровне Стамбульской конвенции [5].

SOGI-подход является доминирующим в научном дискурсе ЕС с момента начала антидискриминационной кампании в поддержку SOGI-сообществ в 2013 г. Известны случаи преследования ученых, критикующих SOGI-подход (К. Сток, Е. Будзыньска, У. Кучера). По мнению Р. Борба, представители антигендеризма «создают проблемы для расширения прав и возможностей женщин, квір-, транс- и небинарных людей» [6. Р. 57–79]. Д. Косцеша полагает,

что двоичные бинарные формулировки «ставят в невыгодное положение трансгендерных, недвоичных и интерсексуальных индивидуумов» [7. Р. 1–16]. Л.Ж. Тин настаивает, что необходимо реформировать патриархальный порядок в науке, который приводит к дискриминации, гомофобии, бифобии и трансфобии [8]. Дж. Гиббинс определяет ключевую задачу государства в поддержке гендерного разнообразия [9].

М. Белл подтверждает, что сексуальная и гендерная проблематика «перенастроила политическую повестку, социологию, право, культуру» [10. С. 58–67]. М. Уэйтс отмечает угрозу оспаривания глобального дискурса о правах человека со стороны SOGI-сообщества [11. Р. 137–156]. Р. Андерсон выступает против антидискриминационных SOGI-законов: «Закон должен оставлять людям свободу совершать поступки, основанные на убеждении, что мы созданы мужчиной и женщиной» [12]. М. Гонсалес полагает, что «нельзя одобрять не соответствующие действительности концепции, такие как гендерная идентичность», поскольку «биология определяет пол, а не субъективные убеждения» [13]. В. Сухр отмечает, что в практике международного уголовного суда, понятие «гендер» применяется как характеризующее мужское и женское, даже в отношении лиц, идентифицирующих себя иначе [14].

До конца 2000-х гг. ЕС придерживался традиционного гендерного подхода в трактовках проблемы равноправия между мужчинами и женщинами. Первоначально вопросы реализации прав регламентировались трудовым законодательством ЕС конца 60-х – начала 70-х гг., в котором рассматривались традиционно в контексте положения Устава ООН о равноправии между мужчинами и женщинами [15].

По данным Л. Паподополу, SOGI-терминология впервые была использована в решениях Европейского суда по правам человека, столкнувшегося с судебными исками однополых партнеров и трансгендерных людей. Согласно ее данным, ЕСПЧ склонялся к вынесению положительных решений только в отношении лиц, прибегнувших к медицинской операции по перемене пола, признавалось, что смена половой принадлежности не может являться поводом для дискриминации. Разногласия вызывали иски, связанные с вопросами гендерной самоидентификации и донорством крови гомосексуалистами. ЕСПЧ предпочитал оставлять данные дела в ведомстве национальных законодательств. И сегодня решения ЕСПЧ в отношении исков, связанных с дискриминацией по признаку гендерной самоидентификации, отличаются противоречивостью. В отдельных решениях ЕСПЧ признавал дискриминацию по признаку пола также относящейся к людям, которые прошли смену гендера. В правовой системе ЕС это может быть истолковано таким образом, что все законы ЕС о дискриминации по признаку пола являются применимыми и к трансгендерным людям. В то же время существуют прецеденты, когда ЕСПЧ принимал решения, которые истолковывались SOGI-сообществом как дискриминационные. Например, в деле «P. v S. and Cornwall Country Council» ЕСПЧ принял решение, согласно которому «увольнение человека по причине того, что он является транссексуалом или подвергся операции по перемене пола, не является дискриминацией по признаку пола» [11. Р. 1–15; 23].

Долгое время права гомосексуалистов и однополых партнерств в ЕС не являлись предметом правового регулирования. Ситуация изменилась с при-

нятием Амстердамского договора 1997 г., в нем появилась компетенция борьбы против дискриминации как отдельной области и части защиты принципа равенства ЕС. В Амстердамском договоре 1997 г. (ст. 13, п. 6а) [16] и Директиве Совета 2000/78 ЕС 2000 г. были установлены «общие рамки равного обращения в сфере занятости», впервые была закреплена формулировка дискриминации «по признаку сексуальной ориентации». Были предложены правовые инструменты защиты гомосексуалистов и однополых партнерств, закреплено право на равное обращение «по признаку сексуальной ориентации» (пп. 11, 12, 23, 26, 29, 31) [18].

В Амстердамском договоре 1997 г. наравне с формулировками о гарантиях равноправия между мужчинами и женщинами в трудовой жизни и оплате труда без дискриминации по признаку пола (ст. 119) в ст. 13 уточняется, что борьба с дискриминацией также должна вестись по признаку сексуальной ориентации [16]. Хартия ЕС об основных правах 2000 г. запретила дискриминацию, в том числе по признаку сексуальной ориентации (ст. 21). В то же время в ст. 23 используется традиционная бинарная терминология в положениях о достижении гендерного равноправия [1]. С принятием Директивы 2006/54 и Лиссабонского договора 2007 г. появилось сразу несколько положений о борьбе с дискриминацией «по признаку пола и сексуальной ориентации» [17, 18]. Несмотря на то, что в ст. 1а использовались традиционные бинарные формулировки, в ст. 5b Лиссабонского договора говорится о том, что ЕС стремится бороться с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации [18].

С принятием в 2010 г. Резолюции «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности» [19], Совет Европы призвал ЕС к активным мерам по легализации SOGI-терминологии, борьбе с гомофобией и дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, требуя недискриминации в сфере занятости, образовании, здравоохранении, социальной защите и доступе к товарам и услугам. Европарламент призвал Еврокомиссию принять меры, чтобы «обеспечить ЛГБТИ-людям свободу собраний и выражения мнений, особенно в отношении парадов, борьбы с преступлениями на почве ненависти [20. С. 1–15].

С 2016 г. в ЕС начата работа по пересмотру законов и политики «в отношении гендерной идентичности и/или половых характеристик» [21]. По многим аспектам данной работы ЕС руководствуется рекомендацией Совета Европы «О мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности» 2010 г. [22], в которой определены меры для борьбы против дискриминации и обеспечения уважения к ЛГБТ через правовую защиту, поощрения терпимости в школах и спортивных учреждениях, повышения осведомленности о дискриминации и нетерпимости. По результатам публикуется сборник прецедентов права «Отчет о правовом признании гендерной идентичности в Европе», авторы которого полагают, что «прогресс в юридическом признании гендерной идентичности в Европе крайне медленный, по этой причине необходимы дальнейшие усилия в гражданских аспектах и правах человека» [23].

SOGI-сообщество стремится добиться принятия законов во всех государствах Европы, согласно которым для подтверждения гендерной идентичности не требуется прохождения экспертизы и операций, а также принятия за-

конов о смене гендерной идентичности для детей и подростков, включении маркеров о гендерной идентичности в удостоверения личности [23]. Европарламент осуществляет мониторинг «Дорожной карты ЕС против гомофобии и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности» 2014 г., призывая Еврокомиссию к активной реализации обозначенных мер по обеспечению равенства ЛГБТ, данные о которых публикуются в отчете «Права ЛГБТИК в Европейском Союзе» [24].

В 2018 г. была принята Резолюция о росте неофашистского насилия в Европе, в которой ЕС по сути приравнял преступления, мотивированные ЛГБТ-нетерпимостью, к фашизму: «Принимая во внимание, что неофашистские группы унесли жизни тысяч людей, таких как беженцы, иммигранты, этнические и религиозные меньшинства, ЛГБТИК, правозащитники, активисты, политики, сотрудники полиции» [25].

В 2020 г. Европейская комиссия приняла «Стратегию о расширении прав ЛГБТ-сообщества на 2020–2025 гг.», в которой главными целями определены преодоление дискриминации и гомофобии, легализация однополых браков во всех государствах ЕС [26]. В 2021 г. Европарламент принял Резолюцию, в которой объявил ЕС «зоной свободы ЛГБТИК» [27] в ответ на решение Польши о создании более 100 зон, свободных от ЛГБТ. В 2021 г. депутаты Европарламента выступили с требованием о присоединении ЕС к Стамбульской конвенции, а Суд ЕС постановил, что ЕС вправе ратифицировать конвенцию без единогласия в ЕС [28].

В 2023 г. борьба против дискриминации в отношении ЛГБТИ-сообщества признана частью внутренней и внешней политики ЕС [8]. Легализация SOGI-повестки является одним из критериев для стран, ищущих вступления в ЕС, например, одним из условий вступления в ЕС Украины является легализация однополых браков и защита от преступлений по признаку SOGI (законопроекты № 9103, 5488) [29].

На национальном уровне принимается антидискриминационное законодательство. Во Франции утвержден закон «О противодействии разжиганию ненависти в Интернете». Закон запрещает высказывания, разжигающие ненависть по признаку сексуальной ориентации и пола [30]. Бельгия ввела запрет на лечение гомосексуалистов с помощью конверсионной терапии с наказанием сроком до двух лет лишения свободы. Разрабатывается юридическая база для выявления дискриминации в системах искусственного интеллекта, которая, согласно данным разработчиков, позволит «дать людям больше свободы в определении собственной гендерной идентичности за пределами упрощенной бинарности „мужчина“ и „женщина“» [31].

Основными органами ЕС, ответственными за реализацию новой гендерной стратегии, являются Еврокомиссия и агентство «Европейский институт гендерного равенства». Под их эгидой реализуется стратегия создания «гендерно-чувствительных парламентов» – рабочие группы, парламентские лидеры, представители партий и департаментов, координаторы должны учитывать новые гендерные аспекты в своей работе: «Убедитесь, что женщины и мужчины с разным происхождением с точки зрения возраста, расы, этнической принадлежности, религии, семейного положения, сексуальной ориентации... являются частью группы или комитета высокого уровня»; «пол и гендер не означает одно и то же... в то время как пол относится к биологическим

различиям, гендер относится к социальным различиям, которые могут быть изменены, поскольку гендерная идентичность, роли и отношения определяются обществом» [32].

На уровне национальных правительств в Швеции создано Министерство гендерного равенства; в Германии – должность пресс-секретаря по гендерным вопросам; в Бельгии – должность государственного секретаря по вопросам гендерного равенства, равных возможностей и разнообразия; во Франции – должность министра по вопросам гендерного равенства, разнообразия и равных возможностей в составе Министерства по правам женщин; в Великобритании – Рабочая группа по вопросам транссексуалов, изучающая препятствия для осуществления трансгендерными людьми прав человека [21]; в Австрии – рабочая группа «Трансгендерные лица в пенитенциарной системе»; в Хорватии – рабочая группа для разработки рекомендаций по мерам улучшения прав трансгендерных лиц в различных областях политики.

Формируется принудительный аппарат реализации новой гендерной стратегии ЕС. Неоднократны случаи применения на уровне руководства ЕС штрафов, лишения субсидий, инициирования судебных исков в отношении государств, выступающих против SOGI-повестки. В 2021 г. ЕС подала судебный иск против Венгрии и Польши в ответ на принятие национальных законов, ограничивающих пропаганду идеологии ЛГБТ [33]. Суд ЕС на постоянной основе выдает предписания в адрес национальных правительств по вопросам дискриминации и гендерного насилия в отношении SOGI-меньшинств.

В отдельных государствах – членах ЕС критика новой гендерной идеологии является уголовно наказуемым преступлением. На референдуме в Швейцарии принят закон об уголовном наказании за дискриминацию по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности; в Норвегии и Финляндии – уголовное наказание за критику гомосексуализма; в Германии – уголовное наказание за отказ родителей от программ полового воспитания; во Франции, в Германии, на Мальте – ответственность за осуществление конверсионной терапии в соответствии с резолюцией Европарламента 2018 г., осудившей конверсионную терапию. Некоторые государства ввели юридическое признание пола для несовершеннолетних. Приняты политические решения о запрете на распространение правовой, научной и медицинской информации о гомосексуализме, например, французский закон «О противодействии разжиганию ненависти в Интернете». ЕС в соответствии с рекомендациями Совета Европы планирует интенсификацию оформления системы институтов и стратегии полового обучения детей на основе SOGI-принципов. Отмечается, что «международные стандарты в области прав человека, касающиеся права на свободу религии или убеждений, не дают родителям права забирать детей с занятий по сексуальному просвещению» [34].

В то же время между государствами – членами ЕС отсутствует консенсус по вопросу легализации новой гендерной стратегии, а также о пределах вмешательства ЕС в суверенитет национальных государств. Правительствами государств-членов, которые не признают SOGI-подход прогрессивным, предпринимаются меры по ограничению пропаганды гомосексуализма и трансгендерной идеологии среди несовершеннолетних (Венгрия, Болгария, Литва, Молдова). Некоторыми странами закреплено правовое определение брака как

союза мужчины и женщины (Венгрия, Хорватия, Польша, Латвия, Литва, Словакия, Болгария). Наблюдается отказ от легализации однополых браков (Болгария, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Эстония). Италия отказывается от легализации программ полового воспитания детей. Введены запреты на программы усыновления детей гомосексуалистами (Швеция, Венгрия); операции по смене пола для детей (Швеция); применение блокаторов полового созревания для детей (Великобритания, Северная Ирландия); донорство гомосексуалистами крови (Германия, Австрия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Словения, Хорватия); несение воинской службы (Болгария, Румыния, Греция, Венгрия, Польша, Португалия, Литва, Мальта, Словакия, Кипр).

Таким образом, SOGI-подход признается центральным в ЕС пока только на уровне политической риторики и документов вторичного права. В документах первичного права ЕС, например в Лиссабонском договоре, SOGI-положения закреплены только в контексте запрета дискриминации «по признаку сексуальной ориентации», в то время как понятие «гендерная идентичность» не применяется ни в одном из документов первичного права ЕС. Судебные решения ЕСПЧ характеризуются противоречивостью в отношении SOGI-терминологии. Несмотря на отсутствие консенсуса между государствами ЕС по вопросу легализации новой гендерной стратегии, декларируемые ЕС приоритеты о расширении гендерной повестки и заявления о необходимости преодоления национального права вето в вопросах гендерной политики свидетельствуют о том, что ЕС в самое ближайшее время приступит к всесторонней реализации SOGI-подхода.

Список источников

1. *Charter of fundamental rights of the European Union* (2000/C 364/01) (2000). URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed: 5th November 2024).
2. *Universal Declaration of Human Rights* 1948 (1948). URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights.html> (accessed: 5th November 2024).
3. *The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women* (1979). URL: <https://archive.org/details/5975816-National-Security-Archive-Convention-on-the> (accessed: 5th November 2024).
4. *Rome Statute of the International Criminal Court* of 17 July 1998 (1998). URL: https://archive.org/details/rome_statute_english (accessed: 5th November 2024).
5. *Istanbul Convention Action against violence against women and domestic violence* (2011). URL: <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/text-of-the-convention> (accessed: 5th November 2024).
6. Borba R. Enregistering “gender ideology”: The emergence and circulation of a transnational anti-gender language // *Journal of Language and Sexuality*. 2022. Vol. 11, № 1. P. 57–79. doi: 10.1075/jls.21003.bor
7. Kosciuszka A.J. Intersectional gender measurement: proposing a new metric for gender identity and gender experience // *Feminist Media Studies*. 2022. Vol. 23, № 8. P. 1–16. doi: 10.1080/14680777.2021.2018008
8. Tin L.G. *The Dictionary of Homophobia: A Global History of Gay & Lesbian Experience*. Arsenal Pulp Press, 2008. 496 p.
9. Gibbins J.R. *Sexuality and the law: The body as politics. Politics of Sexuality* (1998). URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203169445-11/sexuality-law-body-politics-john-gibbins> (accessed: 5th November 2024).
10. Bell M. Sexual orientation and anti-discrimination policy: the European Community // *Politics of sexuality: identity, gender, citizenship* / eds. Carver T., Mottier V. London : Routledge, 1998. P. 58–67.
11. Waites M. Critique of “Sexual Orientation” and “Gender Identity” in Human Rights Discourse: Global Queer Politics beyond the Yogyakarta Principles // *Contemporary Politics*. 2009. Vol. 15, № 1. P. 137–156. doi: 10.1080/13569770802709604

12. *Anderson R.* How to Think about Sexual Orientation and Gender Identity (SOGI) // The Heritage Foundation. 2017. № 3194. URL: <https://www.heritage.org/marriage-and-family/report/how-think-about-sexual-orientation-and-gender-identity-sogi-policies-and> (accessed: 5th November 2024).
13. *Gonzalez M.* Even the Census Bureau is trying to promote radical Gender ideology // The Heritage Foundation. 2023, Nov. 17.
14. *Suhr V.V.* Gender-Based Persecution of Sexual and Gender Minorities // Rainbow Jurisdiction at the International Criminal Court. 2022) January. doi: 10.1007/978-94-6265-483-9_6
15. *United Nations Charter* (full text) (1945). URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 5th November 2024).
16. *Treaty of Amsterdam* mending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts (97/C 340/01) (1997). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT> (accessed: 5th November 2024).
17. *Directive 2006/54/EC* of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on the implementation of the principle of equal opportunities and equal treatment of men and women in matters of employment and occupation (recast) (2006). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32006L0054> (accessed: 5th November 2024).
18. *Treaty of Lisbon* amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community (2007). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTEXT> (accessed: 5th November 2024).
19. *Discrimination* on the basis of sexual orientation and gender identity: Resolution 1728 (2010). URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17853&lang=en> (accessed: 5th November 2024).
20. *Papadopoulou L.* Sexual Orientation and Gender Identity Law in the European Union and Its Court of Justice. Oxford University Press, 2023. P. 51. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3305093 (accessed: 5th November 2024).
21. *Legislation* and policies on gender identity and sex characteristics // European Commission. 2016. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/redirection/document/43059> (accessed: 5th November 2024).
22. *Recommendation* on measures to combat discrimination on grounds of sexual orientation or gender identity (2010). URL: <https://www.coe.int/en/web/youth/-/recommendation-on-measures-to-combat-discrimination-on-grounds-of-sexual-orientation-or-gender-identity> (accessed: 5th November 2024).
23. *New Report on Legal Gender Recognition in Europe* (2022). URL: <https://www.coe.int/en/web/sogi/-/new-report-on-legal-gender-recognition-in-europe> (accessed: 5th November 2024).
24. *The rights of LGBTI people in the European Union* (2023). URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747896/EPRS_BRI\(2023\)747896_EN.pdf/](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747896/EPRS_BRI(2023)747896_EN.pdf/) (accessed: 5th November 2024).
25. *European Parliament* resolution of 25 October 2018 on the rise of neo-fascist violence in Europe (2018). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0428_EN.html?redirect (accessed: 5th November 2024).
26. *27 LGBTIQ Equality Strategy 2020-2025* (2020). URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/lesbian-gay-bi-trans-and-intersex-equality/lgbtiq-equality-strategy-2020-2025_en (accessed: 5th November 2024).
27. *European Parliament* resolution of 11 March 2021 on the declaration of the EU as an LGBTIQ Freedom Zone (2021/2557(RSP) (2021). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0089_EN.html (accessed: 5th November 2024).
28. *Violence against women: MEPs demand the EU ratify the Istanbul Convention* // Nieuws Europees Parlement. 2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/nl/press-room/20230210IPR74805/violence-against-women-meps-demand-the-eu-ratify-the-istanbul-convention> (accessed: 5th November 2024).
29. *Ukraine, LGBTI Rights and joining the EU* (2024). ILGA Europe. URL: <https://www.ilga-europe.org/blog/ukraine-lgbti-rights-and-joining-the-eu/> (accessed: 5th November 2024).
30. *Proposition de loi* visant à lutter contre la haine sur internet (2019). Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 20 mars 2019. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/l15b1785_proposition-loi.pdf (accessed: 5th November 2024).
31. *Leufer D.* Computers are binary, people are not: how AI systems undermine LGBTQ identity // Accessnow. 2023. URL: <https://www.accessnow.org/how-ai-systems-undermine-lgbtq-identity/> (accessed: 5th November 2024).

32. *Gender-sensitive* Parliaments. EUGE (2024). URL: <https://eige.europa.eu/gender-mainstreaming/toolkits/gender-sensitive-parliaments/action-plan/before-starting-action-plan/supporting-structures> (accessed: 5th November 2024).

33. *EU launches legal action against Poland and Hungary over LGBT rights* // Notes from Poland. 2021. A URL: <https://notesfrompoland.com/2021/07/15/eu-launches-legal-action-against-poland-and-hungary-over-lgbt-rights/> (accessed: 5th November 2024).

34. *Comprehensive sexuality education protects children and helps build a safer, inclusive society* // Council of Europe. 2020. URL: <https://www.coe.int/en/web/genderequality/-/comprehensive-sexuality-education-protects-children-and-helps-build-a-safer-inclusive-society> (accessed: 5th November 2024).

References

1. EU. (2000) *Charter of fundamental rights of the European Union (2000/C 364/01)*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (Accessed: 5th November 2024).

2. *Universal Declaration of Human Rights 1948*. (1948) [Online] Available from: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rightshtml> (Accessed: 5th November 2024).

3. *The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women*. (1979). [Online] Available from: <https://archive.org/details/5975816-National-Security-Archive-Convention-on-the> (Accessed: 5th November 2024).

4. *Rome Statute of the International Criminal Court of 17 July 1998*. (1998) [Online] Available from: https://archive.org/details/rome_statute_english (Accessed: 5th November 2024).

5. *Istanbul Convention Action Against Violence Against Women and Domestic Violence*. (2011) [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention/text-of-the-convention> (Accessed: 5th November 2024).

6. Borba, R. (2022) Enregistering “gender ideology”: The emergence and circulation of a transnational anti-gender language. *Journal of Language and Sexuality*. 11(1). pp. 57–79. DOI: 10.1075/jls.21003.bor

7. Kosciuszka, A.J. (2022) Intersectional gender measurement: proposing a new metric for gender identity and gender experience. *Feminist Media Studies*. 23(8). pp. 1–16. DOI: 10.1080/14680777.2021.2018008

8. Tin, L.G. (2008) *The Dictionary of Homophobia: A Global History of Gay & Lesbian Experience*. Arsenal Pulp Press.

9. Gibbins, J.R. (1998) *Sexuality and the Law: The Body as Politics. Politics of Sexuality*. [Online] Available from: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780203169445-11/sexuality-law-body-politics-john-gibbins> (Accessed: 5th November 2024).

10. Bell, M. (1998) Sexual orientation and anti-discrimination policy: the European Community. In: Carver, T. & Mottier, V. (eds) *Politics of Sexuality: Identity, Gender, Citizenship*. London: Routledge. P. 58–67.

11. Waites, M. (2009) Critique of “Sexual Orientation” and “Gender Identity” in Human Rights Discourse: Global Queer Politics beyond the Yogyakarta Principles. *Contemporary Politics*. 15(1). pp. 137–156. DOI: 10.1080/13569770802709604

12. Anderson, R. (2017) How to Think about Sexual Orientation and Gender Identity (SOGI). *The Heritage Foundation*. 3194. [Online] Available from: <https://www.heritage.org/marriage-and-family/report/how-think-about-sexual-orientation-and-gender-identity-sogi-policies-and> (Accessed: 5th November 2024).

13. Gonzalez, M. (2023) Even the Census Bureau is trying to promote radical gender ideology. *The Heritage Foundation*. 17.

14. Suhr, V.V. (2022). Gender-Based Persecution of Sexual and Gender Minorities. In: *Rainbow Jurisdiction at the International Criminal Court*. International Criminal Justice Series. Vol 30. T.M.C. Asser Press, The Hague. DOI: 10.1007/978-94-6265-483-9_6

15. *United Nations Charter (full text)*. (1945). [Online] Available from: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (Accessed: 5th November 2024).

16. EU. (1997) *Treaty of Amsterdam mending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts (97/C 340/01)*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT> (Accessed: 5th November 2024).

17. EU. (2006) *Directive 2006/54/EC of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on the implementation of the principle of equal opportunities and equal treatment of men and*

women in matters of employment and occupation (recast). [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32006L0054> (Accessed: 5th November 2024).

18. EU. (2007) *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (Accessed: 5th November 2024).

19. Council of Europe. (2010) *Discrimination on the basis of sexual orientation and gender identity: Resolution 1728*. [Online] Available from: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17853&lang=en> (Accessed: 5th November 2024).

20. Papadopoulou, L. (2023) *Sexual Orientation and Gender Identity Law in the European Union and Its Court of Justice*. Oxford University Press. p. 51. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3305093 (Accessed: 5th November 2024).

21. European Commission. (2016) *Legislation and policies on gender identity and sex characteristics*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/newsroom/redirection/document/43059> (Accessed: 5th November 2024).

22. Council of Europe. (2010) *Recommendation on measures to combat discrimination on grounds of sexual orientation or gender identity*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/youth/-/recommendation-on-measures-to-combat-discrimination-on-grounds-of-sexual-orientation-or-gender-identity> (Accessed: 5th November 2024).

23. Council of Europe. (2022) *New Report on Legal Gender Recognition in Europe*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/sogi/-/new-report-on-legal-gender-recognition-in-europe> (Accessed: 5th November 2024).

24. The EU Parliament. (2023) *The rights of LGBTI people in the European Union*. [Online] Available from: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747896/EPRS_BRI\(2023\)747896_EN.pdf/](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2023/747896/EPRS_BRI(2023)747896_EN.pdf/) (Accessed: 5th November 2024).

25. The EU Parliament. (2018) *European Parliament resolution of 25 October 2018 on the rise of neo-fascist violence in Europe*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0428_EN.html?redirect (Accessed: 5th November 2024).

26. EU. (2020) *LGBTIQ Equality Strategy 2020–2025*. [Online] Available from: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/lesbian-gay-bi-trans-and-intersex-equality/lgbtiq-equality-strategy-2020-2025_en (Accessed: 5th November 2024).

27. The EU Parliament. (2021) *European Parliament resolution of 11 March 2021 on the declaration of the EU as an LGBTIQ Freedom Zone (2021/2557(RSP))*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0089_EN.html (Accessed: 5th November 2024).

28. Nieuws Europees Parlement. (2023) *Violence against women: MEPs demand the EU ratify the Istanbul Convention*. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/news/nl/press-room/20230210IPR74805/violence-against-women-meps-demand-the-eu-ratify-the-istanbul-convention> (Accessed: 5th November 2024).

29. ILGA Europe. (2024) *Ukraine, LGBTI Rights and joining the EU*. [Online] Available from: <https://www.ilga-europe.org/blog/ukraine-lgbti-rights-and-joining-the-eu/> (Accessed: 5th November 2024).

30. France. (2019) *Proposition de loi visant à lutter contre la haine sur internet. Enregistré à la Présidence de l'Assemblée nationale le 20 mars 2019*. [Online] Available from: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/l15b1785_proposition-loi.pdf (Accessed: 5th November 2024).

31. Leufer, D. (2023) *Computers are binary, people are not: how AI systems undermine LGBTQ identity*. [Online] Available from: <https://www.accessnow.org/how-ai-systems-undermine-lgbtq-identity/> (Accessed: 5th November 2024).

32. EUGE. (2024) *Gender-sensitive Parliaments*. [Online] Available from: <https://eige.europa.eu/gender-mainstreaming/toolkits/gender-sensitive-parliaments/action-plan/before-starting-action-plan/supporting-structures> (Accessed: 5th November 2024).

33. Poland. (2021) *EU launches legal action against Poland and Hungary over LGBT rights*. [Online] Available from: <https://notesfrompoland.com/2021/07/15/eu-launches-legal-action-against-poland-and-hungary-over-lgbt-rights/> (accessed: 5th November 2024).

34. Council of Europe. (2020) *Comprehensive sexuality education protects children and helps build a safer, inclusive society*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/genderequality/-/comprehensive-sexuality-education-protects-children-and-helps-build-a-safer-inclusive-society> (Accessed: 5th November 2024).

Сведения об авторах:

Устинкин С.В. – доктор исторических наук, профессор, директор Приволжского филиала ФНИСЦ РАН (Нижний Новгород, Российская Федерация); директор международной междисциплинарной НИЛ «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Российская Федерация). E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Гайкович Е.К. – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник международной междисциплинарной НИЛ «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Российская Федерация). E-mail: ekaterina-gaikovich@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ustinkin S.V. – Dr. Sci. (History), full professor, director of the Volga Branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation); director of the international interdisciplinary research laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes”, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sv.ustinkin@gmail.com

Gaikovich E.K. – Dr. Sci. (Political Science), docent, leading researcher of the international interdisciplinary research laboratory “Study of World and Regional Socio-Political Processes”, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: ekaterina-gaikovich@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 24.01.2025; принята к публикации 24.02.2025
The article was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 24.01.2025; accepted for publication 24.02.2025*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2024. № 83

Редакторы *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 24.03.2025 г. Дата выхода в свет 01.04.2025 г.

Формат 70х100^{1/16}. Печ. л. 16; усл. печ. л. 20,8; уч.-изд. л. 22.

Тираж 50 экз. Заказ № 6276. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru